

4

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

том 1

Сборник фантастических произведений

Перевод с английского

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1992

ББК 84.7 США
Ф24

Составитель А. Сазонов

Оформление художника
Н. ЗУБКОВА

Ф $\frac{4703010100}{022(01)-92}$ без объявл.

ISBN 5-7012-0311-5

© Название серии, составление А. Сазонова
© Оформление Н. Зубкова

ФИЛИП ДЖ. ФАРМЕР

СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

книга 1

Перевод с английского

Глава I

Из-за закрытых дверей раздались какие-то звуки, как будто трубили в рог. Незамысловатая мелодия из семи нот прозвучала очень тихо, словно доносилась издалека.

Роберт Вольф знал, что за раздвижными дверьми не может быть ни рога, ни трубящего в него человека. Минуту назад он заглядывал в этот стенной шкаф. Там не было ничего, кроме цементного пола, белых оштукатуренных стен, крючков для одежды, полки и лампочки.

И все же он слышал эти трубные звуки, такие слабые, словно из другого мира. Он был один, так что ему не с кем было посоветоваться относительно реальности того, что, как он знал, не могло быть реальным. Комната, в которой он стоял была совсем неподходящим местом для слуховых галлюцинаций. Но он мог быть отнюдь не маловероятной личностью, способной испытать его. Но Роберт сомневался в себе. В последнее время его беспокоили странные и непонятные сновидения. В дневное время в его мозгу возникали странные мысли и мимолетные образы, молниеносные, но живые и даже поразительные.

Они были нежеланными, неожиданными и неудержимыми.

Он был встревожен. Быть готовым уйти на покой, а потом пострадать от психического срыва казалось нечестным.

Однако это могло случиться с ним, как случилось с другими. Следовало бы сделать одно: дать обследовать себя врачу. Но Роберт не мог заставить себя действовать так, как требовал разум. Он продолжал ждать и никому ничего не говорил, и всего меньше—своей жене.

Теперь Вольф стоял в комнате отдыха нового дома в районе новостроек «Хохокам Хоумс», уставившись на двери стенного шкафа. Если рог протрубит вновь, он отодвинет дверь и убедится, что там ничего нет. И тогда, зная, что звуки возникают в его собственном больном мозгу, он забудет о покупке этого дома. Он проигнорирует истерические протесты жены и увидится сперва с доктором, а потом с психотерапевтом.

—Роберт!—позвала его жена.—Разве ты не достаточно долго пробыл внизу? Поднимайся сюда. Я хочу поговорить с тобой и мистером Брессоном.

—Минутку, дорогая,—отозвался он.

Она позвала опять, на этот раз ее голос прозвучал так близко, что он обернулся. Бренда Вольф стояла наверху лестницы, ведущей

в комнату отдыха. Ей было столько же, сколько и ему—шестьдесят шесть. Вся красота, какая у нее некогда имелась, была теперь погребена под слоем жира, под густо нарумяненными и напудренными морщинами, толстыми очками и голубовато-стальными волосами.

Он вздрогнул взглянув на нее, как вздрагивал всякий раз, когда смотрел в зеркало и видел свою собственную плешивую голову, глубокие складки от носа до рта и густую сеть морщин расходящихся от покрасневших глаз. Не в этом ли его беда? Был ли он в состоянии приспособиться к тому, что приходит ко всем людям, нравится им это или нет?

Или дело в том, что ему не нравилось в своей жене и в себе самом не ухудшение физического состояния, а знание, что ни он, ни Бренда не реализовали мечты своей юности? Было никак нельзя избежать следов «напильника времени» на теле, но время было милостиво к нему, позволив жить так долго. Он не мог сослаться на краткий срок жизни в качестве оправдания за то, что не был красив душою. Мир нельзя было винить в том, кем он был.

Ответственен он, и только он, по крайней мере, Роберт был достаточно силен, чтобы посмотреть этому факту в лицо.

Он не попрекал вселенную или ту ее часть, которая являлась его женой.

Он не визжал, не рычал и не хныкал, как Бренда.

Бывали времена, когда легко было бы захныкать или заплакать. Сколько человек не могли ничего вспомнить о периоде до двадцатилетнего возраста? Он думал, что двадцатилетнего, потому что усыновившие его Вольфы сказали, что он выглядел именно на такой возраст. Он был обнаружен стариком Вольфом, бродившим в горах Кентукки, неподалеку от границы с Индианой. Роберт не знал ни кто он такой, ни как он туда попал. Кентукки или даже Соединенные Штаты Америки ничего для него не значили, так же, как весь английский язык.

Вольфы взяли его к себе и уведомили шерифа. Проведенное властями расследование не помогло установить его личность. В другое время его история могла привлечь внимание всей страны, однако страна воевала с Кайзером и думала о более важных вещах. Роберт, названный в честь умершего сына Вольфов, помогал в работе на ферме. Он также ходил в школу, ибо потерял всякую память о своем образовании.

Хуже отсутствия формальных знаний было его неведение относительно того, как себя вести. Он то и дело смущал или оскорблял других и страдал от презрительной, а иногда и жестокой реакции жителей гор, но он быстро учился, а его готовность упорно трудиться плюс огромная сила—завоевали уважение.

В изумительно короткий срок, словно повторяя усвоенное, он обучился и закончил начальную и среднюю школу.

Затем Роберт без всякого труда сдал вступительные экзамены в университет. Там он изучал классические языки и это занятие стало любимым делом всей его жизни. Больше всего ему нравился

древнегреческий, так как задевал в нем какую-то струну, и Роберт чувствовал что этот язык ему очень близок.

Получив диплом доктора философии Чикагского университета, он преподавал потом в различных учебных заведениях. Он женился на Бренде, прекрасной девушке с замечательной душой. Так он сперва думал.

Позже иллюзии у него рассеялись, но он был все еще довольно счастлив.

Роберта, однако, всегда беспокоила тайна его амнезии и его происхождения. Долгое время она его тревожила, но потом, с уходом на покой...

—Роберт,—громко произнесла Бренда,—сейчас же поднимайся сюда! Мистер Брессон занятой человек.

—Я уверен, что у мистера Брессона было много клиентов, желавших осмотреть дом не торопясь,—мягко ответил он.—Или, наоборот, ты же приняла решение не покупать этот дом?

Бренда пронзила его взглядом, а затем ушла вперевадку, с видом оскорбленного достоинства. Он вздохнул, ибо знал, что позже она обвинит его в том, что он преднамеренно заставил ее глупо выглядеть перед агентом по продаже недвижимости.

Вольф снова повернулся к дверям стенного шкафа. Осмелится ли он открыть их?

Нелепо было стоять тут, замерев, словно в шоке. Но он не мог пошевелиться и дернулся только тогда, когда рожок снова издал семь нот, но на этот раз громче.

Сердце его глухо стукнуло о грудную кость, словно кулаком. Он заставил себя подойти к дверям, положить руку на покрытую медью выемку на уровне талии и отодвинуть дверь в сторону. Легкий шорох катков заглушил рог, когда дверь отъехала в сторону.

Белые отштукатуренные доски стены исчезли. Задняя стенка шкафа стала входом в мир, который, Роберт никак не мог себе даже вообразить.

Солнце лилось в отверстие, достаточно большое для того, чтобы он прошел через него, если бы нагнулся. Растительность, выглядевшая похожей на деревья—но не на деревья Земли—загораживала ему часть обзора. Сквозь ветви он увидел ярко-зеленое небо. Он опустил взгляд и осмотрел окружающее пространство.

У подножья гигантского валуна собралось шесть-семь кошмарных существ. Валун из красной, насыщенной кварцем породы, формой приблизительно походил на поганку.

Большинство существ с черными, лохматыми, уродливыми телами стояли, отвернувшись от него, кроме одного, демонстрировавшего свой профиль на фоне зеленого неба. Голова его грубо напоминала человеческую, а выражение лица было очень злобным. На его теле, лице и голове имелись выпуклости, комья мяса, придававшие ему полусформированный вид, словно создатель позабыл разглядеть его. Две короткие ноги походили на задние лапы собаки.

Оно протягивало свои длинные руки к молодому человеку, стоявшему на плоской вершине валуна.

Этот человек был одет только в набедренную повязку из оленьей кожи и мокасины. Он был высок, мускулист и широкоплеч. Кожа его была коричневой от загара. Густые длинные волосы были рыже-бронзовыми, лицо—с длинной верхней губой. Он держал инструмент, который, должно быть, и издавал услышанные Вольфом звуки.

Человек отбросил ударом ноги одно из уродливых существ, когда то подползло к нему, цепляясь за валун. Он снова поднес к губам серебряный рог и тут увидел стоявшего за отверстием Вольфа.

Человек широко усмехнулся, сверкнув белыми зубами.

—Так, значит, ты явился, наконец!—воскликнул он.

Вольф не шевельнулся и не ответил.

Он мог только думать: «Теперь уж я точно сошел с ума! Не просто слуховые галлюцинации, но и зрительные! Что дальше? Следует ли мне с воплем убежать или спокойно уйти и сказать Бренде, что я должен сейчас же увидаться с доктором? Сейчас же! Без промедлений, без объяснений Бренде, я еду».

Роберт шагнул назад. Отверстие начало закрываться, белые стены вновь обретали свою твердость. Или, скорее, он начинал заново обретать реальность.

—Вот!—крикнул юноша на вершине валуна.—Лови!

Он бросил рог. Несколько раз перевернувшись, отбрасывая от серебра солнечные лучи, когда свет падал на него сквозь листья, он полетел прямо к отверстию. Как раз перед тем, как стены сомкнулись друг с другом, рог прошел через отверстие и ударил Вольфа по коленям.

Тот вскрикнул от боли, ибо в резком ударе не было ничего призрачного.

Роберт увидел сквозь узкое отверстие, как рыжий поднял руку и сложил большой и указательный пальцы в виде буквы «О». Юноша ухмыльнулся и крикнул:

—Желаю удачи! Надеюсь, мы скоро встретимся! Я—Кикаха!

Словно медленно смыкающийся во сне глаз, отверстие закрывалось. Свет померк, и предметы начали терять четкость очертаний. Но он мог видеть достаточно хорошо, чтобы бросить последний взгляд, и вот тогда-то девушка и высунула голову из-за ствола дерева.

У нее были нечеловечески большие глаза по отношению к ее лицу, такие же крупные, как у кошки. Губы ее были полные и алые, а кожа—золотисто-коричневая. Густые волнистые волосы, свободно свисавшие вдоль ее лица, были в тигровую полосу: слегка зигзагообразные черные полосы почти касались земли, когда она выглянула из-за дерева.

Затем стены стали белыми, словно закатившийся глаз трупа.

Все стало, как прежде, за исключением боли в коленях и рога, лежавшего у его лодыжки.

Вольф поднял рог и повернулся чтобы осмотреть его на свету в комнате отдыха.

Хоть и ошеломленный, он больше не считал себя сумасшедшим.

Он заглянул в другую вселенную, и из нее ему было кое-что доставлено—почему и как, он не знал.

Рог был немного меньше двух с половиной футов длиной и весил меньше четверти фунта. Формой он походил на рог африканского буйвола, за исключением выходного конца, где он сильно расширился. На узкий конец был насажен мундштук из какого-то мягкого золотистого материала. Сам рог был из серебра или посеребренного металла. Пистонов у него не было, но, перевернув его, он увидел семь маленьких кнопок в один ряд.

Внутри мундштука находилась паутина из серебристых нитей. Когда рог держали к свету так, что он проникал внутрь, паутина выглядела так, словно уходила глубоко в рог.

Именно тогда свет упал на рог таким образом, что Вольф увидел то, что пропустил во время первого изучения: посередине между мундштуком и раструбом был еле заметно начертан иероглиф. Он был не похож на все ранее виденное им, а Роберт был экспертом по всем типам алфавитной письменности, идеограммам и пиктограммам.

—Роберт!—кликнула его жена.

—Сейчас поднимусь, дорогая!

Он положил рог в правый передний угол стенного шкафа и закрыл дверь. Ничего другого он сделать не мог, кроме как убежать из дома с рогом. Если он появится с ним, его будут расспрашивать и жена, и Брессон. Поскольку он вошел в дом без рога, то не мог утверждать, что тот принадлежал ему.

Брессон захочет взять инструмент под свою охрану, поскольку он был обнаружен в доме, принадлежавшем его фирме.

Вольфа терзали сомнения.

Как можно вытащить рог из дома? Что помешает Брессону привести новых клиентов, возможно, даже сегодня, которые увидят рог, как только откроют дверь стенного шкафа? Клиент может привлечь к нему внимание Брессона.

Вольф поднялся по лестнице в большую гостиную. Бренда пристально поглядела на него. Брессон, круглолицый человек в очках, лет тридцати пяти, похоже, чувствовал себя неудобно, хотя и улыбался.

—Ну, как вам понравился дом?—спросил он.

—Очень,—ответил Вольф.—Он напоминает мне дома какис, были у нас на родине.

—Мне он нравится,—сказал Брессон.—Я сам со Среднего Запада. Я могу понять, что вы можете не захотеть жить в доме типа ранчо. Не то, чтобы я их хаю. Я сам живу в таком.

Вольф взглянул в окно. Полуденное майское солнце ярко светило с голубых небес Аризоны. Лужайка была покрыта свежей бермудской травой, посаженной три недели назад, новой, как и дома в этом недавно построенном районе «Хохокам Хоумс».

—Почти все дома одноэтажные,—говорил Брессон.—Земляные рабаты в этой твердой почве стоят немалых средств, но эти дома не дороги. Во всяком случае, за то, что вы получаете.

«Если бы почву не выкопали,—подумал Вольф,—чтобы дать место для комнаты отдыха, что бы тогда увидел человек с другой стороны, когда появилось отверстие? Увидел бы он только землю и таким образом лишился бы шанса избавиться от рога? Несомненно.»

—Может, вы читали, почему мы вынуждены были задержаться с открытием этого района,—сказал Брессон.—Пока мы копали, мы обнаружили бывшее поселение хохокамов.

—Хохокамов?—переспросила миссис Вольф.—А кто они были?

—Множество приезжающих в Аризону людей никогда не слышали о них,—ответил Брессон.—Но нельзя прожить долго в районе Феникса, не натываясь на упоминания о них. Они были индейцами, жившими давным-давно в Солнечной Долине. Они могли прибыть сюда по меньшей мере 1200 лет назад. Они здесь накопили оросительные каналы, строили поселения, имели развивавшуюся цивилизацию. Но с ними что-то случилось, никто не знает, что. Они просто взяли и исчезли несколько сот лет назад. Некоторые археологи утверждают, что индейцы папаго и пима их потомки.

Миссис Вольф фыркнула и заметила:

—Я видела их. Они не выглядят так, словно могут построить что-то, кроме тех жалких глинобитных хижин в резервации.

Вольф повернулся и сказал почти грубо:

—Современные майя тоже не выглядят так, словно они могли когда-нибудь построить свои храмы или изобрести понятие нуля. Но они это сделали.

Бренда разинула рот. Мистер Брессон механически улыбнулся:

—Так или иначе, нам пришлось отложить выемку грунта, пока не поработали археологи. Это задержало строительство примерно на три месяца, но мы ничего не могли поделать, так как штат связывал нам руки.—Для вас, однако, это может стать удачей. Если бы нас не задержали, все эти дома могли быть уже распроданы. Так что все оборачивается к лучшему, а?

Он снова улыбнулся и перевел взгляд с одного на другую.

Вольф помолчал, глубоко вздохнул, зная, что услышит от Бренды, и сказал:

—Мы его берем. Мы подпишем документы прямо сейчас.

—Роберт!—взвизгнула миссис Вольф.—Ты даже не спросил меня!

—Сожалею, дорогая, но я уже принял решение.

—Ну а я—нет!

—Ну, уважаемые, нет нужды торопиться,—вмешался Брессон.

Его улыбка была отчаянной.

—Не спешите, обговорите все. Даже если придет кто-то и купит этот конкретный дом, а это может случиться прежде, чем кончится день,—они продаются, как горячие пирожки—ну есть же множество других точно в точь, как этот.

—Я хочу этот дом.

—Роберт, ты с ума сошел!—взвыла Бренда.—Я никогда не видела, чтобы ты так вел себя прежде.

—Я уступал тебе почти во всем,—бросил он.—Я хотел, чтобы

ты была счастлива. Так что теперь уступи мне в этом. Просьба не так уж велика. Кроме того, этим утром ты сказала, что хочешь дом именно такого типа, а дома «Хохокам Хоумс» — единственные такие, которые мы можем себе позволить. — Давай подпишем теперь предварительные документы. Я могу выписать чек в качестве задатка.

— Я не подпишу, Роберт.

— Почему бы вам не поехать домой и не обсудить это? — предложил Брессон. — Вы найдете меня здесь, когда придете к решению.

— Разве моя подпись недостаточно хороша? — ответил вопросом Вольф.

Все еще сохраняя напряженную улыбку, Брессон сказал:

— Я сожалею, миссис Вольф тоже должна подписать.

Бренда торжествующе улыбнулась.

— Обещайте мне, что вы не станете его больше никому показывать, — сказал Вольф. — Во всяком случае, до завтра. Если вы боитесь потерять продажу, я выпишу задаток.

— О, в этом нет необходимости.

Брессон двинулся к двери с поспешностью, выдававшей его желание выбраться из неловкой ситуации.

— Я не буду его никому показывать, пока не услышу от вас известий утром.

На обратном пути в мотель «Бэндс» ни он, ни она не разговаривали. Бренда сидела, как деревянная, глядя прямо вперед через лобовое стекло. Вольф время от времени поглядывал на нее, замечая, что нос ее, казалось, становился острее, губы тоньше.

Если она будет продолжать в том же духе, то будет выглядеть точь в точь, как толстый попугай.

Когда ее наконец прорвет, когда она заговорит, то будет кричать, как толстый попугай. Будет извергнут тот же старый, затасканный и все еще энергичный поток упреков и угроз. Она будет бранить его за то, что он все эти годы пренебрегал ею, напомнит ему напоследок, бог знает в который раз, что он сидел, уткнувшись носом в свои книги, или же практиковался в стрельбе из лука или в фехтовании, или в альпинизме — видах спорта, которые она не могла с ним разделять из-за своего артрита. Она раскрутит долгие годы несчастья, или якобы несчастья, и закончит сильно и горько плача.

Почему он не мог от нее отделаться?

Он не знал, за исключением того, что он очень сильно любил ее, когда они были молоды, а также потому, что обвинения ее были не совсем неверными. Более того, он находил мысль о расставании болезненной, даже более болезненной, чем мысль о том, чтобы остаться с ней.

И все же он имел полное право пожать плоды своих трудов в качестве профессора английского и классических языков. Теперь, когда у него было достаточно денег и досуга, он мог заняться исследованиями, которых не позволяли ему прежние обязанности. С этим аризонским домом в качестве базы он мог даже путешествовать. Или не мог? Бренда не откажется поехать с ним, фактически

она настоит на том, чтобы сопровождать его. Но ей будет настолько скучно, что его собственная жизнь станет несчастной. Он не мог винить ее в этом, потому что интересы у них были неодинаковые. Но следует ли ему бросить занятия, обогащавшие его жизнь, просто чтобы сделать ее счастливой? Особенно, если она все равно не будет счастлива?

Как он и ожидал, язык жены развязался после ужина.

Роберт слушал, пытался спокойно увещевать ее и указывать на отсутствие у нее логики, несправедливость и безосновательность ее обвинений. Все было бесполезно. Закончила она, как всегда, плачем и угрозамия оставить его или покончить с собой.

На этот раз он не уступил.

—Я хочу купить этот дом и я хочу наслаждаться жизнью так, как я запланировал,—твердо заявил он.—И все тут!

Он надел куртку и двинулся к двери.

—Я вернусь позже. Может быть.

Она завизжала и запустила в него пепельницей. Он пригнулся, и пепельница отскочила от двери, отщепив кусок дерева.

К счастью, Бренда не последовала за ним и не устроила сцену в коридоре, как, бывало, делала в предыдущих случаях.

Уже была ночь. Луна еще не взошла, и свет лился из окон motel, фонарей вдоль улиц и многочисленных фар автомобилей на бульваре Апач. Вольф вывел машину на бульвар и поехал на восток, а затем свернул на юг. Через несколько минут он был на дороге в Хохокам Хоумс. Мысль о том, что он собирался сделать, заставила его сердце забиться быстрее и сделала его кожу холодной. Это было первый раз в его жизни, когда он всерьез думал совершить преступный акт.

Хохокам Хоумс был в огнях освещения и шумным от музыки из громкоговорителей и голосов детей, игравших на улице, покуда их родители рассматривали дома.

Он поехал дальше, через Месу, развернулся и поехал обратно через Темпе до Ван Бюрена и дальше. Он срезал угол на север, потом на восток, до тех пор, пока не оказался в городке Скоттсдейл. Здесь он остановился на полтора часа в маленькой таверне. После роскоши четырех рюмок «Бэт 69» он завязал. Больше он не хотел—скорее, боялся принять больше, потому что ему не улыбалось быть пьяным, когда он начнет выполнять свой проект.

Когда он вернулся в Хохокам Хоумс, свет уже не горел, и в пустыню вернулось безмолвие. Он припарковал машину позади дома, в котором побывал в полдень. Одетым в перчатку правым кулаком Вольф разбил окно, давшее ему доступ в комнату отдыха.

К тому времени, когда он оказался внутри комнаты, он тяжело дышал и сердце его билось так, словно он пробежал несколько кварталов. Хотя и испуганный, он улыбнулся про себя. Человек, много проживший в своем воображаемом мире, он часто мнил себя взломщиком—не заурядным, конечно, а Раффизом. Теперь он знал, что его уважение к закону было слишком сильным, чтобы он стал когда-нибудь крупным преступником, или даже мелким. Со-

весть мучила его из-за этого маленького проступка, выполнение которого он считал для себя целиком оправданным.

Более того, мысль о возможной поимке чуть не заставила его плюнуть на рог.

Прожив тихую, достойную и респектабельную жизнь, он будет погублен, если его заметят. Стоил ли рог того?

Он решил, что да. Отступи он сейчас,— всю жизнь будет гадать о том, что же он упустил. Его ждало величайшее из всех приключений, такое, которого не испытывал никакой другой человек. Если он сейчас струсит, то может с таким же успехом застрелиться, ибо он будет не в состоянии вынести потери рога или самобичеваний и обвинений в отсутствии смелости.

В комнате отдыха было так темно, что он вынужден был нащупывать путь к стенному шкафу кончиками пальцев.

Обнаружив раздвигавшиеся двери—откатил левую, которую он открывал в полдень. Вольф медленно подталкивал ее локтем, чтобы избежать шума, и остановился послушать звуки снаружи дома.

Как только дверь была полностью открыта, он отступил на несколько шагов. Роберт поднес мундштук рога к губам и тихо дунул. Раздавшийся трубный звук так сильно поразил его, что он выронил инструмент. Пошарив вслепую, он обнаружил его наконец в углу помещения.

Второй раз Вольф дунул сильно. Раздалась еще одна громкая нота, не громче, чем первая. Какое-то устройство в роге, наверное, серебристая паутина за мундштуком, регулировало уровень звучания. Несколько минут он стоял в нерешительности с поднятым у рта рогом. Он пытался мысленно реконструировать точную последовательность семи слышанных им нот.

Семь маленьких кнопок на нижней стороне явно определяли различные сочетания звуков. Но он никак не мог нужную, которая, не экспериментируя и не привлекая внимания.

Роберт пожал плечами и пробормотал:

—Какого черта!

Он снова затрубил, но теперь он нажимал кнопки, задействовав сперва ближайшую к нему. Вылетели семь громких нот.

Их длительность была такой, как он помнил, но не в той последовательности.

Когда замер последний трубный звук, издаелека донесся крик. Вольф чуть было не запаниковал. Он выругался, снова поднял рог к губам и нажал на кнопки в таком порядке, который, как он надеялся, воспроизведет «сезам откройся», музыкальный ключ к другому миру.

В то же время луч фонарика пробежался по разбитому окну комнаты, а затем последовал дальше. Вольф снова затрубил.

Свет вернулся к окну. Послышались новые крики.

Вольф пробовал разные комбинации кнопок. Третья попытка завершилась мелодией, что произвел юноша на вершине валуна.

Фонарик просунули в разбитое окно. Глухой голос прорычал:

—Эй ты, там, выходи, или я буду стрелять!

Одновременно на стене появился зеленоватый свет, прорвался и выплавил дыру. Сквозь него сияла луна. Деревья и валун были видны только как силуэты на фоне зеленовато-серебряного излучения от огромного диска, у которого виден был только сегмент.

Он не стал задерживаться. Он мог бы заколебаться, если бы остался незамеченным, но теперь он знал, что должен бежать.

Другой мир предлагал неуверенность в будущем и опасность, но в этом ждал неизбежный стыд и позор. Пока сторож повторял свои требования, Вольф оставил его и свой мир позади. Ему пришлось нагнуться и высоко шагнуть, перебираясь через съезжавшуюся дыру. Когда он обернулся на другой стороне бросить последний взгляд, то смотрел сквозь отверстие не большее, чем корабельный иллюминатор. Через несколько секунд оно исчезло.

Глава II

Вольф присел на траву отдохнуть отдышаться.

Он подумал, какой иронией судьбы было бы, если бы волнение оказалось слишком велико для его шестидесятилетнего старого сердца. Умер до оказания помощи. УДОП.

Они—кто бы они ни были—вынуждены будут похоронить его и написать на могиле: «НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗЕМЛЯНИН».

Тут он почувствовал себя лучше.

Он даже засмеялся, поднимаясь на ноги.

С некоторой смелостью и уверенностью он огляделся вокруг.

Воздух был достаточно теплым, около семидесяти градусов, как прикинул он. В нем ощущались странные и очень приятные, почти фруктовые, ароматы. Кричали птицы—Вольф надеялся, что это были только они—повсюду вокруг него. Издалека доносился тихий рев, но Вольф не был испуган. Он был уверен, без всякого разумного основания для уверенности, что это был приглушенный состоянием грохот прибоя. Луна была полная и огромная, в два с половиной раза больше земной.

Небо потеряло свой дневной ярко зеленый цвет и стало, за исключением свечения луны, столь же черным, как ночное небо покинутого им мира. Множество больших звезд двигалось со скоростью и в направлениях, вызвавших у него головокружение от страха и замешательства. Одна из звезд падала к нему, становилась все больше и ярче, пока не спикировала в нескольких футах над его головой. В оранжево-желтом свете он увидел четыре громадных эллипсоидных крыла, болтающиеся тощие ноги и, силуэт головы с антеннами.

Это был светляк какой-то разновидности с размахом крыльев по меньшей мере в десять футов.

Вольф наблюдал за смещением, расширением и сокращением живых скоплений, пока не привык к ним. Он гадал, в каком направлении тронуться, и, наконец, звук прибоя заставил его решиться. Береговая линия даст определенную точку отсчета, куда бы он ни пошел после этого. Продвигался он медленно и ос-

торожно, с частыми остановками, чтобы прислушаться и изучить тени.

Поблизости хрюкнуло что-то большое.

Вольф распластался на траве в тени густого куста и постарался дышать медленно. Раздался шорох, треснул прут. Вольф поднял голову достаточно высоко, чтобы выглянуть на залитую лунным светом поляну перед ним. Огромная туша, прямая, двуногая, темная и волосатая, протащилась всего лишь в нескольких ярдах от него.

Она вдруг остановилась, и сердце Вольфа стукнуло с перебоем. Голова туши повернулась из стороны в сторону, разрешая Вольфу получить полный обзор гориллоподобного профиля. Это, однако, была не горилла—во всяком случае, не земная. Мех зверя не был сплошь черным. Перемежающиеся широкие черные и узкие белые полосы шли зигзагами по его ногам и телу. Руки его были намного короче, чем у его двойника на Земле, а ноги—не только длиннее, но и прямее. Более того, лоб, хотя и прорезанный надглазной костью, был высоким.

Он что-то пробормотал; не животный крик или стон, а последовательность четко модулированных слогов.

Зверь был не один. Зеленоватая луна освещала клочок голой кожи сбоку от Вольфа. Он принадлежал женщине, шедшей рядом с чудовищем, и плечи ее были спрятаны под его огромной правой рукой.

Вольф не видел ее лица, но он уловил достаточно, от длинных стройных ног, выпуклых ягодиц, изящной руки до длинных черных волос, чтобы гадать, была ли она такой же прекрасной спереди.

Она заговорила с гориллой голосом, похожим на звук серебряных колокольчиков. Горилла ей ответил. Затем парочка ушла с освещенного места в темноту джунглей.

Вольф встал не сразу, так как был слишком потрясен.

Наконец он поднялся на ноги и стал проталкиваться дальше через подлесок, который был не таким густым, как в земных джунглях. В самом деле, кусты были как-бы разделены.

Не будь окружающая среда такой экзотической, он бы не назвал ее джунглями. Она больше походила на парк, включая мягкую траву, такую короткую, что она казалось недавно подстриженной.

Всего лишь через несколько шагов он был напуган, когда какое-то животное фыкнуло, а затем пробежало перед ним. Он мельком увидел красноватые панты, беловатый нос, огромные бледные глаза и пятнистое тело. Оно с треском проломилось мимо него и исчезло, но спустя несколько секунд он услышал позади себя шаги. Он обернулся и увидел в нескольких футах того же оленеподобного. Когда тот увидел, что его заметили, он медленно прошел вперед и ткнулся мокрым носом в вытянутую руку Вольфа. Потом он замурлыкал и попытался потереться боком о Вольфа. Поскольку весил он, наверное, четверть тонны, это движение отталкинуло Вольфа от него.

Вольф привалился к животному, погладил его за большими чашеобразными ушами, почесал ему нос и слегка похлопал по ребрам.

Оленеподобный несколько раз лизнул его длинным мокрым и шершавым языком, таким, как у льва.

Надежды Вольфа, что зверь скоро устанет выражать свою симпатию, скоро осуществились. Зверь покинул его одним внезапным прыжком как и тот, который привел его в поле зрения.

После того, как зверь исчез, он почувствовал себя в большей безопасности. Разве было бы животное таким дружелюбным с совершенно незнакомым человеком, если бы ему приходилось опасаться плотоядных или охотников?

Рев прибора стал громче. Через десять минут он был на краю пляжа.

Там он пригнулся под широкой и высокой вайей и изучал залившую лунным светом сцену. Сам пляж был белым и, как удостоверила его вытянутая рука, состоял из очень мелкого песка.

Пляж тянулся в обе стороны, насколько хватало глаз, и ширина его между лесом и морем была около двухсот ярдов. Вдали с обеих сторон виднелись костры, вокруг которых прыгали силуэты мужчин и женщин. Их крики и смех, хоть и приглушенные расстоянием, подкрепляли его впечатление, что они, должно быть, люди.

Затем его взгляд скользнул обратно по пляжу перед ним.

Наискось от него, примерно в трехстах ярдах и почти у воды, находились два существа. При виде их у Вольфа перехватило дыхание.

Его шокировало не то, что они делали, а строение их тел.

Выше талии мужчина и женщина были такими же людьми, как и он, но в точке, где полагалось начинаться ногам, их тела сужались в хвосты с плавниками.

Вольф был не в состоянии обуздать свое любопытство. Спрятав рог в куче пушистой травы, он прокрался вдоль края джунглей. Оказавшись напротив парочки, он остановился понаблюдать. Поскольку самец и самка лежали теперь бок о бок и разговаривали, их поза позволяла Вольфу изучить их более подробно. Он убедился, что они не могли гнаться за ним по суше со сколь-нибудь приличной скоростью и не имели при себе никакого оружия. Вольф приблизился к ним. Они могли даже оказаться дружелюбными.

Очутившись почти в двадцати ярдах от них, Вольф снова остановился. Если они были русалки, то, разумеется, не полурыбы. Плавники на концах их длинных хвостов находились, в отличие от вертикальных рыбьих, в горизонтальной плоскости.

Хвосты, кажется, были без чешуи. Их тела сверху донизу покрывала гладкая коричневая кожа.

Вольф кашлянул. Они подняли головы,—самец зарычал, а самка завизжала.

Одним движением, столь быстрым, что Вольф не смог разобрать подробностей, а увидел его смазанным, они поднялись на концы хвостов и взметнули себя вверх и в волны. Луна отразилась на темной голове, ненадолго поднимавшейся из волн, и вскинутом вверх хвосте.

Прибой накатился и с шумом разбился о белый песок. Светила

огромная зеленая луна. Налетевший с моря бриз овеял его вспотевшее лицо и отправился дальше охлаждать джунгли. Позади него из темноты раздалось несколько странных криков, а с пляжа впереди донеслись звуки человеческого веселья.

Некоторое время Вольф не мог выпутаться из паутины мыслей. В речи русалки было что-то знакомое, так же, как и в речи зебриллы—новое слово, созданное им для того гориллы—и женщины. Вольф не узнал никаких отдельных слов, но звуки и взаимодействующая высота тонов разворошили что-то в его памяти. Но что? Они, безусловно, разговаривали не на каком-то когда-либо слышанном им языке. Не был ли он схожим с одним из живых языков Земли, не слышал ли он его в записи или в кино?

Рука сомкнулась на его плече, подняла его и развернула кругом. Готическая морда и пещерные глаза зебриллы ткнулись в его лицо, и в ноздри ему ударило сивушное дыхание. Зверь заговорил, и из кустов вышла женщина.

Она медленно подошла к нему, и в любое другое время у Вольфа перехватило бы дыхание при виде ее великолепного тела и прекрасного лица. К несчастью, сейчас ему было тяжело по иной причине. Гигантская обезьяна могла швырнуть его в море даже с большей легкостью и скоростью, чем показанная недавно русалками, когда те нырнули. Или же огромная рука могла сжаться на нем и сомкнуться на раздавленном мясе и раздробленных костях.

Женщина что-то сказала, и зебрилла ответил. Вот тогда-то Вольф и понял несколько слов. Их язык был родственным догомеровскому греческому, миканскому.

Вольф не разразился сразу же речью, заверяя их, что он безвреден и намерения у него добрые, хотя бы потому, что он был слишком ошарашен, чтобы мыслить достаточно ясно. К тому же, его знание греческого языка того периода было по необходимости ограниченным, даже если тот был близок эолийско-ионическому диалекту лепного аэда.

Наконец Роберт сумел издать несколько неподходящих фраз, но он был озабочен не столько смыслом, сколько тем, чтобы дать им знать, что он не собирался причинять никакого вреда.

Послушав его, зебрилла крикнул, сказал что-то девушке и опустил Вольфа на землю. Тот облегченно вздохнул, но поморщился от боли в плече. Огромная ручища монстра была могучей. Если не считать ее величины и волосатости, рука была совершенно человеческой.

Женщина дернула его за рубашку.

На лице ее было написано легкое отвращение. Только позже Вольф открыл, что отталкивало ее: она никогда раньше не видела голстого старика. Более того, ее озадачила одежда.

Она продолжала тянуть его за рубашку. Скорее, чем ждать, что она попросит снять ее с него зебриллу, он стащил ее сам.

Она с любопытством посмотрела на рубашку, понюхала ее, сказала: «Уй!», а затем сделала какой-то жест.

Хотя он предпочел бы не понять ее и еще меньше рвался под-

чиниться, он решил, что вполне может. Не было никакой причины расстраивать ее и, наверно, гневить зебриллу. Вольф сбросил одежду и ждал новых приказаний.

Женщина визгливо рассмеялась, зебрилла ответил лающим смехом и трахнул себя по бедру огромной ручищей так, что звук был, словно от рубящего дерево топора. Он и женщина обняли друг друга за талию и, истерически смеясь, пошли, пошатываясь, вперед по пляжу.

Взбешенный, униженный, опозоренный, но также и благодарный, что остался цел, Вольф снова надел брюки.

Подобрав нижнее белье, носки и ботинки, он ползл по песку обратно в джунгли. Достав рог из потайного места, он долгое время сидел, гадая, что делать. Наконец он заснул.

Он проснулся утром, с затекшими мускулами, голодный, жаждущий.

Пляж ожил. К виденным им ночью русалкам прибавилось несколько больших тюленей с ярко-оранжевыми шкурами, плюхавшихся взад-вперед по песку в погоне за янтарными шарами, а человек с выступавшими из лба бараньими рогами, мохнатыми ногами и коротким козлиным хвостом преследовал женщину, выглядевшую во многом похожей на ту, которая была с зебриллой. Волосы у нее, однако, были желтыми. Она бежала, пока рогатый человек не прыгнул на нее и, смеясь, не повалил на песок. То, что случилось после, показало Вольфу, что эти существа, должно быть, столь же не ведали чувства греха и сдерживающих начал, как Адам и Ева.

Это было более, чем интересным, но зрелище завтракавшей русалки пробудило в нем более насущные желания. Русалка держала в одной руке овальный желтый плод, в другой полусферу—похожую на скорлупу кокосового ореха.

Женский двойник мужчины с бараньими рогами сидела на корточках у костра всего лишь в несколько ярдах от Вольфа и жарила на конце палки рыбу. Запах вызвал у Вольфа слюни во рту и урчание в животе.

Сперва он должен напиться. Поскольку единственной влагой в поле зрения была вода океана, Вольф вышел на пляж и зашагал к прибору.

Прием был именно таким, какого он ожидал: удивление, отступление, в какой-то степени опасение. Все прекратили свою деятельность, какой бы важной она ни была, и уставились на него. Когда Вольф слишком приближался к некоторым из них, его встречали широко раскрытые глаза, разинутые рты и отступление. Некоторые из существ мужского пола, оставшись на месте, выглядели так, словно готовы были бежать, если он скажет «кыш». Не то, чтобы он испытывал желание бросить им вызов, поскольку самый маленький из них обладал мускулами, способными легко одолеть его усталое старое тело.

Он вошел до пояса в прибой и попробовал воду на вкус. Он видел, как другие пили ее, так что надеялся найти ее приемлемой. Она была чистой и свежей и обладала сильным, никогда раньше не испытываемым им привкусом.

Напившись до отвала, Вольф почувствовал себя так, словно получил переливание крови. Он вышел из океана и пошел назад по пляжу, в джунгли. Все вернулись к своей еде и развлечениям и хотя следили за ним нагими прямыми взглядами, ничего ему не сказали. Вольф улыбнулся им, но это, казалось, испугнуло их. В джунглях он искал и нашел такие же плоды и орехи, как те, что ела русалка. Желтый плод был на вкус, как грушевый пирог, а мякоть внутри псевдококосового ореха напоминала на вкус очень нежное мясо, смешанное с мелкими кусочками грецкого ореха. После еды Вольф чувствовал себя вполне удовлетворенным, за исключением одного: он жаждал покурить трубку. Но табак был единственным, что, кажется, отсутствовало в этом раю.

Следующие несколько дней он исследовал джунгли, проводил время в океане или поблизости от него. К тому времени обитатели пляжа привыкли к нему и даже начали смеяться, когда он появлялся по утрам. Однажды несколько мужчин и женщин набросились на него и, буйно хохоча, стащили с него одежду. Он кинулся за женщиной, убежавшей с его брюками, но она удрала в джунгли. Когда она появилась вновь, то оказалась с пустыми руками. Теперь он уже мог говорить достаточно хорошо, чтобы его поняли, если он медленно произносил фразы. Годы преподавания и изучения дали ему очень запас слов древне-греческого языка, и ему требовалось только овладеть интонацией и множеством слов, отсутствовавших в его «аутенрейте».

—Зачем ты это сделала?—спросил он прекрасную черноглазую нимфу.

—Я хотела посмотреть, что ты прячешь под этими уродливыми тряпками. Голый ты уродлив, но эти штуки на тебе заставляют тебя выглядеть еще уродливей.

—Непристойно?—осведомился он.

Она не поняла этого слова.

Он пожал плечами и подумал: «В чужой монастырь...». Только это было больше похоже на Сад Эдема. Температура днем и ночью была комфортабельной и отличалась примерно на семь градусов. Тут не возникало никаких проблем с получением разнообразной пищи, не требовалось никакой работы, не существовало никакой арендной платы, никакой политики, никакого напряжения, за исключением легко облегчаемого сексуального напряжения, никакой национальной или расовой вражды.

Не нужно было оплачивать никаких счетов. Или нужно? Основным принципом на Земле являлось положение, что за так не получали ничего. Был ли здесь он тем же самым? Кому-то полагалось бы заплатить по счету.

Ночью он спал на куче травы в большом дупле дерева. Это было не только одно из тысяч таких дупел в деревьях особого типа, предлагавших это естественное пристанище. Вольф, однако, не оставался в постели по утру. Несколько дней он вставал как раз перед рассветом и наблюдал, как прибывает солнце.

«Прибывает» было более подходящим словом, чем «восходит», ибо солнце, безусловно, не восходило. По другую сторону моря находился огромный горный гряж, настолько пространный, что Вольф не видел ему конца. Солнце всегда выходило из-за горы и было уже высоко. Оно следовало прямо через зеленое небо и не тонуло, а исчезало только когда уходило за другой конец горного кряжа.

Час спуста появлялась луна. Она тоже выходила из-за горы, проплывала на том же уровне по небесам и ускользала за другую сторону горы. Каждую вторую ночь час шел сильный дождь.

Вольф тогда обычно просыпался, потому что воздух становился немного холоднее. Он зарывался в листья и дрожал, пытаясь уснуть.

С каждой последующей ночью он находил, что сделать это становится все трудней. Он думал о своем собственном мире, об имевшихся там у него друзьях, работе, развлечениях и жене. Что подслывала теперь Бренда?

Она, несомненно, горевала по нему.

Хоть она и была слишком много раз злой, скверной и скулящей, она его любила. Его исчезновение будет для нее ударом и потерей. О ней, однако, хорошо позаботятся. Бренда всегда настаивала на том, чтобы он вносил на страховку больше, чем мог себе позволить, это не раз приводило к ссорам между ними. Затем ему пришлось в голову, что она долгое время не получит ни цента из страховки, потому что придется представить доказательства его смерти. И все же, если ей придется подождать, пока его не объявят по закону умершим, она могла прожить на сокобеспечении. Это будет означать резкое понижение ее уровня жизни, но будет достаточно, чтобы поддержать ее.

Вольф, разумеется, не имел ни малейшего намерения возвращаться. Он вновь обретал юность. Хотя он хорошо питался, но терял вес, а его мускулы становились все сильнее и тверже. У него появилась пружинистость в ногах и чувство радости, потерянное где-то в двадцать с небольшим. На седьмое утро он потерял лысину и открыл, что она покрывалась легкой щетиной. На десятое утро он проснулся с болью в деснах.

Он потирал распухшую челюсть и гадал, предстоит ли ему заболеть. Он и позабыл, что существовало такое понятие, как боль, потому что сам был крайне здоров, и никто из пляжников, как он их называл, казалось, никогда не болел. Десны продолжали изводить его всю неделю, после чего он принялся пить естественно перебродившую жидкость в «пунш-орехе». Эти плоды росли большими скоплениями высоко на вершине стройного дерева с короткими, хрупкими лиловыми ветвями и желтыми листьями. Когда дубленую кожуру ореха вскрывали острым камнем, он выделял запах винного пунша.

На вкус плод был, как дыня с тоником и примесью вишневой настойки, и действовал, как стаканчик токилы. Он подействовал отлично, убивая и боль в деснах, и вызываемое болью раздражение.

Спустя девять дней после того, как у него впервые возникли затруднения с деснами, сквозь кожу начали резаться десять крошечных белых твердых зубов. Более того, золотые пломбы в других выталкивались возвращением естественного материала.

Его плешивая прежде башка покрылась густой порослью.

И это еще не все. Плавание, бег и лазание по деревьям растопили весь жир. Выступавшие старческие вены снова утонули под гладкой твердой плотью.

Он мог бегать на длинные дистанции, не запыхавшись, не чувствуя себя так, словно его сердце вот-вот лопнет. Все это приводило его в восторг, но не без мыслей о том, почему или как это произошло.

Он спросил нескольких из пляжников об их кажущейся всеобщей юности. У них был один ответ: «Такова воля Господа».

Сперва он подумал, что они говорят о Творце, что показалось ему странным. Насколько он мог судить, у них не существовало никакой религии и уж, разумеется, никакой с какими-либо организованными подходами, ритуалами, таинствами.

—Кто такой Господь?—спрашивал он.

Он думал, что, наверное неправильно понял слово «вапакс», что оно могло слегка иное значение, чем то, которое находишь у Гомера.

Ипсевас, зебрилла, самый умный из всех, кого он пока встретил, ответил так:

—Он живет на вершине мира, за пределами Океаноса.

Ипсевас показал вверх через море на горный кряж.

—Господь живет в прекрасном и неприступном дворце на вершине мира. Именно он—тот, кто создал этот мир и создал нас. Бывало, он часто спускался повеселиться с нами. Мы поступаем, как говорит Господь, и играем с ним. Но мы всегда испытываем страх. Если он рассердится или будет недоволен, то, вероятно, убьет нас. Или хуже.

Вольф улыбнулся и кивнул. Так значит Ипсевас и другие имели не более разумное объяснение происхождения или функционирования своего мира, чем люди Земли. Но у пляжников было то, что отсутствовало на Земле. У них имелось единообразие мнений.

Все, кого он спрашивал, давали ему тот же ответ, что и зебрилла.

—Такова воля Господа. Он создал мир, он создал нас.

—Откуда ты знаешь?—спросил Вольф.

Задавая этот вопрос, он не ожидал чего-нибудь большего, чем получал в ответ на Земле. Но ему преподнесли сюрприз.

—О,—ответила русалка Пайява,—так нам рассказывал Господь. Кроме того, мать мне тоже рассказывала. А ей следовало бы знать. Господь создал ее тело. Она помнит, когда он сделал это, хотя это было так давно-предавно.

—В самом деле?—переспросил Вольф.

Он гадал, не вешает ли она ему лапшу на уши, и думал также, что было бы трудно расквитаться, сделав с ней то же самое.

—И где же твоя мать? Я хотел бы с ней поговорить.

Пайява махнула рукой на запад.

—Где-то там.

«Где-то» могло означать тысячи миль, потому что он понятия не имел, как далеко простирался пляж.

—А насколько давно?—поинтересовался Вольф.

Пайява наморщила свой прекрасный лоб и поджала губы.

«Очень заманчивые,—подумал Вольф.—И это тело!» Возвращение юности приносило с собой сильное ощущение зова тела, пола.

Пайява улыбнулась ему и сказала:

—Ты-таки проявляешь интерес ко мне, не так ли?

Он покраснел и ушел бы прочь, но хотел получить ответ на свой вопрос.

—Сколько лет прошло с тех пор, как ты видела свою мать?—снова спросил он.

Пайява не могла ответить. Слова «год» не было в ее словаре.

Он пожал плечами и быстро ушел, исчезнув за колоритной растительностью у пляжа. Она кричала ему вслед сперва лукаво, а потом сердито, когда стало очевидным, что он не собирается возвращаться. Она сделала несколько уничижительных замечаний о нем, сравнивая с другими мужчинами. Он с ней не спорил—это было бы ниже его достоинства, и, кроме того, сказанное ею было правдой. Хотя его тело быстро возвращало себе молодость и силу, оно все еще страдало от сравнения с окружавшими его почти совершенными образчиками.

Он бросил эту линию размышлений и обдумал рассказ Пайявы.

Если бы он смог обнаружить ее мать или ее ровесников, он, возможно, сумел бы побольше узнать о Господе. Он не подвергал сомнению рассказ Пайявы, который на Земле был бы невероятным. Эти люди просто-напросто не лгали. Вымысел был для них чужд. Такая правдивость имела свои преимущества, но она также означала, что они были решительно ограничены в смысле воображения и не обладали большим юмором или остроумием.

Смеялись они достаточно часто, но по очевидным и мелким поводам. Их развлечения не подымались выше фарса и грубых розыгрышей.

Вольф выругался из-за того, что ему трудно было оставаться в намеченном русле размышлений. Его сложности с сосредотачиванием, казалось, становились с каждым днем сильнее. Итак, о чем он думал, пока не сбился, на свое несчастье, из-за плохого приспособления к местному обществу? Ах, да, о матери Пайявы!

Некоторые из старейшин могли бы просветить его, если он смог бы их обнаружить. Да только как их опознать, когда все взрослые выглядели одного возраста? Имелось очень немного юнцов, наверное, трое на несколько сот встреченных им существ. Более того, среди многих здешних животных и птиц—некоторых довольно странных, к тому же—только полдюжины не были взрослыми.

Если было мало рождений,—то весы сбалансировало отсутствие смерти.

Он видел трех мертвых животных—двух погибших в результате несчастного случая, а третье во время боя с другим из-за самки. И даже это было несчастным случаем, так как потерпевший поражение самец, антилопа лимонного цвета с четырьмя изогнутыми в виде восьмерки рогами, бросился бежать и сломал шею, перепрыгивая через бревно.

Тело мертвого животного не имело шанса разложиться и издавать вонь: несколько вездесущих существ, выглядевших похожими на маленьких двуногих лисиц с белыми носами, отвисшими, как у такс, ушами и обезьяньими лапами съели труп за какой-то час. Лисы рыскали по джунглям и убирали все—плоды, орехи, ягоды, трупы. У них было пристрастие к гнилому, они бы проигнорировали свежие плоды ради побитых. Но они не диссонансом в симфонии красоты и жизни. Даже в Саду Эдема необходимы сборщики мусора.

Временами Вольф смотрел через голубой с белыми барашками волн океан на горный кряж, называвшийся Тайя Файявозд. Наверно, Господь жил там. Может быть, стоило пересечь море и подняться на грозную кручу, надеясь, что будет раскрыта какая-то тайна этой вселенной. Но чем больше он пытался прикинуть высоту гор, тем меньше ему эта мысль нравилась.

Черные скалы воспаряли все выше и выше, пока не уставал глаз и не спотыкался ум. Никакой человек не мог жить на его вершине, потому что там не было воздуха для дыхания.

Глава III

В один прекрасный день Вольф вынул серебряный рог из потайного места в дупле дерева. Пробираясь через лес, он пошел к валуну, с которого бросил рог человек, назвавшийся Кикахой. Кикаха и бугристые твари пропали из виду, словно никогда не существовали, и никто из тех, с кем он разговаривал, никогда не видел и не слышал о них.

Он вновь вступит в свой родной мир и даст ему еще один шанс. Если он сочтет, что мир Земли ближе ему, чем мир планеты-Сада, то останется там. Или, наверно, он сможет путешествовать туда-сюда и таким образом получит самое наилучшее из обоих. А когда устанет от одного, то устроит себе каникулы в другом.

По дороге он на минутку остановился по приглашению Эликопиды выпить и поболтать. Эликопида, чье имя означало «Яркоглазая», была прекрасной, великолепно сложенной дриадой. Она была ближе к «нормальному» существу, чем все, кого он пока что встречал. Если бы не темно-пурпурные волосы, то она, надлежащим образом одетая, привлекла бы к себе на Земле не больше внимания, чем то, какого обычно удостоивается очень красивая женщина.

Вдобавок, она была одной из немногих, кто мог поддерживать стоящий разговор. Она не считала, что разговор состоит из без-

удержной болтовни или громкого, беспричинного смеха и игнорирования тех, кто с ней общался. Вольф испытывал отвращение и депрессию, обнаружив, что большинство пляжников или лесовиков предпочитали всем видам беседы монолог, как бы горячо они, казалось, ни говорили и как бы общительны они ни были.

Эликопида была иной, наверное потому, что не принадлежала ни к какой «группе», хотя было более вероятным, что причиной являлось обратное. В этом мире вдоль моря туземцы, не имея даже технологии австралийских аборигенов и не нуждаясь в ней, развили крайне сложные общественные отношения. Каждая группа имела определенные участки пляжа и леса с внутренними уровнями престижа. Каждый был способен подробно разъяснять—и любил это делать—свое горизонтально-вертикальное положение по сравнению со всеми личностями в группе, численность которой обычно приближалась к тридцати. Они могли зачитать по памяти и зачитывали, споры, примирения, достоинства и недостатки характера, атлетическую мощь или отсутствие таковой, ловкость во множестве их детских игр, и оценить сексуальные способности каждого и каждой.

Эликопида обладала чувством юмора столь же ярким, как ее глаза, но она также обладала добавочной привлекательностью: зеркалом из стекла, установленным в золотом обруче, инкрустированном бриллиантами. Оно было одним из немногих виденных им здесь предметов материальной культуры.

—Где ты его достала?—спросил он.

—О, мне его подарил Господь,—ответила Эликопида.—Некогда, давным-давно, я была одной из его фавориток. Когда бы он ни спускался сюда в гости с вершины мира, он проводил много времени со мной. Мы с Хрисендой были единственными, кого он любил больше всех. Поверишь ли, другие все еще ненавидят нас за это. Вот почему я такая одинокая.

—И как же выглядел Господь?

Она засмеялась и сказала:

—Ниже шеи он выглядел во многом так же, как любой высокий, хорошо сложенный мужчина, вроде тебя.

Она обняла его одной рукой за шею и принялась целовать в щеку. Ее губы медленно перебирались к его уху.

—А его лицо?—с усилием проговорил Вольф.

—Не знаю. Я могла его коснуться, но не могла видеть. Меня ослепляло исходившее от него сияние. Когда он приближался, мне приходилось закрывать глаза, таким оно было ярким.

Она закрыла ему рот своими поцелуями, и вскоре он позабыл свои вопросы. Но когда она лежала рядом с ним в полусне на мягкой траве, он поднял зеркало и посмотрелся в него. Сердце его распахнулось от восторга. Он выглядел таким же, как тогда, когда ему было двадцать пять. Он это знал, но до настоящей минуты был не в состоянии осознать.

«А если я вернусь на Землю, то состарюсь ли я столь же быстро, как вновь обрел свою юность?»

Он поднялся и некоторое время простоял в задумчивости.

Затем он произнес:

—Да кого я, собственно, обманываю? Я не собираюсь возвращаться.

—Если ты сейчас покинешь меня,—сонно проговорила Эликопида,—то поищи Хрисенду. С ней что-то случилось. Она убегает всякий раз, когда к ней кто-то приближается. Даже я, ее единственная подруга, не могу к ней подступить. Она тебе понравится. Она не похожа на других. Она похожа на меня.

—Ладно,—рассеянно ответил Вольф,—поищу.

Он шел, пока не оказался совсем один. Даже если он не намеревался воспользоваться вратами, через которые прошел, он хотел поэкспериментировать с рогом. Наверно, тут имелись и другие врата. Возможно, что врата открывались в любом месте, где трубили в рог.

Дерево, под которым он остановился, было одним из многочисленных «рогов изобилия». Оно было высотой в двести футов, тридцать футов толщиной, имело гладкую, почти маслянистую, лазурную кору и ветви толщиной в его бедро и длиной, примерно, в шестьдесят футов. Ветви были лишены прутьев и листьев.

На конце каждой из них имелся цветок с твердой скорлупой, восьмью футов в длину и формой точь в точь как рог изобилия.

Из рогов изобилия на землю лились непрерывные струйки шоколадного содержимого. На вкус продукт этот походил на мед с очень легким привкусом табака—курьезная смесь, и все же она ему нравилась. Все лесные создания ели это.

Под деревом он протрубил в рог. Никаких «врат» не появилось. Он попробовал вновь, отойдя на сто ярдов, но без успеха. Он решил, что рог действовал только в определенных районах, наверное, только в том месте, у поганковидного валуна.

Затем он увидел уголком глаза голову девушки, которая высывалась из-за дерева в тот первый раз, когда открылись врата. У нее было то же самое овальное лицо, огромные глаза, полные алые губы и длинные, в тигровую полосу, черно-коричневые волосы.

Он приветствовал ее, но она стремглав убежала. Тело у нее было прекрасным, а ноги—самыми длинными по отношению к остальному телу, какие он когда-либо видел у женщин. Более того, она была стройнее, чем другие, слишком фигуристые и большегрузные женщины этого мира.

Вольф погнался за ней. Девушка бросила один взгляд через плечо, издала крик отчаяния и продолжала бежать. Тут он чуть не остановился, так как не получал такой реакции ни от кого из туземцев. Первоначальное отступление—да, но не чистая паника и предельный страх.

Девушка бежала, пока не смогла больше удирать. С рыданием хватая воздух открытым ртом, она прислонилась к мшистому валуну поблизости от маленького водопада. Ее окружали желтые цветы в форме вопросительных знаков по голень высотой. На вершине валуна стояла и, моргая, смотрела на них птица с совиными глазами, перьями-штопорами и длинными, согнутыми вперед ногами. Она издавала тихие крики:

—Ви-ви-ви!

Приближаясь медленно и с улыбкой, Вольф проговорил:

—Не бойся меня. Я не причиню тебе зла. Я просто хочу поговорить с тобой.

Девушка показала трясущимся пальцем на рог и дрожащим голосом произнесла:

—Где ты его взял?

—Я получил его от человека, назвавшегося Кикахой. Ты его видела? Ты знаешь его?

Огромные глаза девушки были темно-зелеными. Он счел их самыми прекрасными из всех, что он когда-либо видел. И это несмотря на кошачьи зрачки, а, может быть, именно из-за них.

Она покачала головой.

—Нет. Я не знала его. Я впервые увидела его, когда эти существа загнали его на валун.

Она сглотнула, побледнела и выглядела так, словно ее вот-вот стошнит.

—Я видела, как они стащили его с валуна и увели с собой.

—Значит, его не прикончили?—спросил Вольф.

Он не сказал «убили», «зарезали» или «умертвили», так как эти слова были табу.

—Нет. Наверное, эти существа собирались сделать даже худшее, чем прикончить его.

—А зачем убегать от меня?

Вольф недоумевал.

—Я же не одно из этих существ.

—Я не могу об этом говорить.

Вольф подумал о ее неохоте говорить о неприятном. В жизни этих людей было так мало отталкивающих или опасных явлений, и все же они не могли встретить лицом даже их. Их чересчур ориентировали на легкое и прекрасное.

—Мне наплевать, хочешь ты говорить или нет,—бросил он.—Ты должна. Это очень важно.

Она отвернула лицо.

—Не буду.

—В какую сторону они направились?

—Кто?

—Эти чудища и Кикаха.

—Я слышала, как он называл их гворлами,—сказала она.—Я никогда раньше не слышала этого слова. Они, гворлы, должно быть, пришли откуда-то оттуда.

Она показала в сторону моря и вверх.

—Они, должно быть, спустились с горы. Откуда-то там.

Она вдруг повернулась и подошла близко к нему. Ее огромные глаза поднялись к его лицу, и даже в этот момент он не мог не подумать, какими прелестными были черты ее лица и какой гладкой и кремовой кожа.

—Давай скроемся отсюда!—воскликнула она.—Далеко! Эти существа все еще здесь. Может, некоторые из них и забрали Кикаху,

но не все они ушли. Я видела пару несколько дней назад. Они прятались в дупле дерева. Глаза их горели, как у зверей, и они издают ужасный запах, словно сгнивший заплесневелый плод!

Она положила руку на рог.

—Я думаю, они хотят заполучить его!

—А я трубил в рог,—произнес Вольф.—Если они где-то поблизости, то должны были услышать его!

Он огляделся. Примерно в сотне ярдов, за кустом, что-то блеснуло.

Он не сводил глаз с куста и увидел, что куст дрожит, и снова появился отблеск солнечного света. Он взял узкую ладонь девушки в свою руку и сказал:

—Пошли. Но иди так, словно мы ничего не видели. Будь беспечной.

Она протянула руку и со страхом спросила:

—Что случилось?

—Не впадай в истерику. По-моему, я что-то увидел за кустом. Может, там и нет ничего, а впрочем, опять же возможно, это гворлы. Не смотри туда! Ты нас выдашь!

Он сказал это слишком поздно, потому что она дернула головой, обернувшись. Она охнула и прижалась к нему.

—Они!

Он посмотрел в том направлении, куда указывал ее дрожавший палец, и увидел две темные приземистые фигуры, неуклюже выбравшиеся из-за куста. Каждый держал в руке длинный, широкий, изогнутый стальной клинок. Они размахивали ножами и громко кричали хриплыми, резавшими слух голосами. На темных мохнатых телах не было никакой одежды, кроме широких поясов на талиях, поддерживавших ножны, из которых торчали рукоятки ножей.

—Без паники,—сказал Вольф.—Я не думаю, что они могут очень быстро бегать на таких коротких кривых ногах. Где есть хорошее место, куда бы можно было скрыться от них, куда бы они не смогли последовать за нами?

—За море,—ответила она.

Голос ее дрожал.

—Я не думаю, что они смогут нас найти, если мы достаточно сильно опередим их. Мы можем переправиться на гистоихтис.

Она ссылалась на одного из огромных моллюсков, которыми изобиловало море. Тела у них были покрыты тонкими, как бумага, но прочными раковинами, похожими формой на корпус гоночной яхты. Из спины каждого вертикально выступал тонкий, но прочный хрящеватый штырь, а из этой хрящеватой мачты рос треугольный парус из кожи, настолько тонкой, что просвечивала насквозь. Угол наклона паруса, управлявшегося движением мускулов, и напор ветра на парус, плюс выбрасывание струи воды делали это существо способным быстро двигаться при ветре или штиле. Русалки и разумные существа, жившие на пляже, часто пользовались случаем прокатиться на них, управляя надавливанием на открытые нервные центры.

—Ты думаешь, что гворлам придется воспользоваться лодкой? Он понял ее.

—Если так, то им не повезло, коль они ее сами не сделают. Я здесь ни разу не видел никакого морского судна.

Вольф часто оглядывался. Гворлы шли быстрым шагом, тела их качались на каждом шагу, как у пьяных матросов. Вольф и девушка подошли к ручью примерно в семьдесят футов шириной и доходившем в самом глубоком месте им до пояса. Вода была прохладной, но не ледящей, чистой, с мелькавшими туда-сюда серебряными рыбами. Когда они добрались до другого берега, то спрятались за большим деревом. Девушка побуждала его продолжать бегство, но он отказался.

—У нас будет преимущество, когда они окажутся посередине ручья.

—Что ты имеешь в виду?—спросила она.

Он не ответил. Положив рог за деревом, он огляделся кругом, пока не нашел камень. Тот был размером с половину его головы, округлый и достаточно шершавый, чтобы твердо держать его в руке. Вольф поднял и взвесил в руке один из опавших «рогов изобилия».

Хоть и огромный, он был полым и весил не больше двадцати фунтов. К тому времени, двое гворлов оказались на противоположном берегу ручья. Вот тогда-то он и открыл слабость этих отвратительных тварей. Они ходили взад-вперед вдоль берега, в ярости потрясая ножами, и так громко рычали на своем горластом языке, что он мог слышать их из своего укрытия.

Наконец, один из них сунул в воду широкую скошенную стопу. Он почти сразу выдернул ее, затряс ею, как трясет мокрой лапой кошка, и что-то сказал другому гворлу. Тот что-то проскрежетал в ответ, а затем наорал на него.

Гворл с мокрой ногой поорал в ответ, но шагнул в воду и неохотно принялся переходить вброд ручей. Вольф понаблюдал за ним и заметил также, что другой собирался болтаться позади, пока его спутник благополучно не завершит свое путешествие.

Вольф подождал, пока тварь не пройдет середину ручья, затем взял в одну руку рог изобилия, в другую—камень и побежал к ручью. Позади него девушка пронзительно вскрикнула.

Вольф выругался, потому что это предупредило гворла о его приближении.

Гворл остановился по пояс в воде, заорал на Вольфа и стал размахивать ножом. Вольф поберег дыхание, так как не хотел зазря запыхаться. Он мчался к ручью, в то время как гворл возобновил свое продвижение к тому же берегу. Гворл на противоположной стороне замер при появлении Вольфа, но теперь кинулся в ручей помочь другому. Это действие совпало с планами Вольфа. Он только надеялся, что сможет разделаться с первым прежде, чем второй доберется до середины ручья.

Ближайший гворл метнул нож.

Вольф поднял перед собой рог изобилия.

Нож ударился в его тонкую, но прочную скорлупу с силой, чуть не вырвавшей рог из его руки. Гворл начал вытаскивать из ножен второй нож.

Вольф не остановился вытащить, чтобы нож из «рога изобилия». Он продолжал бежать, как раз когда гворл поднял второй нож, чтобы резануть Вольфа. Роберт выронил камень, высоко поднял большой колоколообразный рог и трахнул им гворла по башке.

Из-под скорлупы раздался приглушенный вопль. Рог изобилия опрокинулся вместе с гворлом, и оба поплыли вниз по течению. Вольф выбежал из воды, подобрал камень и схватил гворла за одну из барахтавшихся ног.

Он бросил поспешный взгляд на другого и увидел, что тот поднял нож для броска. Вольф схватился за рукоять ножа, воткнувшегося в скорлупу, вырвал его, а затем бросился в укрытие за колоколообразным рогом. Он вынужден был выпустить волосатую ногу гворла, но зато избежал ножа. Тот пролетел над краем скорлупы и зарылся по рукоять в глину берега.

В то же время гворл, накрытый рогом изобилия, выскользнул, отплевываясь. Вольф пырнул его в бок, но нож соскользнул с одного из хрящевидных бугров. Гворл завизжал и повернулся к нему. Вольф поднялся и изо всех сил ткнул его ножом в брюхо.

Нож вошел по рукоять. Гворл схватился за него. Вольф шагнул назад. Гворл упал в воду. Рог изобилия уже уплыл, оставив Вольфа без прикрытия, без ножа и только с камнем в руке.

Оставшийся гворл наступал на него, держа нож поперек груди. Он явно не собирался попытать счастья во втором броске.

Он намеревался вступить с Вольфом с ближний бой.

Вольф заставил себя задержаться, пока существо не оказалось всего лишь в десяти футах от него. В то же время он пригнулся так, чтобы вода доходила ему до груди и спрятала камень, который он переложил из левой руки в правую. Теперь он мог ясно видеть лицо гворла. У того был очень низкий лоб, двойной карниз кости над глазами, густые мшистые брови, близко посаженные лимонно-желтые глаза, плоский нос с одной ноздрей, тонкие черные звериные губы, выдающаяся челюсть, выгибавшаяся далеко вперед и придававшая рту лягушачий вид, никакого подбородка и острые, широко разделенные зубы плотоядного. Голова, лицо и тело были покрыты длинным, густым, темным мехом.

Шея была очень толстая, а плечи—сутулыми. Его мокрый мех вонял, как гнилой заплесневевший плод.

Отвратительный вид существа испугал Вольфа, но он удержался на месте.

Если он сломается и побежит, то свалится с ножом в спине.

Когда гворл, попеременно шипя и скрежеща на своем наречии, оказался в пределах шести футов, Вольф выпрямился. Он поднял камень, а гворл, видя его намерение, поднял для броска нож. Камень полетел прямо и стукнулся о бугор на лбу. Существо качнулось назад, выронило нож и упало спиной в воду. Вольф подошел к нему, поискал наощупь в воде камень, нашел его и поднялся из во-

ды как раз вовремя, чтобы столкнуться с гворлом лицом к лицу. Хотя у того было оглушенное выражение, а глаза—слегка скошены, он еще не закончил драться. И—держал другой нож.

Вольф высоко поднял камень и обрушил его на макушку гворла. Раздался громкий треск. Гворл снова упал на спину, исчез под водой и появился в нескольких ярдах ниже по ручью, плывя лицом в воде.

Вольфа еле стоял на ногах. Сердце его молотило так сильно, что ему думалось, что оно разорвется. Его всего трясло и тошнило. Но он все помнил: про воткнувшийся в глину нож и вытащил его.

Девушка все еще стояла за деревом. Она выглядела слишком пораженной ужасом, чтобы говорить. Вольф подобрал рог, взял девушку за руку и грубо встряхнул ее.

—Выскакивай из этого столбняка! Подумай, как тебе повезло! Ты могла бы умереть вместо них!

Она разразилась долгим воем, а потом начала плакать. Он подождал, пока в ней, казалось, не осталось больше слез, прежде чем заговорить.

—Я даже не знаю твоего имени.

Ее огромные глаза покраснелись, а лицо выглядело старше.

Даже теперь он подумал, что не видел землянки, которая могла бы с ней сравниться.

Ее красота заставила померкнуть ужас схватки.

—Я—Хрисенда,—представилась она.

Словно гордясь этим, но в то же время робея от своей гордости, она сказала:

—Я здесь единственная женщина, которой позволено носить это имя. Господь запретил другим принимать его.

—Снова Господь,—проворчал он.—Всегда Господь. Кто такой Господь, черт побери?

—Неужели ты действительно не знаешь?—спросила она, словно не могла ему верить.

—Да, не знаю.

Он с минуту помолчал, а затем произнес ее имя, словно пробуя его на вкус.

—Хрисенда, а? Оно небезызвестно на Земле, хотя боюсь, что университет, где я преподавал, полон неграмотных, никогда не слышавших этого имени. Они знают, что Гомер сочинил «Илиаду», и это примерно все.

«Хрисенда, дочь Хриса, жреца Аполлона. Она была захвачена греками в плен во время осады Трои и отдана Агамемнону. Но Агамемнона вынудили вернуть ее отцу из-за насланной Аполлоном бубонной чумы».

Хрисенда молчала так долго, что Вольф почувствовал нетерпение. Он решил, что им следует убраться с этого места, но был не уверен, какое выбрать направление и как далеко идти.

Хрисенда, нахмурившись, произнесла:

—Это же было давным-давно. Я едва могу вспомнить про это. Все это теперь так смутно.

—О чем ты говоришь?

—О себе, о моем отце Агамемноне, о войне.

—Ну, и что насчет них?

Он думал, что хотел бы отправиться к подножию гор. Там он может получить некоторое представление о том, что влекло за собой восхождение.

—Я—Хрисенда,—сказала она,—та самая, о которой ты говорил. Ты высказываешься так, словно только что явился с Земли. Ах, скажи мне, это правда?

Он вздохнул. Эти люди не лгали, но ничто не мешало им верить, что их рассказы были правдой. Он слышал достаточно невероятных вещей, чтобы знать, что они были не только страшно неправильно информированы, но и, вероятно, реконструировали прошлое на свой вкус. Делали они, конечно, это со всей искренностью.

—Я не хочу разбивать мир твоих маленьких грез,—сказал он.—но та Хрисенда, если она когда-нибудь существовала, умерла по меньшей мере три тысячи лет назад. Более того, она была человеческим существом. У нее не было волос в тигровую полосу и глаз с кошачьими зрачками.

—И у меня не было... тогда. Это Господь похитил меня, привез в эту вселенную и изменил мое тело точно так же, как он похитил других, изменил их или же вставил их мозги в созданные им тела.

Она показала в сторону моря и ввысь.

—Он живет теперь там, и мы не очень часто видим его. Некоторые говорят, что он давным-давно исчез, и его место занял новый Господь.

—Давай-ка уберемся отсюда,—предложил он.—Мы можем поговорить об этом позже.

Они прошли всего лишь четверть мили, когда Хрисенда жестом велела ему спрятаться с ней за густым кустом с пурпурными ветвями и золотыми листьями. Он пригнулся рядом с ней и, раздвинув немного ветки, увидел, что ее встревожило. В нескольких ярдах от них стоял волосатоногий человек с тяжелыми бараньими рогами на макушке головы, а на низкой ветке сидел на уровне глаз человека гигантский ворон.

Он был таким же крупным, как золотой орел, и у него был высокий лоб. Череп выглядел так, словно мог содержать мозг размером не меньше, чем у фокстерьера.

Массивность ворона не удивила Вольфа, так как он повидал немало довольно крупных существ. Но он был потрясен, обнаружив, что птица и человек вели разговор.

—Око Господне,—прошептала Хрисенда.

В ответ на его озадаченный взгляд ткнула пальцем в ворона.

—Это один из шпионов Господа. Они летают над миром и смотрят, что происходит, а потом приносят новости Господу.

Вольф подумал о явно искреннем замечании Хрисенды насчет вставления Господом мозгов в тела. На его вопрос она ответила:

—Да, но я не знаю, вставил ли он человеческие мозги в головы воронов. Он мог вырастить маленькие мозги по образцу больших

человеческих, а затем обучить воронов. Или он мог использовать только часть человеческого мозга.

К несчастью, хоть они и напрягали слух, им удалось уловить только несколько отдельных слов. Прошло несколько минут. Ворон, громко прокаркав «прощай» на искаженном, но понятном древнегреческом, сорвался с ветки. Он тяжело упал, но его громадные крылья быстро забили и унесли его вверх прежде, чем он коснулся земли.

Через минуту он пропал за листвою деревьев. Немного позже Вольф уловил, как он мелькнул через разрыв в растительности. Гигантская черная птица медленно набирала высоту, целью его полета была гора за морем.

Вольф заметил, что Хрисенда вся дрожит, и сказал:

—Что может ворон рассказать такого Господу, так тебя пугающего?

—Я боюсь не столько за себя, сколько за тебя. Если Господь обнаружит, что ты здесь, он захочет убить тебя. Он не любит незваных гостей в своем мире.

Она положила руку на рог и снова затрепетала.

—Я знаю, что его дал тебе Кикаха, и что ты не можешь не владеть им. Но Господь может не знать, что тут нет твоей вины. Или, даже если он знает, ему может быть все равно. Он будет ужасно разгневан, если подумает, что ты имел какое-то отношение к похищению рога. Он сделает с тобой страшные вещи. Ты, скорее, легче отделаешься, прикончив себя сейчас, чем дожидаясь, когда попадешь в руки Господа.

—Кикаха похитил рог? Откуда ты знаешь?

—О, поверь мне, я знаю. Он—Господа. Кикаха должен был похитить его, потому что Господь никогда бы никому его не отдал.

—Я сбит с толку,—признался Вольф.—Но, может быть, в один прекрасный день мы сумеем все уладить. Что меня беспокоит прямо сейчас, так это вопрос: где Кикаха?

Хрисенда показала на гору и сказала:

—Гворлы взяли его туда. Но прежде чем они увели его...

Она закрыла лицо руками.

—Нет. Они сделали что-то с...

Вольф отнял ее руки от лица.

—Если ты не можешь об этом говорить, то, может, покажешь мне это?

—Я не могу. Это слишком ужасно. Мне дурно.

—Все равно, покажи мне.

—Я отведу тебя к тому месту. Но не проси меня смотреть на нее снова.

Она пошла, и он последовал за ней. Время от времени она оставалась, но он мягко побуждал ее идти дальше.

После извилистого пути выше полумили она остановилась.

Перед ними стоял маленький лес из кустов вдвое выше Вольфа. Листья ветвей одного куста переплетались с листьями соседних. Листья были широкими и напоминали формой слоновьи уши, свет-

ло-зеленые, с широкими красными прожилками и кончавшиеся жавыми цветками лилий.

—Она—там,—показала Хрисенда.—Я видел, как гворлы поймали ее и уволокли в эти кусты. Я пошла следом. Я...

Она не могла больше говорить.

Вольф с ножом в руке раздвинул ветви кустов. Он оказался на естественной поляне. Посередине ее на короткой траве лежали разбросанные кости женщины-человека. Кости были серыми, лишенными мяса и носили следы мелких зубов, по которым он понял, что до нее добрались двуногие лисицы-мусорщики.

Он не испытал ужаса, но мог себе представить, что должна была почувствовать Хрисенда. Она, должно быть, увидела часть того, что имело место, вероятно, изнасилование, а потом убийство.

Она прореагировала, как все другие обитатели Сада.

Смерть была чем-то столь ужасным, что обозначающее ее слово давным-давно стало табу, а потом выпало из языка.

Здесь нельзя было созерцать ничего, кроме приятных мыслей и действий, от всего прочего нужно было отгораживаться.

Он вернулся к Хрисенде, смотревшей на него огромными глазами: словно она хотела, чтобы он сказал ей, что на поляне ничего нет. Он же сказал:

—Она теперь—всего лишь кости и давно не испытывает никаких страданий.

—Гворлы поплатятся за это!—в ярости бросила она.—Господь не позволяет причинять вред его созданиям! Это его Сад, и все вторгшиеся сюда наказываются!

—Вот и хорошо,—сказал он.—Я уж начал думать, что ты могла окоченеть от шока. Ненавись гворлов, сколько угодно: они этого заслуживают. А тебе нужно порвать путы.

Она завизжала и прыгнула на него, колотя по груди кулаками. Затем она принялась плакать, и вскоре прижалась к нему, как бы прося защиты. Он поднял ее лицо и поцеловал. Она ответила ему страстным поцелуем, хотя из глаз ее все еще лились слезы.

После она сказала:

—Я побежала на пляж рассказать о том, что видела, моему народу. Но они не слушали. Они поворачивались ко мне спиной и притворялись, будто не слышат меня. Я продолжала пытаться заставить их выслушать, но Овисандр—человек с бараньими рогами, беседовавший с вороном—ударил меня кулаком и велел убираться вон. После этого никто из них не станет иметь со мной никаких дел. А я... Мне нужны друзья и любовь.

—Ты не добьешься ни дружбы, ни любви, говоря людям то, чего они не хотят слышать,—сказал он.—Ни здесь, ни на Земле. Но у тебя есть я, Хрисенда, а у меня есть ты. По-моему, я начинаю влюбляться в тебя, хотя я, может, просто реагирую на одиночество и на самую странную, когда-либо виденную мной, красоту. И на свою новую юность.

Он сел и показал на гору.

—Если гворлы вторглись сюда, то откуда они явились? Почему

они охотятся за рогом? Почему они забрали с собой Кикаху? Кто такой Кикаха?

—Он тоже приплыл оттуда. Но я думаю, что он — землянин.

—Что значит землянин? Ты же говоришь, что ты с Земли.

—Я имею в виду, что он — новоприбывший. Я не знаю. У меня просто было такое чувство, что он здесь недавно.

Он встал и поднял ее, взяв за руки.

—Давай отправимся за ним.

Хрисенда втянула в себя воздух и, положив руку на грудь, отпрянула от него.

—Нет!

—Хрисенда, я мог бы остаться здесь с тобой и быть очень счастливым какое-то время. Но я всегда гадал бы, что значит все это насчет Господа, и что случилось с Кикахой. Я видел его только несколько секунд, но я думаю, что он мне очень даже понравился. Кроме того, он бросил мне рог не просто потому, что мне случилось оказаться там. У меня есть предчувствие, что он сделал это по веской причине, и что мне следует выяснить, почему. Я не могу успокоиться, пока он в руках этих тварей, гворлов.

Он отнял ее руку от груди и поцеловал ей ладонь.

—Тебе самое время покинуть этот Рай, который вовсе не Рай. Ты не можешь вечно оставаться здесь, вечно быть ребенком.

Она покачала головой.

—От меня тебе не будет никакой помощи. Я просто встану у тебя на пути. И покинув... Я, ну я просто кончусь.

—Тебе придется научиться новому словарю, — сказал он. — Смерть будет только одним из многих новых слов, которые ты сможешь произнести без дальнейших раздумий или дрожи. Благодаря этому ты будешь лучшей женщиной. Отказ признать название явления не помешает, знаешь-ли, ему происходить. Кости твоей подруги находятся там, можешь ты говорить об этом или нет.

—Это ужасно!

—Истина часто бывает такой.

Он отвернулся от нее и двинулся к пляжу. Через сто ярдов он остановился и оглянулся. Она как раз побежала следом за ним. Он дождался ее, заключил в объятия, поцеловал и сказал:

—Ты можешь обнаружить, что идти трудно, Хрисенда, но скучать ты не будешь, и тебе не придется напиваться до столбняка, чтобы вынести эту жизнь.

—Надеюсь, что так, — произнесла она тихим голосом. — Но я боюсь.

—Я тоже, но мы пойдем.

Глава IV

Он взял ее за руку, и они пошли бок о бок к линии прибоя.

Они прошли не больше ста ярдов, когда Вольф увидел первого гворла. Тот шагнул из-за дерева и, казалось, столь же удивился, как и они. Он закричал, выхватил нож, а затем повернулся кли-

нуть других позади него. Через несколько секунд образовался отряд из семи гворлов, и каждый держал длинный кривой нож.

Вольф и Хрисенда имели фору в пятьдесят ярдов. Все еще держа одной рукой Хрисенду, а другой—рог, Вольф бежал как можно быстрее.

—Что будем делать?—на бегу крикнул он.

—Не знаю!—в отчаянии ответила она.—Мы могли бы спрятаться в дупле дерева, но окажемся в западне, если нас найдут.

Они побежали дальше. Время от времени Вольф оглядывался. Кустарник здесь был густой и скрывал некоторых гворлов, но один-два всегда были видны.

—Валун!—воскликнул Роберт.—Он как раз впереди. Мы воспользуемся этим выходом!

Он вдруг понял, как сильно ему не хотелось возвращаться в свой родной мир. Даже если это означало дорогу к спасению и временное укрытие, он не хотел бы вернуться назад. Перспектива застрять там и оказаться не в состоянии вернуться сюда была такой ужасной, что он чуть было не решил трубить в рог, но должен был это сделать. Куда же ему еще деваться?

Ситуация изменилась спустя несколько секунд. Когда они с Хрисендой мчались к валуну, Вольф увидел несколько темных фигур, сгорбившихся у его подножья. Они поднялись и стали гворлами со сверкающими ножами и длинными белыми клыками.

Вольф и девушка свернули в то время, как трое у валуна присоединились к погоне. Эти были ближе, чем другие, всего лишь в двадцати ярдах позади беглецов.

—Неужели ты не знаешь никакого места?—выдохнул он на бегу?

—За краем,—ответила она.—Это единственное место, куда они не смогут за нами последовать. Я бывала ниже грани. Там есть пещеры. Но это опасно.

Он не ответил, сберегая дыхание для бега. Вольф ощущал тяжесть в ногах, а легкие и горло горели. Хрисенда, казалось, находилась в лучшей форме, чем он. Она бежала легко, ее длинные ноги ритмично поднимались и опускались, и дышала она глубоко и без мучительных усилий.

—Еще две минуты, и мы там,—сообщила она.

Две минуты показались намного длиннее, но каждый раз, когда он чувствовал, что должен остановиться, бросал еще один взгляд назад и восстанавливал свои силы. Гворлы, хоть они и отстали еще больше, были по-прежнему видны. Они качались на своих коротких прямых ногах, и на их бугристых лицах была написана решимость.

—Может быть, если ты отдашь им рог,—предположила Хрисенда,—они уберутся? Я думаю, им нужен рог, а не мы.

—Я сделаю это, если буду вынужден,—выдохнул он,—но только в качестве последнего средства.

Внезапно они побежали вверх по пологому склону. Теперь его ноги стали совсем ватными, как в веригах, но Вольф обрел второе дыхание и думал, что сможет бежать еще какое-то время.

Затем они выбежали на вершину холма и на край утеса.

Хрисенда не дала ему бежать дальше. Она подошла к краю впереди него, остановилась, посмотрела вниз и жестом подозвала его. Когда он оказался рядом с ней, он тоже взглянул вниз.

Желудок у него сжался в комок.

Утес, состоявший из твердой, черной, блестящей скалы, спускался на несколько миль прямо вниз. Затем—ничего, кроме зеленого неба.

—Так значит, это край Света!—произнес он.

Хрисенда не ответила. Она бежала впереди него, глядя за край утеса, время от времени ненадолго останавливаясь, чтобы изучить грань.

—Еще около шестидесяти ярдов,—сказала она.—За теми деревьями, которые растут прямо на краю.

Они бросились вперед, но то же время один гворл вырвался из кустов, росших по внутренней грани холма. Гворл обернулся и крикнул, явно уведомляя своих собратьев, что нашел добычу, а затем атаковал, не дожидаясь их.

Вольф побежал к гворлу. Увидев, что тварь подняла нож для броска, он швырнул в него рог. Это захватило гворла врасплах или наверно переворачивавшийся рог отразил ему в глаза солнечный свет. Какой бы ни была причина, его колебания Вольф получил необходимое преимущество и налетел на гворла в тот момент, когда тот пригнулся и протянул руку к рогу. Огромные волосатые пальцы обвилились вокруг рога, тварь издала скрежещущий крик восторга, и Вольф набросился на него. Он ткнул ножом в выпиравшее брюхо. Гворл поднял собственный нож, два клинка лязгнули.

Промажнувшись при первом ударе, Вольф хотел было снова бежать. Эта тварь, несомненно, владела искусством боя на ножах. Вольф очень даже неплохо знал фехтование и никогда не бросал практиковаться в нем, но была большая разница между поединками на рапирах и грязной поножовщиной без всяких правил, и он это знал. И все же он не мог убежать: гворл свалит его, метнув нож в спину, прежде, чем он успеет сделать четыре шага. Также существовал еще и рог, стиснутый в бугристом левом кулаке гворла. Вольф не мог его оставить.

Гворл, понимая, что Вольф оказался в очень неприятной ситуации, оскалился. Сверкнули его длинные, мокрые, желтые и острые клыки. Вольф подумал, что с ними эта тварь не нуждалась в ноже.

Мимо Вольфа пронеслось что-то золотисто-коричневое, с развевающимися волосами в черно-каштановую полосу.

Глаза гворла расширились, и он повернулся налево. Утолщенный конец шеста, длинной палки, лишенной листьев и части коры, врезался гворлу в грудь. Другой конец был в руках у Хрисенды. Она бежала во весь дух, держа сук, словно шест прыгуна, но перед столкновением опустила его, и он ударил чудовище с достаточной силой, чтобы опрокинуть его на спину. Рог выпал из кулака гворла, но нож остался в другом.

Вольф прыгнул вперед и воткнул конец лезвия между двух

хрящевых бугров на толстой шее гворла. Мускулы там были толстыми и сильными, но не настолько, чтобы остановить лезвие.

Оно застряло когда сталь перерезала трахею.

Вольф вручил Хрисенде нож гворла.

—Вот, возьми его!

Она приняла его, но, казалось, пребывала в шоке. Вольф жестоко надавал ей оплеух, пока ее глаза не перестали быть стеклянными.

—Ты действовала отлично!—приободрил он ее.—Кого бы ты предпочла увидеть мертвым, его или меня?

Вольф снял с трупа пояс и пристегнул к себе. Теперь у него было три ножа. Он сунул окровавленное оружие в ножны, взял в одну руку рог, а в другую—руку Хрисенды и снова пустился бежать. Позади них поднялся вой, когда первые из гворлов перевалили за край холма. Однако, Вольф и Хрисенда имели фору в тридцать ярдов, которую они и сохраняли, пока не добрались до группы росших на грани деревьев. Хрисенда вышла вперед.

Она опустила на грань лицом вниз и перекатилась. Вольф посмотрел, прежде чем слепо последовать за ней, и увидел примерно в шести футах от грани маленький карниз. Хрисенда уже опустилась на этот карниз и теперь висела на руках. Она снова упала, на этот раз на куда более узкий карниз. Но и это был не конец. Карниз тянулся под углом в сорок пять градусов вниз по поверхности утеса. Беглецы могли воспользоваться им, если встанут лицом к каменной стене и будут двигаться боком, раскинув руки.

Вольф также воспользовался обеими руками, рог он заткнул за пояс.

Сверху раздался вой. Вольф поднял голову и увидел гворла, падавшего на карниз. Затем он оглянулся на Хрисенду и чуть не упал от потрясения. Хрисенда исчезла.

Вольф медленно повернул голову и посмотрел через плечо и вниз. Он вполне ожидал увидеть ее падавшей по поверхности утеса, если не миновавшей уже его и погружавшейся в зеленую бездну.

—Вольф!—окликнула она.

Голова ее высывалась из самого утеса.

—Здесь есть пещера. Спешу.

Дрожа и потя, он дюйм за дюймом пробрался к ней по карнизу и вскоре оказался в пещере. Потолок ее был на несколько футов выше его головы. Вытянув руки в стороны, он мог почти коснуться ладонями стен. Внутренняя часть—терялась в темноте.

—Насколько далеко она тянется?

—Не очень далеко, но тут есть естественная шахта, изъяз в скале, ведущая вниз. Она выходит на дно мира, ниже ничего нет, кроме воздуха и неба.

—Этого не может быть,—медленно произнес он,—но это есть. Вселенная, основанная на совершенно иных физических принципах, чем принципы моей вселенной. Плоская планета с краями. Но я не понимаю, как здесь действует гравитация. Где ее центр?

Она пожала плечами и ответила:

—Может, Господь и рассказывал мне давным-давно, но я забыла. Я даже забыла, что он рассказывал мне, будто Земля—круглая.

Вольф снял кожаный пояс, выдернул из него ножны и поднял овальный черный камень, весивший около десяти фунтов. Он просунул ремень через пряжку, а затем поместил камень внутри петли. Проткнув острием ножа дырку поблизости от пряжки, он затянул петлю. Ему потребовалось всего лишь застегнуть пряжку ремня, и он был вооружен плетью, на конце которой был тяжелый камень.

—Встань позади и сбоку от меня,—велел он ей.—Если я по кому промахнусь, если кто проскочит мимо меня, толкай его, пока он не обрел равновесия, но не свались сама. Как ты думаешь, ты сможешь с этим справиться?

Она кивнула, но явно не решилась сказать.

—Это требует от тебя многого. Я бы понял, если бы ты полностью сломалась. Но, в основном, ты сделана из крепкой древне-эллинской породы. В те дни люди были весьма жесткими. Ты не могла потерять все силы даже в этом омертвляющем псевдо-Раю.

—Я была не ахейка,—поправила она его.—Я из сминтейцев. Но ты, в некотором смысле, прав. Я чувствую себя не так плохо, как мне думалось. Только...

—Только к этому требуется привыкнуть,—закончил он за нее.

Он воодушевился, так как ожидал иной реакции. Если она сможет продержаться на этом уровне, то, может, они вдвоем сумеют выпутаться. Но если она расклеится и ему придется утихомиривать истеричную женщину, то могут оба пасть во время атаки гворлов.

—А вот, кстати, и они,—пробормотал он.

Он увидел, как черные, волосатые, бугристые пальцы выскользнули из-за угла пещеры. Он с силой взмахнул ремнем, так что камень на его конце раздробил руку. Раздался рев удивления и боли—затем долгий завывающий вопль, пока гворл падал.

Вольф не стал дожидаться появления следующего. Он подобрался насколько смел поближе к краю карниза пещеры и снова взмахнул ремнем. Тот хлестнул за угол и стукнулся о что-то мягкое. Снова раздался вопль, и он тоже растаял в бездне зеленого неба.

—Три долой—осталось семь! Допуская, что к ним не присоединились другие.

Он обратился к Хрисенде:

—Они, может, не сумеют ворваться сюда, но смогут уморить нас голодом.

—Рог?

Он рассмеялся.

—Они не отпустят нас теперь, даже если я отдам им рог, а я не намерен допускать, чтобы рог попал к ним. Скорей уж я выброшу рог в небо.

На фоне входного отверстия внезапно появился уродливый силуэт. Гворл, влетев, приземлился на ноги и с секунду покачался. Затем бросился вперед, покатился волосатым шаром и снова очутился на ногах.

Вольф был настолько удивлен, что не сумел сразу же прореагировать. Он не ожидал, что преследователи сумеют забраться выше пещеры и спуститься вниз, так как скала над пещерой выглядела гладкой.

Каким-то образом гворл ухитрился это сделать, и теперь он был внутри, на ногах и с ножом в руке.

Вольф раскрутил камень на конце ремня и выпустил его в гворла. Тварь метнула в него нож. Вольф пригнулся и испортил свой бросок. Камень пролетел над бугристой мохнатой головой, а металлический нож слегка чиркнул его по плечу.

Вольф прыгнул за своим ножом на полу пещеры и увидел, как еще одна темная фигура упала сверху в пещеру, а третья появилась на входе из-за угла.

Что-то неожиданно ударило Вольфа по голове. В глазах у него померкло, в голове помутилось, колени подогнулись.

Когда он очнулся с болью в левой стороне черепа, у него возникло пугающее ощущение. Он, казалось, находился вверх ногами и плавал над огромным полированным черным диском. Вокруг шеи у него была завязана веревка, руки были связаны за спиной. Он висел вверх тормашками в пустоте, и все же веревка вокруг его шеи только чуть напряглась.

Откинув голову назад, он увидел, что веревка вела вверх в шахту на поверхности диска, и из шахты лился бледный свет.

Вольф застонал и закрыл глаза, но открыл их вновь. Мир, казалось, вращался. Внезапно Вольф вновь сориентировался.

Теперь он знал, что не был подвешен вверх ногами вопреки всем законам гравитации. Он висел на веревке, шедшей со дна южной стороны планеты. Зеленое под ним было небом.

«Мне полагалось бы уже давно задохнуться,—подумал он,—но нет никакой гравитации, тянущей меня вниз».

Он подрыгал ногами, и реактивная сила погнала его вверх.

Отверстие шахты стало ближе. Его голова вошла в нее, но что-то сопротивлялось ему. Движение его замедлилось и остановилось. Словно благодаря невидимой пружине, давившей ему на голову, он начал опять двигаться вниз. Полет его не останавливался, пока веревка не натянулась вновь.

Это с ним сделали гворлы. Оглушив его, они спустили его вниз по шахте или, что было более вероятно, отнесли его вниз. Шахта была достаточно узкой, чтобы спуститься по ней, упираясь спиной в одну стену и ногами в другую. Такой спуск дерет с человека кожу, но волосатые шкуры гворлов выглядели достаточно жесткими, чтобы выдержать спуск и подъем без повреждений. Затем была спущена веревка, завязана у него на шее и его бросили через дырку в дне мира.

Не было никакого способа выбраться обратно. Он умрет от голода. Тело его будет болтаться на пространственных ветрах, пока не сгниет веревка.

Он и тогда не упадет, а будет дрейфовать в отбрасываемой диском тени.

Сшибленные им с карниза гворлы упали, но их продолжало уносить ускорение.

Хотя и испытывая отчаяние из-за своего положения, он не мог не гадать о гравитационной конфигурации плоской планеты.

Центр должен находиться на самом дне. Все тяготение шло вверх через массу планеты. На этой же стороне никакого тяготения не было.

Что гворлы сделали с Хрисендой?

Убили ли они ее так же, как ее подругу?

Он знал, что, как бы они ни поступили с ней, они намеренно не повесили ее рядом с ним. Они хотели, чтобы его мучения усугублялись тревогой за Хрисенду. Покуда он будет жив, он будет гадать, что с ней случилось. Он будет рассматривать различные варианты, и все—ужасные.

Долгое время он висел с небольшим отклонением от перпендикуляра, поскольку ветер удерживал его на месте. Здесь, где не существовало никакой гравитации, он не мог раскачиваться, как маятник.

Хоть он и оставался в тени черного диска, ему было видно продвижение солнца. Само солнце было невидимым, скрытое диском, но свет от него падал на грань большой дуги и медленно полз вдоль нее. Зеленое небо под солнцем ярко светилось, в то время как неосвещенные части до и после оставались темными. Затем в его поле зрения появилось более бледное свечение вдоль края диска, и он понял, что за солнцем последовала луна.

Он подумал, что сейчас, должно быть, полночь. Если гворлы куда-то уведут Хрисенду, то они могут проплыть немалое расстояние по морю. Если они пытали ее, то она могла умереть. Если они искалечили ее, то он надеялся, что девушка умерла.

Внезапно, он почувствовал, что веревка у него на шее дернулась. Петля затянулась, но не настолько, чтобы удушить, и его вытянули вверх по шахте. Он выгнул шею, пытаясь увидеть, кто его вытаскивал, но взгляд не мог проникнуть сквозь темноту шахты.

Затем его голова пробила паутину гравитации—словно поверхностное натяжение воды,—и его вытащили из бездны. Большие сильные руки обхватили его, прижали к твердой, теплой волосатой груди. В лицо ему дхнули винным перегаром. Существо стиснуло его крепче и начало дюйм за дюймом подниматься по шахте с Вольфом в объятиях. Мех скреб по скале, когда существо отталкивалось ногами. Его поддерживали, и тогда ноги поднимались и обретали новую опору, за чем следовало новое поддерживание и новый прыжок вверх.

—Ипсевас?—спросил Вольф.

—Ипсевас,—ответил зебрилла.—А теперь не разговаривай. Я должен поберечь дыхание. Это не легко.

Вольф подчинился, хотя ему было трудно не расспрашивать о Хрисенде.

Когда они достигли верха шахты, Ипсевас снял с его шеи веревку и бросил его на пол пещеры.

Теперь Роберт, наконец, осмелился спросить:

—Где Хрисенда?

Ипсевас присел на полу пещеры, перевернул Вольфа и принялся развязывать узлы вокруг его запястий. Он тяжело дышал от усталости по шахте, но ответил:

—Гворлы взяли ее с собой в большую долбленку и поплыли через море к горе. Она крикнула мне, умоляя меня помочь ей. Потом гворл ударил ее, и она, я полагаю, потеряла сознание. Я сидел там, пьяный, как Господь, сам наполовину без сознания от орехового сока, хорошо проведя время с Антиной—знаешь, аковилой с длинным языком. Прежде чем Хрисенду оглушили, она крикнула что-то о том, что ты висишь из Дыры в Дне Мира. Я не знал, о чем она говорила, потому что я давно уже здесь не бывал. Насколько давно—мне не хочется говорить. Собственно, я на самом деле и не знаю. Теперь уже все, знаешь ли, в довольно густом тумане.

—Нет, не знаю,—сказал Вольф.

Он поднялся и растер запястья.

—Боюсь, что если я останусь здесь, то тоже могу кончить в алкогольном тумане.

—Я думал пойти к ней,—продолжал свой рассказ Ипсевас,—но гворлы замахали на меня этими длинными ножами и сказали, что убьют меня. Я смотрел, как они вытаскивают из кустов свою лодку, и примерно тогда решил: какого черта, если они убьют меня, так что? Я не собирался спускать им угрозы или похищения бедной маленькой Хрисенды один Господь знает куда. В былые дни мы с Хрисендой были друзьями, знаешь, в Троаде, хотя здесь мы какое-то время имели мало общего друг с другом. Я думаю, это было долгое время. В любом случае, я вдруг возжаждал какого-то настоящего приключения, какого-то истинного волнения, и мне были ненавистны эти чудовишные бугристые твари. Я побежал к ним, но они к тому времени спустили лодку с Хрисендой на воду. Я огляделся в поисках гистоихтиса, думая, что смогу протаранить им их лодку. Как только я опрокину их в воду, они будут у меня в руках, хоть с ножами, хоть без. То, как они вели себя в лодке, показывало мне, что на море они чувствовали себя отнюдь не уверенно. Я также сомневаюсь, что они умеют плавать.

—Я тоже в этом сомневаюсь,—согласился Вольф.

—Но в пределах досягаемости не было ни одного гистоихтиса, а ветер уносил лодку: у нее был большой треугольный парус. Я вернулся к Антиной и выпил еще. Я мог бы забыть о тебе точно так же, как пытался забыть о Хрисенде. Я был уверен, что ей придется худо, и не мог вынести мысли об этом, и поэтому хотел упиться до забытья. Но Антиной—благовоспитанная ее пьяный мозг—напомнила мне о том, что Хрисенда сказала о тебе. Я быстро протрезвел и немного осмотрелся, потому что не мог вспомнить, где именно находились карнизы, ведущие в пещеру. Я чуть было не бросил это занятие и не принялся снова пить, но что-то продолжало жать на меня.

Может быть, я хотел совершить хоть одно доброе дело в этой вечности ничегонеделанья.

—Если бы ты не пришел, я висел бы там, пока не умер от жажды. А теперь у Хрисенды есть шанс, если я смогу ее найти. Я отправлюсь за ней. Хочешь пойти со мной?

Вольф ожидал, что Ипсевас скажет «да», но не думал, что тот сохранит сьюю решимость, хотя путешествие через море станет реальностью, однако, Вольфа ждал сюрприз.

Зубрилла сплавал, ухватился за выступ раковины проплывавшего мимо гистоихтиса и перебросил себя на спину этого существа. Он привел его к берегу, нажимая на крупные нервные пятна—темно-пурпурные кляксы, видимые на открытой коже как раз за конусовидной раковиной.

Вольф под руководством Ипсеваса сохранял давление на пятно, чтобы удержать рыбу-парус—ибо таков был буквальный перевод гистоихтиса—на пляже.

Зебрилла собрал несколько охапок плодов, орехов и большую коллекцию пуншорепсов.

—Нам надо будет есть и пить, особенно пить,—проворчал Ипсевас.—Путь через океаны к подножию горы может быть долгим. Я не помню.

Спустя несколько минут после того, как припасы были уложены в одно из естественных вместилищ на раковине рыбы-паруса, они отплыли. Тонкий хрящевой парус поймал ветер, и огромный моллюск заглотнул в рот воду и выбросил ее через мускульный клапан сзади.

—У гворлов есть преимущество,—сказал Ипсевас,—но они не могут тягаться с нами в скорости. Они попадут на другую сторону не на много раньше нас.

Он расколол пуншорех и предложил Вольфу выпить. Вольф принял предложение. Он был опустошен, но нервы у него были натянуты, как струны. Ему нужно было что-то такое, что оглушит его и даст ему уснуть. Изгиб раковины создавал нишу, куда он мог заползти. Вольф лежал, прижавшись к излучавшей тепло голой коже рыбы-паруса. В скором времени он уснул. Последнее, что он увидел, это плечистую голову Ипсеваса со слившимися в лунном свете полосами, согнувшегося у нервных пятен.

Ипсевас поднимал над головой еще один пуншорех и выливал его жидкое содержимое в свой выступавший гориллоидный рот.

Проснувшись, Вольф обнаружил, что солнце только-только выходило из-за изгиба горы. Полная луна—она всегда была полная, так как тень планеты на нее никогда не падала—только-только ускользала за другую сторону горы.

Отдохнувший, но проголодавшийся, он съел кое-что из плодов и богатых белком орехов. Ипсевас показал ему, как он мог разнообразить свою диету «кровавыми ягодами». Это были сверкавшие шарики росшие гроздьями на кончиках мясистых стеблей, произра-

ставших из раковины. Каждый был не меньше бейсбольного мяча и имел тонкую, легко разрываемую кожу, выделявшую жидкость, походившую на вид и вкус на кровь. Мясо внутри походило на сырое мясо с супом из креветок.

—Созрев, они отваливаются, и большая часть их достается рыбам,—сказал Ипсевас,—но некоторые доплывают до пляжа. Вкуснее всего они тогда, когда срываешь их прямо со стебля.

Вольф пригнулся рядом с Ипсевасом.

С набитым ртом Вольф сказал:

—Гистоихтисы очень удобны. Они кажутся чересчур хорошими.

—Господь придумал и создал их для нашего и своего удовольствия,—ответил на это Ипсевас.

—Господь создал эту вселенную?—спросил Вольф.

Он больше не был уверен, что этот рассказ являлся мифом.

—Тебе лучше в это поверить,—ответил Ипсевас.

Он выпил еще.

—Потому что, если ты не поверишь, Господь тебя прикончит. Вообще-то я сомневаюсь, что он в любом случае позволит тебе продолжать жить. Он не любит незваных гостей.

Ипсевас поднял орех и предложил тост:

—За то, чтобы ты остался незамеченным им, и на внезапный конец и проклятие Господу.

Он выпил орех и прыгнул на Вольфа. Вольф был настолько захвачен врасплох, что не имел шанса защититься.

Он растянулся в выемке раковины, там, где спал, накрытый тушей Ипсеваса.

—Тихо!—скомандовал Ипсевас.—Оставайся здесь, свернувшись в клубок, пока я не скажу тебе, что все в порядке. Это Око господне.

Вольф съежился, прижавшись к твердой раковине, и попытался слиться с тенью. Одним глазом он увидел пронесшуюся неровную тень ворона, за которой последовало создание. Суровая птица промелькнула разок, развернулась и начала заходить на посадку на корме рыбы-паруса.

—Черт его поberi! Он не может не заметить меня!—пробормотал про себя Вольф.

—Без паники!—призвал Ипсевас.—Ааа!

Раздался глухой стук, всплеск и пронзительный крик, заставивший Вольфа резко выпрямиться и сильно стукнуться головой о раковину над ним. Сквозь вспышки света и тьмы он увидел, что ворон висит, обмякнув, в двух гигантских лапах. Если ворон был размером с орла, то его убийца, обрушившийся с зеленого неба, словно молния, показался в ту первую секунду шока таким же громадным, как птица рух. Зрение Вольфа восстановилось, и он увидел орла со светло-зеленым телом, бледно-красной головой и бледно-желтым клювом. Он был раз в шесть массивнее ворона, и его крылья, каждое длиной по меньшей мере в тридцать футов, тяжело хлопали, когда он старался подняться повыше над морем. С каждым мощным взмахом он поднимался на несколько дюймов выше.

Вскоре он начал набирать высоту, но прежде, чем удалиться слишком далеко, повернул голову и позволил Вольфу увидеть его глаза. Они были черными щитами, отражавшими пламя смерти. Вольф содрогнулся. Никогда он не видел такой обнаженной жажды убивать.

—Ты вполне можешь содрогаться,—утешил его Ипсевас.

Его ухмылявшаяся голова просунулась в углубление раковины.

—Это была одна из птичек Подарги. Подарга ненавидит Господа и напала бы на него сама, будь у нее шанс, даже если бы знала, что это станет ее концом, чем оно и стало бы. Она знает, что не может приблизиться к Господу, но может сказать своим птичкам, что-бы они питались Очами Господа, что, как ты видел, они и делают.

Вольф покинул каверну в раковине и некоторое время постоял, следя за съевшимися силуэтом орлицы и ее добычи.

—Кто такая Подарга?

—Она, подобно мне, одно из чудищ Господа. Она тоже некогда жила на берегу Эгейского моря. Она была прекрасной молодой девушкой. Это было, когда жили великий царь Приам, богоподобный Ахилл и хитроумный Одиссей. Я знал их всех. Они оплевали бы критянина Ипсеваса, некогда храброго моряка и копьеносца, если бы они могли увидеть меня сейчас. Но я говорил о Подарге. Господь забрал ее в этот мир, создал чудовищное тело и поместил в него ее мозг. Она живет где-то там, в пещере на самом склоне горы. Она ненавидит Господа. Она также ненавидит все нормальные человеческие существа и поедает их, если ее птички не добираются до них первыми. Но больше всех она ненавидит Господа.

Это, кажется, было все, что знал о ней Ипсевас, за исключением того, что имя ее до того, как ее похитил Господь, было не Подарга. Он также помнил, что был хорошо знаком с ней.

Вольф принялся расспрашивать дальше, потому что его заинтересовало то, что Ипсевас мог рассказать ему об Агамемноне, Ахилле, Одиссее и других героях гомеровского эпоса. Он сказал зебриле, что предполагалось, что Агамемнон был историческим персонажем. Но что насчет Ахилла и Одиссея?

—Они и в самом деле существовали?—спросил Вольф.

—Конечно, существовали,—сказал Ипсевас.

Он крикнул, а затем продолжал:

—Я полагаю, тебе любопытно узнать о тех днях, но я мало что могу рассказать тебе. Это было слишком давно, слишком много праздных дней. Дней, веков, тысячелетий—один Господь знает. А также слишком много выпито.

Весь остальной день и часть ночи Вольф пытался выкачать из Ипсеваса все, что он знал, но мало что получил за свои хлопоты. Заскучавший Ипсевас выпил половину своего запаса орехов и, наконец, захрапел. Из-за горы пришел зеленовато-золотой рассвет.

Вольф усталился на воду, такую прозрачную, что он мог видеть сотни тысяч рыб фантастических очертаний и роскошных цветов. Из глубины поднялся ярко-оранжевый тюлень, существо, похожее на живой бриллиант. Рванул назад отброшенный тюленем спрут с

пурпурными жилами. Далеко внизу появилось на секунду что-то огромное и белое, а затем нырнуло обратно на дно.

Вскоре до Роберта донесся рев прибоя, и показалась тонкая белая линия пены у подножья Тайяфайявозда. Гора, казавшаяся такой гладкой на большом расстоянии, была изломана трещинами, выступами и пиками, вздымавшимися откосами и замерзшими каменными фонтанами. Тайяфайявозд все рос и рос, и, казалось, он висел над миром.

Вольф расталкивал Ипсеваса, пока зебрилла, стеная и бурча, не поднялся на ноги. Он поморгал покрасневшими глазами, почесался, откашлялся, а затем протянул руку за новым пуншорехом.

Наконец, по настоянию Вольфа, он так вырулил рыбу-парус, что ее курс шел параллельно подножью горы.

—Я когда-то был знаком с этим районом,—сказал он. Некогда я думал вместе на гору, найти Господа и попытаться...

Он помолчал, почесал голову, вздрогнул и закончил:

—Убить его! Вот! Я знал, что могу вспомнить это слово. Но это было бесполезно. У меня не хватило духу попробовать совершить это в одиночку.

—Теперь с тобой я,—заметил Вольф.

Ипсевас покачал головой и выпил еще.

—Теперь—не тогда. Если бы ты был со мной тогда... Ну, что толку болтать? Ты тогда еще даже не родился. Тогда еще не родился и твой пра-пра-пра-дед. Нет, теперь уже слишком поздно.

Он молчал, занявшись проводом рыбы-паруса через отверстие в горе.

Огромное создание внезапно отклонилось от курса. Парус сложился у мачты из жесткого, как кость, хряща, тело поднялось на огромной волне, а затем они оказались в спокойных водах узкого, крутостенного и темного фиорда.

Ипсевас показал на ряд неровных карнизов.

—Воспользуйся ими. Ты можешь забраться далеко. Насколько далеко—не знаю. Я устал, натерпелся страху и возвращаюсь в Сад, чтобы никогда не вернуться, я думаю.

Вольф уговаривал Ипсеваса. Он сказал, что ему очень даже понадобится сила Ипсеваса, и что Хрисенда в нем нуждается. Но зебрилла покачал своей массивной головой.

—Я дам тебе свое благословение, чего бы оно ни стоило.

—А я благодарю тебя за то, что ты сделал,—сказал Вольф.—Если бы ты недостаточно сильно хотел прийти мне на помощь, я бы до сих пор качался на конце веревки. Может быть, мы снова встретимся с тобой. Вместе с Хрисендой.

—Господь слишком могуч,—ответил Ипсевас.—Неужели ты думаешь, что у тебя есть шанс против существа, способного создать свою собственную личную вселенную?

—У меня есть шанс,—сказал Вольф.—Покуда я борюсь, шевелю мозгами и имею некоторое везение, у меня есть шанс.

Он спрыгнул с палубоподобной раковины и чуть не поскользнулся на мокром камне.

—Дурное знаменье, друг мой!—крикнул Ипсевас.
Вольф обернулся и, улыбнувшись ему, прокричал в ответ:
—Я не верю в знаменья, мой суеверный друг-грек! Пока!

Глава V

Он начал восхождение и не останавливался, чтобы посмотреть вниз, пока не прошло около часа. К тому времени большое белое тело гистоихтиса стало тонкой, бледной нитью, а Ипсевас—только черной точкой на его оси. Хотя он и знал, что его нельзя разглядеть, он помахал Ипсевасу и возобновил восхождение.

Еще час карабканья и цеплянья за скалы вывел его из фиорда на широкий карниз на поверхности утеса. Здесь снова засиял яркий солнечный свет. Гора казалась столь же высокой, как всегда, а путь был таким же тяжелым. С другой стороны, он не казался более трудным, хотя радоваться было не из-за чего.

Руки и колени у него кровоточили, подъем утомил его. Вольф сперва собирался провести ночь тут же, но изменил свое решение. Покуда есть свет, ему следует им воспользоваться.

Он снова гадал, был ли прав Ипсевас насчет того, что гворлы, вероятно, выбрали этот маршрут. Ипсевас утверждал, что там, где море врезалось в гору, были и другие проходы, но они были далеко. Он искал признаки того, что гворлы прошли этой дорогой, но ничего не нашел. Это не означало, что гворлы выбрали другую тропу—если эту рваную вертикаль можно было назвать тропой.

Спустя несколько минут Вольф вышел к одному из деревьев, росших из самой скалы. Под его кривыми серыми ветвями и пестрыми коричнево-зелеными листьями валялись пустые ореховые скорлупки и сердцевинки плодов.

Они были свежими. Кто-то не слишком давно останавливался позавтракать.

В ореховых скорлупках осталось также достаточно мяса, чтобы он мог полууспокоить сосанье под ложечкой.

Остатки плодов дали ему так необходимую влагу.

Шесть дней он лез на гору и шесть дней отдыхал. На поверхности этого перпендикуляра существовала жизнь, на карнизах, из пещер и трещин росли маленькие деревья и большие кусты. Изобиловали птицы всех видов и много мелких животных, которые кормились ягодами, орехами или друг другом. Он убивал птиц камнями и ел их мясо сырым. Он обнаружил кремь и сделал грубый, но острый нож. С его помощью он смастерил короткое копье с деревянным древком и другим кремнем в качестве наконечника.

Он стал худощавым и твердым от толстых мозолей на руках, ногах и коленях, борода у него удлинилась.

На утро седьмого дня Вольф взглянул с карниза и прикинул, что, должно быть, находится по меньшей мере в двенадцати тыся-

чах футов над уровнем моря. И все же воздух не был ни разряженнее, ни холоднее, чем когда он начал восхождение.

Море, достигавшее по меньшей мере двухсот миль в поперечнике, выглядело, словно широкая река. За его пределами была грань края мира, Сад, из которого он отправился в погоню за Хрисендой и гворлами. Она была такой же узкой, как кошачий усик, а за ней—только зеленое небо.

В полдень восьмого дня он наткнулся на змею, питавшуюся мертвым гворлом. Сорока футов длиной, она была покрыта черными пятнами-ромбами и алыми печатями Соломона. Выстроившиеся по обеим бокам ступни росли из тела без ног и были потрясающе похожи на человеческие. Челюсти были утыканы тремя рядами акульих зубов.

Вольф храбро напал на змею, потому что заметил, что из ее туловища торчал нож, и все еще сочилась свежая кровь. Змея зашипела, развернулась и отступила. Вольф ткнул ее еще несколько раз, и она бросилась на него.

Вольф вогнал острие из кремня в один из больших тускло-зеленых глаз. Змея громко зашипела и поднялась стоймя, лягаясь двадцатью парами своих ступней. Вольф вырвал копые из окровавленного глаза и воткнул его в мертвенно белый участок как раз под челюстью змеи. Кремень вошел глубоко, змея дернулась так сильно, что вырвала древко из рук Вольфа. Тварь упала на бок, глубоко дыша, и через некоторое время сдохла.

Над ним раздался вопль, за которым надвинулась тень.

Вольф слышал этот вопль и раньше, когда находился на рыбапарусе. Он нырнул в сторону и прокатился по карнизу. Докатившись до трещины,—заполз в нее и повернулся посмотреть, что же угрожало ему.

Это была одна из огромных, ширококрылых, красноголовых, желтоклювых орлиц. Она сидела, согнувшись, на змее и вырывала куски мяса клювом.

Между глотанием кусков она прожигала взглядом Вольфа, пытавшегося еще дальше забиться под защиту скал.

Вольфу пришлось оставаться в своей щели, пока птица не набила свой зоб. Поскольку это заняло весь остаток дня, и орлица не покинула той ночью два трупа, Вольф стал испытывать голод, жажду и прочие неудобства. К утру он рассердился.

Орлица сидела у двух трупов, сложив крылья вокруг тела и опустив голову.

Вольф подумал, что если она спит, то теперь самое время бежать. Он вылез из щели, морщась от боли в затекших мускулах, но, орлица вскинула голову, повернула крылья и заклекотала на него. Вольф отступил в щель.

К полудню орлица все еще не показывала ни малейшего намерения убираться. Она немного поела и, казалось, боролась со сном. Время от времени она рычала. Солнце жарило птицу и два трупа, все трое воняли. Вольф начал отчаиваться. При всем, что он знал, орлица могла остаться, пока не обглодает и рептилию, и гворла до

костей. К тому времени он, Вольф, будет полумертвым от голода и жажды.

Вольф покинул трещину и подобрал копые.

Оно выпало, когда птица разодрала окружавшее его мясо.

Он угрожающе ткнул копьем в сторону орлицы, которая обожгла его взглядом, зашипела, а потом заклекотала на него.

Вольф крикнул в ответ и медленно отступил от птицы. Та наступала короткими медленными шагами, слегка покачиваясь.

Роберт остановился, заорал и прыгнул на орлицу. Пораженная, она отскочила назад и снова заклекотала.

Вольф возобновил свое осторожное отступление, но на этот раз орлица не преследовала его. Только когда изгиб горы скрыл хищницу из виду, Вольф возобновил восхождение. Он удостоверился, что всегда будет, куда укрыться, если птица последует за ним. Однако, погони не было.

Орлица, очевидно, хотела только защитить свою пищу.

К середине следующего утра Вольф набрел на другого гворла. У него была раздроблена нога, он сидел, привалившись спиной к стволу небольшого дерева. Он махал ножом, отгоняя дюжину красных, мускулистых свиноподобных зверей с копытами, как у горных коз.

Они разгуливали взад-вперед перед покалеченным гворлом и глухо хрюкали.

Время от времени один из них совершал короткий бросок, но останавливался в нескольких футах от мелькавшего ножа.

Вольф влез на валун и принялся кидать камни в копытных плотоядных.

Минуту спустя он пожалел, что не привлекал к себе внимание. Звери карабкались на крутой валун так, словно для них была установлена лестница.

Только быстрыми выпадами копья он сумел столкнуть их обратно на карниз.

Кремневый наконечник втыкался в их крепкие шкуры не глубоко, но достаточно, чтобы ранить их.

Звери с визгом падали на скалу внизу только для того, чтобы снова лезть на валун. Их клыки шелкали поблизости от Вольфа, двое из них чуть не порезали ему ногу.

Вольф был занят, пытаясь не дать им забраться на валун. Однако настал момент, когда все звери оказались на карнизе и никого на валуне. Вольф бросил копые, поднял камень вдвое больше своей головы и швырнул его на спину кабану.

Зверь завизжал и попытался уползти на двух невредимых передних ногах. Стая набросилась на его парализованные задние ноги и принялась поедать их. Когда раненый зверь повернулся, чтобы защитить себя, его схватили за горло. Через минуту он был мертв и разорван на части.

Вольф подобрал копые, спустился с другой стороны валуна и подошел к гворлу. Он не сводил глаз с питавшихся, но те ненадолго поднимали головы, чтобы не пропустить его прежде, чем возвращались к терзанию туши.

Гворл зарычал на Вольфа и держал нож наготове. Роберт остановился достаточно далеко, чтобы иметь возможность уклониться от ножа. Из пострадавшей ноги гворла ниже колена торчал осколок кости. Глаза гворла, утонувшие под подушками хряща на низком лбу, выглядели остекленевшими.

Реакция Вольфа была неожиданной.

Он думал, что сразу же жестоко убьет любого попавшегося гворла, но сейчас он хотел с ним поговорить. Он стал таким одиноким за дни и ночи восхождения, что был рад поговорить даже с этим ненавистным существом.

Вольф спросил по-гречески:

— Не могу ли я чем-нибудь тебе помочь?

Гворл ответил глухими слогами своего языка и поднял нож.

Вольф начал подходить к нему, а затем бросился в сторону, когда нож просвистел у его головы. Он вернулся за ножом, а потом подошел к гворлу и снова с ним заговорил. Существо заскрежетало в ответ, но более слабо. Вольф нагнулся чтобы повторить свой вопрос, но гворл с ненавистью плюнул ему в лицо.

Это ожесточило Вольфа. Он всадил нож в толстую шею, гворл несколько раз сильно дрыгнул ногами и умер.

Вольф вытер нож о темный мех и осмотрел содержимое кожаной сумки, притороченной к поясу гворла. Там имелось сушеное мясо, сушеные фрукты, немного темного, твердого хлеба и фляга с огненной жидкостью. Вольф не был уверен насчет того, откуда взялось мясо, но сказал себе, что он слишком голоден, чтобы быть разборчивым.

Вольф решил откусить хлеба.

Хлеб оказался почти таким же твердым, как камень, но, размягченный слюной, на вкус был как печенье из пшеничной муки.

Вольф продолжал восхождение. Дни и ночи проходили без всяких признаков гворлов. Воздух оставался таким же густым и теплым, как на уровне моря, и все же по прикидкам Вольфа, он поднялся, должно быть, по меньшей мере, на тридцать тысяч футов. Море внизу стало тонким серебряным пояском вокруг талии мира.

Той ночью он проснулся, почувствовав на своем теле дюжины маленьких мохнатых рук. Он рванулся только для того, чтобы обнаружить, что многочисленные руки были слишком сильны. Они крепко держали его в то время, как другие связывали ему руки и ноги травянистой веревкой. Вскоре его высоко подняли и вынесли на каменную площадку перед маленькой пещерой, в которой он спал. Лунный свет показал несколько десятков двуногих, каждый примерно два с половиной фута ростом.

Они были покрыты гладким серым мехом, словно мыши, и имели белый воротник вокруг шеи.

Черные давленные морды походили на мордочки летучих мышей. Уши у них были огромными и заостренными.

Они молча потащили его через площадку в другую трещину.

Та выходила в большую пещеру около тридцати футов в ширину и двадцати в высоту. Лунный свет проникал через щель в потолке и открывал то, что уже учуял его нос: кучу костей с остатками гниющего мяса.

Его положили неподалеку от костей, в то время как существа отступили в угол пещеры. Они принялись переговариваться между собой.

Один подошел к Вольфу, с минуту смотрел на него, потом опустился на колени у горла Вольфа.

Секунду спустя он жевал горло крошечными, но очень острыми зубами. За ним последовали другие, зубы начали грызть все тело.

Все это проделывалось буквально в мертвой тишине. Даже Вольф не издавал ни звука, помимо хриплого дыхания, когда он боролся. Острая боль от зубов быстро прошла, словно ему в кровь вводили какое-то слабое анестезирующее средство.

Вольф почувствовал сонливость.

Вопреки себе он перестал бороться.

По его телу распространилось приятное онемение. Казалось, не стоило сражаться за свою жизнь. Почему бы не отойти в мир иной приятно? По крайней мере, смерть его не будет бесполезной. Было что-то благоразумное в отдаче своего тела, чтобы эти маленькие существа могли набить себе животы и быть несколько дней сытыми и счастливыми.

В пещеру ворвался свет. Сквозь теплый туман он увидел, как морды летучих мышей отодвинулись от него и убежали в угол пещеры, где и сбились в кучку. Свет стал сильнее, оказавшись факелом. Показалось, лицо старика, державшего факел, и склонилось над ним. У старика была длинная белая борода, впалый рот, кривой острый нос и огромные надбровные дуги с щетинистыми бровями. Его тощее тело покрывал грязный белый балахон. Его рука с крупными венами держала посох, на конце которого находился сапфир величиной с кулак Вольфа, вырезанный в образе гарпии.

Вольф попытался заговорить, но мог только пробормотать неразборчивые слова, словно он выходил из-под наркоза после операции. Старик сделал посохом жест, и несколько существ, отделилось от общей массы. Они шмыгнули бочком через пещеру, не сводя со старика полных страха раскосых глаз. Существа быстро развязали Вольфа. Тот сумел подняться на ноги, но так шатался, что старику пришлось поддержать его, выводя из пещеры.

Древний старец проговорил на микенском греческом:

—Скоро ты почувствуешь себя лучше. Яд долго не действует.

—Кто ты? Куда ты меня ведешь?

—Прочь от этой опасности,—ответил старик.

Вольф поразмыслял над загадочным ответом. К тому времени, когда его ум и тело снова восстановили нормальную деятельность, они подошли к другому входу в пещеру. Они прошли через множество помещений, постепенно идущих вверх. Когда они преодолели около двух миль, старик остановился перед пещерой с большой железной дверью. Он вручил факел Вольфу, открыл на себя

дверь и взмахом руки предложил Вольфу заходить. Вольф вошел в большую пещеру, ярко освещенную факелами.

Позади него лязгнула дверь, затем последовал глухой стук быстро закрываемого засова.

Первое, что поразило Вольфа, это удушающий запах, а потом—две приблизившиеся к нему зеленые красноголовые орлицы. Одна заговорила голосом, как у гигантского попугая, и приказала ему шагать вперед. Он так и сделал, замстив в то же время, что существа с мордами летучих мышей, должно быть, забрали его нож. Оружие принесло бы ему мало хорошего. Пещера кишела птицами, и все они возвышались над ним.

У одной стены стояли две клетки, сделанные из тонких железных прутьев.

В одной находилась группа из шести гворлов, а в другой—высокий, хорошо сложенный юноша, одетый в набедренную повязку из оленьей кожи. Он улыбнулся Вольфу и сказал:

—Значит, ты сумел! Как ты изменился!

Только тогда рыжевато-бронзовые волосы, длинная верхняя губа и грубоватое, но веселое лицо стали знакомыми.

Вольф узнал человека, бросившего ему рог с осажденного гворлами валуна и назвавшегося Кикахой.

Глава VI

У Вольфа не нашлось времени ответить, потому что одна из орлиц открыла дверь клетки, используя свою ногу столь же эффективно, как руку. Могучая голова и твердый клюв втолкнули его в клетку. Дверь со скрежетом закрылась за ним.

—Так, вот ты и здесь,—сказал Кикаха густым баритоном.—Вопрос такой: что нам теперь делать? Наше пребывание здесь может оказаться коротким и неприятным.

Вольф, посмотрев сквозь прутья, увидел высеченный из камня трон, а на нем—женщину, скорее полуженщину, ибо у нее были крылья вместо рук и нижняя часть тела, как у птицы. Ноги, однако, были по пропорциям намного толще, чем у земного орла нормальных размеров.

Вольф подумал, что им приходилось поддерживать большой вес, и понял, что здесь было еще одно из чудовищ, произведенных лабораторией Господа. Она, должно быть, и была та Подарга, о которой рассказывал Ипсевас.

Выше талии она была такой женщиной, каких выпадало честь видеть немногим мужчинам. Кожа у нее была белой, как молочный опал, груди—превосходными, шея—колонной красоты.

Длинные черные и прямые волосы ниспадали по обеим сторонам лица, бывшего даже более прекрасным, чем у Хрисенды, что, как он считал, было невозможным.

Однако, в этой красоте было нечто ужасающее: безумие.

Глаза были, как у попавшего в клетку сокола, задраженного до невыносимого состояния.

Вольф оторвал взгляд от нее и оглядел пещеру.

—Где Хрисенда?—прошептал он.

—Кто?—прошептал в ответ Кикаха.

Несколькими быстрыми фразами Вольф описал ее и то, что с ней случилось.

Кикаха покачал головой.

—Я ее никогда не видел.

—Но гворлы?

—Их было две банды. Другая, должно быть, держит и Хрисенду, и рог. Не беспокойся о них. Если мы не отбремся и не выберемся отсюда, нам конец, и очень отвратительный.

Вольф спросил о старике. Кикаха ответил, что он некогда был любовником Подарги. Он был аборигеном, одним из тех, кто был перенесен в эту вселенную вскоре после того, как Господь сработал ее. Гарпия теперь держала его для выполнения черной работы, требовавшей человеческих рук. Старик явился по приказу Подарги спасти Вольфа от существ с мордами летучих мышей, потому, что та давным-давно прослышала от своих пташек и присутствии Вольфа в ее владениях.

Подарга беспокойно заерзала на своем троне и развернула крылья. Они сошлись перед ней со звуком, похожим на раскаты грома.

—Эй, вы, двое там!—крикнула она.—Кончайте шептаться! Кикаха, что еще ты можешь сказать в свою пользу, прежде чем я спущу своих пташек?

—Я могу только повторить, с риском оказаться утомительным, то, что сказал раньше!—громко ответил Кикаха.—Я такой же враг Господа, как и ты, и он меня ненавидит. Он убил бы меня! Он знает, что я украл его рог и что я опасен для него. Его Очи рыщут на четырех уровнях мира и летают вверх и вниз по горам, пытаясь найти меня, а...

—Где этот рог, который, по твоим словам, ты украл у Господа? Почему его нет при тебе сейчас? Я думаю, что ты лжешь, чтобы спасти свою никчемную душу!

—Я же рассказывал тебе, что открыл врата в соседний мир и бросил его человеку, появившемуся во вратах. Он сейчас стоит перед тобой.

Подарга повернула голову, как поворачивает ее орлица, и прожгла взглядом Вольфа.

—Я не вижу никакого рога. Я вижу только какое-то жесткое жилистое мясо за черной бородой!

—Он говорит, что рог похитила у него другая банда гворлов,—ответил Кикаха.—Он гнался за ними, чтобы вернуть рог, когда всеволетучие мыши захватили его в плен, а ты столь великодушно спасла его. Освободи нас, милостивая и прекрасная Подарга, и мы вырвем рог. С его помощью мы окажемся способными сразиться с Господом. Его можно побить! Может, он и могучий, но

он не всемогущ! Будь он таким, он нашел бы и нас, и рог давным-давно!

Подарга встала, почистила крылья и, сойдя с трона, подошла к клетке.

Она не подпрыгивала при ходьбе, как птица, а шла на негнущихся ногах.

—Желаю бы я тебе поверить,—произнесла она более тихо, но столь же напряженным голосом.—Если бы только я могла! Я ждала годы и века и тысячи лет, ах, так долго, что у меня сердце болит при мысли об этом времени! Если бы я подумала, что оружие для ответного удара по нему попало наконец в мои руки...

Пронзив их взглядом, она сказала, держа перед собой крылья:

—Видите! Я сказала: «мои руки», но у меня нет ни рук, ни тела, бывшего некогда моим. Этот...

Подарга разразилась бешеной бранью, заставившей Вольфа пожегиться. Похолодеть его заставили не слова, а ярость, граничившая с божественной или бессмысленной.

—Если Господа можно свергнуть—а я считаю, что можно—тебе будет возвращено твое человеческое тело,—сказал Кикаха, когда она кончила.

Она тяжело дышала от гнева и уставилась на них с жадной убийства во взоре. Вольф почувствовал, что все потеряно, но ее следующие слова показали, что эти чувства относились не к ним.

—Прежний Господь давно пропал. Так гласит слух. Я послала одну из своих птиц разузнать, и она вернулась со странной новостью. Она сказала, что там наверху новый Господь, но она не знала, не был ли это тот же Господь в новом теле. Я послала ее обратно к Господу, тот отказал мне в просьбе снова дать мне мое истинное тело. Так что не имеет значения, тот или другой там Господь. Он точно такой же злой и ненавистный, как и прежний, если он и в самом деле не прежний. Но я должна знать! Во-первых, кто бы ни был сейчас Господь, он должен умереть. Потом я выясню, он ли это в новом теле или нет. Если же прежний Господь покинул эту вселенную, я через все миры найду его!

—Ты не сможешь этого сделать без рога,—заметил Кикаха.—Он, и только он открывает врата без контрустройства в другом мире.

—Что мне терять?—сказала Подарга.—Если ты лжешь и предашь меня, я в конце концов доберусь до тебя, а охота может оказаться забавной. Если же ты говоришь правду, то мы увидим, что может случиться.

Она поговорила с орлицей и та открыла дверь.

Кикаха и Вольф последовали за гарпией через пещеру к большому столу с креслами вокруг него. Только тогда Вольф понял, что это помещение было сокровищницей.

В ней была свалена добыча со всего мира. Тут были большие открытые сундуки, набитые сверкавшими драгоценными камнями, жемчужные ожерелья, золотые и серебряные чаши изысканной формы, были маленькие фигурки из слоновой кости и из какого-то

отсвечивавшего твердоволокнистого черного дерева. Были великолепные картины. Доспехи и оружие всех видов, кроме огнестрельного, были беззаботно свалены в разных местах.

Подарга приказала им сесть в изукрашенные резьбой кресла с вытесанными львиными ножками. Она сделала крылом знак, и из тени вышел молодой человек.

Он нес тяжелый золотой поднос, на котором стояли три прекрасно вырезанные чаши из кристаллов кварца. Они были сработаны в виде прыгающих рыб с широко открытыми ртами. Рты эти были заполнены густым темно-красным вином.

— Это один из ее любовников, — прошептал Кикаха в ответ на любопытный взгляд Вольфа в сторону красивого белокурого юноши. — Он унесен ее орлицами с уровня, известного как Дракландия или Тентония. Бедняга! Но это лучше, чем быть заживо объеденным ее пташками, и у него всегда есть надежда сбежать, делающая его жизнь сносной.

Кикаха выпил и вздохнул, удовлетворенный тяжелым, но бодрящим кровь напитком. Вольф почувствовал, что вино извивается в нем, словно живое. Подарга зажала чашу между кончиками крыльев и поднесла ее к губам.

— За смерть и проклятие Господу и, следовательно, за ваш успех!

Двое мужчин выпили снова. Подарга поставила свою чашу на стол и слегка щелкнула Вольфа по лицу кончиками перьев крыла.

— Расскажи мне свою историю.

Вольф рассказывал долго. Он ел нарезанные ломти зажаренной козосвиньи, светло-коричневый хлеб и фрукты, пил вино.

Голова кружилась, но он все рассказывал и рассказывал, оставаясь только тогда, когда Подарга о чем-то спрашивала. Старые факелы заменили свежими, а он все рассказывал.

Внезапно он проснулся. Из другой пещеры лился солнечный свет, освещая пустую нишу и стол, на котором лежала его голова, пока он спал. Кикаха, ухмыляясь, стоял рядом с ним.

— Пошли, — сказал он. — Подарга хочет, чтобы мы отправились пораньше. Ей не терпится отомстить. А я хочу убраться, пока она не изменила своего решения. Ты не представляешь, как нам повезло. Мы — единственные пленники, которым она когда-либо даровала свободу.

Вольф сел и застонал от боли в плечах и шее. Голова у него казалась распухшей и немного тяжелой, но он пережил и худшие помехи.

— Что ты делал после того, как я уснул, — спросил он.

Кикаха широко улыбнулся.

— Я заплатил последнюю цену. Но это было совсем неплохо. Сперва довольно странно, но я парень адаптательный.

Они вышли из этой пещеры в следующую и оттуда — на широкий выдающийся из скалы каменный выступ. Вольф обернулся бросить последний взгляд и увидел несколько орлиц: зеленые монолиты, стоявшие у входа во внутреннюю пещеру. Там мелькнула бе-

лая кожа и черные крылья, когда Подарга прошла на негнущихся ногах перед гигантскими птицами.

—Идем,—сказал Кикаха.—Подарга и ее пташки голодные. Ты не видел, как она пыталась заставить гворлов молить о пощаде. Одно могу сказать в их пользу—они не скулили и не ревели. Они плевали в нее!

Вольф подпрыгнул, когда из пасти пещеры донесся душераздирающий крик.

Кикаха взял Вольфа за руку и заставил идти побыстрее. Из клювов орлиц вырвались новые нервные крики, смешанные с воем существ, испытывших страх и муки смерти.

—Это случилось бы и с нами тоже,—сказал Кикаха,—если бы у нас не было на что обменять свою жизнь.

Они начали восхождение и к ночи поднялись тремя тысячами футов выше.

Кикаха развязал свой кожаный заплочный рюкзак и извлек разнообразные предметы. Среди них оказался коробок спичек, от которых он и разжег костер.

За ними последовали мясо, хлеб и бутылочка разаманского вина. Рюкзак и его содержимое были подарками Подарги.

—Нам осталось около четырех дней восхождения, прежде чем мы доберемся до следующего уровня,—сказал юноша,—а потом—легендарный мир Инден.

Вольф начал было задавать вопросы, но Кикаха заявил, что ему следует объяснить физическую структуру планеты. Вольф терпеливо слушал и, выслушав, не стал насмехаться. Более того, объяснение Кикахи совпадало с тем, что он пока увидел. Намеренья Вольфа спросить, как Кикаха, явно уроженец Земли, попал сюда, были сорваны. Юноша, пожаловавшись, что он долгое время не спал, а прошлой ночью особенно истощил силы, провалился в сон.

Некоторое время Вольф сидел, уставясь на пламя умиравшего костра. За короткое время он повидал и испытал многое, но ему еще предстояло через многое пройти, если он выживет. Из глубин поднялся гикающий крик, и огромная зеленая орлица заклекотала где-то в воздухе у поверхности горы.

Вольф гадал, где была сегодня ночью Хрисенда. Была ли она жива, и если да, то как у нее дела? И где рог? Кикаха сказал, что они должны найти рог, если вообще хотят рассчитывать на какой-то успех. Без него они неизбежно проиграют.

С такими мыслями Вольф и уснул.

Четыре дня спустя, когда солнце находилось в средней точке своего курса вокруг планеты, они перетаскивали себя через грань. Перед ними находилась равнина расстилавшаяся, по меньшей мере на сто шестьдесят миль, прежде чем горизонт пропадал из виду. По обеим сторонам, наверно в сотне миль находились горные хребты. Они были достаточно большими, чтобы выдержать сравнение с Гималаями. Но они были мышами рядом с монолитом Абхарплунтой,

господствовавшим в этом секторе многоярусной планеты. Абхарп-лунта, как утверждал Кикаха, находилась в пятнадцати сотнях миль от грани, и все же на вид она была не больше, чем в пятнадцати милях от них.

Она казалась ничуть не меньше, чем гора, на которую они только что поднялись.

—Теперь ты получил представление,—сказал Кикаха.—Этот мир не похож на грушу. Это—планетарная Вавилонская Башня, серия ступенчатого расположения колонн, и каждая меньше той, что под ней. На самой оси этой башни размером с Землю находится дворец Господа. Как видишь, нам предстоит долгий путь. У нас впереди, может быть множество неожиданностей. Но жизнь эта великолепна, пока она продолжается! Я провел здесь дикое и чудесное время! Если бы Господь сразил меня в эту минуту, я не мог бы жаловаться. Хотя, конечно, жаловался бы, будучи человеком и, следовательно, злясь из-за того, что меня срубают в расцвете лет! Поверь мне, друг мой, я—в расцвете лет!

Вольф не мог не улыбнуться юноше.

Он выглядел таким веселым и жизнерадостным, словно бронзовая статуя, вдруг ожившая и переполненная радостью, что жива.

—Ладно!—воскликнул Кикаха.—Первое, что мы должны сделать, это достать для тебя какую-нибудь подходящую одежду. Уровнем ниже нагота—шик, но на этом—нет. Тебе придется носить, по крайней мере, набедренную повязку и перо в волосах, иначе туземцы будут тебя презирать, а презрение здесь означает для презираемого рабство или смерть.

Он пошел вдоль грани, Вольф шел с ним.

—Заметь, Боб, как зелена и сочна трава, и она доходит нам до колен. Она представляет пищу для жующих побеги и траву. Но она также достаточно высока, чтобы скрыть зверей, кормящихся травоядными. Так что берегись! В траве рыскают равнинная пума, страшный волк, полосатая охотничья собака и гигантская ласка. И потом, есть Фелис, Атрог, которого я называю жестким львом. Он некогда бродил по равнинам Северо-Американского Юго-запада и вымер там примерно десять тысяч лет назад. Здесь же он очень даже живой, на треть больше африканского льва и вдвое злобнее.

—Эй, гляди-ка! Мамонты!

Вольф хотел было остановиться и понаблюдать за огромными серыми животными, находившимися, примерно, в четверти мили от них, но Кикаха заставил его идти дальше.

—Их еще много кругом, и придет время, когда ты пожелаешь, чтобы их не было. Трать свое время на наблюдение за травой. Если она будет двигаться против ветра, скажи мне.

Они быстро прошли две мили и подошли к табуну диких лошадей. Жеребцы захрапели и прискакали изучить их, а затем стояли, не отступая, роя копытами землю и фыркая, пока двое путников не прошли.

Это были великолепные животные, высокие, гладкие и черные или лоснившиеся гнедые, или в черно-белых яблоках.

—Тут нет никаких ваших индейских лошадеенок,—сообщил Кикаха.—Я думаю, Господь не импортировал ничего, кроме самых лучших пород.

Вскоре Кикаха остановился у кучи камней.

—Это мой ориентир,—пояснил он.

От него он пошел прямо вглубь равнины. Через милю они вышли к высокому дереву. Юноша подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветку и начал взбираться на дерево. На половине пути к вершине он добрался до дупла и вытащил большой мешок. Спустившись Кикаха достал из мешка два лука, два колчана стрел, набедренную повязку из оленьей кожи и пояс с кожаными ножнами, где находился длинный стальной нож.

Вольф надел набедренную повязку с поясом взял лук и колчан.

—Ты знаешь, как ими пользоваться?—спросил Кикаха.

—Всю жизнь практиковался.

—Хорошо. Ты получишь больше чем один шанс подвергнуть свое искусство испытанию. Пошли, нам требуется покрыть много миль.

Они тронулись волчьим скоком: сто шагов бегом, сто шагов шагом. Кикаха показал на горный кряж справа от них.

—Там проживает мое племя хровака—медвежий народ. Коль скоро мы попадем туда, мы сможем какое-то время отдохнуть и сделать приготовления к предстоящему нам долгому путешествию.

—Ты выглядишь похожим на индейца,—заметил Вольф.

—А ты, друг мой, тоже не выглядишь похожим на шестидесятилетнего старика. Но здесь мы ими являемся. Ладно. Я отложил рассказ своей истории потому, что хотел сперва услышать твою. Сегодня ночью мы поговорим.

Они мало о чем еще говорили в тот день. Вольф время от времени восклицал при виде разных животных. Здесь бродили большие стада бизонов, темных, лохматых, бородатых и куда более крупных, чем их земные родственники.

Были и другие табуны лошадей и существа, выглядевшие похожими на верблюда, новые мамонты, а потом семейство степных мастодонтов. Стая страшных волков бежала некоторое время параллельно им на расстоянии в сто ярдов. Эти в холке доставали почти до плеча Вольфа.

Кикаха, видя тревогу Вольфа, засмеялся и сказал:

—Они не нападут на нас, если не проголодаются. А это крайне маловероятно со всей этой дичью здесь вокруг. Им просто любопытно.

Вскоре гигантские волки свернули в сторону, их скорость возросла, когда они выгнали из рощи нескольких полосатых антилоп.

—Это—Северная Америка, какой она была долгое время до прихода белого человека,—сказал Кикаха.—Свежая, просторная, с многочисленными животными и немногими бродячими племенами.

Над головами у них пролетела, крикая, стая из сотни уток.

Словно гром среди зеленого неба, рухнул ястреб, врезаясь с глухим стуком, и стая лишилась одной птицы.

—Счастливая Охотничья Земля!—воскликнул Кикаха.—Только иногда не такая уж и счастливая.

За несколько часов до того, как солнце ушло за гору, они остановились у небольшого озера. Кикаха нашел дерево, на котором он соорудил помост.

—Мы будем спать сегодня здесь, неся по очереди караул. Единственное животное, могущее напасть на нас на дереве, это гигантская ласка, но она—вполне достаточное беспокойство. Кроме того, и хуже того, тут могут оказаться военные отряды.

Кикаха отлучился с луком в руке и вернулся через пятнадцать минут с большим кроликом. Вольф развел небольшой костер с минимальным дымом, на котором они и зажарили кролика. Пока они ели, Кикаха объяснял топографию местности.

—Что бы еще ты ни мог сказать о господе, нельзя отрицать, что он проделал неплохую работу, проектируя этот мир. Возьми этот уровень, Индею. Он на самом деле не плоский. У него есть серия легких изгибов, каждый длиной примерно в сто шестьдесят миль. Они позволяют воде стекать, образовывать ручьи, реки и озера. На этой планете нигде нет снега и не его может быть без смены сезонов и при довольно однообразном климате. Но дождь идет каждый день. Тучи приходят откуда-то из пространства.

Они кончили есть кролика и завалили костер. Вольф вызвался караулить первым. Кикаха проговорил все дежурство Вольфа, а Вольф не засыпал все дежурство Кикахи, слушая его.

Вначале, давным-давно, больше двадцати тысячи лет назад, Господы обитали во вселенной, параллельной земной. Тогда они не были известны как Господы.

В то время их было не очень-то много, ибо они были выжившими в длившейся тысячелетие борьбе с другими видами.

Всего их было, наверное, тысяч десять.

—Но что у них отсутствовало по части количества, они более чем компенсировали по части качества,—рассказывал Кикаха.—У них была наука и технология, заставлявшие наши, земные, выглядеть, словно мудрость австралийских аборигенов. Они могли конструировать эти личные вселенные, и конструировали. Сперва каждая вселенная была своего рода площадкой для игр, микрокосмическим загородным клубом для мелких групп. Затем, поскольку эти люди являлись человеческими существами, как бы они ни походили своей мощью на богов, они поссорились. Чувство собственности было и есть в них таким же сильным, как и в нас. Среди них возникла борьба. Я полагаю, были также смерти от несчастных случаев и самоубийства. К тому же изоляция и одиночество Господов делали их одержимыми манией величия, естественно, если учесть, что каждый играл роль маленького бога и стал верить в нее. Если сжать длившуюся целые эпохи повесть в несколько слов, Господь, построивший эту конкретную вселенную, в конце концов оказался в одиночестве. Его звали Джадавин, и у него не было даже жены из своих. Да он и не хотел. Зачем ему делить этот мир с равной себе, когда он мог быть Зевсом с миллионом Европ, с прекрасней-

шими из Лед? Он населил этот мир существами, похищенными из других вселенных, главным образом земными, или созданными в лабораториях во дворце на вершине горы самого верхнего яруса. Он создал таких, каких только желал, божественных красавиц и экзотических чудовищ. Единственная беда заключалась в том, что Господы не довольствовались властью только над одной вселенной. Они начали желать миры других, и поэтому борьба продолжалась. Они воздвигали почти непреступную оборону и изобрели почти неотразимое нападение. Битва стала смертельной игрой. Эта роковая игра была неизбежной, если учесть, что тоска и скука были такими врагами, каких Господы не могли отогнать. Когда ты почти всемогущ, а твои создания слишком низки и слабы, чтобы вечно интересоваться тобой, какие тут найдутся острые ощущения, кроме как рискнуть своим бессмертием против другого бессмертного?

—Но как в это угодил ты?—спросил Вольф.

—Я? На Земле меня звали Пол Янус Финнеган. Мое среднее имя было фамилией моей матери. Как тебе известно, ему случается также быть именем латинского бога ворот и старого и нового года, бога с двумя ликами, одним, глядящим вперед, и другим, глядящим назад.

Кикаха усмехнулся и заметил:

—Янус очень подходящее имя, тебе не кажется? Я—человек двух миров, и я прошел через врата между ними. Не то чтобы я когда-либо возвращался на Землю или хотел этого. Здесь я пережил приключения и приобрел положение, какого никогда не смог бы добиться на том мрачном старом шарике. Кикаха—не единственное мое имя. Я вождь на этом ярусе и своего рода большая шишка на других ярусах, как ты со временем выяснишь.

Вольф начинал гадать насчет него. Кикаха был так уклончив, что Вольф заподозрил, что у того имелась еще одна личина, о которой он не собирался распространяться.

—Я знаю, что ты думаешь, но ты в это не веришь,—сказал Кикаха.—Я обманщик, но с тобой я откровенен. Кстати, знаешь ли ты, как я приобрел имя среди медвежьего народа? На их языке, Кикаха—мифологический персонаж, полубожественный обманщик и хитрец, что-то вроде старика Койота индейцев прерий или Нана-бозхо у оджибвеаев или Вакжункага у винебаго. Когда-нибудь я расскажу тебе, как я заслужил это имя и как я стал советником у хровака. Но сейчас я должен рассказать тебе о более важных вещах.

Глава VII

В 1941 году в возрасте двадцати трех лет Пол Финнеган записался добровольцем в кавалерию США потому, что он любил лошадей. Короткое время спустя он оказался водителем танка.

Он служил в Восьмой Армии и поэтому, в конечном итоге, переправился через Рейн.

Однажды, после того как они помогли взять небольшой горо-

док, он обнаружил в развалинах местного музея необыкновенный предмет. Это был полумесяц из серебристого металла, настолько твердого, что удары молотка не гнули его, а ацетиленовая горелка не расплавляла.

—Я расспросил о нем нескольких горожан. Все, что они знали, это то, что он был в музее долгое время. Один профессор химии после того, как подверг его некоторым испытаниям, попытался заинтересовать им Мюнхенский Университет, но потерпел неудачу. Я забрал его домой после войны вместе с другими сувенирами. Потом я вернулся в Индианский Университет. Отец оставил мне достаточно денег, чтобы прожить несколько лет без забот, так что у меня была небольшая милая квартирка, спортивная машина и так далее. Один мой друг был газетным репортером. Я рассказал ему о полумесяце, его странных свойствах и неизвестном составе. Он написал о нем статью, которую напечатали в Блумингтоне, и статья эта была подхвачена и перепечатана газетным синдикатом. Она не вызвала большого интереса среди ученых. Фактически, они не хотели иметь к этому никакого отношения. Три дня спустя в моей квартире появился человек, назвавший себя мистер Ваннакс. Я подумал, что он голландец, из-за его фамилии и иностранного акцента. Он хотел посмотреть на полумесяц. Я оказал ему такую любезность. Он очень разволновался, хотя пытался казаться спокойным. Он сказал, что хотел бы купить рог у меня. Я спросил, сколько он заплатит, он ответил, что даст десять тысяч долларов, но не больше.

—Разумеется, вы можете поднять и выше,—иронично продолжил Кикаха,—потому что, если вы не поднимете, то ничего не получите.

—Двадцать тысяч,—предложил Ваннакс.

—Давайте поднакачаем еще немного,—ответил своим предложением я.

—Тридцать тысяч?

Финнеган решил сыграть рискованно.

Он спросил Ваннакса, заплатит ли тот сто тысяч долларов.

Ваннакс еще больше побагровел и раздулся, словно «лягушка-скакушка», как выразился Финнеган-Кикаха, но ответил, что добудет нужную сумму через двадцать четыре часа.

—Тут я понял, что у меня действительно кое-что имеется,—рассказывал Вольфу Кикаха.—Вопрос был в том, что, а также, почему этот тип, Ваннакс, так отчаянно хотел занять это. Никто в здравом уме, ни один нормальный человек не клюнул бы так быстро на приманку. Значит, надо было быть с ним поуклончивее.

—Как выглядел этот Ваннакс?—спросил Вольф.

—Он был здоровый парень, хорошо сохранившийся шестидесятилетний мужчина. У него был орлиный клюв и орлиные глаза. Он был сильной личностью, но пытался обуздать себя, быть по-настоящему любезным. Делать это ему было дьявольски тяжело. Одет он был в дорогой консервативный костюм. Казалось, он был человеком, не привыкшим, чтобы ему в чем-то перечили.

—Поднимите до трехсот тысяч долларов, и он—ваш,—сказал я. Мне и не снилось, что он скажет «да». Я думал, он взбесится и уберется, потому что я не собирался продавать ему полумесяц, если бы он предложил миллион.

Ваннакс, хотя и рассвирепев, сказал, что он заплатит триста тысяч долларов, но Финнегану придется дать ему добавочные двадцать четыре часа.

—Вам сперва придется сказать мне, зачем вам нужен этот полумесяц, и на что он годен,—заявил я.

—Никаких!—закричал он.—Хватит и того, что ты грабишь меня, свинья ты купеческая, земляной червь!

—Убирайтесь отсюда, пока я не выкинул вас, или пока я не вызвал полицию,—велел я ему.

Ваннакс начал кричать на каком-то иностранном языке. Финнеган пошел в спальню и вышел с автоматическим пистолетом сорок пятого калибра. Ваннакс не знал, что он не заряжен. Он ушел, хотя и ругался и бормотал про себя всю дорогу до своего «роллс-ройса» модели 1940 года.

Той ночью Финнеган никак не мог уснуть. Было уже больше двух часов когда это ему удалось, и даже тогда он постоянно просыпался. Во время одного из таких пробуждений он услышал шум в передней. Он тихо скатился с постели и достал из-под подушки заряженный пистолет сорок пятого калибра.

По пути к двери спальни Финнеган взял с бюро фонарик.

Луч его поймал Ваннакса, нагнувшегося посередине гостиной. В руке у него был серебристый полумесяц.

—Затем я увидел второй полумесяц на полу. Его Ваннакс принес с собой. Я застал его на складывании их вместе, создавая полный круг. Я не знал, зачем он это делал, но спустя минуту выяснил. Я велел ему поднять руки вверх. Он это сделал, но поднял и ногу, чтобы шагнуть в круг. Я велел ему не двигаться даже на волосок, или буду стрелять. Он все равно поставил одну ногу в круг, поэтому я пальнул. Я выстрелил ему над головой, и пуля ушла в угол комнаты. Я просто хотел припугнуть его, рассчитывая, что если он будет достаточно потрясен, то, может, начнет говорить. Он напугался, что и говорить, и отпрыгнул назад. Я прошел через гостиную, в то время как он отступал к двери. Он болтал, как маньяк, угрожая мне на одном дыхании и предлагая полмиллиона на следующем. Я думал прижать его к двери и вогнать в живот дуло пистолета. Вот тогда-то он действительно заговорит и выложит всю подноготную о полумесяце. Но когда я последовал за ним через гостиную, то ступил в созданный двумя полумесяцами круг. Он увидел и заорал мне, чтобы я остановился, впрочем, слишком поздно. Он и квартира исчезли, а я оказался по-прежнему в круге, только он не был тем же самым и был в этом мире, во дворце Господа на вершине Мира.

Кикаха сказал, что он мог бы тогда сойти с ума, но он активно читал фэнтези и научную фантастику с четвертого класса начальной школы. Идея параллельных вселенных и устройств для перехо-

да между ними была ему знакома. Он был приучен принимать такие концепции. Фактически, он наполовину верил в них. Таким образом, он был достаточно гибко мыслящим, чтобы согнуться, не ломаясь, а затем пружинисто распрямиться. Хоть и испугавшись, он в то же время был взволнован и полон любопытства.

—Я вычислил, почему Ваннакс не последовал за мной через врата. Два полумесяца, сложенные вместе, создали «контур». Но они были активированы, пока внутрь излучаемого ими «поля» не шагнуло живое существо. Затем один полукруг остался на Земле, в то время как другой прошел через врата в эту вселенную, где он сцепился с поджидавшими его полукругом. Иными словами, чтобы создать замкнутый контур, требуется три полумесяца: один—в мире, куда ты отправляешься, а два других—в том, который ты покидаешь. Ты вступаешь в круг, один полумесяц переправляется к единственному в следующей вселенной, оставляя только один полумесяц в только что покинутом тобой мире. Ваннакс, должно быть, явился на Землю посредством этих полумесяцев. Он не прошел бы, не смог бы пройти, если бы на Земле уже не было полумесяца. Каким-то образом—как именно, мы, может, никогда и не узнаем—он потерял на Земле один из них. Может, он был украден кем-то, не знавшим его истинной ценности. Так или иначе, он должен был искать его. Когда появилась статья о том полумесяце, который я нашел в Германии, он понял, что это то, что ему надо. Поговорив со мной, он сделал вывод, что я могу и не продать его. Поэтому он забрался ко мне в квартиру с имевшимся у него полумесяцем. Он как раз готов был завершить круг и совершить переход, когда я его остановил. Он, должно быть, застрял на Земле и не в состоянии попасть сюда, если не найдет еще одного полумесяца. При всем, что я знаю, на Земле могут быть и другие. Тот, который я добыл в Германии, мог даже не быть потерянным им.

Финнеган долгое время бродил по «дворцу». Тот был громадным, потрясающе прекрасным, экзотическим и наполненным сокровищами, драгоценными камнями и артефактами. Имелись там также и лаборатории со странными существами, формировавшимися в огромных прозрачных цилиндрах. Там имелось много пультов со множеством действовавших приборов, но он понятия не имел, что они собой представляли. Символы под кнопками и рычагами были незнакомыми.

—Мне повезло. Во дворце полно ловушек, готовых поймать или убить незваных гостей. Но они не были взведены, почему—не знаю. Не знал я тогда, почему дворец необитаем. Но это было удачей для меня.

Финнеган на время покинул дворец и прошел через окружавший его изысканный сад. Он подошел к краю монолита, на котором располагались дворец и сад.

—Ты повидал достаточно, чтобы представить себе, что я почувствовал, посмотрев через край. Монолит достигал, должно быть, высоты тридцати тысяч футов. Ниже его находился ярус, названный Господом Атлантидой. Я не знаю, был ли земной мир основан

на этой Атлантиде, или Господь позаимствовал название из мифа. Ниже Атлантиды находится ярус, называемый Дракландией, потом—Индея. Все это я охватил одним взглядом, точно так же, как можно охватить одну сторону Земли с ракеты. Никаких деталей, конечно, просто большие облака, крупные озера, моря и контуры континентов. Добрая часть каждого нижеследующего яруса загоралась тем, который был непосредственно над ним. Но я мог разобрать структуру Вавилонской Башни этого мира, хотя я в то время не понимал того, что вижу. Все это было попросту слишком неожиданно и чуждо для меня, чтобы воспринять какую-либо форму. Все виденное ничего для меня не значило.

Финнеган, однако, мог понять, что он находился в отчаянном положении. У него не было никаких средств покинуть вершину этого мира, кроме как попытавшись вернуться на Землю через полумесяцы. В отличие от сторон других монолитов, поверхность этого была гладкой, как шарики подшипников. Да он и не собирался снова пользоваться полумесяцами при несомненно поджидавшем его Ваннаксе.

Хотя ему и не угрожала опасность умереть от голода—пищи и воды хватало бы на долгие годы—он не мог да и не хотел оставаться там. Он страшился возвращения хозяина, так как у того мог оказаться очень скверный характер. Во дворце имелись некоторые вещи, заставлявшие Кикаху испытывать беспокойство.

—Но вот пришли гворлы,—продолжал рассказ Кикаха.—Я полагаю, я знаю, что они пришли из другой вселенной через врата, схожие с теми, которые открыли дорогу мне. В то время я никак не мог знать, как или почему они оказались во дворце, но я был рад, что попал туда первым. Если бы я угодил к ним в руки... Позже я вычислил, что они были агентами другого Господа. Он послал их похитить рог. Я видел рог во время своих скитаний по дворцу и даже потрубил в него, но я не знал, как нажимать комбинацию кнопок на нем, чтобы заставить его сработать. Фактически, я, собственно, не знал его настоящей цели. Гворлы забрались во дворец. Их было, примерно, сотня. К счастью, я увидел их первым. Они тут же дали своей жажде убийства втянуть их в беду. Они попытались убить некоторых из очей Господа, живших в саду воронов размером с орла. Меня они не беспокоили, наверное потому, что подумали, будто я гость, или я не выглядел опасным. Гворлы попытались перерезать глотку одному ворону; и вороны напали на них. Гворлы отступили во дворец, куда большие птицы и последовали за ними. По всему тому концу дворца были кровь, перья, куски бугристой волосатой шкуры и несколько трупов с обеих сторон. Во время битвы я увидел, как один гворл выбрался из помещения с рогом. Он шел по коридорам так, словно что-то искал.

Финнеган последовал за гворлом в другое помещение, размером, примерно, с два ангара для дирижаблей. Там находился плавательный бассейн и множество интересных, но загадочных устройств. На мраморном пьедестале стояла большая золотая модель планеты. На каждом из ее уровней было несколько драгоценных

камней. Как со временем открыл Финнеган, алмазы, рубины и сапфиры были расположены, составляя символы, а те указывали различные точки резонанса.

—Точки резонанса?

—Да. Символы были закодированы мнемоническими записями комбинации нот, требовавшихся для открытия врат в определенных местах. Некоторые врата открывались в другие вселенные, другие—просто врата между ярусами в этом мире. Они давали Господу возможность мгновенно путешествовать с одного уровня на другой. С символами были связаны крошечные модели выдающихся характеристик резонансных точек на разных ярусах. Господь, должно быть, объяснил гворлу с рогом, как читать символы. Очевидно, он проводил для Господа испытание, чтобы удостовериться, что он добыл нужный рог. Он протрубил семь нот в сторону бассейна, и воды расступились, открыв кусок суши с алыми деревьями вокруг него и зеленым небом на заднем плане. Это было придумано первоначальным Господом для входа на атлантический ярус через бассейн. Я в то время не знал, куда вели эти врата. Но я увидел свой единственный шанс сбежать из огромной ловушки этого дворца и ухватился за него. Подкравшись сзади к гворлу, я выхватил из его рук рог и столкнул гворла в бассейн—не во врата, а в воду. Ты никогда не слышал таких визгов и воплей и такого барахтанья. Весь страх, которого они не испытывают перед другими вещами, кроме водобоязни. Этот гворл погрузился в воду, вынырнул, крича и отплеываясь, а затем сумел ухватиться за край врат. У врат, знаешь ли, есть определенные грани, осязаемые и изменяющиеся. Я услышал позади себя рев и крики. В помещение ввалилась дюжина гворлов с большими окровавленными ножами. Я нырнул в дыру, которая уже начала затягиваться. Она была так мала, что я содрал, пробираясь, кожу на коленях, но я-таки пробрался, и дыра закрылась. Она отхватила обе руки гворла, пытавшегося вылезти из воды и последовать за мной. В руке у меня был рог, и я на время оказался за пределами их досягаемости.

Кикаха ухмыльнулся, словно смакуя воспоминания. Вольф проговорил:

—Господь, пославший вперед гворлов, и есть нынешний Господь, верно? Кто он?

—Арвур. Отсутствующий Господь был известен как Джадавин. должно быть, он и являлся человеком, назвавшимся Ваннаком. Арвур прибыл занять вакантное место, и с тех пор он все время пытался найти меня и рог.

Кикаха вкратце обрисовал, что с ним произошло после того, как он оказался на атлантическом ярусе. В течение двадцати лет земного времени он жил то на одном, то на другом ярусе, всегда замаскировавшись. Гворлы и вороны, служившие теперь новому Господу Артуру, никогда не прекращали искать его, но бывали долгие периоды времени, иногда два-три года подряд, когда Кикаху не тревожили.

—Минутку,—прервал его Вольф.—Если врата между ярусами

закрыты, как же гворлы спустились с монолита преследовать тебя? Кикаха этого тоже не мог понять.

Однако, когда гворлы на уровне Сада захватили его в плен, он порасспросил их. Хоть они и были ребята угрюмые, они дали ему некоторые ответы. Их спустили на атлантический уровень на трсах.

—Тридцать тысяч футов?—недоверчиво переспросил Вольф.

—Разумеется. Почему бы и нет? Дворец—сказочный многопалатный склад. Если бы я имел шанс поискать достаточно долго, я бы и сам нашел Тросы. В любом случае, гворлы сказали мне, что Господь Арвур не поручал им убивать меня, даже если это означало необходимость позволить мне в то время сбежать. Он хочет, чтобы я насладился серией изысканных пыток. Гворлы говорили, что Арвур разработал новую тонкую технику, плюс усовершенствовал некоторые из давно утвердившихся методов. Можешь себе представить, как я потел от страха на пути обратно во дворец. После пленения в Саду Кикаху отвезли через океан к подножью монолита. Пока они восходили на него, их остановил один ворон-Око. Он принес новость о пленении Кикахи Господу, пославшему его обратно с приказами. Гворлы должны были разделить на два отряда. Один должен был подниматься дальше с Кикахой, другой должен был вернуться к грани Сада. Если человек, овладевший теперь рогом, вернется с ним через ворота, его требовалось взять в плен. Рог надо было доставить обратно Господу.

Кикаха заметил:

—Как мне представляется, Арвур хотел, чтобы и тебя тоже доставили к нему. Он, вероятно, забыл передать такой приказ гворлам через ворона или же считал само собой разумеющимся, что тебя привезут к нему, забыв, что гворлы—ребята очень буквально мыслящие и начисто лишены воображения. Я не знаю, зачем гворлы захватили в плен Хрисенду. Они, наверное, намеревались использовать ее как умиротворяющее подношение Господу. Гворлы знают, что он недоволен ими из-за того, что я ускользнул от них в такой долгой, а иногда даже веселой охоте. Может, они собирались уменьшить его гнев, поднеся ему самый прекрасный шедевр прежнего Господа.

—Значит, нынешний Господь не может путешествовать между ярусами через резонансные точки?—сказал Вольф.

—Без рога—нет. Я держу пари, что прямо сейчас его прошибает то горячий, то холодный пот. Ничто не может помешать гворлам воспользоваться рогом для ухода в другую вселенную чтобы подарить его другому Господу, кроме их неведения о том, где находятся резонансные точки. Если бы они нашли такую... Однако, они не воспользовались им у валуна, так что мне представляется, что они не попробуют этого ни в каком другом месте. Они злобны, но умом не блещут.

—Если Господы такие мастера супер-науки, то почему Арвур не воспользуется для путешествия самолетом?—спросил Вольф.

Кикаха разразился долгим смехом, а затем сказал:

—Ну, ты шутник. Господы—наследники науки и мощи, намного превосходящих земные. Но ученые и техники их народа давно умерли. Те, кто живут сейчас, знают, как пользоваться своими устройствами, но они не способны ни объяснить принципы их действия, ни отремонтировать их. Длившаяся тысячелетия борьба за власть перебила всех, кроме немногих. Эти немногие, несмотря на свою огромную мощь, невежды. Они сибариты, мегаломаньяки, параноики, называй как хочешь, но не учение. Вполне возможно, что Арвур является обездоленным Господом. Он вынужден бежать, спасая свою жизнь, и только потому, что Джадавин по какой-то причине пропал из этого мира, Арвур сумел завладеть им. Он явился во дворец с пустыми руками. У него нет доступа ни к каким силам, кроме тех, которые находятся во дворце, и с управлением многими из них он может быть незнаком. Он тот, кто наверху в этой Господней игре музыкальных вселенных, но он все равно в невыгодном положении.

Кикаха заснул. Вольф устался в ночь, так как он был в первом карауле.

Он не находил этот рассказ невероятным, но думал, что в нем есть прорехи.

Кикахе придется еще многое объяснить.

И потом, была Хрисенда. Он думал о щемяще прекрасном лице с большими глазами и кошачьими зрачками. Где была Хрисенда? Как там у нее дела? Увидит ли он ее когда-нибудь вновь?

Глава VIII

Во время второго караула Вольфа что-то черное, длинное и быстрое проскользнуло в лунном свете между двух кустов.

Вольф пустил в хищника стрелу, тот издал свистящий визг и встал на задние ноги, поднявшись вдвое выше коня. Вольф вставил в тетиву новую стрелу и выстрелил в белое брюхо, и все же зверь не умер, а убежал, свистя и с треском ломясь через кусты.

К тому времени Кикаха с ножом в руке оказался рядом с ним.

—Тебе повезло,—только и сказал он.—Их не всегда увидишь, а потом—хлоп! Они вцепляются в горло.

—Я мог бы воспользоваться слоновьим ружьем,—сказал Вольф,—и уверен, что оно остановило бы его. Кстати, почему гворлы—да и индейцы, судя по тому, что ты мне рассказывал—не пользуются огнестрельным оружием?

—Оно строго запрещено Господом. Видишь ли, Господь не любит некоторых вещей. Он хочет держать свой народ на определенном демографическом уровне, на определенном технологическом уровне и в пределах определенных социальных структур. Господь правит планетой железной уздой. Например, он любит чистоту. Ты, может, заметил, что народ Океаноса—ленивая, радующаяся, что им повезло, компания. И все же они всегда убирают за собой. Нигде никакого помета. То же самое происходит на этом уровне, на каждом уровне. Индейцы также соблюдают личную чистоту,

так же, как дранланцы и атланты. Господь хочет, чтобы было так, и наказание за неповиновение—смерть.

—Как он проводит в жизнь свои правила?—спросил Вольф.

—По большей части, имплантировав их в нравы обитателей. Первоначально он поддерживал тесный контакт со жрецами и знахарями, и, используя религию—с собой в качестве божества—он сформировал и утвердил обычаи населения. Он любил аккуратность и не любил огнестрельного оружия или любой формы развитой технологии. Может быть, он бог романтик, не знаю. Но различные общества на этой планете главным образом конформистские и статичные.

—Значит, тут нет никакого прогресса?

—Ну так что ж? Разве прогресс обязательно желателен, а статичное общество нежелательно? Лично я, хоть и ненавижу надменность Господа, его жестокость и отсутствие человечности, тем не менее одобряю кое-то из сделанного им. За некоторыми исключениями, мне этот мир нравится намного больше, чем Земля.

—Тогда ты тоже романтик!

—Может быть. Этот мир, как ты уже знаешь, достаточно реален и мрачен, но он свободен от грязи и копоти, от любых болезней, мух, москитов и вшей. Юность тут продолжается, пока ты жив. В общем и целом, это не такое уж плохое место проживания. Во всяком случае, для меня.

Вольф стоял в последнем карауле, когда солнце появилось из-за угла мира. Светляки побледнели, и небо стало зеленым вином. Воздух прошелся прохладными пальцами по двум спутникам и омыл легкие взбадривающими потоками. Они потянулись, а затем, спустившись с помоста, отправились поохотиться за завтраком. Позже, наполнив животы жареным кроликом и сочными ягодами, они возобновили свое путешествие.

Вечером третьего дня, когда солнце находилось на ширину ладони от ухода за монолит, они вышли на равнину. Перед ними находился высокий холм, за которым, как сказал Кикаха, лежали небольшие леса. Одно из высоких деревьев даст им убежище на ночь.

Внезапно из-за холма выехал отряд человек в сорок. Они были темнокожими и заплетали волосы в две длинные косички.

Лица их были раскрашены бело-красными полосами и черными иксами.

Они носили маленькие круглые щиты и держали в руках копья или луки. На некоторых были в качестве шлемов медвежьих черепа, у других—воткнутые в шапочки перья и шляпы с длинными птичьими перьями.

Увидев перед собой пеших, всадники закричали и бросили коней в галоп.

Копья со стальными наконечниками опустились. В луки вставили стрелы и подняли тяжелые стальные топоры или утыканные шипами дубинки.

—Стой спокойно!—велел Кикаха.

Он улыбался.

—Это Хровака—медвежий народ, мой народ.

Он шагнул вперед и поднял обеими руками лук над головой.

Он крикнул атаковавшим их на родном языке; речи со многими глоттализированными остановками, назализированными гласными и быстро поднимающейся, но медленно опускающейся интонацией.

Узнав его, они закричали:

—АнгКун гавас ТреКикаха!

Они подлетели, воткнув копы в землю, как можно ближе, но не задевая его. Дубинки и топоры свистели у него перед лицом или над головой, а стрелы вонзались в землю у его ног или даже между ними.

С Вольфом обошлись точно так же, что он вынес, не моргнув глазом. Подобно Кикахе, он продемонстрировал улыбку, но не думал, что она была такой же ненапряженной.

Хровака развернули коней и атаковали снова. На этот раз они резко натянули поводья, подняв своих лягавшихся, ржавших коней на дыбы. Кикаха подпрыгнул и стащил с коня юношу в шляпе с пером. Смеясь и тяжело дыша, они боролись на земле, пока Кикаха не повалил хровака на обе лопатки. Затем Кикаха поднялся и представил проигравшего Вольфу.

—ИгатуГангис, один из моих шуринов.

Двое индейцев спешили и приветствовали Кикаху долгими объятиями и взволнованной речью. Кикаха подождал, пока они не успокоятся, а затем принялся говорить долго и торжественно. Он часто тыкал пальцев в Вольфа. После пятнадцатиминутной речи, прерываемой время от времени краткими вопросами, он с улыбкой повернулся к Вольфу.

—Нам повезло. Они отправились в набег на Ценаква, которые живут довольно близко к Лесу Деревьев со многими тенями. Я объяснил, что мы здесь делаем, хотя ни в коем случае не все. Они не знают, что мы лягаем самого Господа, и я не собираюсь им рассказывать. Но они знают, что мы идем по следу Хрисенды и гворлов, и что ты—мой друг. Они также знают, что нам помогает Подарга. Они испытывают большое уважение к ней и ее орлицам и хотели бы, если могут, оказать ей услугу. У них масса запасных лошадей, так что выбирай на вкус. Единственное, что мне в этом не нравится, это что ты не наведешься в вигвам медвежьего народа, а я не увижусь со своими двумя женами, Глишовой и Ангванат. Но нельзя иметь все.

Военный отряд скакал в тот день и на следующий без передышки, меняя лошадей каждые полчаса. Вольф натер себе седалище о седло, или скорее об одеяло. К третьему утру он был в такой же хорошей форме, как любой из медвежьего народа, мог оставаться на коне весь день, не чувствуя спазмов во всех мышцах тела и даже в некоторых костях.

На четвертый день отряд задержался на восемь часов. Поперек их пути промаршировало стадо гигантских бородатых бизонов. Животные собрались в колонну шириной в две мили и длинной в десять миль, создав барьер, который не могли пересечь ни зверь, ни человек.

Вольф был раздражен, но другие не слишком несчастливы, потому что и всадники, и кони одинаково нуждались в отдыхе.

Затем в хвосте колонны прискакали охотники шаникоца, намеревавшиеся вогнать свои копыта и стрелы в оставших бизонов. Хровака хотели внезапно напасть на них и перебить всю группу, и только страстная речь Кикаха удержала их. После Кикаха рассказал Вольфу, что медведи думали, что один из них равен десятку из любого другого племени.

—Они—отличные бойцы, но чересчур самоуверенны и самонадеянны. Если бы ты знал, сколько раз мне приходилось отговаривать их от попадания в ситуации, где их стерли бы в порошок! Они поскакали дальше, но были остановлены Нгашу Тангисом, одним из разведчиков в тот день. Он подскочил, крича и жестикулируя. Кикаха расспросил его, а затем сообщил Вольфу:

—Одна из пташек Подарги в двух милях отсюда. Она сидит на дереве и потребовала у НгашуТангиса привести к ней меня. Сама она не может этого сделать, ее разодрала стая воронов.

—Ходу!

Орлица сидела на нижней ветке одинокого дерева, сжав когти вокруг тонкого насеста, согнувшегося под ее весом. Ее зеленые перья покрывала засохшая красно-черная кровь, а один глаз был вырван. Другим же она грозно глядела на медвежий народ, державшийся на почтительном расстоянии.

—Я—Аглая. Я давно тебя знаю, Кикаха-обманщик. И я видела тебя, о Вольф, когда ты был гостем большекрылой Подарги, моей сестры и царицы. Именно она отправила нас на поиски дриады Хрисенды, гворлов и рога Господа. Но только я одна видела, как они вошли в лес Деревьев с многими тенями по другую сторону равнины. Я налетела на них, надеялась застать их врасплох и захватить рог, но они увидели меня и построились в стенку из ножей, о которую я могла только пораниться. Поэтому я снова взлетела так высоко, что они не могли меня видеть. Но я, дальнзоркая попрыгунья небес, могла их видеть.

—Они надменны, даже умирая,—тихо сказал по-английски Вольфу Кикаха,—и оправданно.

Орлица выпила воды, предложенной Кикахой, и продолжала:

—Когда наступила ночь, они разбили лагерь на опушке рощи. Я спустилась на дерево, под которым спала дриада, укрывшись плащом из оленьей шкуры. На плаще была засохшая кровь, полагаю, человека, убитого гворлами. Они свежевали его, готовясь зажарить над своими кострами. Я опустилась на землю с противоположной стороны дерева. Я надеялась поговорить с дриадой, наверное, даже помочь ей бежать, но сидевший рядом с ней гворл услышал шум моих крыльев. Он выглянул из-за дерева, и это было

его ошибкой, потому что мои когти вцепились ему в глаза. Гворл выронил нож и попытался оторвать меня от своего лица. Он этого добился, но вместе с моими когтями пропало и многое от его лица и оба глаза. Тогда я предложила дриаде бежать, но она встала, плащ упал, и я увидела, что руки и ноги у нее связаны. Я ушла в кусты, оставив гворла выть по своим глазам и по своей смерти тоже, потому что его собраты не станут обременять себя слепым воином. Я сбежала через лес обратно на равнину. Там я снова смогла взлететь. Я полетела к гнезду медвежьего народа сообщить тебе, о Кикаха, и тебе, о Вольф, возлюбленный дриады. Я летела всю ночь и весь день. Но охотничья стая Очей Господних увидела меня первой. Они были надо мной и впереди меня в сиянии солнца. Они обрушились вниз, эти псевдо-ястребы, и застали меня врасплох. Я упала, гонимая их ударами и тяжестью дюжины их, вцепившихся в меня когтями. Я упала, переворачиваясь снова и снова и истекая кровью под ударами их острых, как кремни, клювов. Потом я выправилась, а также собралась с мыслями. Я хватала визжавших воронов и откусывала им головы или же отрывала им крылья или ноги. Я убила вцепившуюся в меня дюжину только для того, чтобы подвергнуться нападению остальной стаи. С этими я дралась, и история была та же самая. Они умирали, но, умирая, они причиняли смерть мне, только потому, что их было так много.

Наступило молчание. Орлица опалила их оставшимся глазом, но жизнь быстро разматывалась из него, в приближении смерти. Медвежий народ притих, даже кони перестали храпеть, шептавший с небес ветер был самым громким звуком.

Внезапно Аглая проговорила слабым, но по-прежнему надменно резким голосом:

—Скажите Подарге, что ей незачем стыдиться меня. И пообещай мне, о Кикаха,—никаких обманных слов со мной—пообещай мне, что Подарге обо всем расскажут.

—Обещаю, о Аглая,—сказал Кикаха.—Твои сестры прилетят сюда и унесут твоё тело далеко от граней ярусов в зеленые небеса, и тебя пустят плыть через бездну, свободную в смерти, как и в жизни, пока ты не упадешь на солнце или не найдешь покой на луне.

—Я обязую тебя в этом, человечешко,—сказала она.

Голова ее опустилась, и она упала вперед, но железные когти так вцепились в ветку, что она раскачивалась вверх ногами. Крылья ее обвисли и развернулись, их концы задевали верхушки травы.

Кикаха разразился приказами. Двоих воинов он отрядил искать орлиц для уведомления о сообщении Аглаи и о ее смерти.

Он, конечно, ничего не сказал о роге и вынужден был потратить некоторое время на обучение обоих короткой речи на микенском. Удостоверившись, что они удовлетворительно запомнили ее, Кикаха отправил их в путь. Затем отряд задержался еще, перемещая тело Аглаи высоко на дереве, где она будет вне досягаемости всех плотоядных, кроме пумы и стервятников.

Для этого было необходимо срубить ветку, в которую она вце-

пилаась, и поднять тяжелое тело на другую. Здесь ее привязали стоймя к стволу сыромятными ремнями.

— Вот! — удовлетворенно сказал Кикаха, когда работа была завершена. — Ни одна тварь не приблизится к ней, покуда она кажется живой. Все страшатся орлиц Подарги.

В полдень шестого дня после встречи с Аглаей отряд сделал долгую остановку у источника. Лошадям дали отдохнуть и набить животы длинной зеленой травой. Кикаха и Вольф сидели бок о бок на вершине небольшого холма и жевали вареное мясо антилопы.

Вольф с интересом смотрел на небольшое стадо мастодонтов в четырехстах ярдах от них. Поблизости пригнулся в траве полосатый лев, девятисотфунтовый образец вида Феликс Атрокс. Лев питал какие-то слабые надежды напасть на одного из детенышей.

— Гворлам чертовски повезло, раз они добрались до леса в целости, — говорил Кикаха, — особенно поскольку они пешие. Между нами и лесом Деревьев со многими Тенями находятся Ценаква и другие племена ХингГатаврит.

— Полукони? — переспросил Вольф.

За несколько дней с Хровака он нахватал изумительный объем слов и даже начал усваивать кое-что из сложного синтаксиса.

— Полукони. Хои Кентаврои. Кентавры. Их создал Господь точно так же, как он создал других чудовищ этого мира. На индейских равнинах водится много их племен. Некоторые говорят по-скифски или сарматски, поскольку Господь захватил часть своего, кентаврийского, материала из этих древних стен инков. Но другие усвоили языки своих соседей — людей. И все приняли культуру индейцев прерий — с некоторыми вариациями.

Военный отряд вышел на Большую Торговую Тропу. Она отличалась от остальной равнины только вогнанными в землю на каждой миле столбами, увенчанными вырезанными из черного дерева изображениями Тишкитмоакского бога торговли Ишкветтламу.

Кикаха велел отряду пуститься в галоп, когда они приблизились к ней, и не замедлять хода, пока Тропа не останется далеко позади.

— Если бы Большая Торговая Тропа шла к лесу, а не параллельно ему, — сказал он Вольфу, — то все бы было отлично. Покуда мы оставались бы на ней, нас бы не тревожили. Тропа священна, ее уважают даже дикие полукони. Все племена получают тут стальное оружие, одеяла, драгоценности, шоколад, высококачественный табак и так далее от Тишкветмоаков, единственного цивилизованного народа на этом ярусе. Я поспешил пересечь Тропу потому, что был бы не в состоянии помешать Хровака задержаться на несколько дней для торговли, если бы мы наткнулись на купеческий караван. Заметь, что у наших воинов больше мехов на лошадях, чем им нужно. Это просто на всякий случай. Но теперь мы, к счастью, далеко.

Шесть дней прошло без всяких признаков вражеских племен, за исключением выкрашенных в черно-красную полосу Типи ирен-нусонков вдали. Никто из воинов не выехал бросить им вызов, но Кикаха не расслаблялся, пока за ними не осталось много миль. На следующий день равнина начала меняться. Ярко-зеленая трава высотой по колено перемежалась с голубоватой травой высокой всего в несколько дюймов. Вскоре отряд скакал по раскинувшейся голубой земле.

—Утоптанная территория полуконей,—пояснил Кикаха.

Он выслал разведчиков на большее расстояние от основного отряда.

—Не давайте взять себя живым,—напомнил он Вольфу,—особенно полуконям. Человеческие равнинные племена могут решить принять тебя в племя вместо того, чтобы убить, если у тебя хватит пороку весело распевать и плевать им в рожу, пока они поджаривают тебя на медленном огне, но у полуконей нет даже человеческих рабов. Они будут много недель держать тебя живым и визжащим.

На четвертый день после предупреждения Кикахи они поднялись на бугор и увидели впереди черную ленту.

—Деревья растут вдоль реки Винникакау,—сказал Кикаха.—Мы проехали почти полпути до леса Деревьев со многими Тениями. Давай гнать лошадей, пока не доберемся до реки. У меня такое предчувствие, что мы съели большую часть своего везения.

Он замолк, когда увидел вместе с другими отблеск солнца на чем-то белом в нескольких милях справа от них.

Затем белая лошадь Злого Ножа, разведчика, исчезла в ложбине между буграми.

Спустя несколько секунд на бугре позади него появилась темная масса.

—Полукони!—заорал Кикаха.—Ходу! К реке! Мы можем дать отпор среди деревьев вдоль нее, если сумеем добраться туда!

Глава IX

Единым порывом весь отряд пустился в галоп. Вольф пригнулся к шее коня, великолепного чалого жеребца, погоняя его, хотя он не нуждался в поощрении. Равнина понеслась, когда чалый вложил душу в гон своих ног. Несмотря на скорость, Вольф продолжал поглядывать вправо. Белая кобыла Злого Ножа время от времени становилась видна, когда она переваливала через складки местности. Разведчик направлял ее под углом к своему народу. Меньше чем в четверти мили позади него, и настигая, находилась орда полуконей. Численность их доходила по меньшей мере до ста пятидесяти, а может, и больше.

Кикаха подскочил к Вольфу на своем жеребце, золотистом звезде с серебристой гривой и хвостом.

—Когда они догонят нас—а они догонят—оставайся рядом со мной! Я организую колонну по двое, классический маневр, испы-

танный и верный! Таким образом, каждый сможет охранять бок другого!

Он отстал, чтобы передать приказ остальным. Вольф направил своего чалого следовать в цепи за Лапами Россомahi и Спит Стоя. Позади него Белоносый Медведь и Большое Одеяло пытались держаться на равном расстоянии от него.

Остальной отряд рассыпался в беспорядке, который пытались поломать Кикаха и Советник, Паучьи Ноги.

Вскоре все сорок организовались в рваную колонну. Кикаха подскочил к Вольфу и крикнул, перекрывая грохот копыт и свист ветра:

—Они глупы, как дикобразы! Они хотели развернуться и атаковать кентавров, но я им втолковал немного здравого смысла!

Слева скакали, стремясь присоединиться к ним, еще двое разведчиков, Пьяный Медведь и Слишком Много Жен.

Кикаха жестом велел им пристроиться в хвосте. Вместо этого парочка продолжала свой подход под углом девяносто градусов и промчалась дальше мимо арьергарда колонны.

—Эти дураки, по-моему, собираются спасти Золотого Ножа!

Двое разведчиков и Злой Нож приближались к точке схождения. Злой Нож был всего в четырехстах ярдах от Хровака с полуконями в нескольких сотнях ярдов позади него. С каждой секундой они сокращали разрыв, летя со скоростью, с какой не мог соперничать ни один обремененный всадником конь.

Когда они приблизились, стало возможным разглядеть их достаточно подробно, чтобы Вольф понял, чем именно они были.

Они и в самом деле были кентаврами, хотя и не совсем такими, как их рисовали художники Земли. И не удивительно. Господь, создавая их в биолaborаториях, вынужден был сделать определенные уступки реальности. Главное переустройство определялось потребностью кентавров в кислороде. Большая животная часть кентавра должна была дышать—факт, игнорируемый традиционными земными изображениями. Воздухом требовалось снабжать не только верхний, человеческий торс, но и нижнее, териоморфное тело. Относительно небольшие легкие верхней части не могли удовлетворить потребности в воздухе.

Более того, желудок человеческого туловища остановил бы снабжение питанием большего тела под ним, как если бы к большим конским пищеварительным органам присоединили небольшой желудок для передачи пищи, все равно встала бы проблема диеты. Человеческие зубы быстро сотрутся под стачивающей их травой.

Поэтому гибридные существа, несшиеся столь быстро и угрожающие людям, не во всем совпадали с мифическими созданиями, послужившими их образцом.

Рты и шеи были пропорционально большими, чтобы позволить вдохнуть достаточно кислорода. На месте человеческих легких находился похожий на меха орган, гнавший воздух через горлоподобное отверстие, а оттуда—в большие легкие конского тела. Эти легкие были больше лошадиных, потому что вертикальная часть уве-

личивала потребность в кислороде. Пространство для больших легких было создано удалением более крупных травоядных пищеварительных органов и заменой их меньшим плотоядным желудком. Кентавры ели мясо, включая тела своих индейских жертв.

Конская часть достигала размеров примерно с земного индейского конька земли. Шкуры были гнелые, белые, изабелловые и пегие. Конский волос покрывал все, кроме лица. Последнее было почти вдвое больше, чем у человека нормальных размеров, и было широким, скуластым и большеносым. В увеличенном масштабе черты лица были такими же, как у индейцев прерий Земли, лицами Римского Носа, Сидящего Быка и Бешеного Коня.

Боевая окраска расчерчивала их черты, а на головах у них были шляпы с перьями и шлемы из буйволиных шкур с выступавшими рогами.

Оружие у них было таким же, как у Хровака, за исключением одного предмета. Это была бола: два округлых камня, закрепленных на концах сыромятного ремня. Даже пока Вольф гадал, что ему делать, если болу бросят в него, он увидел их пущенными в ход. Злой Нож, Пьяный Медведь и Слишком Много Жен встретились и скакали рядом друг с другом примерно в двадцати ярдах впереди своих преследователей. Пьяный Медведь обернулся и пустил стрелу.

Она вонзилась в набухший, похожий на меха орган под человеческой грудью полуконя. Полуконь рухнул, перевернулся пару раз, а потом лежал, не двигаясь.

Верхний торс был согнут под таким углом, который мог быть только результатом сломанного позвоночника. И это, несмотря на тот факт, что универсальное соединение кости и хряща при сжатии человеческого и конского тела разрешало крайнюю гибкость верхнему торсу.

Пьяный Медведь закричал и взмахнул луком. Он совершил первое убийство, и его подвиг будут много лет воспевать в Доме Совета Хровака.

«Если останется кто-то, чтобы рассказать о нем»,—подумал Вольф.

Было выпущено множество бол, раскрученных так, что камни стали едва видимыми. Вращаясь, словно сорвавшиеся со своих осей пропеллеры аэропланов, болы прочертили воздух. Камень на конце одной из них ударил в шею Пьяного Медведя и сбросил его с коня, оборвав посередине его победную песнь. Другая бола обернулась вокруг задней ноги его коня, с грохотом отправив его на землю.

Вольф одновременно с некоторыми из колонны Хровака выпустил стрелу.

Он не мог сказать, попала ли она в цель, ибо трудно хорошо прицелиться, сидя на галопирующем коне. Однако четыре стрелы угодили в цель, и четверо полуконей пали.

Вольф сразу же вытащил из колчана за спиной другую стрелу, заметив в то же время, что Слишком Много Жен и его конь лежат на земле. Из спины Слишком Много Жен торчала стрела.

Теперь они обогнали Злого Ножа. Вместо того, чтобы заколоть его копьями, полукони разделились и зашли к нему с обеих сторон. — Нет! — закричал Вольф. — Не давай им этого сделать!

Злой Нож, однако, заслужил свое известное имя не без веской причины.

Если полукони упустили шанс убить его ради того, чтобы взять его живым для пыток, то им придется поплатиться за свою ошибку. Злой Нож швырнул свой длинный тишкетмоакский нож в лошадиное тело ближайшего к нему полуконя. Кентавр закувыркался. Злой Нож выхватил из ножен другой тесак. В его коня вогнали копьё, но он бросился на ближайшего кентавра.

Вольф мельком увидел его сквозь массу тел. Злой Нож приземлился на спину кентавру, который чуть не рухнул от толчка его веса, но сумел оправиться и понес его дальше. Злой Нож вонзил тесак в спину человеческого торса.

Мелькнули копыта, хвост кентавра взметнулся в воздух над толпой, а за ним последовали круп и задние ноги.

Вольф подумал, что Злому Ножу конец, но нет. Вот он каким-то чудом оказался на ногах, а затем вдруг на лошадином туловище другого кентавра. На этот раз Злой Нож держал лезвие клинка у горла врага. Он явно угрожал перерезать ему яремную вену, если полуконь не унесет его прочь от других.

Но пика, воткнутая сзади, пронзила Злого Ножа. Однако, не раньше, чем он выполнил свою угрозу и вскрыл шею полуконю, на котором сидел.

— Я видел это! — крикнул Кикаха. — Какой муж этот Злой Нож! После того, что он сделал, даже дикие полукони не посмеют расчленить его тело! Они чтят врага, давшего им жестокий бой, хотя они, конечно, съедят его.

Теперь Хинг Гатаврит подобрался близко к заднему концу цепочки Хровака.

Они разделились на части и увеличили скорость, чтобы обойти кентавров с обеих сторон. Кикаха сказал Вольфу, что полукони не бросятся сперва на Хровака в массовую атаку. Они постараются немного поразвлечься с врагами, а также дать своим неиспытанным молодым воинам шанс показать свое искусство и смелость.

Полуконь в черно-белых яблоках, носивший единственное ястребиное перо в повязке вокруг головы, отделился от основной группы слева. Вертя болой в правой руке и держа оперенное копьё в левой, он поскакал под углом на Кикаху.

Камни на концах сыромятного ремня засвистели, став неразличимыми, а затем рванулись с его руки. Путь их полета лежал вниз, к ногам вражеского коня.

Кикаха нагнулся и ловко ударил по боле наконечником копья. Удар был настолько своевременным, что встретил ремень посередине. Кикаха поднял копьё, а бола все вертелась и вертелась, пока не обмоталась вокруг древка. Добрую часть энергии болы поглотило длинное древко. Копьё также перенесло по дуге на правую сторону от Кикахи, чуть не ударив Вольфа, которому пришлось пригнуться.

Даже так Кикаха едва не потерял копьё, поскольку оно выскользнуло из его руки, увлекаемое инерцией болы, но он удержал его и потряс копьём с болой на верхнем конце.

Незадачливый полуконь в ярости погрозил кулаком и хотел было атаковать Кикаху с копьём. Со стороны двух колонн кентавров поднялся рев одобрения и восхищения. Вождь вылетел перехватить юнца. Он сказал несколько слов и отправил его с позором обратно к основной группе. Вождь был рослым чалым в шляпе с множеством перьев и с множеством пересеченных полосой черных шевронов, нарисованных на его конских ребрах.

—Атакующий Лев!—крикнул по-английски Кикаха.—Он думает, что я заслуживаю его внимания!

Он проорал что-то на языке вождя, а затем разразился издевательским смехом, когда темная кожа последнего стала еще темнее. Атакующий Лев крикнул в ответ и рванул вперед, чтобы поравняться с оскорбителем. Пика в его правой руке нацелилась проткнуть Кикаху, оказавшего противодействие своей собственной. Два древка отскочили друг от друга. Кикаха немедленно отделил свой маленький щит из шкуры мамонта от левой руки. Он блокировал своей пикой очередной удар пики кентавра, а затем метнул щит, словно диск.

Щит проплыл между ними и ударил Атакующего Льва по правой передней ноге.

Кентавр споткнулся, упал на передние ноги и затормозил стоймя на траве.

Когда он попытался подняться, то обнаружил, что правая передняя нога хромает. Из его группы вырвался крик, дюжина вождей в шляпах устремилась с копьями наперевес к Атакующему Льву. Тот держался храбро и ждал смерти, сложив руки на груди, как и подобало великому, но теперь потерпевшему поражение и искалеченному полуконю.

—Передай по цепи приказ замедлить скачку!—бросил Кикаха.—Кони не смогут долго выдержать такую скорость, легкие у них уже сейчас в мыле. Может быть, мы сумеем поберечь их и выиграть немного времени, если полукони захотят обстрелять еще каких-нибудь своих неиспытанных. Если же не захотят, ну, какая разница?

—Пока было весело,—сказал Вольф.—Если мы и не сумеем доскакать до цели, то сможем, по крайней мере, сказать, что не скучали.

Кикаха подскакал достаточно близко, чтобы хлопнуть Вольфа по плечу.

—Ты мне по душе! Я счастлив, что познакомился с тобой. О-го-го! Вот уже скачет необстреленный! Но он собирается выбрать Лапы Россوماхи!

Лапы Россوماхи, один из тестей Кикахи, находился во главе колонны Хровака и как раз перед Вольфом. Он выкрикивал оскорбления полуконю, атаковавшему его и раскручивавшему болу, а затем бросил копьё. Полуконь, видя летевшее к нему оружие, выпу-

стил болу раньше, чем собирался. Копье пронзило ему плечо, бола все же достигла цели и обмоталась вокруг Лапы Россوماхи. Потеряв сознание от удара одним из камней, он упал с коня.

Кони Кикахи и Вольфа перепрыгнули через его тело, лежавшее перед ними. Кикаха нагнулся вправо и проткнул Лапы Россوماхи своей пикой.

—Они не порадуются, пытая тебя, Лапы Россوماхи!—воскликнул Кикаха.—Ты заставил их поплатиться за свою жизнь жизнью.

Последовал период индивидуальных схваток. Вновь и вновь молодые необстрелянные кентавры выскакивали из основной группы бросить вызов одному из людей. Иногда побеждал человек, иногда кентавр. В конце кошмарных тридцати минут от сорока Хровака осталось двадцать восемь. Когда подошла очередь Вольфа, ему достался рослый воин, вооруженный дубиной, усаженной стальными шипами. У него также имелся маленький круглый щит, которым он попытался продублировать трюк Кикахи.

Это не сработало, так как Вольф отбил щит острием пики.

Однако, его защита была на минуту снята, и в эту-то минуту кентавр и воспользовался своим преимуществом.

Он подскочил галопом так близко, что Вольф не мог повернуться и оттянуться назад достаточно далеко, чтобы воспользоваться пикой.

Дубина высоко поднялась, на острых концах ее шипов сверкнуло солнце.

Огромное широкое лицо кентавра расколола победная ухмылка. У Вольфа не было времени уклониться, а если бы он попытался схватить дубину, то кончил бы с разбитой и искалеченной рукой. Не думая, он сделал нечто удивившее как его самого, так и кентавра. Наверно его вдохновил подвиг Злого Ножа. Он бросился с коня, пролетел под дубиной и обхватил полуконя за шею. Его враг пронзительно закричал от страха. Затем они рухнули наземь с ударом, отшибшим у них обоих дыхание.

Вольф вскочил на ноги, надеясь, что Кикаха схватил его коня за узду, чтобы он мог снова оказаться верхом. Кикаха держал коня, но не делал ни малейшего движения, чтобы подвести его к Вольфу.

В самом деле, и Хровака, и полукони остановились.

—Законы войны,—крикнул Кикаха.—Кто первый схватит дубину, тот и победит!

Вольф и кентавр, теперь уже поднявшийся на ноги,—рванулись к дубине, валявшейся примерно в тридцати футах позади них.

Скорость четвероногого была слишком велика для двуногого.

Кентавр добрался до дубины, опередив Вольфа на десять футов. Не снижая скорости, он нагнул свое человеческое туловище и подхватил дубину. Затем он затормозил и развернулся, да так стремительно, что вынужден был встать на дыбы.

Вольф не переставал бежать. Он приблизился, а затем прыгнул на полуконя, даже когда тот встал на дыбы. Кентавр ударил копытом, но Вольф очутился рядом с ним. Хотя удар ногой и задел

его, он врезался в верхнюю часть туловища с такой силой, что увлек ее немного назад, и они оба снова упали.

Несмотря на столкновение, Вольф держал правую руку вокруг шеи кентавра.

Он висел на нем, в то время как кентавр упорно пытался подняться на ноги.

Кентавр, потеряв свою дубину, старался одолеть человека превосходящей силой.

Он снова усмехался, так как превосходил Вольфа в весе по меньшей мере на семьсот футов. Его торс, грудь и руки тоже были намного массивней, чем у Вольфа.

Вольф напряг ноги, сопротивляясь напавшему весу кентавра, и не отодвигался. Захват вокруг огромной шеи сжимался, и полуконь вдруг не смог дышать.

Тогда полуконь попытался выхватить нож, но Вольф схватил другой рукой запястье и выкрутил его. Кентавр завизжал от боли и выронил нож.

Со стороны следивших полуконей раздался рев удивления.

Они никогда раньше не видели такой силы у человека.

Вольф напрягся, рванул и опустил боровшегося воина на передние колени.

Его кулак ударил по вздымавшимся мехам под ребрами и погрузился в них. Полуконь издал громкое «Уф». Вольф отпустил свой захват, сделал шаг назад и использовал правый кулак против толстой челюсти наполовину лишившегося сознания кентавра. Голова откинулась назад, и кентавр рухнул, как подкошенный. Прежде чем он смог опять прийти в сознание, ему раздробили череп его же дубиной.

Вольф снова вскочил на коня, и три колонны поскакали дальше легким галопом. Некоторое время полукони не предпринимали никаких шагов против своих врагов. Их вожди, казалось, что-то обсуждали. Что бы они ни намеревались сделать, они потеряли свой шанс минуту спустя.

Кавалькады перевалили через небольшой бугор и понеслись в широкую ложбину. Она была как раз достаточно глубока, чтобы скрыть от них лежавший там львиный прайд. Очевидно двадцать с чем-то представителей вида Фелис Атрокс съели предыдущей ночью протоверблюда и были слишком сонливы, чтобы обратить какое-то внимание на грохот приближавшихся копыт. Но теперь, когда вторгшиеся внезапно оказались среди них, большие кошки одним прыжком вступили в действие. Их ярость еще больше увеличивалась желанием защитить находившихся среди них детенышей.

Вольфу и Кикахе повезло. Хотя со всех сторон прыгали огромные кошки, ни одна не бросилась на них. Но Вольф оказался достаточно близко к одному самцу, чтобы разглядеть все внушавшие ужас подробности, и это было столь близко, что ближе он никогда не желал бы побывать. Кот был величиной почти с коня, и хотя у него отсутствовала грива африканского льва, у него отнюдь не отсутствовала мощь и свирепость. Он прыгнул мимо Вольфа на бли-

жайшего кентавра, который с воплем упал. Челюсти сомкнулись на горле кентавра, и он умер.

Вместо того, чтобы беспокоиться о трупe, самец прыгнул на другого полуконя, и тот рухнул столь же легко.

Все стало хаосом из рычавших кошек и пронзительно ржавших лошадей, людей и полуконей. Положение было—каждый за себя, к черту битву и все, что происходит.

Вольфу, Кикахе и тем Хровака, которые оказались достаточно счастливыми, чтобы не подвергнуться нападению, потребовалось тридцать секунд, чтобы выбраться из ложбины. Им не нужно было понукать лошадей, которые рванулись с такой скоростью, что возникли сложности с тем, чтобы не дать им загнать себя до смерти.

Позади них, но теперь в отдалении, из ложбины выбирались тонким ручейком кентавры, избежавшие лвиных когтей и зубов.

Вместо того, чтобы сразу преследовать Хровака, они отбежали на безопасное расстояние от львов, а затем остановились подсчитать свои потери. На самом деле они пострадали не больше, чем на дюжину убитых, но были сильно потрясены.

—Удача для нас!—крикнул Кикаха.—Однако, если мы не сможем добраться до леса прежде, чем они снова погонят нас, то нам конец! Они не собираются больше продолжать индивидуальные схватки. Они произведут всеобщую атаку!

Лес, к которому они стремились, по-прежнему выглядел таким же далеким, как раньше. Вольф не верил, что его конь, хоть он и был великолепным зверем, сумеет доскакать до него.

Его шкура стала темной от пота, и он тяжело дышал.

И все же он мчался вперед, машина из прекрасно закаленной плоти и духа, которая будет бежать, пока у нее не лопнет сердце.

Теперь полукони пустились в полный галоп и постепенно настигали их. Через несколько минут они оказались на расстоянии выстрела из лука. Несколько стрел, выпущенных в преследуемых, вонзились в траву, поэтому кентавры воздерживались от стрельбы, так как видели, что луки были слишком неметки из-за скорости и тряски с которой мчались и лучники, и мишень.

Вдруг Кикаха издал восторженный вопль.

—Не снижайте скорости!—крикнул он всем.—Да послужит вам Дук Акджау Димиса!

Вольф не понял его, пока не посмотрел, куда указывал палец Кикахи. Перед ними, полускрытые высокой травой, находились тысячи земляных холмиков. Перед ними сидели существа, похожие на полосатых собак прерий.

В следующую минуту Хровака проскакали в колонию, а полукони—сразу же за ними. Поднялись крики и вопли, когда лошади и кентавры с треском падали, ступив в ямы. Рухнувшие животные и полукони лягались и пронзительно кричали от боли в сломанных ногах. Кентавры, мчавшиеся позади первой волны, вставали на дыбы, чтобы остановиться, а те, что скакали следом, врезались в них. В одну минуту по границе поля полосатых собак прерий нагромоздилась куча переломанных и лягавшихся четвероногих тел.

Полукони, достаточно удачливые, чтобы оказаться далеко позади, остановились и смотрели на своих застрявших товарищей.

Затем они осторожно потрусили вперед, внимательно следя, куда ставят копыта.

Тем, кто сломал руки или ноги, они перерезали глотки.

Хровака, хотя и сознавали, что имело место у них за спиной, не задерживались посмотреть. Они гнали дальше, но с уменьшившейся скоростью. Теперь у них имелось десять лошадей и двенадцать человек. Жужжит Как Пчела и Высокая Трава скакали вдвоем с теми, у кого лошади не сломали ноги.

Кикаха, поглядев на них, покачал головой. Вольф знал, что он думает.

Ему следовало бы приказать Жужжит Как Пчела и Высокой Траве слезть и бежать на своих двоих, иначе не только они, но и подобравшие их воины неизбежно будут настигнуты. Затем Кикаха сказал:

—К черту все! Я их не брошу!

Он притормозил, поровнявшись с ними. Коротко поговорив со скакавшими в тандеме, он снова поровнялся с Вольфом.

—Если они пропадут, так пропадем все вместе,—сказал он.—Но ты не обязан оставаться с нами, Боб. Ты должен хранить верность не нам. Для тебя нет никакой причины приносить себя в жертву ради нас и терять Хрисенду и рог.

—Я остаюсь,—твердо заявил Вольф.

Кикаха усмехнулся и хлопнул его по плечу.

—Я надеялся, что мы сможем добраться до леса, но нам этого не суметь. Почти, но не совсем. К тому времени, когда мы доберемся до того большого холма что в полумиле впереди, нас снова догонят. Очень жаль. До леса-то останется всего лишь полмили.

Колония прерийных собак столь же внезапно осталась позади, как раньше выросла перед ними. Хровака побудили своих животных пустить в галоп. Минуту спустя кентавры безопасно прошли через поле и тоже помчались на полной скорости. Преследуемые поскакали вверх по холму. На вершине они остановились, строясь в круг.

Вольф показал вниз по склону холма и через равнину на небольшую речку.

Вдоль нее рос лес, но его волнение было вызвано не этим.

У края реки сияли, частично загороженные деревьями, белые типы.

Кикаха долго смотрел, прежде чем сказать:

—Ценаква. Смертельные враги медвежьего народа. Впрочем, кто им не враг?

—Вот они выходят,—сказал Вольф.

—Их, должно быть, предупредили часовые.

Он показал на дезорганизованную группу всадников, выезжавших из леса.

Солнце отсвечивало с белых лошадей, белых щитов и белых перьев и искрилось на наконечниках пик.

Один из Хровака, завидя их, начал высокотонную воющую песню. Кикаха прикрикнул на него, и Вольф понял, что Кикаха велел ему заткнуться. Сейчас было не время для песни смерти, они еще обманут и полуконей, и Ценаква.

—Я собирался приказать дать здесь наш последний бой,—проговорил Кикаха,—но теперь—нет. Мы поскачем к Ценаква, а затем оторвемся от них к лесу вдоль реки. Как мы отделаемся, зависит от того, решат ли оба наших противника драться или нет. Если один откажется, то другой нас уделает. Если нет... Ходу!

Пронзительно вопя «Уайя», они ударили пятками по ребрам лошадей и поскакали вниз с холма прямо на Ценаква.

Вольф оглянулся через плечо и увидел, что полукони мчатся по склону холма следом за ними.

—Не думал я, что они попадутся на это,—крикнул Кикаха.—Много женщин будет выть сегодня в вигвамах, но не только среди медвежьего народа!

Теперь Хровака были достаточно близко, чтобы различить узоры на щитах Ценаква. Это были черные свастики, символ, увиденный Вольфом без удивления. Крючковатый крест был на Земле древним и широко распространенным. Он был известен троянцам, критянам, римлянам, кельтам, норвежцам, индийским буддистам и брахманам, китайцам и по всей доколумбовской Северной Америке. Вольф равно не удивился, увидев, что надвигавшиеся индейцы были рыжими. Кикаха рассказывал ему, что Ценаква красили свои черные локоны.

По-прежнему неупорядоченной массой, но сбитые теперь потесней, ценаква взяли копыя наперевес и издали свой боевой клич: подражание клекоту ястреба. Кикаха во главе колонны поднял руку, подержал ее с миг, а затем резко рубанул ею воздух. Его конь развернулся налево и поскакал прочь, с следовавшей за ним цепочкой медвежьего народа, он—голова, а другие—тело змея.

Кикаха оторвался вблизи от врага, но он использовал правильный и точный расчет времени. Когда полукони и ценаква врезались с треском друг в друга и перепутались в шквале свалки, Хровака усаkali прочь. Они добрались до леса, замедлили ход, пробираясь сквозь деревья и подлесок, а потом переправились через речку. Даже и так Кикахе пришлось поспорить с несколькими воинами. Они хотели шмыгнуть обратно через реку и сделать набег на типи ценаква, пока их воины заняты боем с полуконями.

—По-моему, есть смысл,—высказался Вольф.—Если мы задержимся там ровно настолько, чтобы захватить несколько лошадей. Жужжит Как Пчела и Высокая Трава не могут продолжать скакать по двое.

Кикаха пожал плечами и отдал приказ.

Набег занял пять минут. Хровака вновь переправились через речку и, выскочив из леса с дикими криками, рассеялись среди типи. Женщины и дети завизжали и укрылись в лесу или в вигвамах. Некоторые Хровака хотели захватить не только коней, но и добычу. Кикаха пригрозил, что убьет первого, кого поймают на краже

чего-нибудь, кроме луков и стрел. Но он нагнулся с коня и пода-рил хорошенькой, но боевитой женщине долгий поцелуй.

—Скажи своим мужчинам, что я взял бы тебя в постель и сделал бы так, чтобы навек оставить мучиться мужчин из твоего племени,—бросил ей Кикаха,—но нас ждут дела поважнее.

Он, смеясь, отпустил женщину, убежавшую в вигвам.

Кикаха задержался достаточно долго, чтобы помочиться в большой котел посередине лагеря—смертельное оскорбление—а затем приказал отряду убираться.

Глава X

Они ехали две недели, а потом оказались на опушке Леса Деревьев со Многими Тенями. Здесь Кикаха устроил долгое прощание с Хровака. Они также, подходя по очереди к Вольфу и положив ему руки на плечи, произносили прощальную речь. Теперь он был одним из них.

Вернувшись, он возьмет дом и жену среди них и будет выезжать с ними на охоту и на войну. Он был Квашиню Да, Сильный, он убил своего врага бок о бок с ними, он поборол полуконя, ему дадут медвежонка, чтобы он вырастил его как своего родного, Господь благословит его сыновьями и дочерьми, и так далее, и тому подобное.

Вольф степенно ответил, что не мог придумать большей чести, чем быть принятым медвежьим народом, и говорил правду.

Много дней спустя они проехали через Лес Деревьев со Многими Тенями. Они потеряли однажды ночью обеих коней из-за чего-то, оставившего следы ног в десять раз больше, чем у человека, и четырехпалые. Вольф был опечален и разъярен, так как он успел привязаться к своему животному. Он хотел погнаться за этим Ва Ганасситом и отомстить. При этом предложении Кикаха в ужасе воздел руки.

—Будь счастлив, что тебя тоже не уволокли!—воскликнул он.—Ва Ганассит покрыт полукремневой чешуей. Твои стрелы отскочат от него. Забудь про лошадей. Мы можем когда-нибудь вернуться и поохотиться на него. Их можно поймать в ловушку, а потом зажарить на костре, что я и хотел бы сделать, но мы должны быть практичными. Пошли.

По другую сторону Многих Теней они соорудили каноэ и поплыли вниз по широкой реке, проходившей через множество больших и малых озер. Местность здесь была холмистая, с крутыми утесами во многих местах. Она напомнила Вольфу лесные долины Висконсина.

—Прекрасная страна, но здесь живут Чакоревачи и Энвадоиты.

Тринадцать дней спустя, во время которых им грижды приходилось бешенно грести, спасаясь от преследовавших их каноэ с воинами, они оставили каноэ. Перейдя широкую и высокую гряду холмов, большей частью ночью, они вышли к большому озеру.

Там—снова соорудили каноэ и пустились через воды.

Пять дней плавания привели их к подножью монолита Абхарплунты. Они начали медленный подъем, столь же опасный, как и на первый монолит. К тому времени, когда они добрались до вершины, был израсходован весь запас стрел, и они страдали от нескольких неприятных ран.

—Ты можешь понять, почему сообщение между ярусами ограниченное,—сказал Кикаха.—В первую очередь, его запретил Господь. Это, однако, не удерживает непочтительного и склочного к авантюрам торговца от попытки. Между гранью и Дракландией лежат несколько миль джунглей с рассыпанными здесь и там большими плато. Река Гузирит протекает всего лишь в ста милях. Мы отправимся туда и поищем проезда на речной лодке.

Они приготовили кремневые наконечники и древки для стрел.

Вольф убил тапироподобное животное. Мясо его было немного вонючим, но оно наполнило их животы силой. Он хотел скорей отправиться, находя нежелание Кикахи раздражающим.

Кикаха посмотрел на зеленое небо и заметил:

—Я надеялся, что одна из пташек Подарги найдет нас и сообщит нам новости. В конце концов, мы не знаем, какое направление выбрали гворлы. Они должны были отправиться к горе, но могли выбрать два пути: они могли пойти всю дорогу через джунгли, маршрут, не рекомендуемый ради безопасности или—отправиться на лодке вниз по Гузириту. У этого маршрута тоже есть свои опасности, особенно для таких, довольно выделяющихся тварей, вроде гворлов. А Хрисенда получила бы высокую цену на работоторговом рынке.

—Мы не можем вечно ждать орлицу,—возразил Вольф.

—Да нам и не придется,—ответил Кикаха.

Он показал вверх, и Вольф, проследив за направлением его пальца, увидел желтую молнию. Она исчезла только для того, чтобы миг спустя появиться в поле зрения. Орлица стремительно падала, сложив крылья. Вскоре она остановила свое падение и спланировала к ним.

Фтия представилась, а потом сразу же заявила, что принесла хорошие новости. Она заметила гворлов и женщину, Хрисенду, всего в четырехстах милях впереди них. Они устроились пассажирами на купеческом судне и путешествовали вниз по Гузириту к Стране Людей в Доспехах.

—Ты видела рог?—спросил Кикаха.

—Нет,—ответила Фтия.—Но они, несомненно, прячут его в одном из носимых ими бурдюков. Я выхватила у гворла один бурдюк на случай, что рог мог оказаться там. За свои хлопоты я добыла мешок, полный барахла и чуть не получила стрелу в крыло.

—У гворлов есть луки?

Вольф удивился.

—Нет. В меня стреляли речники.

Вольф спросил о воронах и услышал в ответ, что их было много. Господь явно, должно быть, приказал им всем постоянно следить за гворлами.

—Это плохо.

Кикаха встревожился.

—Если они нас заметят, то мы окажемся в настоящей беде.

—Они не знают, какие вы на вид,—успокоила их Фтия.—Я подслушала воронов, когда те разговаривали, прячась, хотя это приказ моей госпожи, и я подчиняюсь. Гворлы пытались описать вас Очам Господа. Вороны ищут двух людей, путешествующих вместе; оба высокие, один—черноволосый, а другой—бронзоволосый. Но это и все, что они знают, а к этому описанию подходят многие люди. Вороны, однако, будут высматривать двух людей, идущих по следу гворлов.

—Я покрашу бороду, и мы достанем хамшемскую одежду,—решил Кикаха.

Фтия сказала, что она должна лететь дальше. Она отправлялась доложить Подарге, оставив другую сестру продолжать наблюдение за гворлами, пока сама высматривала их. Кикаха поблагодарил ее и убедился, что она передаст его привет Подарге. После того, как гигантская птица оторвалась от грани монолита, спутники направились в джунгли.

—Ступай мягко и говори тихо,—велел Кикаха.—Здесь водятся тигры. Фактически, джунгли так и кишат ими. Здесь также водятся большой топороклюв. Это бескрылая птица, настолько крупная и свирепая, что от нее бросилась бы улепетывать даже одна из птичек Подарги. Я однажды видел, как два тигра связались с топороклювом, но почти сразу уловили, что будет неплохой идеей побыстрее дать тягу.

Несмотря на предупреждение Кикахи, они увидели очень мало живности, за исключением огромного числа многоцветных птиц, обезьян и рогатых жуков размером с мышь. Для жуков у Кикахи нашлось только одно слово: «Ядовитые». Соответственно, Вольф с этого времени, прежде чем лечь, убеждался, что ни одного из них поблизости нет.

Прежде чем добраться до своей непосредственной цели, Кикаха искал одно растение, губхареш. Обнаружив после полуденных розысков большую их группу, он потолок волокна, сварил их и отжал черноватую жидкость. Он выкрасил ею свои волосы, бороду и кожу сверху донизу.

—Свои зеленые глаза я объясню сказочкой про мать-рабыню из Тевтонии,—сказал он.—Вот. Употребь немного сам. Тебе не повредит быть немного потемнее.

Они вышли к полуразрушенному Каменному городу с широко-ротыми приземистыми идолами. Горожане были невысокими, худощавыми и темноволосыми людьми, одетыми в каштановые накидки и черные набедренные повязки. Волосы, как у мужчин, так и у женщин были длинные и смазанные маслом, получасным из молока разношерстных коз, бойко скакавших по руинам и питавшихся травой, проросшей по трещинам в камне. Эти юди, кайдушанги, держали кобр в маленьких клетках и часто выпускали своих любимцев погладить их. Они жсвали дхиз,—растение, делавшее их

зубы черными и придававшее их взглядам затуманенное выражение, а их движениям—медлительность.

Кикаха, употребив Хъвайжум, общепонятный местный жаргон, устроил меновую торговлю со старейшинами. Он сменял ногу убитого им с Вольфом гиппопотамоподобного зверя на хамшемскую одежду. Спутники обличились в красно-зеленые тюрбаны, украшенные перьями китлибаша, белые безрукавные рубашки, мешковатые пурпурные шаровары, кушаки, много раз обматываемые вокруг талии, и черные туфли с загнутыми носками.

Несмотря на оцепеневшие от дхиза мозги, старейшины оказались очень ловкими в своей торговле. Только когда Кикаха достал из своего рюкзака самый маленький сапфир—один из драгоценных камней, подаренных ему Подаргой—они продали инкрустированные жемчугом ножны и ятаганы из припрятанных ими товаров.

—Надеюсь, что лодка прибует скоро,—заметил Кикаха.—Теперь, когда они знают, что у меня есть камни, они могут попробовать перерезать нам глотки. Я сожалею, Боб, но нам придется ночью караулить. Они любят также посылать своих змей выполнять за них грязную работу.

В тот же день из-за поворота реки выплыло купеческое судно. При виде двух спутников, стоявших на гниющем пирсе и махавших длинными белыми платками, капитан приказал бросить якорь и спустить паруса.

Вольф и Кикаха сели в спущенную для них лодочку и были отвезены на «Хриллуз». Это было судно длиной в сорок футов, с низкой серединой, но возвышенными палубами на корме и в носовой части с одним косым парусом и кливером. Матросы, по большей части, принадлежали к ветви хамшемского народа, называемой шибакуб. Они разговаривали на наречии, фонологию и структуру которого Кикаха описал Вольфу прежде. Он был уверен, что это архаическая форма семитского, подвергшаяся влиянию аборигенных наречий.

Капитан Архюрель вежливо приветствовал их на полуюте. Он сидел, скрестив ноги на куче подушек и богатых ковров, потягивая густое вино из крошечной чашки.

Кикаха, назвавшийся Ишнакрубелем, выдал свою заботливо приготовленную историю. Он и его спутник, человек, давший обет не разговаривать, пока не вернется к своей жене в далекой стране Шиашту, провели несколько лет в джунглях.

Они искали легендарный затерянный город Зикунт.

Сплетенные черные брови капитана поднялись, и он погладил ниспадавшую до пояса темно-каштановую бороду. Он попросил их присесть и принять чашу ахаштумского вина, пока они рассказывают свою повесть. Глаза Кикахи сверкнули, и он усмехнулся, погружаясь в свой рассказ. Вольф его не понимал и все же был уверен, что его друг был в восторге от своих длинных, богатых на подробности и приключения выдумок. Он только надеялся, что Кикаха не увлечется чересчур и не возбудит недоверия у капитана.

Проходили часы, покуда каравелла плыла вниз по реке. Один

матрос, одетый только в алую набедренную повязку, с мешками под глазами, тихо играл на флейте на фордеке. Им принесли еду на серебряной и золотой тарелках: зажаренную обезьяну, нафаршированную птицу, твердый черный хлеб и кислое желе.

Вольф нашел мясо чересчур пряным, но съел.

Солнце приблизилось к своему еженощному повороту за гору, и капитан поднялся. Он провел их в маленькое святилище позади штурвала. Здесь стоял идол из зеленого нефрита, Тартартар. Капитан пропел молитву, главную молитву Господу. Затем Архюрель опустился на колени перед мелким божком собственного народа и отвесил глубокий поклон. Матрос побрызгал немного фимиама на крошечный огонь, пылавший в выемке на коленях у Тартартара. В то время как пары распространялись по кораблю, те, кто придерживался веры капитана, тоже помолились.

Позже матросы, поклонявшиеся другим богам, исполнили свои личные обряды.

Той ночью спутники лежали на средней палубе на предоставленной им капитаном куче мехов.

— Не знаю я насчет этого парня, Архюреля, — говорил Кикаха. — Я рассказал ему, что мы не сумели отыскать город Зикунант, но нашли небольшой тайник с сокровищами. Хвалиться нечем, но достаточно, чтобы позволить нам скромно жить без забот по возвращении в Шиялиту. Он не попросил показать драгоценности, даже хотя я пообещал дать ему за наш проезд большой рубин. Эти люди заключают сделки не спеша: торопиться в делах — оскорбительно. Но жадность может одолеть его чувство гостеприимства и деловой этики, если он подумает, что сможет получить большую добычу всего лишь перерезав нам глотки и выбросив наши тела в реку.

Он на мгновение замолк. С веток вдоль реки доносились крики множества птиц. Время от времени какой-то ящер ревел с берега или из самой реки.

— Если он собирается сделать что-то бесчестное, то сделает на следующей тысяче миль. Это одинокий отрезок реки, за которым городки и города начинают становиться более многочисленными.

В следующий полдень, сидя под установленным для их удобства пологом, Кикаха презентовал капитану рубин, огромный и прекрасной окраски. За него Кикаха мог купить у капитана само судно с экипажем впридачу. Кикаха надеялся, что Архюрель будет более чем удовлетворен им. Капитан и сам мог, если желал, уйти на покой после его продажи. Затем Кикаха сделал то, чего хотел бы избежать, да знал, что нельзя. Он вынул остальные драгоценные камни: алмазы, сапфиры, рубины, гранаты, турмалины и топазы. Архюрель улыбнулся, облизнул губы и три часа гладил камни. Наконец он заставил себя отдать их.

Той ночью, пока они лежали в своих постелях на палубе, Кикаха достал пергаментную карту, позаимствованную им у капита-

на. Он показал на большой изгиб реки и постучал пальцем по кружку, отмеченному причудливыми завитушками слоговых символов хаммомского письма.

— Это город Хотсикш. Он заброшен построившим его народом, подобно тому, из которого мы отплыли на этом судне, и населен полудиким племенем визварт. Мы тихо покинем корабль в ночь, когда бросим там якорь, и пересечем тонкий сухопутный перешеек, срезав путь по реке. Возможно, мы сумеем выиграть достаточно времени, чтобы перехватить судно, везущее гворлов. Если же нет, то мы все равно будем впереди этого судна. Мы сядем на другого «купца» или, если ни одного не подвернется, найдем визвартскую долбленку с экипажем.

Двенадцать дней спустя «Хрилкуз» пришвартовался у массивного, но потрескавшегося пирса. На каменном языке толпились визварты и кричали матросам, показывая им кувшины с дхизом и «золотым дождем», певчих птиц в деревянных клетках, обезьян и сергалов на поводках, остатки материальной культуры из спрятанных и разрушенных городов в джунглях, сумки и кошель, сделанные из пупырчатых шкур речных ящеров, и плащи из шкур тигров и леопардов. У них имелся даже детеныш топороклюва, за которого, как они знали, капитан заплатит хорошую цену и продаст башнишубу, королю Шибакуба. Их главным товаром, однако, были их женщины. Эти, одетые с головы до ног в дешевые халаты из алого и зеленого хлопка, парадировали взад-вперед по пирсу. Они молниеносно распахивали свои халаты, а потом быстро запахивали их, одновременно выкрикивая цену проката на ночь для изголодавшихся по женщинам матросов. Мужчины, одетые только в белые тюрбаны и фантастические гульфики, стояли в стороне, жевали дхиз и усмехались. Все имели духовые ружья шестифутовой длины и длинные, тонкие, кривые ножи, воткнутые в спутанные узлы волос на макушках.

Во время торга между капитаном и визвартом Кикаха и Вольф побродили по циклопическим плитам и руинам города.

Внезапно Вольф предложил:

— Камни-то у тебя ведь с собой. Почему бы нам не взять визварта-проводника и не отправиться сейчас? Зачем ждать ночи?

— Мне нравится твой стиль, друг, — согласился Кикаха. — Ладно. Пошли.

Они нашли высокого худого человека, Бивхина, который с энтузиазмом принял их предложение, когда Кикаха показал ему топаз. По их настоянию, он не сказал даже жене, куда идет, а сразу повел их в джунгли. Он хорошо знал тропы и, как обещал, доставил их за два дня к городу Кирукшак. Здесь он потребовал еще один камень, сказав, что если ему дадут премию, он вообще никому не скажет о них.

— Премии я тебе не обещал, — сказал Кикаха, — но мне нравится проявленный тобой прекрасный дух свободного предпринимательства, друг мой, поэтому вот тебе еще один, но если попробуешь получить третий — убью.

Вивхан улыбнулся, поклонился, взял второй топаз и потрусил в джунгли. Кикаха, глядя ему вслед, произнес:

—Может быть, мне все равно следовало бы его убить. В лексиконе визвартов нет даже слова честь.

Они вошли в развалины. После получаса лазания и осторожно-го пробирания между обвалившимися зданиями и кучами земли они оказались на приречной стороне города. Здесь собрались долины, народ той же языковой семьи, что и визварты, но мужчины носили длинные, вислые усы, а женщины красили верхнюю губу в черный цвет и носили кольца в носу. С ними находилась группа купцов из страны, давшей всем говорящим на хамшемском свое название. У пирса не было никакой речной каравеллы.

Увидев это, Кикаха остановился и начал было поворачивать обратно в развалины, но сделал это слишком поздно, потому что хамшеме увидели его и окликнули их.

—Можно с таким же успехом повести себя вызывающе,—про-бурчал Вольфу Кикаха.—Если я завоплю, беги, как из ада. Эти субчики—работорговцы.

Там было около тридцати хамшемов.

Все они были вооружены ятаганами и кинжалами.

Вдобавок, среди них было около пятидесяти солдат, высоких, широкоплечих, более светлых, чем хамшеме, с вытатуированными на лицах и плечах спиральными узорами. Кикаха объяснил, что эти были шалкинскими наемниками, часто используемыми хамшемами. Они были знаменитыми копейщиками, горцами, козопасами, презиравшими женщин, как не годных ни к чему, кроме домашней работы, работы в поле и рождения детей.

—Не давай им взять себя живым.

Это было последнее предупреждение Кикаха, услышанное Вольфом, прежде чем он улыбнулся и поздоровался с предводителем хамшемов. Это был очень высокий и мускулистый человек по имени Абиру. У него было лицо, которое можно было бы назвать красивым, если бы его нос не был чересчур большим и кривым, как ятаган.

Он ответил Кикахе достаточно вежливо, но его большие черные глаза взвешивали их, словно они являлись столькими-то фунтами продаваемого мяса.

Кикаха выдал ему ту же историю, какую рассказал Архюрелю, но существенно сократил ее, оставив за скобками драгоценности. Он сказал, что они будут ждать, пока не прибудет купеческое судно и не отвезет их обратно в Шиялиту.

Затем он спросил, как славно обстояли дела у Абиру.

К тому времени способность Вольфа быстро подхватывать языки дала ему возможность понимать хамшемское наречие, когда оно было на простой разговорной основе.

Абиру ответил, что благодаря Господу и Тартартару данное деловое предприятие оказалось очень прибыльным.

Кроме набранного рабского материала обычного типа, он захватил в плен группу очень странных созданий, а также женщину ис-

ключительной красоты, подобной которой никогда прежде не видели, во всяком случае, на этом ярусе.

Сердце Вольфа начало сильно стучать.

Неужели это возможно?

Абиру спросил, не хотят ли они взглянуть на пленников.

Кикаха бросил предупреждающий взгляд на Вольфа, но ответил, что он очень хотел бы увидеть как курьезных существ, так и сказочно прекрасную женщину. Абиру поманил капитана наемников и приказал ему отправиться с ними вместе с десятью его воинами. Тут Вольф почувал опасность, которую Кикаха осознавал с самого начала. Он знал, что им следует бежать, хотя маловероятно, чтобы их ждал успех. Шолкины, казалось, привыкли настигать беглецов своими копытами.

Но он отчаянно хотел вновь увидеть Хрисенду. Поскольку Кикаха не сделал никакого хода, Вольф решил не делать такового по собственной инициативе. Кикаха, имевший больше опыта, предположительно знал, как действовать лучше всего.

Абиру, любезно болтая о прелестях столичного города Хамшема, провел их по заросшей подлеском улице к большому ступенчатому зданию с разбитыми статуями на разных уровнях. Он остановился перед входом, у которого стояло еще десять шолкинов.

Даже прежде, чем они вошли, Вольф знал, что гворлы находятся там.

Перекрывая вонь немытых человеческих тел, плыл запах гнилых фруктов от бугристого народа.

Внутреннее помещение было огромным, прохладным и скудно освещенным. У противоположной стены на наваленной на каменном полу земле сидела линия из примерно ста мужчин, женщин и тридцати гворлов. Все были прикованы длинными, тонкими железными цепями вокруг железных ошейников у них на шеях.

Вольф поискал взглядом Хрисенду.

Ее там не было.

Абир, отвечая на невысказанный вопрос, сказал:

—Кошкоглазую я держу отдельно. У нее есть прислужница и особая охрана. Она получает все внимание и заботу, полагающиеся драгоценному камню.

Вольф не смог сдержаться:

—Я хотел бы увидеть ее,—сказал он.

Абир пристально посмотрел на него и сказал:

—У тебя странный акцент. Разве твой спутник не говорил, что ты тоже из страны Шиашиту?

Он махнул рукой солдатам, которые двинулись вперед с копиями наперевес.

—Неважно. Если ты и увидишь эту женщину, то увидишь ее с конца цепи.

Кикаха возмущенно закричал:

—Мы подданные царя Хамшема и вольные люди! Вы не можете сделать с нами этого! Это будет стоить вам головы, конечно, после определенных законных пыток!

—Я не намерен везти вас обратно в Хамшем, друг мой. Мы отправляемся в Тевтонию, где ты получишь хорошую цену, будучи человеком сильным, хотя и слишком разговорчивым. Мы, однако, можем позаботиться об этом, отрезав тебе язык.

Ятаганы спутников были отобраны вместе с рюкзаком. Подтачиваемые копиями, они прошли к концу линии, непосредственно за гворлами, и были скованы железными ошейниками. Абиру, вывалив на пол содержимое рюкзака, выругался, увидев кучу драгоценных камней.

—Так, значит, вы кое-что нашли в затерянных городах! Какая удача для нас! Меня почти, но не совсем, одолело искушение отпустить вас за то, что вы меня так обогатили.

—Это насколько же можно закоснеть!—пробурчал по-английски Кикаха.—Он говорит, словно злодей из второсортного фильма. Черт бы его побрал! Если у меня будет шанс, я ему отрежу больше, чем язык.

Абиру, счастливый своим обогащением, вышел. Вольф изучил соединенную с ошейником цепь. Она была сделана из мелких звеньев. Он мог бы суметь порвать ее, если железо было не слишком высококачественным. На Земле он забавлялся, втайне конечно, разрывая именно такие цепи, но он не мог пробовать до наступления ночи.

Позади Вольфа Кикаха прошептал:

—Гворлы не узнают нас в этом гриме, поэтому пускай так и останется.

—А что насчет рога?—поднял вопрос Вольф.

Кикаха, заговорив на ранней средне-германской форме тевтонского, попытался вовлечь в разговор гворлов. После того, как ему чуть не попали в лицо сгустком слюны, он бросил эту затею. Он сумел поговорить с одним из шолкинских солдат и с несколькими рабами-людьми. По мелочам он собрал от них много сведений.

Гворлы были пассажирами на «Кварниржубе», плававшей под командованием некоего Раххамена. Находясь в этом городе, капитан встретил Абиру и пригласил его на борт выпить чашу вина.

Той же ночью—фактически, в ночь перед тем, как Вольф и Кикаха появились в городе—Абиру и его люди захватили судно. Во время борьбы капитан и несколько матросов были убиты, остальные сидели теперь в ряд на цепи. Судно было отправлено вниз по реке и вверх по притоку для продажи экипажа одному речному пирату, о котором слышал Абиру.

Что касается рога, то никто из экипажа «Кваркиржуба» о нем не слышал.

Не снабдил какими-либо новостями и солдат. Кикаха сказал Вольфу, что, по его мнению, Абиру вряд ли позволит узнать о нем кому-либо еще, кроме себя.

Он, должно быть, опознал его, так как все слышали про рог Господа. Он был частью универсальной религии и описывался в различных священных литературах.

Наступила ночь. Вошли солдаты с факелами и едой для рабов.

После еды в помещении осталось двое шолкинов, и неизвестно сколько стояло на страже снаружи. Санитарная организация была отвратительной, стоял удушливый запах.

Абиру явно не заботился о соблюдении приличий в том виде, в каком они были изложены Господом. Однако, должно быть, некоторые из более религиозных шолкинов пожаловались, потому что несколько долинзов пришли сделать уборку. На каждого раба выплесли ведро воды, а несколько ведер оставили для питья.

Гворлы завывали, когда на них попала вода, и долгое время после этого жаловались и ругались. Кикаха пополнял запас сведений Вольфа, сообщив ему, что гворлы, подобно сумчатым крысам и другим пустынным животным Земли, не нуждались в воде. У них имелось биологическое устройство, схожее с тем, что было у обитателей аридных зон, окислявшее их жир в потребную окись водорода.

Взошла луна. Рабы ложились на пол или прислонялись к стене и засыпали. Вольф и Кикаха притворялись желавшими того же самого. Когда луна вышла на позицию так, что ее стало видно сквозь дверной проем, Вольф сказал:

—Я собираюсь попробовать порвать цепь. Если у меня не хватит времени порвать твою, то нам придется разыграть сиамских близнецов.

—Давай,—прошептал в ответ Кикаха.

Длина цепи между ошейниками обоих была около шести футов.

Вольф медленно, дюйм за дюймом подкрался к ближайшему гворлу, чтобы дать себе достаточно длинный, ненатянутый отрезок. Кикаха подполз вместе с ним. Путешествие заняло примерно пятнадцать минут, так как они не хотели, чтобы двое часовых в помещении осознали их перемещение. Затем Вольф, повернувшись спиной к охранникам, взялся за цепь обеими руками.

Он натянул ее и почувствовал, что звенья держатся прочно.

Медленное напряжение задачи не выполнит. Значит, необходим быстрый рывок. Звенья с шумом порвались.

Двое шолкинов, громко разговаривавшие и смеявшиеся, чтобы не дать заснуть друг другу, замолкли. Вольф не смел обернуться и посмотреть на них. Он ждал, откуда шолкины обсуждают возможное происхождение звука. Им явно не приходило в голову, что он мог быть от разорвавшейся цепи. Они провели некоторое время, высоко держа факелы и рассматривая потолок.

Один пошутил, другой рассмеялся, и они возобновили свой разговор.

—Хочешь попробовать и вторую?—прошептал Кикаха.

—Очень даже хочу, но если не попробую, мы будем в невыгодном положении,—ответил Вольф.

Ему пришлось немного подождать, так как гворл, с которым он был скован, протнулся от разрывания цепи. Он поднял голову и проворчал что-то на своей скрежещущей, как напильник по стали, речи. Вольф начал потеть еще сильнее.

Если гворл сядет или попробует встать, то его движение откроет повреждение цепи.

После пронзающей сердце минуты гворл снова улегся и вскоре захрапел.

Вольф чуть расслабился. Он даже натянуто улыбался, так как действия гворла подали ему идею.

—Подползай ко мне, словно тебе хочется согреться около меня,—тихо сказал Вольф.

—Ты что, шутишь?—прошептал в ответ Кикаха.—Я чувствую себя, словно в парной бане. Ну, ладно. Вот так.

Он пополз, пока его голова не очутилась у коленей Вольфа.

—Когда я порву цепь, не вступай в действие,—предупредил его Вольф.

—У меня есть идея привлечь охранников сюда, не потревожив тех, что снаружи.

—Надеюсь, они не будут сменять караул как раз тогда, когда мы начнем действовать,—заметил Кикаха.

—Молись Господу,—ответил Вольф,—земному.

—А он тому помогает, кто сам не плошает.

Кикаха усмехнулся.

Вольф рванул изо всех сил, звенья с шумом лопнули. На этот раз часовые перестали разговаривать, а гворл внезапно поднялся. Вольф сильно укусил гворла за палец ноги. Тварь не закричала, а крикнула и начала вставать.

Один из часовых приказал ему оставаться сидячим, и оба двинулись к нему.

Гворл не понял их языка. Он понял тон голоса и увидел направленное на него копьё.

Он поднял ногу и принялся тереть ее, скрежеща в то же время проклятия Вольфу.

Факелы стали ярче, когда ноги часовых заскребли по свободному от земли камню.

—Давай!—скомандовал Вольф.

Он и Кикаха одновременно поднялись и стремительно развернулись, оказавшись лицом к лицу с удивленными шолкинами. Наконечник копья находился в пределах досягаемости Вольфа. Его рука скользнула по нему, схватила древко как раз за ним и рванула на себя.

Часовой открыл было рот, чтобы заорать, но тот резко захлопнулся, когда поднятый тупой конец копья треснул его по челюсти.

Кикахе не было такой удачи. Шолкин шагнул назад и поднял копьё, чтобы метнуть его. Кикаха бросился на него, словно полужащитник на игрока с мячом. Он кинулся наземь, покатился, и копьё лязгнуло о стену.

К тому времени молчание пропало.

Один часовой начал орать. Гворл поднял упавшее рядом с ним оружие и бросил его. Наконечник вонзился в открытое горло часового, и острое вышло из шеи.

Кикаха рывком высвободил копьё, вытащил из ножен убитого часового тесак и метнул его. Первый вошедший снаружи шолкин получил его по рукоять в солнечное сплетение. Увидев, что он

упал, другие столь рвавшиеся следом за ним, отступили. Вольф забрал нож у другого трупа, заткнул его за кушак и осведомился:

—И куда нам дальше?

Кикаха вытащил нож из солнечного сплетения и вытер его о волосы трупа.

—Не через эту дверь. Здесь их слишком много.

Вольф показал на дверном проеме в противоположном конце помещения и бросился бежать к нему. По пути он подобрал выроненный часовым факел. Кикаха сделал то же самое. Дверной проем был частично забит землей, вынудив их опуститься и проползать через него на четвереньках. Вскоре они очутились в месте, через которое насыпалась земля.

Луна открыла пустое пространство в каменных плитах потолка.

—Они должны знать об этом,—подумал вслух Вольф.—Они не могут быть настолько беззаботными. Нам лучше пройти дальше.

Они едва прошли мимо точки под брешью в потолке, как сверху запылали факелы. Спутники как можно быстрее шмыгнули вперед, слыша через отверстие возбужденные голоса шолкинов.

Секунду спустя в землю врезалось копьё, едва не попав Вольфу в ногу.

—Они бросятся следом за нами. Теперь они знают, что мы покинули главное помещение,—сказал Кикаха.

Они побежали дальше, выбирая ответвления, которые, казалось, предлагали доступ к черному ходу. Вдруг пол под Кикахой провалился. Он попытался переползти по плите, на которую упал к следующей, но не сумел. Одна сторона большой плиты поднялась, а та, которая упала, запустила Кикаху в дыру. Кикаха закричал, выпустив в то же время факел, который полетел туда же.

Вольф остался стоять, уставившись на поднятую плиту и проем под ней. Из дыры не доходило никакого света, так что факел либо погас, либо дыра была настолько глубока, что огонь пропал из виду. Стеная от тревоги, он подполз и подержал факел над краем, глядя вниз. Шахта была по меньшей мере в десять футов шириной и пятьдесят глубиной. Она была выкопана в земле, и в разных местах вниз свалились большие куски. На дне была куча земли, но там не было ни Кикахи, ни даже вмятины, указывавшей, где он мог бы приземлиться.

Вольф окликнул его по имени, слыша в то же время крики шолкинов, когда те рыскали по коридорам.

Не получив никакого ответа, он вытянул тело, насколько сумел, за край шахты и изучил провал повнимательней.

Все его размахивания факелом для освещения темных мест не показали ничего, кроме упавшего и погасшего факела.

Некоторые края дна оставались черными, словно в стенах были выемки.

Он мог только заключить, что Кикаха свалился в одну из них.

Теперь звук голосов стал громче, и из-за угла в конце коридора появилось первое мерцание факела. Он ничего не мог поделать, кроме как продолжать бежать. Он поднялся как можно выше, бро-

сил свой факел вперед себя на другую сторону и прыгнул, что было сил в ногах. Он пролетел почти в горизонтальной позиции, ударился о край, бывший влажной мягкой землей, и заскользил вперед носом в землю. Он был в безопасности, хотя ноги его торчали над краем.

Подобрав все еще горевший факел, он пополз вперед. В конце коридора он нашел одно ответвление, совершенно забитое землей. Другое было частично перегорожено огромной плитой из гладко обтесанного камня, лежавшей под углом в сорок пять градусов к горизонту.

Принеся в жертву немного кожи на груди и спине, он протиснулся между землей и камнем. За плитой находилось огромное помещение, даже большее, чем то, где держали рабов.

В противоположном конце находилась серия грубых террас, образованная обвалом камня. Он поднялся по ним к углу между потолком и стеной. Сквозь него лился клоч лунного света, и это была единственная возможность выбраться. Он погасил свой факел. Если по верху здания бродили шолкины, то они увидят его свет, выходящий через маленькое отверстие. У проема он на некоторое время пригнулся, стоя на узком карнизе под ним и внимательно прислушиваясь. Если его факел увидели, то его поймут, когда он вылезет из дыры, бессильный защитить себя. Наконец, услышав только отдельные крики и зная, что он должен воспользоваться своим единственным выходом, он протащил себя через него.

Он оказался почти на вершине земляного кургана, покрывавшего заднюю часть здания. Ниже его горели факелы.

В свете их стоял Абиру, грозя кулаком солдату и крича.

Вольф посмотрел на землю у себя под ногами, представляя сохранившиеся в ней камни и пустоты, и шахту, в которую швырнуло умирать Кикаху.

Он поднял копьё и прошептал:

—Аве аткве вале, Кикаха!

Он желал, чтобы он мог отнять еще несколько жизней у шолкинов—особенно у Абиру—в уплату за жизнь Кикахи, но вынужден был оставаться практичным. Была еще и Хрисенда, и был еще рог. Но он чувствовал в себе пустоту и слабость, словно оставил здесь часть своей души.

Глава XI

Той ночью он спрятался в ветвях высокого дерева на некотором расстоянии от города. План у него был последовать за работниками и при первом же удобном случае вызволить Хрисенду и рог. Работники обязаны были выбрать тропу, поблизости от которой он ждал. Она была единственной, ведущей в Тевтонию. Наступил рассвет, пока он ждал, испытывая голод и жажду. К полудню ему стало невтерпёж. Наверняка они ищут его до сих пор. Вечером он решил, что должен, по крайней мере, напиться воды. Он спустился и направился к ближайшему ручью. Рык отправил его на другое

дерево. Вскоре через кустарник проскользнуло семейство леопардов и принялось лакать воду. К тому времени, когда они кончили и ускользнули обратно в кусты, солнце приблизилось к повороту за монолит.

Он вернулся к тропе, уверенный, что находился слишком близко к ней, чтобы большой караван человеческих существ прошел бы неслышанным. И все же никто не появился. Той ночью он прокрался по развалинам к зданию, из которого сбежал.

Никого не было заметно. Уверенный, что они ушли, он порыскал по заросшим кустами дорогам и улицам, пока не наткнулся на сидевшего у дерева человека. Человек этот был наполовину без сознания от джиза, но Вольф пробудил его, надавав сильных оплеух по щекам. Приставив ему нож к горлу, он допросил его. Несмотря на свое ограниченное знание хамшемского и еще меньшее владение долинизским, они сумели наладить общение.

Абиру и его отряд уплыли этим утром на трех боевых каноэ с наемными долинизскими гребцами.

Вольф покаутировал допрашиваемого и отправился к пирсу.

Тот был пустынен, предоставляя ему возможность выбирать любое нужное ему судно.

Он взял узкую легкую лодку с парусом и отправился вниз по реке.

Две тысячи миль спустя он оказался на границах Тевтонии и цивилизованного Хамшема. След провел его триста миль вниз по реке Гузирит, а затем по суше. Хотя ему полагалось бы уже давно догнать медленнодвигающийся караван, он трижды терял его и был задержан тиграми и топорклювами.

Постепенно местность пошла под уклон вверх. Внезапно из джунглей поднялось плато. Восхождение всего лишь в шесть тысяч футов — ничто для человека, дважды поднявшегося на тридцать тысяч. Перевалив через грань, он оказался в иной стране. Хотя воздух был ничуть не прохладнее, здесь росли дубы, платаны, самшит, трехгранный тополь, орешник, сушеница и липа.

Животные, однако, отличались. Он прошел не более двух миль по сумраку дубового леса, прежде чем его вынудили спрятаться.

Мимо него медленно прошел дракон, взглянул на него разок, зашипел и пошел дальше. Он походил на общепринятые западные изображения, был около сорока футов длиной, десяти футов высотой и покрыт большими чешуйчатыми пластинами. Он не дышал огнем. Фактически он остановился в ста футах от убежища Вольфа на ветвях дерева и принялся щипать высокую траву.

«Так, — подумал Вольф, — значит, существуют драконы не только одного типа». Гадая, как он сумеет отличить плотоядный тип от травоядного, не обеспечив сперва безопасности наблюдения, Вольф слез с дерева. Дракон продолжал набивать себе брюхо, или брюхи, издавая слабый гром пищеварения.

Осторожнее, чем раньше, Вольф проходил под гигантскими вет-

вами деревьев и мхов, свисавшими с деревьев зелеными водопадами. Рассвет следующего дня застал его покидавшим опушку леса. Перед ним расстилась полого понижавшаяся земля. Он мог видеть на много миль вперед. Справа от него по дну долины текла река. На противоположной стороне, венчая собой колонну неровной скалы, находился замок. У подножья скалы располагалась небольшая деревня. Поднимавшийся из труб дым вызвал у него ком в горле. Ему казалось, что он не хотел бы ничего большего, чем сидеть за столом за завтраком и чашкой кофе с друзьями, после хорошего ночного сна в мягкой постели и болтать ни о чем. Боже! Как он тосковал по лицам и голосам истинных человеческих существ, о месте, где все не было бы против него!

По его щеке пробежало несколько слезинок. Он осушил их и продолжал свой путь. Он сделал свой выбор и должен принимать плохое наряду с хорошим точно так же, как принимал бы на отвергнутой им Земле. А этот мир был, во всяком случае в данный момент, не так уж и плох. Он был свежим и зеленым, без всяких телефонных проводов, афиш, газет и усеявших сельскую местность консервных банок, без смога или угрозы атомной бомбы. Многие можно было сказать в его пользу, как бы ни плоха была его нынешняя ситуация. И он имел то, за что многие продали бы душу: молодость вместе с опытом возраста.

Всего лишь час спустя он гадал, сумеет ли сохранить этот дар. Он вышел на узкую грунтовую дорогу и шагал по ней, когда из-за поворота выехал рыцарь в сопровождении двух пеших ратников. Конь его был огромным и черным, частично экипированным доспехами. Рыцарь же был облачен в черный пластинчато-кальчужный доспех, который по мнению Вольфа, выглядел похожим на доспехи, носимые в Германии тринадцатого века.

Забрало было поднято, открывая мрачное ястребиное лицо с ярко-голубыми глазами.

Рыцарь натянул поводья коня. Он окликнул Вольфа на средне-верхне-германском наречии, с которым Вольф был знаком благодаря Кикахе, а также своим исследованиям на Земле.

Язык, конечно, изменился и был обременен заимствованиями из хамшемского и аборигенского, но Вольф мог разобрать большую часть того, что сказал обратившийся к нему.

—Стой смирно, хам!—крикнул рыцарь.—Что ты делаешь, разгуливая с луком?

—С позволения вашего августейшества,—язвительно ответил Вольф,—я—охотник, и поэтому имею королевское позволение носить лук.

—Ты лжец! Я знаю всех законных охотников на много миль вокруг. Ты мне кажешься похожим на сарацина или даже на идше, такой ты смуглый. Брось лук и сдавайся, или я зарублю тебя, как свинью, каковой ты, собственно, и являешься.

—Приди и возьми его,—посоветовал Вольф, чувствуя нарастающую ярость.

Рыцарь взял копьё наперевес, и его скакун пустился в галоп.

Вольф удержался от импульса броситься в сторону или назад от сверкавшего наконечника копья. То, на что он надеялся, было долей секунды. Он бросился вперед, копье опустилось, чтобы пронзить его насквозь, но прошло меньше, чем в дюйме над ним, а затем воткнулось в землю. Словно прыгун с шестом, рыцарь вылетел из седла и, все еще цепляясь за копьё, описал в воздухе дугу. Шлем его первым ударился о землю на конце дуги, и столкновение, должно быть, оглушило его или сломало ему шею или хребет, потому что он больше не шевелился.

Вольф не терял времени даром. Он снял с рыцаря меч в ножнах и застегнул пояс на талии. Конь убитого—великолепный чалый—вернулся и встал рядом со своим бывшим хозяином.

Вольф сел на него и поскакал дальше.

Тевтония была названа так из-за того, что завоевала ее группа Тевтонского ордена или Тевтонских Рыцарей Госпиталя Святой Марии в Иерусалиме.

Этот орден возник во время третьего крестового похода, но позже отклонился от своей первоначальной цели. В 1229 году Немецкий Орден начал завоевание Пруссии для обращения в христианство прибалтийских язычников и подготовки немецкой колонизации. Одна группа вступила на планету Господа на этом ярусе либо благодаря случайности, что казалось маловероятным, либо потому что Господь преднамеренно открыл для них врата или силой вынудил их войти.

Что бы ни было причиной, Орден Тевтонских Рыцарей покорил аборигенов и установил общество, основанное на том, которое они оставили на Земле.

Оно, конечно, изменилось как из-за естественной эволюции, так и из-за желания Господа смоделировать его по собственному вкусу. Первоначальное единое королевство, или Гроссмейстерство, выродилось во множество независимых королевств. Эти, в свою очередь состояли из мало связанных между собой баронетств и множества незаконных или разбойничьих баронетств.

Еще одним аспектом плато было государство Идше. Его основатели прошли через врата немногим раньше Тевтонских Рыцарей. Опять же оставалось неизвестным, прошли ли случайно либо по замыслу Господа. Но множество говорящих на идше жителей Германии обосновалось в восточной части плато. Хотя они и были первоначально купцами, они стали хозяевами туземного населения. Они также приняли феодально-рыцарскую организацию Тевтонского Ордена, вероятно, вынуждены были так поступить, чтобы выжить. Именно это-то государство и поминал тот первый рыцарь, когда обвинил Вольфа в том, что он идше.

Думая об этом, Вольф невольно рассмеялся. Опять же, могло быть случайностью, что немцы вступили на уровень, где уже существовал архаически-семитический Хамшем, и где их современниками были презренные евреи. Но Вольфу думалось, что он видит за этим ироническое лицо Господа, с улыбкой глядящего на созданную ситуацию.

На самом деле в Дракландии не было ни христиан, ни иудеев. Хотя две веры все еще употребляли свои первоначальные названия, обе стали извращенными. Господь занял место Яхве и Готта, но к нему обращались, используя эти имена. Последовали и другие изменения в теологии: церемонии, ритуалы, заповеди.

Вольф отправился в путь к владениям фон Элгерса. Он не мог сделать этого столь быстро, как желал, потому что должен был избегать на пути дорог и деревень. После того, как он вынужден был убить рыцаря, он не посмел даже срезать путь через баронетство фон Лаурентиуса, как сперва планировал.

Весь округ искал его, повсюду шныряли люди с собаками.

Каменистые холмы, отмечавшие границу, были самой срочной формой его проезда, каковую он и выбрал.

Два дня спустя он добрался до пункта, где мог спуститься, не попадая в пределы сюзеренитета фон Лаурентиуса.

Съезжая с крутого, но не особенно трудного холма, он завернул за угол.

Ниже его расстилался широкий луг с речушкой. На противоположных концах его были разбиты два лагеря. Вокруг нарядных, украшенных флагами и вымпелами шатров в центре каждого располагалось множество палаток поменьше; костры и лошади.

Большинство людей скопилось в двух группах. Они следили за своим паладином и его противником, которые атаковали друг друга с копьями наперевес. Как раз в тот момент, когда Вольф увидел их, они со страшным лязгом встретились на середине поля.

Один рыцарь полетел назад от врезавшегося в его щит копья другого. Другой, однако, потерял равновесие и с лязгом упал несколько секунд спустя.

Вольф изучил открывшуюся сцену.

Это был не обыкновенный рыцарский турнир. Отсутствовали крестьяне и горожане, которым полагалось бы толпой обступать стороны и построенный на скорую руку стадион с его клумбой ярко разодетой знати и дам. Это было одинокое место рядом с дорогой, где паладины разбивали свои шатры и вызывали на бой всех подходивших по званию проезжих.

Вольф осторожно спустился с холма.

Хотя он и находился на виду у тех, которые были внизу, он не думал, что они проявят в такое время много интереса к одинокому путешественнику. Он был прав. Ни из одного лагеря никто не поспешил расспросить его. Он смог подойти к краю луга и понаблюдать, не торопясь.

Флаг под шатром слева от него демонстрировал желтое поле со звездой Соломона. По этому признаку он понял, что здесь разбил свой лагерь паладин Идше. Под национальным флагом было зеленое знамя с рыбой и ястребом. В другом лагере реяло несколько государственных и личных вымпелов.

Один из них бросился в глаза Вольфу и заставил его вскрикнуть от удивления.

На белом поле была изображена рыжая ослиная голова с рукой

под ней, сжимавшей все пальцы, кроме среднего. Кикаха однажды рассказал ему о нем, и Вольф здорово посмеялся над этим. Это было как раз похоже на Кикаху—избрать такой герб.

Тут Вольф отрезвел, понимая, что, скорее всего, его носил человек, заботившийся о территории Кикахи, пока тот отсутствовал.

Он изменил свое решение проехать мимо поля. Он должен был сам установить, что пользовавшийся этим знаменем человек не Кикаха, хотя знал, что кости его друга, должно быть, гниют под кучей земли на дне шахты в разрушенном городе среди джунглей.

Никем не остановленный, он проложил себе дорогу через поле и лагерь на западном конце. Ратники и слуги уставились было на него, но только для того, чтобы отвернуться под его грозным взглядом. Кто-то пробурчал:

—Идишский пес!

Но никто не сознался в авторстве, когда Вольф обернулся.

Вольф обошел ряд привязанных к столбу лошадей и приблизился к рыцарю, бывшему его целью.

Этот был облачен в сверкавшие красные доспехи с опущенным забралом и держал огромное копье, дожидаясь своей очереди.

Поблизости от наконечника на копье развевался вымпел с изображением рыжей ослиной головы и человеческой руки.

Вольф остановился около гарцевавшего коня, сделав его еще более нервным. Он выкрикнул по-немецки:

—Барон фон Хорстманн?

Раздалось приглушенное восклицание, пауза, и рука рыцаря подняла забрало. Вольф чуть не расплакался от радости. В шлеме находилось веселое, длиннотубое лицо Финнегана-Кикахи-фон Хорстманна.

—Ничего не говори,—предостерег его Кикаха.—Не знаю, как ты, черт возьми, нашел меня, но я, разумеется, этому очень рад. Я увижусь с тобой через минуту. То есть, если вернусь живым. Этот Фунем Лаксфальк—крепкий парень.

Глава XII

Грянули трубы. Кикаха выехал на указанное герольдами место. Бритоголовый священник в длинной рясе благословил его, в то время как на другом конце поля равнин что-то говорил барону Фунем Лаксфальку. Идишский паладин был рослым человеком в серебряных доспехах и в шлеме с видом рыбьей головы. Его скакун был огромным, могучим черным жеребцом. Трубы грянули вновь. Двое соперников качнули копьями, отдавая друг другу честь.

Кикаха ненадолго переложил копье в левую руку, пока крепился правой. Он был ярым приверженцем соблюдения религиозных правил народа, среди которого ему случалось в данный момент находиться.

Раздался еще один гром длинных, с большими мунштуками труб, за которым последовал грохот копыт рыцарских коней и поощряющие крики зрителей. Противники встретились точно на сере-

дине поля, так же, как копыа обеих—в середине щитов друг друга. Оба упали с лязгом, вспугнувшим птиц с ближайших деревьев, как их вспугивали уже много раз в тот день. Кони покатались по земле.

Ратники обоих рыцарей выбежали на поле подобрать своих вождей и уволочь коней, сломавших себе шеи. На мгновение Вольф подумал, что идше и Кикаха тоже убиты, потому что ни тот, ни другой не шевелились. Однако, после того, как его принесли обратно в лагерь, Кикаха поднялся. Он слабо усмехнулся и сказал:

—Видел бы ты другого парня.

—С ним все о'кей,—ответил Вольф, взглянув на другой лагерь.

—Очень жаль,—ответил Кикаха.—Я надеялся, что он больше не причинит нам забот. Он и так уже чересчур задержал меня.

Кикаха приказал выйти из шатра всем, кроме Вольфа. Его вассалы, казалось, не хотели покидать его, но подчинились, хотя и не без предупреждающих взглядов на Вольфа. Кикаха рассказал:

—Я держал путь из своего замка в замок фон Элгерса, когда проехал мимо шатра Фунем Лаксфалька. Будь я один, я показал бы ему нос в ответ на его вызов и поскакал бы дальше. Но тут были также и тевтоны, и я должен был подумать и о своих собственных вассалах. Я не мог себе позволить приобрести репутацию труса. Мои же собственные ратники забросали бы меня гнилой капустой, и мне пришлось бы драться с каждым рыцарем в стране, чтобы доказать свою смелость. Я шел, что мне не потребуется много времени, чтобы втолковать этому идше, кто самый лучший воин, а потом я смогу отправиться дальше. Но вышло иначе. Герольды записали меня на позицию Номер Три. Это означало, что я должен был за три дня встретиться в поединке с тремя противниками, прежде чем доберусь до большой игры. Я протестовал, но бесполезно. Поэтому я выругался про себя и решил пережить. Ты видел мою вторую встречу с Фунем Лаксфальком. В первый раз мы тоже вышли друг друга из седла. Даже так, это больше, чем сделали другие. Они так и кипят, потому что идше нанес поражение всем тевтонам, кроме меня. Помимо этого, он уже убил двоих, а одного искалечил на всю жизнь.

Слушая Кикаху, Вольф снимал с него доспехи. Кикаха вдруг сел, стеная и морщась, и осведомился:

—Эй, а как ты, черт возьми, попал сюда?

—По большей части на своих двоих. Но я думал, что ты погиб.

—Сообщение о моей смерти было не слишком сильно преувеличенным. Когда я свалился в ту шахту, то приземлился на полдороге на земляном карнизе. Он отломился и вызвал небольшой обвал, засыпавший меня после того, как я приземлился на дно. Но я пробыл без сознания недолго, и земля только слегка покрыла мне лицо, так что я не задохнулся. Некоторое время я лежал тихо, потому что шолкины заглядывали тогда в эту яму. Они даже бросили вниз копые, но оно разминулось со мной на волосок крота. Через пару часов я откопал себя. Прямо скажу, я здорово попотел, выби-

раясь. Земля продолжала обваливаться, и я продолжал падать обратно. Это заняло у меня, должно быть, часов десять, но и в этом мне повезло. А теперь, как ты попал сюда?

Вольф рассказал ему. Кикаха нахмурился и произнес:

—Так значит я был прав, считая, что Абиру зайдет по пути к фон Элгерсу. Слушай, мы должны быстрее уматывать отсюда. Как тебе понравиться помахаться с этим здоровяком идше?

Вольф возразил, что он ничего не знает об изящных правилах турниров, и что на усвоение их потребуется целая жизнь.

Кикаха отмел это:

—Если бы ты собирался переломить с ним копьё, ты был бы прав. Но мы вызовем его посостязаться на мечах, без щитов. Фехтование на мечах—не совсем то, что поединок на рапирах или саблях. Здесь главную роль играет сила, а именно она-то у тебя имеется!

—Я же не рыцарь. Все видели, как я пришел, словно простой бродяга.

—Чепуха! Ты думаешь, эти дворяне не разгуливают все время, замаскировавшись? Я скажу им, что ты сарацин, язычник хамшем, но мой настоящий добрый друг. Я мол спас тебя от дракона или какая-нибудь подобная сказка про белого бычка. Они ее проглотят. Придумал! Ты—сарацин Вольф. Есть знаменитый рыцарь с таким именем. Ты путешествовал, замаскировавшись, надеясь найти меня и отплатить мне за спасение тебя от дракона. Я слишком избит, чтобы переломить еще одно копьё с Фунем Лаксфальком—это не ложь: я так задубел и исколочен, что едва могу двигаться—и ты поднимаешь перчатку за меня.

Вольф спросил, какой ему выдвинуть предлог для неприменения копья.

—Я им расскажу какую-нибудь байку. Скажем, вороватый рыцарь спер твоё копьё, и ты поклялся никогда не пользоваться копьём, пока не вернешь украденное. Они это примут. Они всегда дают какой-нибудь такой глупый обет. Они ведут себя точь-в-точь, как компания рыцарей Круглого Стола Короля Артура. На Земле никаких таких рыцарей никогда не существовало, но Господу, должно быть, доставляло удовольствие заставлять этих вести себя так, словно они только что прискакали из Камелота. Он был романтиком, что там о нем ни говори.

Вольф сказал, что он не горит желанием, но если это поможет ускорить их отправку к фон Элгерсу, он сделает что угодно.

Собственные доспехи Кикахи были недостаточно велики для Вольфа, поэтому принесли доспехи идишского рыцаря, ранее убитого в тот день Кикахой. Слуги облачили его в синие латы и кольчугу и отвели к его лошади. Это была прекрасная кобыла изабелловой масти, также принадлежавшая убитому Кикахой рыцарю, Рихтеру фон Ройтфельду.

Лишь с небольшим трудом Вольф сел на лошадь. Он ожидал, что доспехи окажутся такими тяжелыми, что его придется поднимать в седло с помощью крана.

Кикаха сообщил ему, что некогда это могло быть здесь и так, но с тех пор рыцари давно уж вернулись к более легким латам, а чаще просто надевали кольчугу.

Явился идишский посредник, объявивший, что Фунем Лаксфальк принял вызов, несмотря на отсутствие у Вольфа рекомендаций. Если доблестный и почтенный барон-разбойник Хорст фон Хорстманн ручался за Вольфа, это было достаточно хорошо для Фунем Лаксфалька.

Вся речь была просто формальностью.

Идишский паладин ни на минуту не думал отвергнуть вызов.

—Сохранение лица здесь большое дело,—пояснил Вольфу Кикаха.

Сумев, хромая, выйти из шатра, он давал своему другу последние инструкции:

—Я рад, что ты появился, старина. Я не смог бы выдержать еще одно падение и не посмел бы отступить.

Снова взревели трубы. Изабелла и вороной поднялись в бурный галоп. Они на полной скорости пронесли мимо друг друга, и в это время всадники взмахнули мечами. Те лязгнули друг о друга. По кисти и руке Вольфа пробежал парализующий шок. Однако, когда он развернул свою лошадь, то увидел, что меч его противника лежал на земле. Идше быстро спешился, чтобы добраться до своего клинка раньше Вольфа.

Он так спешил, что подскользнулся и упал головой вперед.

Вольф медленно подъехал к нему на лошади и, не торопясь, спешился, давая ему время подняться. При этом рыцарском шаге оба лагеря разразились одобрительными криками. По правилам, Вольф мог остаться в седле и зарубить Фунем Лаксфалька, не разрешая ему подобрать оружие.

Оба пешие, они встали лицом друг к другу. Идишский рыцарь поднял забрало, открыв красивое лицо с густыми усами и бледно-голубыми глазами.

—Умоляю вас позволить мне увидеть ваше лицо, сударь,—сказал он.—Вы—истинный рыцарь, ибо не сразили меня, пока я был беспомощным.

Вольф на несколько секунд поднял забрало. Затем оба двинулись друг на друга и снова свели клинки вместе.

Удар Вольфа опять оказался таким мощным, что выбил меч из руки соперника.

Фунем Лаксфальк поднял забрало, на этот раз левой рукой.

—Я не могу пользоваться правой рукой,—сказал он.—Не разрешите ли вы мне воспользоваться левой?

Вольф мечом отдал честь и отступил.

Его противник ухватился крепче за длинную рукоять и, шагнув вперед, изо всех сил обрушил его сбоку. Опять шок от удара—Вольфа выбил у идше меч.

Фунем Лаксфальк в третий раз поднял забрало.

—Вы такой паладин, какого я еще никогда не встречал. Мне крайне неприятно признать это, но вы нанесли мне поражение, а

это нечто такое, чего я никогда не говорил, да и не думал, что скажу. Вы обладаете силой самого Господа.

—Вы можете сохранить свою жизнь, свою честь и свои доспехи и коня,—ответил Вольф.—Я только хочу, чтобы мне и моему другу фон Хорстманну позволили ехать дальше, без новых вызовов на поединок. У нас назначена одна встреча.

Идше ответил, что да будет так.

Вольф вернулся в свой лагерь, радостно приветствуемый там даже теми, кто считал его хамшемским псом.

Ликующий Кикаха приказал сворачивать лагерь. Вольф спросил его, не думает ли он, что не связанные свитой, они смогут продвигаться намного быстрее.

—Разумеется, но это делается не очень часто,—ответил Кикаха.—Ладно, ты прав. Я отошлю их домой. И мы снимем эти проклятые локомотивные латы.

Они не успели далеко отъехать, как услышали стук копыт.

Следом за ними по дороге скакал Фунем Лаксфальк, тоже без доспехов.

—Благородные рыцари,—проговорил он,—я знаю, что вы находитесь в рыцарском поиске.

Он улыбнулся.

—Не будет ли слишком бестактным с моей стороны попросить разрешения присоединиться к вам? Я бы счел это большой честью. Я также считаю, что только помогая вам, могу искупить свое поражение.

Кикаха посмотрел на Вольфа и сказал:

—Решать тебе. Но мне нравится его стиль.

—Обяжетесь ли вы помогать нам в чем бы то ни было? Конечно, покуда это не роняет чести. Мы можем в любое время освободить вас от клятвы, но вы должны поклясться всем, что для вас свято, что никогда не станете помогать нашим врагам.

—Клянусь кровью Бога и бородой Моисея.

Той ночью, пока они разбивали лагерь в чаще вдоль ручья, Кикаха заметил:

—Есть одна проблема, которую может осложнить присоединение к нам Фунем Лаксфалька. Мы должны убрать краску с твоей кожи, и борода тоже должна исчезнуть, иначе, если мы наткнемся на Абиру, он может опознать тебя.

—Одна ложь всегда приводит к другой,—спокойно рассудил Вольф.

—Ну, скажи ему, что я—младший сын барона, который прогнал меня из-за того, что меня оклеветал мой ревнивый брат. Я с тех пор путешествовал, переодевшись сарацином. Но я намерен вернуться в замок отца,—он уже умер и вызвать своего брата на поединок.

—Замечательно! Ты—второй Кикаха! Но что будет, когда он узнает про Хрисенду и рог?

—Мы что-нибудь придумаем. Может быть, правду. Он всегда может отступить, когда узнает, что лягает самого Господа.

Все следующее утро они ехали, пока не добрались до деревни Этцельбранд.

Здесь Кикаха приобрел какие-то химикалии у местного белого мага и сделал приготовления к удалению краски. Едва выехав из деревни, они остановились у ручья. Фунем Лаксфальк с интересом, а затем с изумлением, а потом с подозрением наблюдал, как сошла борода, а вслед за ней и краска.

—Божьи глаза! Вы были хамшемом, а теперь сойдете за идше!

Тут Кикаха пустился в трехчасовое, со множеством подробностей повествование, в котором Вольф был внебрачным сыном идишской незамужней дамы и тевтонского рыцаря в поиске. Рыцарь, Роберт фон Вольфрам, остановился в идишском замке после того, как покрыл себя славой во время турнира. Он и девушка полюбили друг друга, даже чересчур.

Когда рыцарь уехал, дав обет вернуться по завершении своего поиска, он оставил Ривке беременной. Но фон Вольфрам погиб; и девушка вынуждена была родить юного Роберта в бесчестии. Отец выгнал ее из дому и отправил в маленькую хамшемскую деревушку жить там до конца дней. Девушка умерла, рожая Роберта, но старый верный слуга открыл ему тайну его рождения. Юный бастард поклялся, что став мужчиной, отправится в замок родичей своего отца и предъявит права на свое законное наследство. Отец Ривке теперь умер, но замком завладел его брат, злой старик. Роберт намеревается вырвать у него баронетство, если он не отдаст его добром.

Под конец повести на глаза Фунем Лаксфалька навернулись слезы.

—Я отправлюсь с тобой, Роберт, и помогу тебе в борьбе против твоего злого дяди. Таким образом я смогу искупить свое поражение, —заявил он.

Позже Вольф упрекнул Кикаху за сочинение такой фантастической повести, настолько детальной, что он мог легко наделать ляпов. Более того, ему не нравилось обманывать такого человека, как идишский рыцарь.

—Чепуха! Ему нельзя было рассказать всей правды, а легче выдумать полную ложь, чем полуправду! Кроме того, посмотрим, как сильно он наслаждался тем, что малость прослезился. И я же Кикаха, обманщик, создатель фантазий и реальностей, человек, которого не могут удержать границы. Я шныряю от одной к другой, Финнеган здесь, Финнеган там. Я кажусь погибшим, и все же я снова всплываю живой, ухмыляющийся и брыкающийся! Я быстрее людей, которые сильнее меня, и сильнее тех, кто быстрее. У меня мало объектов верности, но уж они нерушимы. Я любимец женщин, куда бы ни направился, и много слез проливается когда я ускользаю в ночи, словно рыжий призрак. Но слезы могут удержать меня не больше, чем цепи. Я исчезаю прочь, и немногие знают, где я появлюсь или каким будет мое имя. Я—свод Господа. Он не может спать по ночам оттого, что я ускользаю от его очей воронов, и охотников-гворлов.

Кикаха остановился и принялся бойко хохотать. Вольф невольно усмехнулся в ответ. Манера Кикахи ясно давала понять, что он смеялся над собой.

Однако, он наполовину верил в сказанное. Да почему бы и нет? То, что он сказал, не было настоящим преувеличением.

Эта мысль открыла дорогу цепочке рассуждений, вызвавшей у Вольфа нахмуренность. Не могло ли быть так, что Кикаха являлся самым замаскированным Господом? Он мог развлекаться, бегая с зайцем и с гончими. Какая может быть лучшая забава для Господа, человека, вынужденного искать далеко и глубоко что-либо новое, чем можно разогнать скуку? В нем было много необъяснимых вещей.

Ища на лице Кикахи какой-то ключ к тайне, Вольф почувствовал, что его сомнения испаряются. Наверняка это веселое лицо не было маской игравшего жизнью отвратительного холодного существа. И потом, у Кикахи бесспорно был хужеровский акцент и идиомы.

Мог ли Господь овладеть ими? Ну, а почему бы и нет? Кикаха явно столь же хорошо владел другими языками и диалектами.

Такие вот мысли приходили на ум Вольфу в тот долгий полдень, пока они ехали. Но обед, выпивка и доброе товарищество рассеяли их, так что укладываясь спать, он забыл свои сомнения. Трое спутников остановились в таверне в деревне Гназельшист и с аппетитом поужинали. Вольф и Кикаха умяли вдвоем зажаренного поросенка.

Фунем Лаксфальк, хотя и брился и придерживался других либеральных взглядов относительно своей религии, отказался от табуированной свиньи. Он поужинал телятиной, хотя и знал, что забили теленка не а ля кошер. Все трое осушили много кружек превосходного местного темного пива, и во время разговора за пивом Вольф рассказал Фунем Лаксфальку несколько отредактированную историю их розысков Хрисенды—и в самом деле благородный поиск, согласились они, а затем все, шатаясь, отправились спать.

Утром они двинулись короткой дорогой через холмы, сократившей им путь на три дня, если они проберутся. По этой дороге путешествовали редко, и по веской причине, ибо в этом районе кишмя кишели разбойники и драконы.

Они набрали хорошую скорость и не видели никаких лесных людей—только одного дракона. Чешуйчатое чудовище вылезло из канавы в пятидесяти ярдах впереди них. Оно фыркнуло и исчезло в лесу на другой стороне дороги, ничуть не меньше их желая избежать драки.

Спускаясь с холмов на столбовую дорогу, Вольф заметил:

—За нами следует ворон.

—Да, я это знаю, но не перегревайся. Они кружат повсюду над этой местностью. Я сомневаюсь, что они знают, кто мы такие. Я искренне надеюсь, что они не знают.

В полдень следующего дня они вступили на территорию контура Трегильна. Более чем двадцать четыре часа спустя они прибыли

туда, где был виден замок Трегильн, средоточие власти барона фон Элгерса. Это был самый большой из всех покамест увиденных Вольфом замков. Он был построен из черного камня и расположен на вершине высокого холма в миле от города Трегильна.

В полных доспехах, держа стоймя копьё с вымпелами, трое спутников храбро подъехали к окружавшему замок рву. Из маленького блокгауза у рва вышел привратник и вежливо осведомился об их деле.

—Передай благородному господину, что трое рыцарей, пользующихся доброй славой, будут его гостями,—сказал Кикаха,—бароны фон Хорстманн и фон Вольфрам и широко прославленный идишский барон Фунем Лаксфальк. Мы ищем благородного вельможу, который нанял бы нас или отправил в рыцарский поиск.

Сержант крикнул капралу, а тот побежал через подъемный мост. Спустя несколько минут один из сыновей фон Элгерса, роскошно одетый юноша, выехал принять их. На огромном внутреннем дворе Вольф увидел нечто его расстроившее. Там слонялись или играли в кости несколько хамшемов и шолкинов.

—Они не знают никого из нас,—успокоил его Кикаха.—Веселей. Если они здесь, то значит Хрисенда и рог тоже тут.

Удостоверившись, что об их лошадях хорошо позаботятся, трое поднялись в отведенные им покои. Они приняли ванну и надели новые одежды яркого цвета, присланные им фон Элгерсом. Вольф заметил, что они немного отличались от одежды, носимой в тринадцатом веке. Единственные новации, как заверил Кикаха, можно было проследить до влияния абorigенов.

К тому времени, когда они вошли в огромный пиршественный зал, ужин был в полном разгаре. Разгар был самым подходящим словом, так как рев стоял оглушающий. Половина гостей пошатывалась, а другие не двигались, потому что уже прошли стадию пошатывания. Фон Элгерс сумел подняться и поздороваться с гостями. Он любезно извинился за то, что его застали в таком состоянии в такой ранний час.

—Мы несколько дней развлекали нашего хамшемского гостя. Он принес нам неожиданное богатство, и мы немного потратили его, отмечая это событие.

Он повернулся представить Абиру, сделал это слишком быстро и чуть было не упал. Абиру поднялся ответить на их поклон. Его черные глаза полоснули по ним, словно острие меча, улыбка его была широкой, но механической. В отличие от других, он казался трезвым.

Трое заняли свои места, находившиеся поблизости от Хамшема, так как занимавшие их прежде отправились под стол.

Абиру, казалось, не терпелось поговорить с ними.

—Если вы ищете службу, то вы нашли человека. Я плачу барону за препровождение меня вглубь страны, но я всегда могу найти применение лишним мечам. Дорога к моей цели длинная и трудная и сопряжена со многими опасностями.

—И где же цель вашего путешествия?—спросил Кикаха.

Никто из глядевших на него, не подумал бы, что он испытывал к Абиру что-либо большее, чем праздный интерес, ибо он горячо рассматривал белокурую красавицу, сидевшую за столом напротив него.

—В этом нет никакого секрета,—ответил Абиру.—Владыка Кранзелькрахта, говорят, очень странный человек, но говорит также, что он богаче, чем даже сам Гроссмейстер Тевтонии.

—Я это знаю наверняка,—подтвердил Кикаха.—Я бывал там и видел его сокровища. Говорят, что много лет назад он дерзнул вызвать неудовольствие Господа и поднялся по великой горе на Ярус Атлантиды. Он ограбил сокровищницу самого Радаманта и смылся с целым мешком драгоценных камней. С тех пор фон Кранзелькрахт увеличил свое богатство, завоевывая соседние с ним государства. Говорят, что Гроссмейстер этим обеспокоен и думает организовать против него крестовый поход. Гроссмейстер утверждает, что он, мол, еретик. Но если бы он им был, разве Господь не поразил бы его давным-давно молнией?

Абиру склонил голову и коснулся лба кончиками пальцев.

—Пути Господни непознаваемы. Кроме того, кто кроме Господа, знает истину? В любом случае, я везу своих рабов и определенные предметы в Кранзелькрахт. Я ожидаю получить огромную прибыль со своего предприятия, и те рыцари, которые достаточно храбры, чтобы разделить со мной, приобретут много золота, не говоря уже о славе.

Абиру замолк, чтобы отпить из стакана вина. Кикаха бросил в сторону Вольфа:

—Этот человек такой же большой лжец, как и я. Он намерен использовать нас для доставки его до самого Кранзелькрахта, который находится неподалеку от подножия монолита, а потом он заберет Хрисенду и рог в Атлантиду, где ему должны отвалить за них целый дом золота и алмазов если, конечно, его игра не идет дальше и глубже, чем я в данный момент думаю.

Он поднял свою кружку и долгое время пил или делал вид, что пьет.

С треском опустив кружку на стол, он заявил:

—Будь я проклят, если в Абиру нет чего-то знакомого! У меня возникло такое странное ощущение, когда я увидел его в первый раз, но после я был слишком занят, чтобы много думать об этом. Теперь же я знаю, что видел его прежде.

Вольф ответил, что в этом нет ничего удивительного. Сколько лиц он перевидел за свои двадцатилетние странствия?

—Может, ты и прав,—пробормотал Кикаха.—Но я не думаю, что у меня было с ним какое-то шапочное знакомство. Я, безусловно, хотел бы соскрести его бороду.

Абиру поднялся и, извинившись, вышел из-за стола, сказав, что настал час молитвы Господу и его личному божеству Тартартару. После отправления обрядов он вернулся. На это фон Элгерс жестом подозвал двух ратников и приказал им сопровождать гостя до его покоев и позаботиться о его безопасности.

Абиру поклонился и поблагодарил его за заботу. От Вольфа не ускользнуло намерение, стоявшее за вежливыми словами барона.

Он не доверял хамшему, и Абиру знал это. Фон Элгерс, несмотря на опьянение, отлично сознавал, что происходит, и замечал все из ряда вон выходящее.

—Да, ты прав насчет него,—подтвердил его мнение Кикаха.—Он очутился там, где находится, не потому, что поворачивался к врагам спиной. Постарайся скрыть свое нетерпение, Боб. У нас впереди долгое ожидание. Прикинься пьяным, сделай несколько пассивных пассов дамам. Тебя сочтут ненормальным, если ты этого не сделаешь. Но не уйди с какой-нибудь. Мы должны оставаться на виду друг у друга, чтобы суметь уйти вместе, когда придет нужное время.

Глава XIII

Вольф выпил достаточно, чтобы распустить, казалось, опутавшие его провода. Он даже начал болтать с госпожой Алисон, женой барона Венцельбрихта Морча. Темноволосая и голубоглазая женщина величайшей красоты, она носила облегающее белое парчовое платье. Оно было с таким низким вырезом, что ей бы полагалось быть довольной его возбуждающим воздействием на мужчин, но она не переставала ронять все и поднимала его сама. В любое другое время Вольф был бы счастлив нарушить с ней свой сексуальный пост. Было очевидным, что у него не возникло бы с этим никаких затруднений, так как она была польщена, что великий фон Вольфрам заинтересовался ею. Она слышала о его победе над Лаксфальком. Но он мог думать только о Хрисенде, которая должна была находиться где-то в замке. Никто не упомянул о ней, а он сам не посмел. И все же у него язык чесался от такого желания. Несколько раз он обнаруживал, что ему надо прикусить его, чтобы не дать вопросу сорваться с него.

Вскоре—и как раз в самое нужное для него время, поскольку он не мог больше пропускать мимо ушей смелые намеки госпожи Алисон, не оскорбляя ее—ему пришел на выручку Кикаха. Он привел с собой мужа Алисон, чтобы дать Вольфу резонный предлог покинуть ее. Позже Кикаха открыл, что он уволок фон Венцельбрихта от другой женщины под тем предлогом, что жена потребовала, чтобы он подошел к ней. Кикаха с Вольфом ушли, предоставив отупевшему от пива барону объяснять, что именно ему от нее понадобилось. Поскольку ни он, ни его жена этого не знали, у них должен был произойти интересный, и наверняка озадачивающий разговор.

Вольф жестом предложил Фунем Лаксфальку присоединиться к ним.

Все трое прикинувшись бредущими, пошатываясь направились, в туалет.

Как только они скрылись из поля зрения сидевших в пиршественном зале, трое поспешили вперед по коридору, удаляясь от

своей предполагаемой цели. Они без помех одолели четыре лестничных марша.

Вооружены они были только кинжалами, так как являться на пир при мечях и в доспехах было бы оскорблением.

Вольф, однако, сумел отвязать длинный шнур от штор в своих покоях. Он обмотал его под рубахой вокруг талии.

—Я подслушал, как Абиру говорил со своим помощником Рамнишем,—сказал идишский рыцарь.—Они говорили на торговом языке х'войкум, не зная, что я путешествовал по реке Гузирит в районе джунглей. Абиру спросил Рамниша, выяснил ли он уже, куда фон Элгерс забрал Хрисенду. Рамниш ответил, что он потратил немало золота и времени на разговоры со слугами и часовыми. Все, что он смог выяснить, это то, что она находится на восточной стороне замка. Гворлы, кстати, сидят в подземной темнице.

—Зачем было фон Элгерсу отбирать Хрисенду у Абиру?—не понял Вольф.—Разве она не собственность Абиру?

—Может быть, у барона имеются касательно ее некоторые замыслы,—предположил Кикаха.—Если она такая необыкновенная и прекрасная, как ты говоришь...

—Мы должны найти ее!

—Не перегревайся. Найдём. Ого, в конце коридора часовой. Продолжайте идти к нему, пошатываясь чуть посильнее.

Часовой поднял копьё, когда они закачались перед ним. Вежливым, но твердым голосом он сообщил им, что они должны идти обратно. Барон запретил всем, под страхом смерти, проходить дальше.

—Ладно,—произнес заплетавшимся языком Вольф.

Он начал поворачивать, а затем внезапно прыгнул и схватился за копьё. Прежде, чем пораженный охранник смог испустить крик, его стукнули о дверь и с силой прижали к горлу древко копьё. Вольф продолжал давить на него.

Глаза караульного выскочили из орбит, лицо побагровело, затем посинело. Минуту спустя он рухнул мертвым.

Идше уволок тело дальше по коридору и в боковую комнату.

Вернувшись, он доложил, что спрятал труп за большим сундуком.

—Очень жаль,—весело отозвался Кикаха.—Он мог быть милым парнем. Но если нам придется вырываться с боем, у нас на пути будет одним меньше.

У покойника, однако, не имелось ключа, чтобы отпереть дверь.

—Вероятно, фон Элгерс—единственный человек, у кого он есть. Мы поднимем большой тарарам, добывая у него ключ,—сказал Кикаха.

—Ладно. Пойдем в обход.

Он повел их обратно по коридору в другую комнату. Они пролезли через ее высокое, заостренное кверху окно. За его карнизом находилась серия выступов, камней, вырезанных в форме голов дракона, бесов, кабанов.

Украшения были размещены отнюдь не для того, чтобы обеспечивать легкий подъем, но храбрый или отчаянный человек мог

взобраться по ним. В пятидесяти футах под ними, в свете факелов с подъемного моста, тускло поблескивала поверхность рва.

К счастью, луну закрыли густые черные облака и не давали тем, что внизу, увидеть влезавших.

Кикаха посмотрел вниз на Вольфа, цеплявшегося за каменную гаргулью, стоя одной ногой на змеиной голове.

—Эй, я забыл тебе сказать, что барон держит во рву кучу водяных драконов. Они не очень крупные, всего около двадцати футов длиной, и у них вообще нет ног, но они обычно недокормлены.

—Бывают времена, когда я нахожу твой юмор безвкусным,—свирепо отозвался Вольф.—Двигай.

Кикаха тихо рассмеялся и продолжал подниматься. Вольф следовал за ним, после того, как взглянул вниз, чтобы удостовериться, что у идущего все идет, как надо. Кикаха остановился и сообщил:

—Здесь есть окно, но оно зарешеченное. Я не думаю, что внутри кто-то есть. Там темно.

Кикаха продолжал подниматься.

Вольф остановился заглянуть в окно.

Там было темно, как в глубине рыбьего глаза. Он просунул руку сквозь прутья и пошарил кругом, пока его пальцы не сомкнулись на свече. Осторожно поднимая ее так, чтобы она вышла из подсвечника, он вытащил ее за решетку. Зацепившись согнутой рукой за стальной прут, он некоторое время повисел, выуживая другой рукой спички из маленькой сумки на поясе.

Кикаха сверху поинтересовался:

—Что ты делаешь?

Вольф сказал ему, а Кикаха возразил:

—Я пару раз произнес имя Хрисенды. Там никого нет. Кончай терять время.

—Я хочу удостовериться.

—Ты слишком основателен. Ты обращаешь слишком много внимания на детали. Если хочешь срубить дерево, надо отсекал щепу побольше. Лезем дальше.

Не потрудившись ответить, Вольф чиркнул спичкой. Она вспыхнула и чуть не погасла на ветру, но он сумел достаточно быстро засунуть ее за окно. Вспышка света показала спальню без всякого обитателя.

—Удовлетворен?—донесся голос Кикахи, более слабый, так как он влез выше.—У нас есть еще один шанс—сторожевая башенка. Если и там никого нет... В любом случае, я не знаю, как—уф!

После Вольф был благодарен тому, что не хотел расстаться с надеждой, что Хрисенда окажется в этой комнате. Он дал спичке догореть до тех пор, пока она не стала угрожать обжечь ему пальцы, и только тогда выпустил ее.

Сразу же после этого и приглушенного восклицания Кикахи его ударило падающее тело. Столкновение ощущалось таким, словно оно чуть не вырвало ему руку из гнезда. Он крикнул, отозвавшись эхом на звук сверху, и повис на одной руке. Несколько секунд Кикаха, дрожа, цеплялся за него, а затем глубоко вздохнул и возоб-

новил подъем. Ни тот, ни другой не сказали об этом ни слова, но оба знали, что если бы не упрямство Вольфа, то падение Кикахи сшибло бы и Вольфа с ненадежной опоры горгульи.

Возможно, не удержался бы и Фунем Лаксфальк, так как он находился прямо под Вольфом.

Сторожевая башенка была большой.

Она находилась примерно на трети пути вверх по стене, выступая из стены далеко наружу, и из ее крестообразного окна лился свет. Стена на небольшом расстоянии выше ее была лишена всяких украшений.

Внизу раздался громкий шум и послабее—из замка. Вольф остановился посмотреть вниз на подъемный мост, думая, что их, должно быть, заместили. Однако, хотя на подъемном мосту и прилегавшей территории было много ратников и гостей, причем многие с факелами, ни один не глядел на верхолазов. Они, казалось, искали кого-то в кустах и среди деревьев.

Он подумал, что заметили их отсутствие и тело часового.

Им придется выбираться с боем. Но пусть они сперва найдут и освободят Хрисенду. Потом будет время подумать о битве.

Впереди него Кикаха скомандовал:

—Лезь сюда, Боб!

Голос его был таким взволнованным, что Вольф понял—он, должно быть, обнаружил Хрисенду. Он вскарабкался быстро, быстрее, чем разрешал здравый смысл. Необходимо было влезать по одной стороне башенки, так как нижняя ее сторона выступала наружу под углом. Кикаха лежал на плоской вершине башенки и занимался как раз оттаскиванием себя от ее края.

—Тебе придется повиснуть вверх ногами, чтобы заглянуть в окно, Боб. Она там, и она одна. Но окно слишком узкое, чтобы пропустить тебя или ее.

Вольф свесился через край башенки, а Кикаха схватил его за ноги. Он выползал все дальше и дальше до тех пор, пока не упал бы в темнеющий внизу ров, если бы его не держали. Сквозь щель в камне он увидел перевернутое лицо Хрисенды. Она улыбалась, но по щекам у нее катились слезы.

После он не мог точно вспомнить, что они сказали друг другу, так как он пребывал в лихорадке экзальтации, сменившейся холодом подавленности и отчаяния и последовавшей затем новой лихорадкой. Он чувствовал, что мог говорить вечно.

Он протянул руку, чтобы коснуться ее ладони. В ответ, сквозь каменный проем, она тщетно пыталась дотянуться до него.

—Ничего, Хрисенда, ободрил он ее.—Ты знаешь, что мы здесь. Мы не собираемся уходить, пока не заберем тебя с собой, клянусь в этом.

—Спроси ее, где рог,—вмешался Кикаха.

Услышав его, Хрисенда ответила:

—Я не знаю, но думаю, что он у фон Элгерса.

—Он тебя беспокоил?—свирепо спросил Вольф.

—Пока нет, но не знаю, долго ли придется ждать, прежде чем

он потащит меня в постель,—ответила она.—Он сдерживается только потому, что не хочет понизить ту цену, какую получит за меня. Он говорит, что никогда не выдывал такой женщины, как я.

Вольф выругался, а затем рассмеялся. Это было похоже на нее,—говорить вот так откровенно; так как в мире Сада самовосхищение было общепринятой позицией.

—Кончай ненужную болтовню.

Кикаха разозлился.

—Для этого будет время, когда мы вызволим ее.

Хрисенда по возможности сжато и ясно, ответила на вопросы Вольфа. Она описала путь в свою комнату. Она не знала, сколько часовых было расставлено за дверью ее комнаты или по дороге.

—Я знаю одно, чего не знает барон,—сказала она? Он думает, что Абиру везет меня к фон Кранзелькрехту. Мне-то лучше знать. Абиру намерен подняться на Дуэвиллиаву в Атлантиду. Там он продаст меня Радаманту.

—Он никому тебя не продаст, потому что я собираюсь убить его,—вскипел Вольф.—Сейчас я должен уходить, Хрисенда, но я вернусь как можно скорее. И я приду не этим путем. А пока, я люблю тебя!

Хрисенда заплакала.

—Я тысячу лет не слышала таких слов ни от одного мужчины! Ах, Роберт Вольф, я люблю тебя! Но я боюсь! Я...

—Ты должна ничего не бояться,—сказал он.—В этом нет нужды, пока я жив, а я не намерен умирать.

Он дал указание Кикахе втащить его обратно на крышу сторожевой башенки. Поднявшись он чуть не упал от головокружения, вызванного приливом крови к голове.

—Идше уже начал спускаться,—сказал Кикаха.—Я отправил его выяснить, сможем ли мы вернуться тем же путем, которым пришли, а также посмотреть, чем вызван этот шум и гам.

—Нами?

—По-моему, нет. Первое, что бы они сделали, это проверили бы Хрисенду, чего они не сделали.

Спуск проходил еще медленнее и опаснее, чем подъем, но они одолели его без происшествий. Фунем Лаксфальк ждал их у окна, давшего им доступ на стену.

—Они нашли убитого вами часового,—сообщил он,—но не думают, что мы имеем к этому какое-то отношение. Гворлы вырвались на свободу из темницы и убили множество ратников. Они также захватили собственное оружие. Некоторые выбрались из замка, но не все.

Трое покинули комнату и быстро слились с людьми, искавшими гворлов. У них не было шанса подняться по лестничному маршу, в конце которого находилась комната, где была заточена Хрисенда. Фон Элгерс, несомненно, удостоверился, чтобы охрану увеличили.

Несколько часов они бродили по замку, знакомясь с его расположением.

Они заметили, что хотя шок от побега гворлов несколько отрез-

вил тевтонов, они все еще были очень пьяны. Вольф предложил им вернуться в свои покои и обговорить возможные планы. Наверно, они смогут придумать что-нибудь разумно работоспособное.

Их комната находилась на пятом этаже и у окна наискось и ниже окна башенки Хрисенды. Чтобы добраться до нее, им пришлось пройти мимо множества мужчин и женщин, без исключения вонявших пивом, пошатававшихся, невнятно и без удержу болтавших и очень мало чего достигавших. В их комнату не могли войти и обыскать, потому что ключи были только у них и у главного привратника, а тот был слишком занят где-то в другом месте, чтобы добираться до их комнаты. Кроме того, как гворлы могли войти через запертую дверь?

В тот же миг, когда Вольф шагнул в комнату, он понял, что они каким-то образом все-таки вошли. В ноздри ему ударило затхлой вонью гнилых фруктов. Он втащил спутников внутрь и быстро запер за ними дверь, а затем обернулся с кинжалом в руке. Кикаха тоже, раздувая ноздри и зыряка взглядом, держал в руке нож. Только Фунем Лаксфальк не сознавал, что тут что-то не так, за исключением неприятного запаха.

Вольф шепотом объяснил ему. Идше подошел к стене, чтобы взять мечи, а затем остановился. Подставки были пусты.

Молча и медленно Вольф прошел в другую комнату, Кикаха—следом за ним, держа факел. Пламя заколебалось и отбросило горбатые тени, заставившие Вольфа дернуться. Он был уверен, что это гворлы.

Свет приблизился, тени улетели или изменились в безвредные формы.

—Они здесь,—тихо произнес Вольф,—или только что ушли. Но куда?

Кикаха показал на закрывавшие окно высокие шторы. Вольф широким шагом подошел к ним и принялся протыкать красно-пурпурную бархатную ткань.

Его клинок встретил только воздух и камень стены. Кикаха отдернул шторы, открыв то, что уже сказал ему кинжал.

Никаких гворлов там не было.

—Они забрались через окно,—сказал идше.—Но зачем?

В этот момент Вольф поднял глаза и выругался. Он шагнул назад, чтобы предупредить своих друзей, но они уже смотрели вверх. Там, зацепившись согнутыми коленями за тяжелый железный каркас штор, висели вверх тормашками двое гворлов. В руках оба держали длинные, окровавленные ножи, а один, вдобавок, сжимал рог.

Два создания напрягли ноги в ту же секунду, когда поняли, что их обнаружили. Оба сумели перекувырнуться и приземлиться на ноги. Тот, что справа, нанес удар ногой. Вольф покатился, а затем вскочил, но Кикаха промахнулся своим ножом, а гворл—нет. Нож сорвался с его ладони через короткое расстояние в руку Кикахе.

Другой бросил нож в Фунем Лаксфалька. Тот ударил идше в солнечное сплетение с силой, заставившей его согнуться и, пошатнувшись, отступить.

Спустя несколько секунд он выпрямился, открыв, почему нож не смог войти в его тело. Сквозь порванную рубаху блеснула сталь легкой кольчуги.

К тому же гворл с рогом исчез за окном. Другие не могли броситься к окну, потому что оставшийся гворл дал им жестокий бой. Он снова сшиб Вольфа, но на этот раз кулаком.

Он словно вихрь налетел на Кикаху, молотя кулаками, и отогнал его назад.

Идше с ножом в руке прыгнул на гворла и пырнул его в брюхо, только для того, чтобы его самого схватили за запястье и вывернули так, что он закричал от боли и нож выпал из его кулака.

Лежавший на полу Кикаха поднял ногу, а затем врезал пяткой гворлу по голени. Тот упал, хотя и не ударился об пол, потому что его схватил Вольф.

Они кружили, сцепив друг друга в объятиях. Оба пытались сломать друг другу хребет, а также пытались дать подножку. Вольф сумел перебросить его через бедро. Они опрокинулись на стену, и большая часть повреждений пришлось на долю гворла, когда он ударился затылком о стену.

На долю секунды он был оглушен.

Это дало Вольфу достаточно времени, чтобы крепко прижать к себе вонючую волосатую бугристую тварь и изо всех сил нажать на хребет гворла. Слишком мускулистый и слишком толстокожий гворл устоял против хребтоломства.

К тому времени на него набросились с ножами двое остальных. Они несколько раз пырнули его и продолжали бы попытки найти смертельную точку в жестокой, упроченной хрящами шкуре, не вели им Вольф прекратить.

Шагнув назад, Вольф выпустил гворла, упавшего на пол, истекавшего кровью и со стеклянным взглядом. С минуту Вольф игнорировал его, высматривая в окно бежавшего с рогом гворла. Отряд державших всадников прогремел через подъемный мост и удалился. Свет показал только гладь черных вод рва. Не было никакого спускавшегося по стене гворла. Вольф снова повернулся к оставшемуся гворлу.

—Его зовут Дискибибал, а другого—Смил,—уведомил его Кикаха.

—Смил, должно быть, утонул,—сказал Вольф.—Даже если бы он умел плавать, его могли сцапать водяные драконы; но он не умел.

Вольф подумал о роге, лежавшем в иле на две рва.

—Никто явно не видел, как упал Смил. Так что на некоторое время рог там в безопасности.

Гворл заговорил. Хотя он употреблял немецкий, он не мог точно овладеть звуками. Его слова скрежетали у него в глубине горла.

—Вы умрете, человеки. Господь победит. Арвур—Господь. Ему не может нанести поражения такая падаль, как вы. Но прежде чем умрете, вы будете страдать большую...

Он начал кашлять, харкая кровью, до тех пор, пока не умер.

—Нам лучше избавиться от его тела,—предложил Вольф.— Нам может оказаться тяжело объяснить, что он здесь делал. И фон Элгерс может связать пропажу рога с их присутствием здесь.

Взгляд из окна показывал ему, что поисковая партия усакала далеко по ведущей к городу утоптанной дороге.

На данную минуту, по крайней мере, на мосту никого не было. Он поднял тяжелый труп и вытолкнул его из окна.

После того, как была перевязана рана Кикахи, Вольф и идше стерли все следы борьбы.

Только после того, как они закончили, Фунем Лаксфальк заговорил. Лицо его было бледным и мрачным.

—Это был рог Господа. Я настаиваю, чтобы вы рассказали мне, как он попал сюда, и какова ваша роль в этом кажущемся кощунстве.

—Теперь самое время сказать всю правду,—заметил Кикаха.

—Расскажи ты, Боб. На сей раз я не испытываю желания перехватывать разговор.

Вольф был озадачен состоянием Кикахи, так как его лицо тоже было бледным, и сквозь толстую перевязку сочилась кровь. Тем не менее, он как можно быстрее рассказал идше все, что мог.

Рыцарь слушал хорошо, хотя не мог удержаться от перебивающих вопросов и ругательств, когда Вольф говорил ему что-нибудь особенно изумительное.

—Клянусь Богом,—произнес он, когда Вольф, казалось, кончил,—эта повесть о другом мире заставила бы меня назвать вас лжецом, если бы равнины уже не рассказывали мне, что мои предки и предки тевтонов пришли именно из такого места. И потом, есть Книга Второго Исхода, которая гласит то же самое и также утверждает, что Господь явился из другого мира. И все же я всегда считал, эти сказки тем, что пригрелись святым людям, которые чуточку безумны. Мне такое никогда и присниться, конечно, не могло, а сказать об этом вслух, я не хотел так как мог быть побитым камнями за ересь. К тому же, всегда есть сомнение, что они могут быть правдой. И Господь карает тех, кто отрицает его. В этом-то никаких сомнений нет. Теперь же вы ставите меня в такое положение, какому ни один человек не может позавидовать. Я знаю вас обоих как самых грозных рыцарей, каких мне когда-либо выпадало счастье встретить. Вы такие люди, которые не станут лгать. В этом я готов поручиться своей жизнью. Ваша повесть звучит столь же правдиво, что и доспехи великого драконоборца фун Зильберберггла. И все-таки, я не знаю.

Он покачал головой.

—Пытаться вступить в цитадель самого Господа, нанести удар по Господу! Это пугает меня. Первый раз в своей жизни я, лейб Фунем Лаксфальк, признаю, что я боюсь!

—Вы дали нам клятву,—сказал Вольф.—Мы освобождаем вас от нее, но просим, чтобы вы действовали так, как поклялись, то есть не говорили никому о нас или нашем поиске.

—Я не говорил, что брошу вас!—возмущался, рассердившись,

идше.—Я этого не сделаю, по крайней мере пока. Существует нечто такое, что заставляет меня думать, что вы, может быть, говорите правду. Господь—всемогущ, и все же его священный рог побывал в ваших руках и у гворлов, а Господь ничего не сделал. Наверно...

Вольф ответил, что у него нет времени ждать, пока тот примет решение, рог должен быть возвращен сейчас, пока есть возможность, и Хрисенду надо освободить при первом же удобном случае. Он вывел их из этой комнаты в другую, в данный момент незанятую.

Там они взяли три меча взамен своих, которые гворлы, должно быть, выбросили из окна в ров. Через несколько минут они были за пределами замка и притворялись, что ищут по лесу гворлов.

К тому времени большинство вышедших на поиски тевтонов вернулись в замок. Трое подождали, пока отставшие ратники не решились, что никаких гворлов поблизости нет.

Когда последние из них прошли через подъемный мост, Вольф и его друзья погасили факелы. На конце моста в караульной осталось двое часовых. Эти, однако, находились в ста ярдах от них и не могли видеть где пригнулась троица. Более того, они были слишком заняты обсуждением событий этой ночи и выглядыванием во тьму леса. Они не были первоначальными часовыми, ибо тех убили гворлы, когда совершили свой рывок к свободе через мост.

—Точка как раз под нашим окном, вот где должен находиться рог,—подумал вслух Вольф.—Только...

—Водяные драконы!

Кикаха понял его с полуслова.

—Они уволочут тела Смила и Дискибибола в свои логова, где бы те ни были. Но поблизости могут крейсировать другие. Я бы нырнул, но эта моя рана сразу же привлечет их.

—Я говорил как раз о себе,—проворчал Вольф.

Он принялся снимать одежду.

—Насколько глубок этот ров?

—Узнаешь,—лаконично ответил Кикаха.

Вольф увидел что-то блеснувшее красным в отраженном свете факелов с отдаленного моста. Он подумал, что это глаза зверя. В следующий миг он и другие были пойманы во что-то липкое и вязущее. Материал этот, чем бы он ни был, закрыл ему глаза и ослепил его.

Он дрался жестоко, но молча. Хоть он и не знал, кем были напавшие на него, он не собирался поднимать обитателей замка. Каким бы ни был исход борьбы, это дело их не касалось, он знал это наверняка.

Чем больше он трепыхался, тем туже цеплялась к нему и связывала его паутина. В конечном итоге, разъярясь и тяжело дыша, он оказался совершенно беспомощным. Только тогда раздался низкий и скрипучий голос.

Нож разрезал паутину, оставив открытым его лицо. В тусклом свете отдаленных факелов он увидел две другие фигуры, заверну-

тые в материал, и дюжину кривобоких силуэтов. Вонь гнилых фруктов была мощной.

—Я—Гагрилл, здрих'аг. Аббунга. Вы—Роберт Вольф и наш великий враг Кикаха, а третьего я не знаю.

—Барон Фунем Ласкфальк,—процедил идше.—Освободи меня и ты скоро выяснишь, хорошо ли со мной знаться, вонючая свинья!

—Тихо! Мы знаем, что вы каким-то образом убили двух моих лучших убийц, Смила и Дискибибола, хотя они не могли быть столь свирепыми, если дали себя разбить таким, как вы. Оттуда, где мы стрятались в лесу, мы видели, как упал Дискибибал, и следом выпрыгнул с рогом Смил.

Гагрилл помолчал, а затем сказал:

—Ты, Вольф, отправишься за рогом в воды и принесешь его нам. Если ты это сделаешь, то, клянусь честью Господа, мы освободим вас всех троих. Кикаху Господь тоже хочет иметь, но не так сильно, как рог, и он сказал, что мы не должны убивать его, даже если нам, воздерживаясь от убийства его, придется дать ему скрыться. Мы повинемся Господу, потому как он—величайший убийца из всех.

—А если я откажусь?—спросил Вольф.—С водяными драконами во рву мне почти верная смерть там.

—Тебе будет верная смерть, если ты откажешься.

Вольф подумал. Он вынужден был признать логичность выбора. Свойства и отношение идше были гворлам неизвестны, поэтому они не могли позволить ему отправиться за рогом. Он мог и не вернуться. Какаха был призом, уступавшим в ценности только рогу. Кроме того, он был ранен, а кровь из раны привлекла бы водяных чудовищ. Вольф же, если ему не наплевать на Кикаху, вернется. Они, конечно, не могли быть уверены в глубине его чувств к Кикахе. Это был риск, на который им приходилось идти.

Наверняка же было одно: ни один гворл не рискнет сунуться в такую глубокую воду, если у него есть кто-то, способный сделать это за него.

—Ладно,—согласился Вольф.—Освободите меня, и я отправляюсь за рогом. Но дайте мне, по крайней мере, нож для защиты от драконов.

—Нет,—отказал Гагрилл.

Вольф пожал плечами. После того, как его вырезали из сети—паутины—он снял с себя всю одежду, кроме рубахи. Она прикрывала обмотанный у него вокруг талии шнур.

—Не делай этого, Боб,—заговорил тут Кикаха.—Гворлу можно доверять не больше, чем его хозяину. Они отберут у тебя рог, а потом сделают с нами все, что пожелают, и посмеются над нами за то, что мы были их орудием.

—У меня нет выбора,—ответил Вольф.—Если я найду рог, то вернусь. Если я не вернусь, ты будешь знать, что я погиб.

—Ты все равно погибнешь,—возразил Кикаха.

Раздался глюкающий удар кулака по телу. Кикаха выругался, но сделал это тихо.

—Поговори еще, Кикаха,—сказал Гагрилл,—и я отрежу тебе язык. Этого Господь не запрещал.

Глава XIV

Вольф поднял взгляд на окно, из которого все еще лился свет факела.

Он вошел в воду, которая была прохладной, но не холодной.

Его ноги погрузились в густой клейкий ил, вызывавший образы множества трупов, чья гниющая плоть, должно быть, и образовала часть этого ила. Вольф не мог удержаться от мыслей о плававших там ящерах.

Если ему повезет, то в непосредственной близости их не будет. Если они уволокли тела Смила и Дискибисала...

Лучше бросить размышлять о них и пускаться плыть.

Ров в этом месте был по меньшей мере в двести ярдов шириной. Вольф даже остановился посередине и, усиленно работая ногами, обернулся посмотреть на берег. С этого расстояния он не смог увидеть никаких признаков группы.

С другой стороны, они тоже не могли его видеть. Гагрилл не дал ему предела времени на возвращение. Вольф, однако, знал, что если он не вернется до рассвета, то не найдет их там.

В точке непосредственно под светом из окна он нырнул. Он погружался все глубже, и вода становилась холодней чуть ли не с каждым гребком. У него начали зудеть, а затем интенсивно болеть уши. Он выпустил несколько пузырьков воздуха, чтобы облегчить давление, но ему это мало помогло.

Как раз, когда показалось, что он не сможет погрузиться глубже, без того, чтобы у него не лопнули барабанные перепонки, его рука вонзилась в мягкий ил. Удерживаясь от желания сейчас же повернуться и плыть к поверхности за благословенным облегчением от давления и абсолютно необходимым воздухом, он пошарил по дну рва. Он не нашел ничего, кроме ила и, один раз, кости.

Он насиловал себя до тех пор, пока не понял, что должен глотнуть воздуха.

Дважды он поднимался на поверхность, а затем снова нырял.

К тому времени он знал, что даже если рог и лежал на дне, он мог никогда не найти его. Слепой в темных водах, он мог проплыть в дюйме от рога и никогда не узнать о нем. Более того, возможно, Смил, упав, отбросил рог подальше от себя, или водной дракон мог утащить его вместе с трупом Смила и даже проглотить его.

В третий раз он прежде, чем погрузиться в воду, отплыл на несколько гребков вправо от своих предыдущих ныряний. Он нырнул, как надеялся, под углом в девяносто градусов ко дну.

В этой черноте он никак не мог определить направление.

Его рука вспахала ил. Он расположился поближе к нему, чтобы пощупать кругом, и неожиданно его пальцы сомкнулись на холодном металле.

Быстрое скольжение их по предмету прошло над семью кнопочками.

Добравшись до поверхности, он вспенил воду и жадно глотнул воздух.

Теперь надо было быстрее пускаться в обратное путешествие, которое, как он надеялся, он сможет проделать, так как вскоре могли появиться водяные драконы.

Затем он забыл про драконов, так как ничего не видел.

Свет факелов с подъемного моста, слабое свечение луны сквозь тучи, свет из окна наверху—все исчезло.

Вольф заставил себя продолжать вспенивать воду ногами, тщательно обдумывая свое положение. Во-первых, не было ни малейшего ветерка. Воздух был застоявшийся. Следовательно, он мог находиться только в одном месте, и его счастье, что такому месту случилось оказаться как раз там, где он вынырнул. Также ему повезло, что он всплывал со дна под наклонным углом.

И все же он мог разглядеть, в какой стороне находился берег, а в какой—замок. Потребовалось лишь несколько гребков, чтобы выяснить. Его рука соприкоснулась с камнем, каменными кирпичами. Он двинулся вдоль стены, пока вскоре она не начала выгибаться внутрь. Следуя за изгибом, он, наконец, добрался до того, на что надеялся.

Это был марш каменных ступенек лестницы, поднимавшейся из воды и ведшей вверх.

Он медленно поднялся по ней, держа перед собой руку на случай неожиданного препятствия. Ноги его скользили по каждой ступеньке, готовые остановиться, если появится отверстие или ступенька покажется непрочной.

После двадцати ступенек вверх он дошел до конца лестницы.

Он находился в высеченном из камня коридоре.

Фон Элгерс, или кто бы там ни построил этот замок, сконструировал и средства для тайного входа и выхода. Отверстие ниже уровня воды вело в камеру, небольшой порт, а оттуда, в замок. Теперь Вольф имел рог и способ попасть в замок незамеченным.

Не следует ли ему сперва вернуть рог гворлам? Потом он и двое других могли вернуться этим путем и отыскать Хрисенду.

Он сомневался, что Гагрилл сдержит слово. Однако, даже если гворлы и отпустят своих пленников, то если они поплывут сюда, рана Кикахи привлечет ящеров, и все трое пропадут.

У Хрисенды тогда не останется никаких шансов освободиться. Кикаху нельзя было оставлять, пока другие возвращаются в замок. Он окажется на виду у всех, как только наступит рассвет. Он мог спрятаться в лесу, но все шансы были на то, что к тому времени окрестности будет обыскивать новая охотничья партия, особенно после того, как обнаружит, что исчезли трое чужих рыцарей.

Он решил пойти вперед по коридору. Это был слишком хороший шанс, чтобы упускать его. До зари он сделает все, что в его силах. Если он ничего не добьется, то вернется с рогом.

Рог! Нет смысла брать его с собой. Если его, чего доброго, за-

хватят в плен без него, его знание о местонахождении рога может помочь ему.

Он вернулся туда, где лестница подходила к концу под водой. Он нырнул на глубину примерно в десять футов и оставил рог в иле.

Вернувшись в коридор, он волочил ноги по полу, пока не подошел к другой лестнице на конце его.

Марш вел вверх туго закрученной спиралью.

Счет ступенек привел его к мысли, что он поднялся по меньшей мере на пять этажей. На каждом расчетном этаже он ощупывал узкие стены в поисках дверей или пружин, открывавших двери, и ничего не находил.

На том, что могло быть седьмым этажом, он увидел вырывающийся из отверстия в стене крошечный лучик света. Нагнувшись, он заглянул в отверстие. В противоположном конце помещения сидел за столом с бутылкой вина перед собой—фон Элгерс. Человек, сидевший за столом напротив барона, был Абиру.

Лицо барона побагровело не только от вина. Он рычал на Абиру.

—Это все, что я намерен сказать, хамшем! Ты отнимешь рог у гворлов, или я сниму тебе голову! Только сперва тебя бросят в темницу. У меня там есть кой-какие любопытные железные устройства, которые заинтересуют тебя.

Абиру встал. Лицо его было столь же бледным под его темным пигментом, сколь у барона—багровым.

—Поверьте мне, государь, если рог захватили гворлы, он будет возвращен. Они не могут уйти с ним далеко, если он у них, и их можно будет легко выследить. Они, знаете ли, не могут сойти за людей. Кроме того, они глупы.

Барон взревел, встал и треснул кулаком по столу.

—Глупы! Они оказались достаточно умны, чтобы вырваться из моей темницы, а я бы поклялся, что этого никто не сможет сделать! И они нашли мои покои и забрали рог! А ты называешь их глупцами!

—По крайней мере,—заметил Абиру,—они не похитили также и девушку. С этого я кое-что получу. Она принесет сказочную цену.

—Тебе она ничего не принесет! Она—моя!

Абиру прожег его взглядом и сказал:

—Она—моя собственность. Я приобрел ее с большим риском и провез ее весь этот путь, пойдя на крупные расходы. Я имею полное право на нее. Вы человек чести или вор?

Фон Элгерс ударил его и сшиб на пол. Абиру, потирая щеку, сразу же поднялся на ноги. Глядя ровным взглядом на барона, он спросил, едва сохраняя ровный тон:

—А как насчет моих драгоценностей?

—Они находятся в моем замке!—закричал барон.—А все, что в моем замке, принадлежит фон Элгерсу!

Он ушел из поля зрения Вольфа и явно открыл дверь. Он про-

ревел, зовя стражу, и, когда та явилась, стражники увели с собой Абиру.

—Тебе повезло, что я не убил тебя!—бушевал барон.—Я позволяю тебе, пес поганый, сохранить жизнь! Тебе следовало бы пасть на колени и благодарить меня за это! А теперь немедленно убирайся из замка. Если я услышу, что ты не спешишь как можно быстрее уносить отсюда ноги, то повешу тебя на ближайшем дереве.

Абиру не ответил. Дверь закрылась. Некоторое время барон расхаживал взад-вперед, а затем внезапно двинулся к стене, за которой пригнулся Вольф. Вольф покинул глазок и отступил подальше вниз по лестнице.

Он надеялся, что выбрал правильное направление отхода.

Если барон будет спускаться по лестнице, он мог вынудить Вольфа спуститься в воду и наверное обратно в ров. Но он не думал, что барон намеревался идти этим путем.

На секунду свет пропал. Затем участок стены распахнулся с торчащим из отверстия пальцем барона. Факел фон Элгерса осветил винтовую лестницу. Вольф согнулся в тени, отбрасываемой поворотом витка. Вскоре свет стал слабее, когда барон понес его вверх по лестнице. Вольф последовал за ним.

Он не мог все время держать фон Элгерса в поле зрения, так как должен был укрываться за разными поворотами, чтобы не быть замеченным, если барон, чего доброго, взглянет вниз, поэтому он не увидел, как фон Элгерс покинул лестницу, и не узнал об этом, пока свет вдруг не пропал.

Вольф быстро поднялся следом за бороном, хотя и остановился у глазка.

Он просунул в него палец и поднял вверх. Небольшой участок поддался, послышался щелчок, и дверь распахнулась перед ним. Внутренняя сторона двери образовывала часть стены покоев барона. Вольф шагнул в комнату, выбрал с подставки на стене тонкий восьмидюймовый кинжал и снова вернулся на лестницу.

Закрыв за собой дверь, он двинулся наверх.

На этот раз у него не было никакого наводящего света из отверстия.

Он даже не был уверен, что остановился в том же месте, что и барон. Он сделал грубый расчет высоты от себя до барона, когда барон исчез. Не оставалось ничего другого, кроме как нащупывать устройство, которым должно быть, воспользовался барон, открывая другую дверь. Когда он приложил ухо к стене, прислушиваясь к голосам, то ничего не услышал.

Его пальцы скользили по кирпичам и крошившейся от влажности известке, пока не встретили дерево. Это было все, что он смог найти: камень и деревянная рама, в которую была гладко вставлена широкая и высокая панель. Не было ничего, указывавшего на «сезам, откройся».

Он поднялся еще на несколько ступенек и продолжил простукивание. Кирпичи пребывали в невинности относительно какого-

нибудь рычага или пружины. Вольф вернулся к месту напротив двери и ощупал стену там. Там тоже ничего не было.

Теперь он чуть не обезумел. Он был уверен, что фон Элгерс направился в комнату Хрисенды, и не просто поболтать. Он вернулся вниз по лестнице и обшарил стены там. По-прежнему ничего:

Он снова безуспешно попробовал вокруг двери. Он толкнул по одной стороне двери только для того, чтобы обнаружить, что та не шелохнулась.

На миг он подумал замолотить по двери чтобы привлечь внимание фон Элгерса.

Если барон явится выяснить, он будет на миг беспомощен перед атакой сверху.

Вольф отверг эту мысль. Барон был слишком хитер, чтобы пасться на такой трюк. Хотя он вряд ли отправится за помощью, так как не захочет открыть тайный ход другим. Он мог покинуть комнату Хрисенды через обычную дверь. Может, поставленный перед дверью часовой и подивится, откуда он взялся, хотя, вероятно, подумает, что барон зашел туда до смены караула.

В любом случае барон мог навсегда заткнуть рот подозрительному часовому. Вольф толкнул по другой стороне двери, и та распахнулась внутрь. Она не была заперта. Все, что ей требовалось, это давление на нужную сторону.

Он застонал от того, что так долго упускал очевидное, и шагнул через дверной проем. За дверью было темно. Он оказался в маленькой комнате, чуть ли не в чулане. Она была составлена из скрепленных известковым раствором кирпичей, за исключением одной стороны. Здесь из деревянной стены торчал металлический прут. Прежде чем поработать над ним, Вольф приложил ухо к стене. Донесли ли приглушенные голоса, слишком слабые, чтобы он мог узнать их.

Чтобы активизировать дверную пружину, требовалось потянуть на себя металлический прут. С кинжалом в руке Вольф прошел через эту дверь. Он оказался в большой палате из крупных каменных блоков. В ней находилась большая постель с четырьмя изукрашенными резьбой столбами из лощеного черного дерева и ярко-розовым, с кисточками, балдахином.

За ней виднелось узкое крестообразное окно, через которое он смотрел этой же ночью несколько раньше.

Фон Элгерс стоял спиной к нему. Барон держал в объятиях Хрисенду и тащил ее к постели. Глаза ее были закрыты, а голова отвернута, чтобы избежать поцелуев фон Элгерса. И он, и она были еще полностью одеты.

Вольф в несколько прыжков пересек помещение, схватил барона за плечо и рванул его назад. Барон выпустил Хрисенду, чтобы схватиться за кинжал у себя в ножнах, но вспомнил, что его не принес. Видимо, он не собирался давать Хрисенде шанс заколоть его.

Его лицо, столь раскрасневшееся, теперь посерело. Рот его задвигался, крик о помощи часовым замер от удивления и страха.

Вольф не дал ему шанса позвать на помощь. Он бросил кинжал и ударил барона кулаком в подбородок. Фон Элгерс рухнул без сознания. Вольф не хотел зря терять время, поэтому он прошмыгнул мимо огромноглазой и бледной Хрисенды и отрезал от простыней две полосы ткани. Меньшую он засунул барону в рот, а большую использовал как кляп. Затем он отмотал кусок шнура вокруг талии и связал фон Элгерсу руки спереди. Взвалив обмякшее тело на плечо, он командовал Хрисенде:

—Пошли. Поговорить мы можем и позже.

Он остановился, чтобы дать Хрисенде указания, как закрыть за ними стену-дверь.

Не было смысла позволять другим найти тайный ход, когда они явятся наконец расследовать долгое отсутствие барона.

Хрисенда несла позади него факел, когда они спускались по лестнице. Когда они дошли до воды, Вольф объяснил ей, что они должны сделать для побега. Сперва он должен был вернуть рог. Сделав это, он зачерпнул воды в ладони и плеснул ею на лицо барона. Когда он увидел, что глаза барона открылись, то уведомил его, что тот должен сделать.

Фон Элгерс отрицательно замотал головой. Вольф заявил:

—Либо вы отправитесь с нами заложником и рискуете столкнуться с водяными драконами, либо умерете прямо сейчас. Так какой выбор?

Барон кивнул. Вольф разрезал его путы, но привязал конец шнура к его лодыжке. Все трое вошли в воду. Фон Элгерс сразу же поплыл к стене и нырнул. Другие последовали за ним под стену, ухотившую только фута на четыре ниже поверхности. Вынырнув на другой стороне, Вольф увидел, что тучи начинают рассеиваться. Луна скоро будет светить во всей своей зеленой яркости.

Как им было указано, барон и Хрисенда плыли под углом к другой стороне рва.

Вольф последовал за ними с концом шнура в руке. Со своим бременем они не могли плыть быстро. Через пятнадцать минут луна уйдет за монолит, а солнце скоро выйдет с другой стороны. У Вольфа оставалось мало времени для выполнения своего плана, но было бы невозможно сохранить контроль над бароном, если они не будут плыть без спешки.

Их точка прибытия к берегу рва находилась в ста ярдах от той, где ждали гворлы и их пленники. Через несколько минут они окажутся за изгибом замка вне поля зрения гворлов и часовых на мосту, даже если луна выйдет из-за туч.

Этот путь был необходимым злом—злом потому, что каждая секунда в воде означала больше шансов обнаружения их водяными драконами.

Когда они были в двадцати ярдах от своей цели, Вольф скорее почувствовал, чем увидел замутнение воды. Он повернулся и увидел, что поверхность чуть вспучилась, и к нему пошла небольшая волна. Он вытянул ноги и лягнул. Они ударили по чему-то достаточно твердому и прочному, чтобы позволить ему отскочить прочь.

Он рванул назад, бросив в то же время конец шнура. Объемистая туша проплыла между ним и Хрисендой, наткнулась на фон Элгерса и пропала, также как заложник Вольфа.

Они забросили всякие попытки воздержаться от произведения шума всплесков. Они плыли, что было сил. Остановились они, только когда добрались до берега, вскарабкались на него и добежали до дерева. Хватая воздух разинутыми ртами, они прильнули к его стволу.

Вольф не дожидался, пока полностью восстановит дыхание.

Через несколько минут из-за Дуэвиллнававы появится солнце. Он велел Хрисенде подождать его. Если он не вернется вскоре после появления солнца, то не придет еще долго, если вообще придет. Она должна будет уходить и спрятаться в лесу, а потом делать, что сможет.

Она умоляла его не уходить, ибо не могла вынести мысли о том, чтобы остаться здесь совсем одной.

—Я должен,—сказал он.

Он вручил ей лишний кинжал, который она воткнула в рубаху и закрепила на подоле.

—Я применю его против себя, если тебя убьют,—сказала она.

Его мучила мысль оставить ее такой беспомощной, но он ничего не мог с этим поделать.

—Убей меня сейчас, прежде чем покинешь меня,—взмолилась она.—Я слишком многое пережила, больше я не могу вынести.

Она слегка поцеловал ее в губы и возразил:

—Разумеется, сможешь. Ты сильнее, чем бывала прежде, и всегда была сильнее, чем ты думала. Посмотри на себя сейчас. Ты можешь сказать «убить» и «смерть», даже глазом не моргнув.

Он пропал, победив согнувшись к месту, где оставил своих друзей и гворлов. Когда он, по его расчетам, оказался в двенадцати ярдах от них, то остановился. Он ничего не слышал, кроме крика ночной птицы и приглушенного вскрика откуда-то из замка. Опустившись на четвереньки, с кинжалом в зубах, он пополз к месту напротив света из окна своих покоев. Он ожидал в любой момент почуять заплесневелый запах и увидеть ком черноты на фоне меньшей тьмы.

Но там никого не было, только мерцающе серые остатки паучьей сети, показывавшие, что гворлы действительно были здесь.

Он порыскал по окружающему участку.

Когда стало очевидным, что никакого ключа к их местонахождению тут не было, а солнце вскоре откроет его часовым на мосту, он вернулся к Хрисенде. Она прильнула к нему и всплакнула.

—Видишь! Я все-таки здесь,—сказал он.—Но теперь мы должны убираться отсюда.

—Мы вернемся в Оксаны?

—Нет. Мы отправимся за моими друзьями.

Они рванули рысью мимо замка к монолиту. Отсутствие барона скоро будет замечено. На много миль вокруг никакое ординарное место укрытия не будет безопасным. Гворлы, зная это, тоже долж-

ны ускоренно двигаться к Дуэвиллнававе. Как бы сильно они ни хотели заполучить рог, они сейчас не могли болтаться поблизости. Более того, они должны думать, что Вольф утонул или съеден драконами. Для них рог мог быть в данный момент недостижим, но они могли вернуться, когда это станет неопасным.

Вольф гнал вперед. Они не останавливались, кроме как на короткие привалы, пока не добрались до густого леса Раухвальд. Там они ползли под спутанным терновником и сквозь переплетавшиеся кусты, пока у них не закровоточили колени, и не заболели сочленения. Хрисенда рухнула без сил. Вольф собрал им для еды немного ягод, росших тут в изобилии. Они спали всю ночь, а утром возобновили свое продвижение на четвереньках. К тому времени, когда они достигли другой стороны Раухвальда, они были покрыты ранками от колючек. На другой стороне их никто не поджидал, как он опасался.

Это и еще одно обстоятельство сделали его счастливым. Он наткнулся на доказательства того, что гворлы тоже прошли этим путем. На колючках терновника были клочки жестких волос гворлов и куски ткани. Их, несомненно, сумел обронить Кикаха, чтобы отметить дорогу, если Вольф последует за ними.

Глава XV

Через месяц они прибыли наконец к подножию Монолита Дуэвиллнававы. Они знали, что находятся на правильном пути, поскольку до них доходили слухи о гворлах, и им даже доводилось разговаривать с теми, кто видел их издали.

— Не знаю, почему они ушли так далеко от рога, — недоумевал Вольф. — Наверное, они собираются спрятаться в пещере на поверхности горы и вернуться, когда их перестанут искать.

— Или, возможно, — добавила Хрисенда, — что у них есть приказ Господа сперва привести Кикаху. Тот так долго был словно насекомое в ухе Господа, что Господь, должно быть, приходил в бешенство при одной мысли о нем. Может быть, он хочет удостовериться, что Кикаху убрали с дороги, прежде чем снова послать гворлов за рогом.

Вольф согласился, что она может быть права. Возможно даже, что Господь собирался спуститься из дворца по тем же тропам, по которым он спустил гворлов. Это, однако, казалось маловероятным, так как Господь не захотел бы оказаться застрявшим здесь. Мог ли он довериться гворлам по части подъема его обратно?

Вольф посмотрел на ошеломлявшие высоты континентальной ширины башни Дуэвиллнававы. Она была, по словам Кикахи, по меньшей мере вдвое выше монолита Абхарплунты, поддерживавшего ярус Дракландии. Она воспаряла на шестьдесят тысяч футов или больше, а существа, жившие на карнизах и в нишах, были точно такими же страшными и голодными, как и на других монолитах. Дуэвиллнавава была бугристой, подвергшейся эрозии, иссеченной и щетинистой. На ее разрушенной поверхности имелась ог-

ромная выемка, придававшая ей вид темного и разинутого рта. Велликан казался готовым съесть всякого, кто посмеет его обидеть.

Хрисенда, тоже изучавшая дикие скалы и их невероятную высоту, задрожала, но ничего не сказала. Она уже давненько бросила оглашать свои страхи.

Дело могло быть в том, что она больше не волновалась о себе, как подумал Вольф, а сосредоточилась на росшей в ней жизни. Она была уверена, что забеременела.

Он обнял ее одной рукой, поцеловал и сказал:

—Я хотел бы начать сейчас же, но мы должны несколько дней делать приготовления. Мы не можем атаковать это чудовище без отдыха или без достаточного запаса еды.

Три дня спустя, облаченные в прочную одежду из оленьей кожи и неся веревки, оружие, орудия для восхождения и бурдюки с едой и водой, они начали подъем. Вольф нес рог в мягком кожаном мешке за спиной.

Девяносто один день спустя они были в расчетной точке посередине пути.

По крайней мере на каждом втором шагу им приходилось сражаться с гладкой вертикальностью, ненадежной и предательской скалой или с хищниками. Эти включали многостопую змею, встреченную ими на Тайяфайявозде, волков с огромными цеплявшимися за скалы лапами, горную обезьяну, топороклювов размером со страуса и маленькую, но смертельную рысь.

Когда они перевалили через верхний край Дуэзвиллнававы, то побыли в пути сто восемьдесят шесть дней. Ни он, ни она не были теми же людьми, что вначале, ни физически, ни психически. Вольф весил меньше, но прибавил к своей силе намного больше выносливости и жилистости. На лице и теле он носил шрамы, полученные от рысей, горных обезьян и топороклювов. Его ненависть к Господу стала даже более интенсивной, ибо Хрисенда потеряла плод, прежде чем они достигли высоты в десять тысяч футов. Этого и следовало ожидать, но он не мог забыть, что им бы не пришлось совершать этого восхождения, если бы не Господь.

Хрисенда закалилась телом и духом благодаря испытанному ею прежде, чем она начала подъем на Дуэвиллнававу. И все же дела на этом монолите были намного хуже, чем все прежнее, и она могла бы сломаться.

То, что она не сломалась, подтверждало первоначальные чувства Вольфа, что она была создана в основном из прочной ткани. Воздействие тысячелетия растительной жизни в Саду было сброшено, как старая кожа. Хрисенда, покорившая этот монолит, во многом походила на женщину, умыкнутую из жесткой и требовательной жизни древних эгейцев. Только она была намного мудрее.

Вольф подождал несколько дней, отдыхая, охотясь, ремонтируя луки и изготовляя новые стрелы. Он также продолжал высматривать орлицу. У него не было контакта ни с одной из них с тех пор, как он разговаривал с Фтией в разрушенном городе у реки Гузирит. Никаких зеленотелых желтоголовых птиц не появилось, так

что он неохотно решил вступить в джунгли. Как и в Дракландии, всю грань окружал пояс джунглей тысячемильной молщины.

Внутри этого пояса находилась земля Атлантиды. Она, включая монолит в центре, покрывала площадь, превышавшую Германию и Францию, вместе взятые.

Вольф поискал взглядом столп, на вершине которого находился дворец Господа, поскольку Кикаха говорил, что его видно с грани, даже хотя он немного тоньше, чем любой из других монолитов. Он видел только огромный и темный континент облаков, разрываемых и скручиваемых молниями. Идаквизурхруз был скрыт. И равным образом Вольф не смог увидеть его, когда бы ни поднимался на высокий холм или забирался на громадное дерево. Неделью спустя грозовые облака продолжали окутывать каменный столп. Это обеспокоило его, так как он не видел такой грозы за все три с половиной года, что пробыл на этой планете.

Прошло пятнадцать дней. На шестнадцатый они нашли на узкой, заполненной зеленью тропе обезглавленный труп. В яре от него в кустах валялась покрытая тюрбаном голова хамшема.

—Абиру также мог пойти по следу гворлов,—сказал он.—Может быть, гворлы прихватили его камни, покинув замок фон Элгерса, или, что более вероятно, он думает, что у них есть рог.

Через полторы мили они наткнулись на другого хамшема, с распоротым животом и развешенными внутренностями. Вольф попытался получить от него какие-нибудь сведения, пока не обнаружил, что тот зашел слишком далеко в потусторонний мир.

Вольф избавил его от мук, заметив, что Хрисенда даже не отвернулась, пока он это делал.

После этого он заткнул за пояс нож и взял в правую руку ятаган хамшема.

Он чувствовал, что тот ему скоро понадобится.

Полчаса спустя он услышал впереди по тропе крики и вопли.

Они с Хрисендой скрылись в листве рядом с тропой. Выбежали Абиру и два хамшема со смертью, скакавшей за ними по пятам в образе трех приземистых негроидов с разрисованными лицами и длинными, причудливо выкрашенными в алый цвет бородами. Один из них метнул копье. Оно прочертило воздух, кончив путь в спине хамшема. Тот без звука рухнул лицом вперед и заскользил по мягкой влажной земле, словно спускаемый в вечность парусник, с копьем в качестве мачты.

Два других хамшема повернулись, чтобы дать бой.

Вольф вынужден был невольно восхититься Абиру, который дрался с большим умением и мужеством. Хотя его спутник пал с копьем в солнечном сплетении, Абиру продолжал рубиться ятаганом. Вскоре двое дикарей были убиты, а третий поджал хвост. После того, как негроид исчез, Вольф бесшумно подошел сзади к Абиру.

Он ударил Абиру ребром ладони, парализовав ему руку и заставив его выронить ятаган.

Абиру был так поражен и напуган, что не мог даже говорить.

При виде вышедшей из кустов Хрисенды он еще больше выпучил глаза. Вольф спросил его, какова ситуация. После некоторой паузы, Абиру вновь обрел дар речи и с трудом начал говорить.

Как и догадался Вольф, он преследовал гворлов со своими людьми и множеством шолкинов.

В нескольких милях отсюда он настиг их или, точнее, они настигли его.

Засада оказалась наполовину успешной, ибо в результате ее была убита или выведена из строя добрая треть хамшемов. Все это было сделано без потерь со стороны гворлов, метавших ножи с деревьев или из-за кустов.

Хамшемы сломались и побежали, надеясь дать отпор в лучшем месте дальше по тропе, если могут такое найти. Затем и преследуемые, и преследователи столкнулись с ордой черных дикарей.

—И скоро прибегнут новые искать тебя,—заклучил Вольф.—Что насчет Кикахи и Фунем Лаксфалька?

—Насчет Кикахи я не знаю. Его с гворлами не было. Но идишский рыцарь был.

На миг Вольф подумывал убить Абиру. Ему, однако, не нравилось делать это хладнокровно, а также хотелось задать еще несколько вопросов. Он считал, что в Абиру тайлось больше, чем тот прикидывался. Толкая Абиру вперед острием ятагана, Вольф направился дальше по тропе. Абиру возражал, что их убьют. Вольф велел ему заткнуться.

Через несколько минут они слышали крики и вопли сражавшихся людей.

Они перешли через мелкий ручей и оказались у подножья крутого, высокого холма.

Он был таким каменистым, что его покрывало сравнительно мало растительности. Вдоль тропы вверх по холму лежали следы боя—мертвые и раненные гворлы, хамшемы, шолкины и дикари. Почти на самой вершине холма, прижавшись спиной к V-образной стене, и под навесом, образованным двумя большими валунами, черных сдерживали трос. Это были—гворл, хамшемы и идишский барон. Даже когда Вольф и Хрисенда бросились вверх по склону, хамшем пал, пронзенный несколькими наконечниками копий размером с лопату. Вольф велел Хрисенде вернуться. В ответ она встала в лук стрелу и выстрелила. Дикарь в арьергарде толпы упал назад с торчавшим из спины древком.

Вольф мрачно улыбнулся и начал орудовать собственным луком. Они с Хрисендой выбирали только тех, кто находился дальше всех в тылу, надеясь перестрелять побольше, прежде чем заметят те, кто впереди. Им сопутствовал успех, пока не пал двенадцатый. Один дикарь случайно оглянулся и увидел, что воин позади него свалился. Он заорал и дернул за руки тех, что были ближе всех.

Эти немедленно затрясли копьями и кинулись бегом вниз по холму к парочке, оставив большую часть своего отряда атаковать гворла и идше. Прежде, чем они одолели половину склона холма, пало еще четыре дикаря.

Еще трое перекувырнулись через голову и покатались, пронзенные стрелами. Оставшиеся шестеро потеряли рвение подойти на дистанцию ближнего боя. Остановившись, они бросили копья, которые были запущены с такого расстояния, что лучники без труда увернулись от них. Вольф и Хрисенда, действуя с хладнокровием и умением, рожденным большой практикой и опытом, застрелили затем еще четверых.

Двое уцелевших побежали, вопя, обратно к своим братьям.

Ни тот, ни другой не сумели до них добраться, хотя один был ранен только в ногу.

К тому времени пал и гворл. Фунем Лаксфальк остался один против сорока.

Он имел небольшое преимущество, заключавшееся в том, что они могли добраться до него только по двое за раз.

Стены из валунов и баррикада из трупов не давали другим навалиться на него всей оравой. Фунем Лаксфальк, размахивая окровавленным ятаганом, громко пел какую-то идишскую боевую песнь.

Вольф и Хрисенда нашли частичное укрытие за двумя валунами и возобновили свою атаку с тыла. Пало еще пятеро, но тут у обоих опустели колчаны.

—Вытаскивай стрелы из трупов и используй их вновь,—скомандовал Вольф.—Я собираюсь помочь ему.

Он подобрал копье и побежал наискось вверх по холму, надеясь, что дикари будут слишком заняты, чтобы увидеть его.

Когда он обогнул холм, то увидел двух дикарей, пригнувшихся на вершине валуна. Им не давал прыгнуть на спину идше навес из двух грубо сложенных валунов. Но они дожидались минуты, когда он выйдет слишком далеко из-под его защиты.

Вольф вынул копье и попал одному в ягодицы. Дикарь закричал и навернулся со скалы вперед, надо полагать, на своих собратьев внизу. Другой встал и развернулся как раз во время, чтобы получить нож Вольфа в живот. Он упал спиной со скалы.

Вольф взял небольшой валун и поднял его на верх одного из огромных валунов и влез следом за ним. Затем он снова взял валун, поднял его над головой и подошел к переднему краю огромного валуна. Он заорал и бросил его в толпу. Они подняли головы как раз вовремя, чтобы увидеть опускавшийся на них камень. Он подробил кости по меньшей мере троим и покатался вниз по холму. При таком повороте событий уцелевшие в панике убежали.

Наверно они подумали, что должны быть и другие, кроме Вольфа. Или от того, что они были недисциплинированными дикарями, они потеряли боевой дух, увидев, что понесли уже слишком большие потери. Зрелище стольких застреленных позади них тоже, должно быть, прибавило им страха.

Вольф надеялся, что они не вернутся. Чтобы подлить масла в огонь их страха, он спрыгнул вниз, снова поднял валун и отправил его грохотать вниз по склону следом за ними.

Он подпрыгивал и подскакивал, словно гонящийся за кроликом

волк, и действительно ударил еще одного, прежде чем достиг подножья.

Хрисенда из-за своего валуна выпустила в дикарей еще две стрелы.

Вольф повернулся к барону и обнаружил, что тот лежит на земле. Лицо его было серым, а из раны вокруг вогнанного ему в грудь наконечника копья хлестала кровь.

—Вы!—слабо произнес он.—Человек из другого мира. Вы видели, как я бился?

Вольф подошел к нему, чтобы изучить рану.

—Видел. Ты бился, словно один из воинов Ишена, друг мой. Ты бился так, как я никогда не видывал прежде. Ты, должно быть, убил по меньшей мере двадцать врагов.

Фунем Лаксфальк сумел чуть улыбнуться.

—Двадцать пять. Я их считал.

Затем он широко улыбнулся и промолвил:

—Мы оба чуть-чуть округлили истину, как сказал бы наш друг Кикаха. Но не слишком сильно. Это был великолепный бой. Я только сожалею, что мне приходилось сражаться без друзей и без доспехов в одиноком месте, где никто никогда не узнает, что Фунем Лаксфальк прибавил чести своему имени, даже если бой этот был против оравы воюющих голых дикарей.

—Узнают,—пообещал Вольф.—Настанет день, и я расскажу.

Он не давал ложных слов утешения. И он, и идше знали, что смерть была за поворотом, нетерпеливо вынюхивавшая конец пути.

—Ты не знаешь, что случилось с Кикахой?—спросил Вольф.

—А, с этим обманщиком! Он однажды ночью выскользнул из цепей. Он попытался освободить и меня тоже, но не смог. Затем он ушел, пообещав, что вернется и выручит меня. Именно так он и делает, но прибывает слишком поздно.

Вольф посмотрел вниз по склону.

Хрисенда поднималась к нему с несколькими извлеченными из трупов стрелами. Черные перегруппировались у подножья и оживленно толковали между собой. Из джунглей вышли и присоединились к ним другие. Свежие увеличили численность до сорока.

Их возглавлял человек, разодетый в перья и носивший отвратительную деревянную маску. Он вращал трещеткой, прыгал и, казалось, толкал им речь.

Идше спросил у Вольфа, что происходит. Вольф сказал ему.

Идше говорил так слабо, что Вольф должен был приложить ухо чуть не в самому рту рыцаря.

—Моей самой дорогой мечтой, барон Вольф, было сражаться однажды бок о бок с вами. Ах, какую вы благородную пару рыцарей мы оба составили в доспехах и размахивая нашими... Это конец.

Губы его стали безмолвными и синими. Вольф поднялся снова посмотреть вниз по склону. Дикари двигались вверх, а также развертывались, чтобы предотвратить бегство. Вольф взялся за работу по стаскиванию тел и сваливанию их, образуя вал.

Единственной надеждой было разрешить проход только одному-двум для атаки за раз. Если они потеряют достаточно людей, то могут поостыть и убраться восвояси. Он по-настоящему об этом не думал, так как эти дикари показали замечательную настойчивость, несмотря на то, что должно было являться для них ошеломляющими потерями.

Они также всегда могли отступить ровно настолько далеко, чтобы подождать, пока голод и жажда не выгонят Вольфа и Хрисенду из их убежища.

Дикари остановились на полпути к вершине, чтобы дать тем, кто обходил холм, время расположиться. Затем, по крику человека в деревянной маске, они стали как можно быстрее взбираться на холм. Двое оборонявшихся не сделали никакого хода, пока брошенные копья не зазвенели о края валунов или не вонзились в баррикаду из мертвых.

Вольф выстрелил дважды, а Хрисенда—три раза. Ни одна стрела не прошла мимо цели.

Вольф выпустил свою последнюю стрелу. Она ударила по маске вождя и сшибла его спиной вниз с холма.

Миг спустя он сбросил маску. Хотя лицо его кровоточило, он возглавил вторую атаку.

Из джунглей поднялось странное завывание. дикари остановились, обернулись и смолкли, уставясь на окружавшую холм зелень. Снова откуда-то из леса донесся поднимающийся и падавший крик.

Внезапно из джунглей выскочил бронзоволосый юноша, одетый только в набедренную повязку из леопардовой шкуры. В одной руке он держал копье, а в другой—длинный нож.

Вокруг плеча у него было намотано лассо, а на другом плече висели на ремне колчан и лук. За ним из леса хлынула масса громадных, длинноруких, грудастых и длиннозубых обезьян.

При их виде дикари громко закричали и попытались убежать за холм, но оттуда появились другие обезьяны. Две колонны, словно волосатые челюсти, сомкнулись на черных.

Бой был коротким. Некоторые обезьяны пали с копьями в животах, но большинство черных побросали оружие и попытались убежать или же стояли согнувшись,—дрожащие и парализованные. Сбежали только двенадцать.

Вольф, облегченно улыбаясь и смеясь, осведомился у человека в леопардовой шкуре:

—И как же тебя зовут на этом ярусе?

Кикаха усмехнулся в ответ.

—Я дам тебе шанс угадать, но чур с первого раза.

Улыбка его умерла, когда он увидел барона.

—Проклятие. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы найти обезьян, а потом найти вас! Он был хорошим человеком, этот идше. Мне нравился его стиль. Проклятье! Так или иначе, я обещал ему, что если он погибнет, я отвезу его кости в замок предков, и это обещание я сдержу, однако, не именно сейчас. Мы должны уделить внимание одному делу.

Кикаха подозревал несколько обезьян и представил им Вольфа.

—Как ты можешь заметить,—сказал он Вольфу,—они сложены наподобие твоего друга Ипсеваса больше, чем истинные обезьяны. Ноги у них слишком длинные, а руки слишком короткие. Подобно же Ипсевасу и в отличие от больших обезьян любимого автора моего детства, они обладают мозгами людей. Они ненавидят Господа за то, что он с ними сделал. Они хотят не только отомстить, они хотят получить шанс снова погулять в человеческих телах.

Только тут Вольф вспомнил про Абиру. Его нигде не было видно. Очевидно, он ускользнул, когда Вольф бросился на помощь Фунем Лаксфальку.

Той ночью, сидя у костра и поедая жаренного оленя, Вольф и Хрисенда услышали об имевшем место катаклизме в Атлантиде.

Все началось с нового храма, который принялся строить радамант Атлантиды. Внешне башня строилась во славу Господа. Она должна была подняться выше, чем любое когда-либо известное на планете здание.

Чтобы воздвигнуть храм, радамант мобилизовал все свое государство. Он продолжал добавлять этаж к этажу, пока все не стало выглядеть так, словно он хотел добраться до самого неба.

Люди спрашивали друг друга, когда же наступил конец работе. Все были рабами, имевшими на уме только одну цель: строить. И все же они не смели говорить открыто, ибо солдаты радаманта убивали всех, кто возражал или не мог трудиться. Затем стало очевидным, что в безумной голове радаманта было еще кое-что, кроме храма. Радамант намеревался воздвигнуть средство штурмовать сами небеса—дворец Господа.

—Здание высотой в тридцать тысяч футов?—недоверчиво переспросил Вольф.

—Да. Это невозможно сделать, конечно, во всяком случае, с имеющейся в Атлантиде технологией. Но радамант был безумцем. Он действительно думал, что может это сделать. Может быть, его поощрило то, что Господь столь много лет не появлялся, и он подумал, что может быть слухи об исчезновении Господа верны. Конечно, вороны, должно быть говорили ему иное, но он мог счесть, что они лгут, чтобы защитить себя.

Кикаха сказал, что опустошительные явления природы, уничтожающие сейчас Атлантиду, были доказательством большего, чем отмщение Господом за гордыню Радаманта. Господь, должно быть, раскрыл наконец секреты того, как управлять некоторыми устройствами во дворце.

Исчезнувший Господь принял меры предосторожности против манипулирующего силами нового постояльца.

Но новый Господь сумел наконец-таки узнать, где находится управление вызыванием бурь.

Доказательства: гигантские ураганы, торнадо и непрерывный дождь, причесывавшие страну. Господь, должно быть, затеял избавить этот ярус от всякой жизни.

Прежде чем достичь края джунглей, они встретили приливную

волну беглецов. Они рассказали о сдутых домах и больших зданиях, о людях, подхваченных, унесенных и разбитых ветрами, о потопах, лишивших землю деревьев и всякой жизни и даже смывавших холмы.

К тому времени отряд Кикахи начал пригибаться, идя против ветра.

Вокруг них сомкнулись тучи, их хлестал дождь, а со всех сторон ослепляли и трещали молнии.

Бывали периоды, когда дождь и молнии прекращались. Высвобожденная Арвуром энергия растрчивалась, прежде чем опять выпустить ее, требовалось нарастить новые силы. В эти периоды сравнительного затишья отряд продвигался вперед, хотя и медленно. Они переправлялись через вздувшиеся реки, несшие обломки цивилизации: дома, деревья, мебель, колесницы, трупы мужчин, женщин, детей, собак, лошадей, птиц и диких животных.

Леса были выворочены с корнем или разбиты ударами молний.

Все долины бурлили водой, все впадины были заполнены, а воздух наполняла удушающая вонь.

Когда их путешествие было немногим больше, чем наполовину завершено, тучи начали рассеиваться. Они снова оказались под солнцем, но в безмолвной от смерти земле. Только ров воды да крик каким-то образом уцелевшей птицы разбивали каменную тишину. Иногда у них по спине пробегал холодок от воя сошедшего с ума человеческого существа, но их было мало.

Унесло последнюю тучу. Перед ними засверкал белый монолит Идаквиззурхруза в трехстах милях на равнине без горизонта.

Город Атлантида—или то, что от него осталось—находился на расстоянии ста миль. Им потребовалось двадцать дней, чтобы добраться через обломки до его окраин.

—Может ли Господь увидеть нас?—спросил Вольф.

—Мог бы, я полагаю, с помощью какого-нибудь телескопа,—ответил Кикаха.—Однако я рад, что ты спросил, потому что нам лучше начать путешествовать по ночам. Даже и так мы будем замечены ими.

Он показал на пролетавшего ворона.

Проходя через развалины столицы, они двигались неподалеку от имперского зоопарка Радаманта. Там все еще осталось на месте несколько прочных клеток, и в одной из них содержалась орлица. На заплыванном дне валялось множество костей, перьев и клювов. Орлицы в клетках избегали голодной смерти, поедая друг друга.

Единственная уцелевшая сидела истощенная, слабая и несчастная на самом высоком насесте.

Вольф открыл клетку и вместе с Кикахой они поговорили с орлицей Армонидой. Сперва Армонида хотела только одного—напасть на них, хоть и была ослабленной. Вольф бросил ей несколько кусков мяса, а затем двое друзей продолжили свой рассказ.

Армонида заявила, что они—лгуны и имеют на уме какую-то человеческую и, следовательно, дурную цель.

Когда же она выслушала рассказ Вольфа до конца, и он указал ей, что им незачем было освобождать ее, она начала верить. Когда Вольф объяснил, что он придумал план, как отомстить Господу, тусклость в ее глазах сменилась острым светом.

Мысль действительно напасть на Господа, и наверное успешно, была бóльшей пищей, чем само мясо. Она оставалась с ними три дня, отъедаясь, набираясь сил и точно запоминая, что именно она должна сообщить Подарге.

— Вы еще увидите смерть Господа, а новые, юные и прекрасные девичьи тела будут вашими,—пообещал Вольф,—но только если Подарга поступит так, как я ее прошу.

Армонида пустилась в воздух с утеса, устремилась вниз, захлопала своими размашистыми крыльями и начала взлетать.

Вскоре зеленое небо поглотило зелень ее перьев. Ее красная голова стала черной точкой, а затем и она тоже пропала.

Вольф и его отряд оставались в буреломе павшего леса до ночи, прежде чем отправиться дальше. К этому времени, благодаря какому-то тонкому процессу, Вольф стал номинальным лидером. Раньше Кикаха, с одобрения всех, держал поводья в своих руках.

Случилось что-то давнее Вольфу власть принимать решения, но Вольф не знал, что, ибо Кикаха оставался таким же шумливым и энергичным, как и прежде. Переход капитанского звания не был вызван преднамеренным усилием со стороны Вольфа. Все выглядело так, словно Кикаха ждал, пока Вольф не узнает от него все, что можно, а затем Кикаха передал ему жезл.

Они путешествовали строго в ночное время, в те часы, когда видели очень мало воронов. Очевидно, в этом районе в них не было нужды, поскольку он находился под пристальным наблюдением самого Господа. Кроме того, кто бы посмел сюда вторгнуться после того, как был столь катастрофически выражен гнев Господа?

Прибыв к огромной опрокинутой массе башни Радаманта, они укрылись в развалинах. Тут имелось больше чем достаточно металла для плана Вольфа. Их единственными проблемами были добывание достаточных запасов пищи и попытки скрыть шум от пилки иковки и пылание их маленьких кузниц. Первая была размещена, когда они обнаружили склад зерна и сушеного мяса.

Многое из припасов было уничтожено сначала огнем, а потом водой, но осталось вполне достаточно, чтобы они могли протянуть несколько недель. С работой управились, находясь глубоко в подземных помещениях.

Прорытие траншеи заняло пять дней—период, Вольфа не волновавший, потому что он знал, что пройдет некоторое время прежде, чем Армонида доберется до Подарги, если она вообще достигнет своей цели. Многое могло случиться с ней по пути, особенно нападение воронов.

— Что, если она не сумеет долететь?—спросила Хрисенда.

— Тогда нам придется придумать что-нибудь еще,—ответил Вольф.

Он погладил рог и нажал на его семь кнопок.

—Кикаха знает врата, через которые он прошел, когда покинул дворец. Мы можем вернуться через них. Но это было бы безрассудством. Нынешний Господь не так глуп, чтобы не оставить там тяжелой охраны.

Прошло три недели. Запас пищи настолько уменьшился, что приходилось отправлять за дичью охотников. Это было опасно даже ночью, так как нельзя было сказать, когда может поблизости оказаться ворон. Более того, при всем что знал Вольф, у Господа могли быть приборы, позволявшие видеть ночью столь же легко, как и днем.

В конце четвертой недели Вольф вынужден был отказаться от расчетов на Подаргу. Либо Армонида не добралась до нее, либо Подарга отказалась слушать.

Той самой ночью, когда он сидел под прикрытием огромной пластины из согнутой стали и глядел на луну, он услышал шорох крыльев. Он взглянул во тьму. Вдруг лунный свет блеснул на чем-то черно-бледном, и перед ним опустилась Подарга. За ней виднелось много крылатых силуэтов и блеск луны на желтых клювах и светившихся красным глазами.

Вольф провел их вниз по туннелям в большое помещение. В свете костерков он снова посмотрел на трагически прекрасное лицо гарпии.

Теперь, когда она думала, что сможет нанести Господу ответный удар, она действительно выглядела счастливой. Ее стая принесла с собой пищу: поэтому, пока все ели, Вольф объяснил ей свой план.

Когда они обсуждали детали, одна из обезьян—часовой, привела человека, пойманного ей, когда тот крался по руинам.

Это был хамшем Абиру.

—Это несчастье для тебя и огорчительное событие для меня,—сказал Вольф.—Я не могу просто связать тебя и оставить здесь. Если ты сбежишь и вступишь в контакт с воронем, Господь будет благоприятно предупрежден. Ты должен умереть, если не сможешь убедить меня в обратном.

Абиру огляделся вокруг и увидел только смерть.

—Отлично,—сказал он.—Я не хотел говорить и не стану говорить перед всеми, если смогу избежать этого. Поверь мне, я должен поговорить с тобой наедине. Речь идет настолько же о твоей жизни, насколько и о моей.

—Ты не можешь сказать ничего такого, чего нельзя сказать перед всеми,—ответил Вольф.—Говори.

Кикаха приблизил рот к уху Вольфа и прошептал:

—Лучше сделай, как он говорит.

Вольф был поражен. К нему вернулись сомнения насчет истинного лица Кикахи. Обе просьбы были такими странными и неожиданными, что у него на миг возникло странное чувство.

Он, казалось, уплывал от них всех.

—Если никто не возражает, я выслушаю его наедине,—сказал Вольф.

Подарга нахмурилась и открыла рот, но прежде, чем она смогла что-либо сказать, ее перебил Кикаха.

— Великая птица, теперь настало время для доверия. Ты должна верить в нас, доверять нам. Неужели ты хочешь упустить свой единственный шанс отомстить и получить обратно свое человеческое тело? Ты должна содействовать нам в этом. Если ты вмешаешься—все потеряно.

— Я не знаю о чем тут, собственно, речь,—сказала Подарга,—но чувствую, что меня каким-то образом предают. Но я сделаю, как ты говоришь, Кикаха, потому что я знаю тебя и знаю, что ты злейший враг Господа. Но не испытывай чересчур моего терпения.

Затем Кикаха прошептал Вольфу нечто еще более странное:

— Теперь я узнаю Абиру. Меня одурачили эта борода и краска на коже, плюс то, что я двадцать лет не слышал его голоса.

Сердце Вольфа часто забилося от неопределенного опасения.

Он взял ятаган и проводил Абиру, чьи руки были связаны за спиной, в маленькую комнату. И здесь Вольф выслушал Абиру.

Глава XVI

Час спустя он вернулся к другим.

Он выглядел ошеломленным.

— Абиру отправится с нами,—заявил он.—Он может оказаться очень полезным. Нам понадобится каждый, кого мы сможем заполучить, и каждый человек, обладающий знанием.

— Ты не хотел бы объяснить?—осведомилась Подарга.

Она сузила глаза, на лице ее стала образовываться маска безумия.

— Нет, не хотел бы, не буду и не могу,—ответил он.—Но я чувствую сильнее, чем когда-либо, что у нас есть хорошие шансы на победу. Теперь, Подарга, насколько сильны твои орлицы? Они летели так далеко сегодня ночью, что мы должны подождать до завтрашней ночи, чтобы дать им отдохнуть?

Подарга ответила, что они еще готовы к стоявшей перед ними задаче.

Она не хотела больше задерживаться.

Вольф отдал приказ, который Кикаха передал обезьянам, поскольку те подчинялись только ему. Они вынесли наружу большие поперечины и веревки, а другие последовали за ними.

В ярком свете луны они подняли тонкие, но прочные поперечины. Затем человеческие существа и обезьяны забрались в паутинообразные люльки под поперечинами и привязались для страховки ремнями. Орлицы схватили веревки, прикрепленные к каждому из четырех концов поперечин, а еще одна схватила веревку, привязанную в центре креста. Вольф подал сигнал. Хотя и не было никаких шансов потренироваться, все птицы одновременно подпрыгнули в воздух, захлопали крыльями и медленно поднялись вверх. Канаты были вытравлены больше чем на пятьдесят футов, чтобы дать

орлицам шанс набрать высоту, прежде чем надо будет поднимать поперечины вместе с привязанными к ним пассажирами.

Вольф почувствовал внезапный рывок и резко выпрямил согнутые ноги, чтобы придать добавочный толчок вверх.

Поперечина накренилась на одну сторону, чуть не качнув его на одну их поперечин. Подарга, летавшая над другими, отдала приказ. Орлицы подтянули канаты вверх или выпустили еще отрезок, чтобы восстановить равновесие. Через несколько секунд поперечины были на правильном уровне.

На Земле этот план был бы неработоспособным. Птицы размером с орлицу, вероятно, не смогли бы подняться в воздух, не спланировав с высокого утеса. Даже тогда ее полет был бы очень медленным, может быть, слишком медленным, чтобы удержаться от потери скорости или не спикировать обратно на землю. Однако, Господь дал орлицам мускулы с силой, соответствовавшей их весу.

Они поднимались все выше и выше.

Бледные стены монолита в миле от них мерцали в лунном свете. Вольф вцепился в ремни своей люльки и посмотрел на других. Хрисенда и Кикаха помахали ему в ответ, а Абиру остался неподвижен. Разбитые и распростертые обломки башни Радаманта стали меньше. Никаких воронов не прилетело поразиться увиденному и взмыть вверх предупредить Господа. Те орлицы, которые не служили носительницами, широко развернулись, чтобы предотвратить такую возможность. Воздух был заполнен армадой, биение их крыльев громко барабанило по ушам Вольфа, настолько громко, что он не мог себе представить, что этот шум не разносится на много миль.

Пришло время, когда перед ним развернулась охватываемая одним взглядом эта сторона опустошенной Атлантиды.

Затем появилась грань и часть яруса ниже ее. Дракландия стала видимой как огромный полудиск. Тянулись часы. Появилась масса Инжен, выросла и вдруг была обрублена на грани.

Сад Океаниса, настолько ниже Америкенден и такой узкий, увидеть было нельзя.

Теперь и луна, и солнце стали видны из-за сравнительной узости монолита. Тем не менее, орлицы и их ноша все еще оставались в темноте, в тени Идаквиззархруза. Это продлится не долго. Скоро эта сторона окажется под полным пылением дневного света. Любые вороны смогут увидеть их за много миль.

Эскадра, однако, подлетела поближе к монолиту, так что всякому на вершине надо будет находиться на краю, чтобы заметить их.

Прошло свыше четырех часов, когда их коснулось солнце, и они оказались на уровне вершины.

Рядом с ними находился Сад Господа, место пламенеющей красоты. За ним поднимались башни, минареты, арочные контрформы и паутина архитектуры дворца Господа. Он воспарял на двести футов и занимал, по словам Кикахи, больше ста акров.

У них не было времени оценить его чудо, потому что вороны в

саду подняли крик. Сотни пташек Подарги уже налетели на них и убивали их, другие летели к многочисленным окнам, чтобы ворваться и отыскать Господа.

Вольф увидел, что многие попали внутрь прежде, чем успели активироваться ловушки Господа. Вскоре после этого те, кто пытались пролезть через отверстия, исчезли в ударе грома и вспышке молнии. Обугленные до костей, они падали с карнизов на землю вниз или на крыши или контрфосы.

Человеческие существа и обезьяны опустились на землю как раз перед ромбовидной дверью из выложенного рубинами розового камня. Орлицы отпустили канаты и собрались около Подарги ждать ее приказаний.

Вольф отвязал канаты от металлических колец на поперечинах. Затем он поднял поперечину над головой. Добежав до точки всего в нескольких футах от ромбовидного дверного проема, он бросил в него стальной крест. Одна штанга прошла через вход, две перпендикулярно ей зацепились за дверные косяки.

Пламя взрывалось вновь и вновь. Гром оглушал его. На него выпрыгивали языки опалявшего напряжения. Вдруг из дворца повалил дым, и молния пропала.

Разрушающее устройство либо сгорело, либо временно разрядилось.

Вольф бросил взгляд по сторонам.

Другие входы тоже изрыгали вспышки пламени или же их зашита сгорела. Орлицы взяли много поперечин и бросали их под углом в окна наверху. Вольф перепрыгнул через добела раскаленную жидкость, оставшуюся от его поперечины, и проскочил за дверь. Хрисенда и Кикаха присоединились к нему с другого входа. За Кикахой ввалилась орда гигантских обезьян. Все держали в руках мечи или боевые топоры.

—Она возвращается к тебе?—спросил Кикаха.

Вольф кивнул.

—Не все, но, я надеюсь, достаточно. Где Абиру?

—Подарга и пара обезьян не сводят с него глаз. Он может попробовать что-нибудь для собственных целей.

С Вольфом во главе они шли по коридору, стены которого были разрисованы фресками, которые привели бы в восторг и благоговейный ужас самых критичных из землян. В противоположном конце находились низкие ворота из тонкой и сложной ажурной сетки из мерцавшего голубоватого металла. Они проследовали к воротам, но остановились, когда над ними пронесся ворон, спасая свою жизнь. За ним гналась орлица.

Ворон пролетел над воротами и с разгона налетел на невидимый экран. Внезапно ворон стал россыпью тонких срезов из мяса, костей и перьев. Преследовавшая его орлица пронзительно закричала, увидев это, и попыталась остановить свой полет, но слишком поздно. Ее тоже разрезало на полосы.

Вольф потянул к себе левую секцию ворот вместо того, чтобы толкнуть их, как естественно было бы поступить.

—Теперь они должны быть о'кей,—сказал он.—Но я рад, что ворон первым активизировал экран. Я этого не вспомнил.

Он все же ткнул вперед мечом для проверки, а затем к нему вернулось воспоминание, что эту ловушку активизировала только живая материя.

Оставалось только довериться тому, что он смог вспомнить правильно. Он прошел вперед, не почувствовав ничего, кроме воздуха,—другие последовали за ним.

—Господь окопался в центре дворца, там, где находится главный пульт управления обороной,—сказал он.—Часть обороны автоматическая, но другой он может управлять сам, если конечно выяснил, как ею управлять, а у него надо думать, времени было достаточно.

Они протопали через милю коридоров и комнат, каждая из которых могла бы на много дней задержать любого, обладавшего чувством прекрасного. Время от времени грохот или вопль объявляли о спущенной где-то во дворце ловушке.

Дюжину раз Вольф останавливал их.

Некоторое время он стоял, нахмурясь, пока вдруг не улыбнулся. Затем он сдвигал картину под каким-то углом или касался какого-то места на фресках: глаза нарисованного человека, рога буйвола в сцене индейских равнин, рукоятки меча в ножнах рыцаря на панораме Тевтонии, а затем шел вперед.

Наконец он вызвал орлицу.

—Приведи Подаргу и остальных,—проинструктировал он.—Им больше нет смысла жертвовать собой. Я покажу дорогу.

Кикахе же он сказал:

—Чувство «дежа вю» с каждой минутой становится все сильнее. Но я не помню всего, только определенные детали.

—Покуда они значительные детали, это все, что в данный момент имеет значение,—отозвался Кикаха.

Усмешка его была широкой, а лицо светилось упоением боя.

—Теперь ты видишь, почему я не смел попробовать вновь войти сам. У меня достаточно пороха, но не хватает знаний.

—Я не понимаю,—проговорила Хрисенда.

Вольф привлек ее к себе и сжал в объятиях.

—Скоро узнаешь, если мы сумеем победить. Мне придется многое тебе рассказать, а тебе придется многое мне простить.

Дверь перед ними ушла в стену, и к ним двинулся, лязгая, человек в доспехах. В одной руке он держал огромный топор и размахивал им, словно перышком.

—Это не человек,—сказал Вольф.—Это один из Талосов Господа.

—Робот!—воскликнул Кикаха.

Вольф подумал, что это не совсем в том смысле, что имеет в виду Кикаха.

Робот был не сплошь сталь, пластик и электрические провода. Половина его была протейновой, образованной в биобанках Господа. Робот обладал волей к выживанию, какой не могла обладать

никакая машина, состоящая из одних неодушевленных частей. Это было его силой, а также слабостью.

Вольф быстро растолковал все Кикахе, который приказал обезьянам позади него подчиняться Вольфу. Дюжина их шагнула вперед бок о бок и одновременно швырнула свои топоры. Робот уклонялся, но не мог избежать всех. Его ударило с силой и точно-стью, разрубило бы пополам, не будь он покрыт доспехами. Он упал назад и покатился, а затем поднялся на ноги. Пока он ваялся, Вольф подбежал к нему и ударил его ятаганом по соединению плеча и шеи. Клинок сломался, не врубившись в металл. Однако, сила удара снова сшибла Талоса.

Вольф бросил оружие, обхватил Талоса за талию и поднял его. Молча, ибо у него не было голосовых связок, бронированное существо лягалось и тянулось вниз, чтобы схватить Вольфа. Тот швырнул его об стену, и Талос с треском свалился на пол. Когда он опять начал подниматься на ноги, Вольф выхватил кинжал и вонзил его в одно из глазных отверстий. Раздался треск, когда пластик над глазом поддался и был выбит.

Кончик ножа обломился, и Вольфа отшвырнуло назад ударом бронированного кулака. Вольф быстро вернулся, снова схватил вытянутый кулак, повернулся и перебросил Талоса через плечо.

Прежде чем Талос смог встать, он оказался снова схваченным и высоко поднятым. Вольф подбежал к окну и выбросил его головой вперед.

Талос несколько раз перевернулся и шмякнулся оземь четырьмя этажами ниже. Какой-то миг он лежал, словно сломанный, а затем снова начал подниматься. Вольф крикнул нескольким орли-цам снаружи на контрформе. Они сорвались, спланировали вниз, и одна пара схватила Талоса за руки.

Они поднялись вверх, нашли его слишком тяжелым и снова опустили. Но они были в состоянии держать его в нескольких дюймах над землей. Они полетели над поверхностью между контрфорсов и любопытно резных колонн. Их целью был край монолита, откуда они и сбросили Талоса. Даже его доспехи не могли выдержать силы удара в конце падения с высоты тридцать тысяч футов.

Где бы там ни прятался Господь, он, должно быть, увидел судьбу единственного выпущенного им Талоса. Теперь панель снова ушла в стену, и вышли двадцать Талосов, все как один с топорами в руках. Вольф быстро проинструктировал обезьян, и они снова швырнули топоры, сшибив многих из Талосов. Антропоиды величиной с горилл бросились в атаку и схватили по несколько каждого Талоса. Хотя механическая сила каждого антропоида была большей, чем у единственной обезьяны, они превосходили Талосов по численности вдвое. Пока одна обезьяна боролась с антропоидом, другая хватала голову-шлем и вывертывала ее. Металл трещал под напряжением, а потом шейные механизмы со щелчком ломались. Шлемы катились по полу с вытекавшей потоком ихоровидной жидкостью. Других Талосов поднимали и передавали из рук в руки, чтобы выбросить из окна.

Орлицы уносили всех к грани.

Несколько обезьян погибли, зарубленные топорами или из-за того, что им самим открутили головы. Быстро учившиеся протеиновые мозги полуавтоматов имитировали действия своих противников, если те были к их выгоде.

Немного дальше по коридору толстые листы металла упали сверху впереди и позади них, преграждая путь и к наступлению, и к отступлению. Вольф позабыл про это до самой последней секунды перед тем, как были опущены плиты. Они опустились быстро, но не настолько, чтобы у него не хватило времени опрокинуть мраморный пьедестал вместе со статуей на нем.

Конец упавшей колонны лег под плиту и помешал ей полностью закрыться.

Однако, силы, давившие на плиту, были настолько мощны, что край плиты начал пробиваться сквозь камень. Отряд проскользнул на спинах через уменьшавшееся пространство. В то же время на этот участок хлынула вода. Если бы не задержка с закрытием плиты, их бы утопили.

Бредя по голень в воде, они прошли коридор и поднялись еще на один лестничный марш. Вольф остановил их у окна, через которое он бросил топор. В результате не возникло ни грома, ни молнии, поэтому он высунулся и позвал к себе Подаргу и ее орлиц.

Когда им преградили путь плиты, они выбрались наружу, чтобы найти другой маршрут.

—Мы находимся поблизости от центра дворца, от помещения, где должен быть Господь,—сказал Вольф.—У всех коридоров дальше отсюда в стенах есть дюжины проекторов лазерных лучей. Лучи могут образовать сеть, через которую никто не проникнет живым.

Он помолчал, затем добавил:

—Господь может сидеть там вечно. Горючее для его проекторов не иссякнет, и у него хватит воды и питья, чтобы выдержать самую долгую осаду. Но есть одна старая военная аксиома, гласящая, что любую оборону, какой бы внушительной она ни была, можно прорвать, если найдено правильное нападение.

Затем он обратился к Кикахе:

—Когда ты отправился через ворота на ярус Атлантиды, ты оставил полумесяц здесь. Ты помнишь, где?

Кикаха усмехнулся и сказал:

—Да. Я засунул его за статую в комнате поблизости от плавательного бассейна. Но что, если гворлы нашли его?

—Тогда мне придется придумать что-нибудь еще. Давай посмотрим, не сможем ли мы найти полумесяц.

—Что за идея?—тихим голосом осведомился Кикаха.

Вольф объяснил, что у Арвурра должен иметься путь бегства из центра управления.

Насколько помнил Вольф, там был полумесяц, вделанный в пол, и имелось несколько свободных.

Каждый из них, положенный в контакт с неподвижным полу-

месяцем, открывал врата во вселенную, с которой был срезонирован свободный.

Ни один из них не давал доступа на другие уровни планеты в этой вселенной.

Только рог мог воздействовать на врата между ярусами.

—Разумеется,—согласился Кикаха.—Но какая нам будет польза от полумесяца, даже если мы найдем его? Его надо будет совместить с другим. А где другой? В любом случае всякий, воспользовавшийся им, будет просто отправлен на Землю.

Вольф ткнул большим пальцем через плечо, указывая на висевший там на ремне длинный кожаный мешок.

—У меня есть рог.

Они тронулись вперед по коридору. Подарга шла следом.

—Что вы затеяли?—свирепо спросила она.

Вольф ответил, что они ищут средство попасть в центр управлений.

Подарге следовало остаться, чтобы управиться с любой возможной неожиданностью.

Она отказалась, заявив, что теперь, когда они так близко подошли к Господу, она хочет держать их в поле зрения.

Кроме того, если они проберутся к Господу, им придется взять с собой и ее.

Она напомнила Вольфу о его обещании, что Господь достанется ей, чтобы делать с ним все, что она пожелает. Он пожал плечами и пошел дальше.

Они отыскивали комнату, где находилась статуя, за которой Кикаха спрятал полумесяц, но та была перевернута в борьбе между обезьянами и гворлами. По всей комнате валялись их тела.

Вольф в изумлении остановился.

С тех пор, как они вступили во дворец, он не видел ни одного гворла и считал само собой разумеющимся, что все они погибли во время боя с дикарями. Видимо, Господь не всех их отправил ловить Кикаху.

—Полумесяц исчез!—воскликнул Кикаха.

—Либо он был найден некоторое время назад, либо кто-то только что нашел его после того, как сшибли статую,—рассудил Вольф.

—У меня есть мысль, кто его забрал. Вы видели Абиру?

Никто из других не видел его вскоре после того, как началось вторжение во дворец.

Гарпия, которой полагалось не спускать с него глаз, потеряла его из виду.

Вольф побежал к лабораториям, а Кикаха и полуразвернувшая крылья Подарга—следом за ним.

К тому времени, когда Вольф покрыл три тысячи футов, он запыхался.

Тяжело дыша, он остановился у входа.

—Ваннакс мог уже уйти и находиться в центре управления,—сказал он.—Но если он все еще работает над полумеся-

цем, то нам лучше всего войти тихо и надеяться захватить его врасплох.

—Ваннакс?—переспросила Подарга.

Вольф мысленно выругался.

Они с Кикахой не хотели раскрывать личность Абиру до более позднего времени.

Подарга так сильно ненавидела любых Господов, что сразу же убила бы его.

Вольф хотел сохранить его живым, потому что Ваннакс, если он не попытается предать их, мог быть ценным во взятии дворца.

Вольф пообещал Ваннаксу, что тот сможет отправиться в другой мир и попытаться счастья там, если поможет им против Арвура.

Ваннакс объяснил, как он сумел вернуться в эту вселенную.

После того, как Кикаха, урожденный Финнеган, случайно отправился сюда, забрав с собой полумесяц, Ваннакс продолжил поиски другого.

Его ждал успех, где бы вы думали? В скобяной лавке в Неории, штат Иллинойс.

Как он туда попал, и какой Господь потерял его на Земле, никогда уже не узнать.

Несомненно, в неизвестных местах на Земле находились и другие полумесяцы.

Однако, найденный им полумесяц пропустил его через ворота, расположенные на Индейском ярусе.

Ваннакс поднялся на Тайяфайявозд в Хамшем, где ему достаточно повезло, чтобы захватить гворлов, Хрисенду и рог.

После он проделал путь ко дворцу, надеясь попасть туда.

—Старая поговорка гласит, что Господу нельзя доверять,—пробормотал Вольф.

—Что ты сказал?—спросила Подарга.—Я повторяю: кто такой Ваннакс?

Вольф испытал облегчение от того, что она не знала этого имени.

Он ответил, что Абиру иногда выступал под таким именем.

Не желая отвечать ни на какие другие вопросы и чувствуя, что время не ждет, он вышел в лабораторию.

Это было помещение достаточно широкое и с достаточно высоким потолком, чтобы вместить дюжину реактивных авиалайнеров.

Шаффы, пульта и различные аппараты придавали, однако, ей вид тесноты.

В сотне ярдов от них Ваннакс склонился над огромным пультом, работая с кнопками и рычагами.

Трое молча двинулись к нему.

Скоро они оказались достаточно близко, чтобы увидеть на пульте два соединенных полумесяца.

На широком экране над Ваннаксом было призрачное изображение третьего полукруга. По нему пробегали волнистые линии света.

Ваннакс вдруг издал восторженное «А!», когда на экране появился рядом с первым еще один полумесяц.

Ваннакс поманипулировал с несколькими шкалами, чтобы заставить два изображения двинуться друг к другу, а затем снова слиться в одно.

Вольф знал, что машина посылала частотный искатель и обнаруживала частоту полумесяца, установленного в полу центра управления. Вслед за тем Ваннакс подвергнет зажатые в пульте полумесяца такому воздействию, которое изменит их резонанс на соответствующий резонансу центра управления.

Где Ваннакс раздобыл два полукруга, оставалось тайной, пока Вольф не подумал о полумесяце, который должен был отправиться с ним, когда он прошел через врата на ярус Инден.

Каким-то образом во время между своим пленением и бегством Ваннакс заполучил в свои руки этот полумесяц.

Он, должно быть, спрятал его в развалинах, прежде чем обезьяна захватила его в плен.

Ваннакс оторвался от своей работы, увидел троицу, и взглянув на экран, сорвал два полумесяца с зажимов пружинного типа на пульте.

Трое бросились к нему, когда он положил на пол один полумесяц, а затем другой.

Он засмеялся, сделал непристойный жест и шагнул в круг с кинжалом в руке.

Вольф издал крик отчаяния, так как они были слишком далеко, чтобы остановить его.

Затем он остановился и вскинул руку перед глазами, но слишком поздно, чтобы загородиться от ослепительной вспышки.

Он услышал, как закричали Кикаха и Подарга, тоже ослепленные.

Он слышал вопль Ваннакса и почуял запах обгорелого мяса и одежды.

Ничего не видя, он шел вперед, пока его ноги не коснулись трупа.

—Что случилось, черт подери?—выругался Кикаха.—Боже, я надеюсь, мы не ослепли навсегда!

—Ваннакс думал проскользнуть через врата Арвур в центре управления,—объяснил Вольф,—но Арвур установил ловушку. Он мог бы удовлетвориться разрушением аппаратуры, но его, должно быть, забавляло убить попробовавшего воспользоваться ею.

Он постоял и подождал, зная, что время утекает, и что он не служит ни своему, ни чьему-либо еще делу своим терпением слепоты, но ничего другого он поделать не мог.

После того, что показалось невыносимо долгим временем, зрение начало возвращаться.

Ваннакс лежал на спине, обугленный до неузнаваемости.

Два полумесяца все еще оставались на полу невредимыми.

—Он был предателем,—тихо сказал Вольф Кикахе,—но оказал нам услугу. Я собирался попробовать тот же фокус, только я намеревался воспользоваться рогом для активации спрятанного тобой полумесяца после того, как изменил бы его резонанс.

Притворяясь, что изучает другие пульта в поисках мин-сюрпризов, он сумел увести себя и Кикаху за пределы слышимости Подарги.

— Не хотел я этого делать, — прошептал он, — но придется. Надо будет воспользоваться рогом, если мы хотим выгнать Арвура из центра управления, или добраться до него прежде, чем он сможет использовать полумесяцы для побега.

— Я не успеваю за твоей мыслью, — сказал Кикаха.

— Когда я построил дворец, то включил термическую субстанцию в пластиковую оболочку центра управления. Ее можно запустить только определенной последовательностью нот из рога, вместе с еще одним маленьким трюком. Я не хочу активировать этот материал, потому что тогда пропадет также и центр управления, и этот дворец будет после незащищен против любых других Господов.

— Тебе лучше это сделать, — посоветовал Кикаха. — Есть, однако, один момент, который помешает Артуру смыться через полумесяцы.

Вольф улыбнулся и показал на пульт.

— Артуру следовало бы уничтожить его вместо того, чтобы ублажать свое садистское воображение. Как и всякое оружие, оно обоюдоострое.

Он активировал управление, и на экране снова засияло изображение полумесяца. По экрану побежали волнистые линии света.

Вольф перешел к другому пульта и распахнул небольшую дверцу наверху, открыв панель с управлением без поясняющих надписей.

Щелкнув двумя переключателями, он нажал кнопку. Экран опустел.

— Резонанс его полумесяца изменен, — констатировал Вольф. — Когда он захочет воспользоваться им с любым из других, какие у него есть, его ждет дьявольский шок, не такого рода, что получил Кикаха. У него просто не будет врат для бегства.

— Вы, Господы — подлый, изобретательный и коварный народ! — сказал Кикаха. — но все равно, мне нравится твой стиль.

Он покинул помещение. Миг спустя из коридора донеслись его крики.

Подарга бросилась из помещения, затем остановилась и прожгла Вольфа подозрительным взглядом. Он пустился бежать.

Подарга, убедившись, что он не остается, помчалась за ним. Вольф остановился и вынул из футляра рог.

Он просунул палец в мундштук, зацепил им за единственное отверстие в тамошней паутиноподобной структуре, достаточно большое, чтобы принять его палец. Потягивание вытащило паутину наружу. Он перевернул ее и вставил передним концом внутрь рога.

Затем он положил рог обратно в чехол и побежал следом за гарпией.

Она была рядом с Кикахой, объяснявшим, что ему подумалось,

что он увидел гворла, но это оказалось просто рыскавшая орлица. Вольф сказал, что они должны вернуться к другим.

Он не объяснил, что это было необходимо для того, чтобы рог находился в пределах определенного расстояния от стен центра управления. Когда они возвратились в коридор перед центром управления, Вольф открыл чехол. Кикаха встал позади Подарги, готовый оглушить ее, если та вздумает причинять какие-то хлопоты. Что они могли бы сделать с орлицами, кроме как натравить на них обезьян,—это другой вопрос.

Подарга воскликнула, увидев рог, но не сделала никакого враждебного хода. Вольф поднял рог к губам и надеялся, что сможет вспомнить правильную последовательность нот. Многие вернулось к нему с тех пор, как он поговорил с Ваннаксом, многое оставалось еще утраченным.

Вольф как раз поднес мундштук к губам, когда загремел голос.

Он, казалось, исходил из потолка, стен и пола, отовсюду.

Он говорил на языке Господов, чему Вольф был рад. Подарга этого языка не знала.

—Джадавин, я не узнал тебя, пока не увидел с рогом. Мне думалось, что ты выглядишь знакомым—мне следовало бы тебя узнать. Но это же было так давно! Как давно?

—Много веков или тысячелетий, в зависимости от временной шкалы. Так значит мы—два старых врага, снова встретились лицом к лицу. Но на этот раз у тебя нет выхода. Ты умрешь, как умер Ваннакс.

—Как так?—прорычал голос Арвура.

—Я заставлю расплавиться стены твоей кажущейся неприступной крепости. Ты либо останешься в ней и зажаришься, либо выйдешь и умрешь иным образом. Я не думаю, что ты останешься.

Его вдруг охватила озабоченность и ощущение несправедливости. Если Подарга убьет Арвура, она будет убивать не того человека, который был ответственным за ее нынешнее состояние. Не имело значения, что Арвур сделал бы то же самое, будь он в то время Господом этого мира.

С другой стороны, он, Вольф, тоже был не виноват. Он не был Господом Джадавином, сконструировавшим эту вселенную, а затем так дурно управлявшим ею для столь многих ее созданий и похищенных землян. Приступ амнезии был полнейшим. Он стер в нем всего Джадавина и сделал его чистой страницей. Из этой чистоты появился новый человек, Вольф, неспособный действовать как Джадавин или любые другие Господы.

Он по-прежнему оставался Вольфом, за исключением того, что он вспомнил, кем он был. Эта мысль вызвала у него боль и раскаяние и стремление все поправить, насколько это в его силах.

Разве так нужно было начинать, позволяя Арвуру умереть страшной смертью за преступление, которого он не совершал?

—Джадавин,—прогремел Арвур,—ты, может думаешь что выиграл этот ход, но я снова одержал над тобой верх! Я могу выло-

жить на стол еще одну монету, и ее цена намного выше чем та, что причинит мне твой рог!

—И какая же она?—спросил Вольф.

У него было черное чувство, что Арвур не блефовал.

—Я подложил одну из бомб, прихваченных с собой, когда меня лишили Чиффазнира. Она находится под дворцом, и, когда я пожелаю того, она взорвется и снесет всю макушку этого монолита. Верно, я тоже умру, но я прихвачу с собой своего старого врага. Твоя женщина и твои друзья тоже погибнут. Подумай о них!

Вольф подумал о них. Он испытывал страшные муки.

—Каковы твои условия?—спросил он.

—Я знаю, что ты не хочешь умирать. Ты такой жалкий, что тебе следовало бы хотеть умереть, но ты десять тысяч лет цеплялся за свою никчемную жизнь.

—Довольно оскорблений! Ты готов или нет? Мой палец в дюйме над кнопкой.

Арвур хохотнул и продолжал:

—Даже если я блефую, а это не так, ты не можешь позволить себе идти на риск.

Вольф поговорил с другими, слушавшими, не понимая ни слова, но зная, что произошло что-то решающее.

Он объяснил все, что сумел, опустив любую связь себя с Господом.

Подарга, с лицом, представлявшим собой образец соединения фрустрации и бешенства, произнесла:

—Спроси, каковы его условия.

Затем она добавила:

—После того, как все это закончится, тебе, Вольф, придется многое мне объяснить.

Арвур ответил:

—Ты должен отдать мне серебряный рог, драгоценнейшую работу мастера Ильмарволкина. Я воспользуюсь им, чтобы открыть ворота в бассейне и пройду через них на атлантический ярус. Это все, чего я хочу, за исключением твоего обещания, что никто не бросится вслед за мной, пока не закроются ворота.

Вольф несколько секунд обдумывал, а затем сказал:

—Ладно. Ты можешь теперь выходить. Я клянусь тебе своей честью Вольфа и рукой Детьюва, что отдам тебе рог и не пошлю никого вслед за тобой, пока не закроются ворота.

Арвур засмеялся и сказал:

—Я выхожу.

Вольф ждал, пока не распахнулась дверь в конце коридора.

Тогда, зная, что теперь Арвур не мог его подслушать, он сказал Подарге:

—Арвур думает, что мы у него в руках, и он вполне может быть в этом уверен. Он выйдет через ворота в сорока милях отсюда, неподалеку от Инвеквы, пригорода столицы Атлантиды. Он был бы по-прежнему предоставлен милости твоей и милости твоих орлиц, если бы не было другой резонансной точки всего в десяти милях

отсюда. Эти врата откроются, когда он протрубит в рог, и пропустят его в другую вселенную. Я покажу тебе, где они находятся, после того, как Арвур уйдет через бассейн.

Арвур уверенно шел к ним.

Это был высокий, широкоплечий и красивый мужчина с волнистыми белокурыми волосами и голубыми глазами.

Он взял у Вольфа рог, иронически поклонился и прошел дальше по коридору.

Подарга уставилась на него с таким безумным бешенством, что Вольф боялся, что она бросится на него. Но он сказал ей, что должен сдержать свои обещания и ей, и Артуру.

Арвур шагал мимо безмолвных и угрожающих рядов так, словно они были не больше, чем мраморные статуи.

Вольф не стал дожидаться, когда он доберется до бассейна, а сразу же направился в центр управления.

Быстрое изучение показало ему, что Арвур оставил включенным устройство, которое должно было взорвать бомбу.

Он, несомненно, дал себе много времени, чтобы убраться восвояси. Тем не менее, Вольфа прошибал пот, пока он не удалил это устройство. К тому времени вернулся Кикаха, следивший, как Арвур уходит через врата в бассейн.

—Он смылся, спору нет,—сказал он.—Но это было не так легко, как ему думалось. Место выхода находилось под водой из-за созданного им самим потопа. Он вынужден был упасть в воду и плыть к суше. Он все еще плыл, когда закрылись ворота.

Вольф отвел Подаргу в огромный зал карт и показал городок, poblizosti от которого находились врата.

Затем в зале обзора он показал ей на экране врата с близкого расстояния. Подарга с минуту изучала карту и экран. Она отдала приказ орлицам, и они вышли следом за ней. Даже обезьян ужаснул блеск смерти в их глазах.

Арвур был в сорока милях от монолита, но его еще ждало десятидневное путешествие. Более того, Подарга и ее птички слетели с точки на высоте в тридцать тысяч футов. Они будут снижаться под таким углом и на такое расстояние, что смогут набрать огромную скорость.

Пока Вольф ждал перед экраном, у него было время для размышлений. В конечном итоге он расскажет Хрисенде, кем он был и как стал Вольфом. Она узнает, что он отправился в другую вселенную навестить одного из немногих дружественных Господов.

Врэрнирнам становилось одиноко, несмотря на их огромную мощь, и время от времени они хотели пообщаться с равными себе. По возвращении в эту вселенную он попал в ловушку, расставленную Ваннаком, еще одним, лишенным владений Господом.

Джадавина швырнуло во вселенную Земли, но он подхватил с собой захваченного врасплох Ваннака.

Ваннак сбежал с полумесяцем после жестокой борьбы на склонах горы. Что случилось с другим полумесяцем, Вольф не знал. Но Ваннаку он не достался, это уж наверняка.

Тут его поразила амнезия, и Джадавин потерял всю память, стал, по существу, младенцем. Тавивачаза взяли к себе Вольфа, и началось его образование в качестве землянина.

Вольф не знал причины амнезии.

Она могла быть вызвана ударом по голове во время схватки с Ваннаком, или могла произойти в результате шока от ужаса пребывания беспомощным и застрявшим на чужой планете. Господы так долго полагались на свою унаследованную науку, что лишенные ее достижений, они становятся беспомощнее, чем люди.

Или же потеря памяти могла произойти из-за его долгой борьбы со своей совестью. Долгие годы до того, как его волей-неволей вытолкнули в другой мир, он был неудовлетворен собой, испытывал отвращение к своим делам и печаль от своего одиночества и ненадежного положения.

Не было ни одного существа могущественней Господа, и все же никто не был более одиноким и более осознававшим, что любая минута могла стать для него последней. Против него строили козни другие Господы. Все должны были быть каждую минуту настороже.

Какой бы ни была причина,—он стал Вольфом. Но, как указал Кикаха, существовало взаимное притяжение между ним, рогом и точками резонанса. Отнюдь не случайно он оказался в подвале того дома в Аризоне, когда Кикаха протрубил в рог. У Кикахи имелись свои подозрения, что Вольф был лишившимся памяти, изгнанным Господом.

Теперь Вольф знал, почему он так необыкновенно быстро усваивал здесь языки. Он вспоминал их. И у него возникло такое стремительное влечение к Хрисенде потому, что та была самой любимой его фавориткой из всех женщин в его владениях. Он даже подумывал привести ее во дворец и сделать своей Госпожой.

Она не узнала в нем того, кем он был, встретив его как Вольфа, потому что никогда не видела его лица. Тот дешевый фокус с ослепительным излучением скрыл его черты. Что же касается голоса, то он использовал прибор, чтобы усиливать и искажать его всего лишь для того, чтобы внушить еще большее благоговение у поклонявшихся ему.

Его огромная сила тоже не была естественной, ибо он воспользовался биопроцессами для снаряжения себя превосходными мускулами.

Он возместит, чем только сможет, жестокость и надменность Джадавина, являвшегося теперь столь малой частью его. Он создаст новые человеческие тела в биоцилиндрах и вставит в них мозги Подарги и ее сестер, обезьян Кикахи, Ипсеваса и всех прочих, кто того пожелает. Он позволит народу Атлантиды вновь отстроиться и не будет тираном. Он не станет вмешиваться в дела многоярусного мира, если в этом не будет абсолютной необходимости.

Кикаха позвал его к экрану. Арвур каким-то образом нашел лошадь в этой стране мертвых и бешено гнал ее.

—Везет же дьяволу!

Кикаха застонал.

—Я думаю, дьявол гонится за ним,—заметил Вольф.

Арвур оглянулся назад и вверх, а потом принялся колотить лошадь палкой.

—Он сумеет добраться!—воскликнул Кикаха.—Храм Господа всего в полумиле впереди.

Вольф посмотрел на огромное белокаменное строение на вершине высокого холма. В нем находилось тайное помещение, которым он сам пользовался, когда был Джадавином.

Он покачал головой:

—Нет!

Подарга спикировала в поле зрения.

Она снижалась на огромной скорости, хлопая крыльями и вытянув вперед белое на фоне зеленого неба лицо. За ней неслись ее орлицы.

Арвур проскакал на лошади как можно дальше вверх по крутому холму. Затем ноги кобылы подкосились, и она рухнула.

Арвур ударился о землю и тут же пустился бежать. Подарга налетела на него. Арвур петлял, как удирающий от ястреба кролик. Гарпия следовала за ним, повторяя его зигзаги, угадала, куда он метнется во время одного из своих прыжков в сторону, и настигла его. Ее когти вцепились ему в спину. Он вскинул руки в воздух, и рот его стал похож на «О», из которого вырвался безголосый, для смотревших на экран, вопль.

Арвур упал, и Подарга опустилась на него. Другие орлицы приземлились и собрались вокруг посмотреть.

К о н е ц

ФИЛИП ДЖ. ФАРМЕР

«ВРАТА» МИРОЗДАНИЯ

книга 2

Перевод с английского

Глава I

Тысячи лет назад Властелины пользовались лекарствами, электроникой, гипнозом и психотехникой, чтобы обходиться без сна. Дни и ночи, полными месяцами их глаза не затуманивались, а тела оставались свежими и энергичными. Но со временем мозг разрушался. Галлюцинации, безграничная злоба и беспричинное чувство близкой гибели овладевали ими. Некоторые навсегда сходили с ума и их приходилось убивать или заключать в тюрьмы.

Именно тогда властелины обнаружили, что даже они, творцы вселенной, властелины науки, которая поставила их на ступень ниже богов, должны спать. Бессознательно их разум, лишенный сна, взбунтовался. Его оружием стало сумашествие, которое опрокидывало опоры разума.

Поэтому все властелины теперь спали и видели сны.

Роберт Вольф, которого когда-то звали Джадавин, Властелин многоэтажной планеты вселенной, которая была построена наподобие вавилонской башни, видел сон.

Ему снилось, что в его спальне через окно всплыла шестиконечная звезда. Кружась она повисла в воздухе, в ногах кровати. Это был панлоглаз, один из древних символов религии. Вольф, имевший обыкновение думать главным образом по-английски, подумал о ней, как о Гексакулуме. Это была шестигранная звезда, ее центр сиял белым, каждая ее грань отбрасывала разноцветные лучи: красный, оранжевый, лазурный, пурпурный, черный и желтый. Гексакулум пульсировала, как сердцевина солнца, лучи метали молнии, слегка обстреливая его ресницы. Лучи скребли кожу, как могла скрести домашняя кошка, расправив когти, чтобы разбудить спящего хозяина осторожным царапанием.

—Чего ты хочешь?—спросил Вольф, он знал, что видит сон.

Гексакулум несла опасность. Даже тени, между лучами, были густыми и зловещими. И он узнал, что Гексакулум послана его отцом, которого он не видел в течение двух тысяч лет.

—Джадавин!

Голос был тихим, слова формировались шестью лучами, которые теперь изгибались, свертывались кольцами и корчились, как огненные змеи. Буквы, в которые они превращались, были древними—из первоначальной письменности Властелинов. Он видел их светившиеся перед собой, однако воспринимал их не столько глазами, сколько на слух, как голос, шепчущий из глубины. Было так, как будто цвета проникали в центр его мозга и воскрешали давно

умерший голос. Голос был сильный, он так глубоко потрясал его внутреннюю сущность, что приводил к смятению и угрожал принять кошмарный обман, который навсегда сохранит свою форму.

—Проснись, Джадавин!—воззвал голос его отца.

При этих словах Вольф понял, что Гексакулум со светящимися лучами была не только в его разуме—она существовала и в действительности. Его глаза открылись.

Он устоял на вогнутый потолок, совещенный мягким, струящимся светом, испещренный красными, черными, желтыми, зелеными бликами. Он протянул руку, чтобы дотронуться до Хрисенды, своей жены, и обнаружил, что ее сторона постели пуста.

Он сел, огляделся и увидел, что ее нет в комнате,—позвал:

—Хрисенда!

Затем увидел сверкающий пульсирующий шестилучевой предмет, который висел в шести футах над краем кровати. Из него доносился, но не в свете, а в звуках, голос отца:

—Джадавин, сын мой, мой враг! Не ищи утраченное. Ты оказал ей честь, сделав своим другом. Она исчезла и не вернется.

Вольф выпрямился, а потом прыгнул с кровати. Как эта штука проникла в его замок, считающийся неприступным? Задолго до того, как шестиугольник достиг спальни, находящейся в центре замка, его должны были разбудить сигналы тревоги, массивные двери в громадном замке должны были закрыться, лазерные лучи в залах—нацелиться и уничтожить нарушителя, должны были сработать сотни хитроумных ловушек. Гексакулум должны были сжечь, разрушить, взорвать, сокрушить, утопить.

Но ни единый огонек не засиял на противоположной стене, которая казалось только фантастическим украшением, но на самом деле была световым сигнализатором тревоги и контрольной панелью всего замка. Она тускло и спокойно светилась, как будто непрощенный гость пребывал за тридевять земель.

Голос Уризена, его отца, засмеялся и произнес:

—Ты ведь не думал, что можешь удержать Властелина Властелинов своим слабым оружием, не так ли, Джадавин? Я мог бы убить тебя сию же секунду—там, где ты стоишь, глупо удивляясь, такой бледный, дрожащий, покрытый потом.

—Хрисенда!—снова воскликнул Вольф.

—Хрисенды больше нет. Безопасность твоих кроватей и вселенной уже не для нее. Ее захватили так быстро и бесшумно, как вор крадет драгоценность.

—Что ты хочешь, отец?—спросил Вольф.

—Я хочу, чтобы ты последовал за ней. Попробуй-ка найти ее.

Вольф в ярости вскочил на кровать и бросился через спинку на Гексакулум. На мгновение он потерял рассудок, осторожность, предупреждающую его, что каждое его движение может стать фатальным. Его руки устремились к многоцветной сверкающей звезде. Они сомкнулись в воздухе, а он стоял на полу, глядя вверх туда, где мгновением раньше сияла Гексакулум. В тот миг, когда его пальцы коснулись огненных бликов, многогранная звезда исчезла.

Следовательно, она не была физическим телом, а являлась просто-напросто изображением, переданным неизвестным ему способом.

Но он сам не верил такому выводу. Все же шестиугольник являлся формой энергии, моментально образованным и переданным из другого мира.

Источник мог находиться в соседней вселенной или за миллион миров отсюда. Расстояние не имело значения. Важно было то, что Уризен проник в личный мир Вольфа. И тайно похитил Хрисенду.

Вольф больше не ждал отцовских слов. Уризен не сказал, куда отправили Хрисенду, как Вольфу следует искать ее и что с ней сделают. Однако, Вольф уже составил план. Любым способом ему придется обнаружить скрытый, самоогражденный мир отца, затем отыскать врата, чтобы проникнуть туда. Наконец, распознать ловушки, поставленные Уризенем, и избежать их. Если он преуспеет, а вероятность удачи очень мала, ему предстоит добраться до Уризена и убить его. Только так он сумеет спасти Хрисенду.

Таков был сюжет древней игры, в которую играли Властелины. Сам Вольф, будучи Джадавином, седьмым сыном Уризена, прожил десять тысяч лет, наслаждаясь каждым днем. Но ему удалось сделать очень многое, довольствуясь жизнью собственного мира. В отличие от большинства Властелинов, он не уставал от сотворенного мира. Он наслаждался им, хотя, как признавал теперь, развлечения были жестокими. Он не только эксплуатировал местных жителей, но соорудил оборону, которая поймала в ловушки десятки Властелинов. Захваченные мужчины и женщины—в том числе его несколько братьев и сестер—умирали медленно и ужасно. Вольф почувствовал раскаяние за недоброе отношение к населению своего мира. Убитые и замученные Властелины не вызывали в нем чувства вины. Они знали, на что шли, когда проникали в его мир, и если кто-то попадался в ловушку, то долго страдал прежде чем умереть.

Потом Властелину Уимаксу удалось забросить его в мир Земли, хотя и ценой того, что он сам попал туда вместе с Джадавином. Тем временем Властелин Арвур завладел миром Джадавина.

Воспоминания Джадавина о прежней жизни остановились на потрясении, которое он испытал от выселения в чуждый мир, совершенно безоружный и не имеющий средств к возвращению: Джадавин стал пустым местом.

Усыновленный контукийцем по имени Вольф, потерявший память, Джадавин принял имя Роберта Вольфа. Ему не исполнилось еще и шестидесяти лет, когда он вспомнил, что же произошло до того времени, когда он свалился на Кентукскую гору. Он перестал обучаться латинскому, греческому и индийскому языкам, чем занимался всю свою жизнь в этом месте и удалился на территорию Феникса Аризоны.

И там, наблюдая небо из только что приобретенного и перестроенного им дома, он предпринял ряд рискованных экспериментов, которые позволили ему пройти через «врата» обратно в тот мир, который он создал и которым правил как Властелин в течение десяти тысяч лет.

Там он с боем пробивал себе путь от самого нижнего этажа многоэтажной планеты, похожей на Вавилонскую башню к замку Владыки Арвура. Там он встретил и полюбил Хрисенду, одну из собственных полусозданий. И снова стал Властелином, но уже не таким, каким покинул этот мир. Он стал человеческим.

Его слезы, вызванные болью от потери Хрисенды, и ужас, охвативший при мысли о том, что с ней может случиться, служили доказательством его человечности. Ни один Властелин не проливал слез над другими существами, хотя говорили, что Уризен плакал от радости, поймав в ловушку двух сыновей несколько тысяч лет назад.

Не теряя времени, Вольф приступил к делу, которое необходимо было выполнить.

Прежде всего ему предстояло убедиться, что никто не захватит замок, пока он будет отсутствовать. Он не хотел повторения того, что случилось в прошлый раз, когда он покинул этот мир: вернувшись, он обнаружил на своем месте другого Властелина. Теперь был только один человек, способный занять его место, которому он мог доверять. Это был Кикаха (урожденный Пол Дантус Финнаган из местечка Хауте в Индии на Земле).

Именно Кикаха подарил ему горн и дал возможность вернуться в этот мир. Кикаха оказал ему необходимую помощь, которая позволила вновь завоевать свое владение.

Горн.

С ним он сможет выследить мир Уризена и отыскать вход туда!

Вольф прошел по хризолитовому полу вдоль стены и повернул фрагмент с вырезанным изображением гигантской орлицы. У него перехватило дыхание и он ошеломенел: в потайном месте больше не было спрятанного там горна. Выдолбленная часть, в которой хранился горн, была пуста.

Итак, Уризен не только захватил Хрисенду, но еще и выкрал древний горн Шамбаримена.

Пусть! Вольф будет оплакивать Хрисенду, но не станет проливать слез над вещью, какую бы ценность она не представляла.

Он быстро прошел через зал, отмечая, что ни одно средство оповещения в случае тревоги не срабатывало. Придворные и челядь спали, будто их ждал еще один день покоя и счастья, пришедших с завоеванием Вольфом Владения, с дворцом на вершине мира. Он не мог сдержать дрожи. Он всегда боялся отца. Теперь же, получив доказательство огромной силы родителя, Вольф ужаснулся, но не страх встанет на его пути. Он выследит и убьет его или погибнет.

Войдя в просторную комнату, Вольф уселся перед контрольной панелью, имеющей форму пагоды, и включил установку автоматического обзора всех мест планеты, где установлены телекамеры. А их было около десяти тысяч на каждой из четырех нижних ступеней; замаскировав камеры под скалы и деревья, их установили так, чтобы иметь возможность наблюдать за всем происходящим в ключевых местах планеты. В течение двух часов он сидел, наблюдая за меняющимися на экране видами. Потом, зная, что мог бы прождать так не один день, включил аппаратуру на поиск Кикаха и

вышел. Теперь, если на экране появится изображение разыскиваемого, сработает стоп-кадр и соответствующий сигнал уведомит его о выполнении задания.

Вольф задействовал еще несколько дисплеев. Компьютер сверял данные. Записи были семидесятилетней давности, поэтому количество вновь созданных вселенных допускалось равным тысячи. Именно ими Вольф интересовался в первую очередь. Последним местом пребывания Уризена был мир Гардаэримтаж, где вырос Вольф со своими родными и двоюродными братьями и сестрами. Но Уризен, которому миры надоедали столь же быстро, как новые игрушки избалованному ребенку, давно уже покинул Гардаэримтаж и трижды переселялся с тех пор.

Возможно, что теперь он избрал резиденцией новый, четвертый мир, и его-то следовало отыскать и найти способ проникнуть туда.

Будь даже все миры зарегистрированы, не было бы никакой возможности вычислить вселенную отца. К тому же каждая была изолирована и не поддавалась обнаружению. Единственным уязвимым местом являлись «врата», появившиеся в какой-то момент времени и с тех пор периодически становящиеся видимыми. И если в тот момент, когда видоискатели разведчики будут искать тот коридор, «врата» будут закрыты, то местность сочтут «пустой».

Однако Уризен, завлекая Вольфа, наверняка должен был облегчить ему поиск.

Даже Властелины испытывают голод. Вольф съел легкий завтрак, принесенный роботом,—одним из полубелковых андроидов, выглядевший как рыцарь в панцире. У Вольфа было больше тысячи таких. Потом он побрился, принял душ в теплой ванне, вырезанной из целого изумруда. Затем надел вельветовые ботинки, которые плотно облегли вельветовые брюки и вельветовую куртку: подпоясавшись коротким поясом из мамонтовой кожи и надел на шею золотую цепь.

С цепи свисал красный нефритовый талисман Мамбаримена, подаренный ему великим ученым и механиком Властелинов в бытность, когда Вольф был еще десятилетним мальчиком.

Красный цвет нефрита ярким пятном выделялся на фоне однотонной коричневой одежды. Находясь в замке, Вольф одевался просто и небрежно. Лишь в редких случаях, вынужденный присутствовать на церемониальных приемах, он спускался на нижние этажи, облаченный в роскошные одеяния и в особой шляпе Властелина. Но всякое другое время он покидал свои апартаменты инкогнито, переодевшись в наряды местных жителей.

Покинув замок, Вольф вышел на один из сотен балконов-садов. На дерево нахохлился «Ско», огромный, как стервятник, ворон. Он один из немногих остался в живых после штурма замка Вольфом, предпринятого, чтобы вырвать этот мир у Арвур. Нынче, когда Арвур покоился в земле, вороны присягнули на верность Вольфу.

Вольф приказал ворону разыскать Кикаху и сообщить об этом задании всем остальным воронам, а также орлам Подарго. Кикахе надлежало передать, что он срочно нужен. Если же Кикаха, полу-

чив приказ и явившись в замок, уже не застанет там Вольфа, пусть возложит на себя обязанности Властелина. В случае, если Вольф не вернется, Кикаха принимает на себя все полномочия.

Он знал, что Кикаха последует за ним и бесполезно запрещать.

Ворон взлетел, ошарашенный заданием. Вольф вернулся в замок. Наблюдатели все еще искали Кикаху, но безуспешно. Однако искатели «врат», которым требовались микросекунды, чтобы обнаружить их, прошли по всей вселенной и уже повторяли свой заход. Он позволил им продолжать поиск на тот случай, если какие-либо «врата» обладали дискретностью во времени и в пространстве. Результаты первого обхода уже отпечатаны на бумаге классическими иероглифами древнего языка.

Обнаружено было 35 новых миров. Из них единственные врата имел только один.

Вольф вывел изображение этого мира на дисплей, и на экране возникла шестиконечная звезда—только не с белым, а с красным центром. Красное обозначало опасность.

Врата вели в мир Уризена, и понять это было так же просто, как если бы раздался голос врага и произнес: «Вот он я! Приди и завоюй, если осмелишься!»

Перед мысленным взором Вольфа возникло лицо отца—красивые соколиные черты, большие, похожие на бриллианты глаза. Властелины не были старыми. Их тела сохраняли физиологическую молодость двадцатипятилетних. Но чувства побеждали всесильную науку Властелинов, атакуя в союзе со временем, они накладывали морщины на твердости плоти. Когда Вольф видел отца в последний раз, лицо того заметно покрывали линии ненависти. Бог знает, как глубоко избороздила ненависть его лик с тех пор.

Будучи Джадавином, Вольф платил за отцовскую ненависть тем же. Но не разделял кровавых жажд мщения своих братьев и сестер. Он не предпринимал никаких шагов. Теперь же, когда надругались над невинной Хрисендой, ненависть в его душе зывала к мести.

«Врата», ведущие в мир Уризена, соответствовали часто повторяемому изображению Гексакулум. Роботам потребовалось 22 часа, чтобы соорудить аналогичную установку.

К тому времени все наблюдатели планеты передали сообщение. Кикахи в поле зрения не оказалось. Отсюда не следовало, что он покинул планету,—он вполне мог находиться в одном из тысяч ее укромных уголков. Планета по площади превосходила Землю и наблюдатели, естественно, не могли охватить всю ее территорию. Ждать его появления не было смысла.

Вольф решил не терять времени. В ту секунду, как закончили постройку Аналога Гексакулум, он стал собираться в путь. Перекусив и напившись вволю—неизвестно, когда ему еще придется сесть за стол—он вооружился лучеметом, ножом, захватив так же лук с колчаном, полным стрел. Могло показаться странным, что он рассчитывал с помощью такого примитивного оружия одолеть автоматику Властелинов. Но по иронии технического развития самые простые способы убийства оказывались самыми эффективными.

Впрочем, он и не обольщался на сей счет. Он слишком хорошо знал разнообразные ловушки Властелинов.

—Итак,—произнес Вольф,—в путь! Больше ждать нет смысла.

Он вошел в узкое пространство аналога Гексакулум.

Вихрем засвистел и рванулся к нему ветер. Упала тьма. Словно огромные руки сдавили грудь. В одно стремительное мгновение нахлынула и пала вся масса этих ощущений.

И вот он стоит на траве, близ гигантских деревьев, а неподалеку плещется прибой. Над островом—солнце, светящееся ровным светом. Одежда оставалась на нем, хотя при проходе сквозь врата ему показалось, что ее сорвало. Оружие так же уцелело. Конечно это не было внутренним дворцом крепости Уризена. Потому что в противном случае крепость была бы самым неудобным местом жительства Властелина.

Он оглянулся на доставившую его Гексакулум—врата исчезли, лишь высокий широкий шестиугольник образовался на месте, где только что были они, на плоскости валуна. Вольфу вспомнилось, как что-то подтолкнуло его в проходе и заставило сделать несколько шагов, чтобы не упасть.

Довольно быстро он понял, что Уризен сдублировал врата Гексакулум и перебросил его в неизвестное место.

Вольф отчетливо представлял, что может произойти при попытке вернуться сквозь врата. Но он никогда не сдавался без боя.

Обойдя валун, Вольф обнаружил, что врата, как он и ожидал служили и для выхода и для входа.

Позади кто-то кашлянул. Вольф резко повернулся, держа луче-мет наготове.

Глава II

В нескольких футах от Вольфа на самом краю скалистого, обрывистого берега расположилось странное существо, похожее на жабу. Подогнув колоннообразные ноги, не имеющие, казалось, костей, оно сидело на корточках и покачивалось на огромных ступнях. Жирное, похожее на человеческое туловище оказалось безголовым, а из живота выпирала длинная, гибкая как шея гуся, завершающаяся вполне человеческой головой шей. Правда ушей не было, а череп, как лицо и тело, покрывал темно-синий маслянистый мех. Плоский нос очерчивали длинные узкие ноздри, рот окаймляли усики из красной плоти. Большие глаза цвета зеленого мха глядели на Вольфа.

—Джадавин!—произнесло существо на древнем языке Властелинов.—О Джадавин! Не убивай меня! Разве ты меня не узнаешь?

Джадавин был ошеломлен, однако не забыл оглянуться, странное существо вполне могло служить отвлекающим маневром.

—Джадавин! Неужели ты не узнаешь своего родного брата?

Вольф покачал головой. Тюлене-лягушачье тело, безухая голова, синий мех и расплющенный нос с длинными ноздрами, а также время, существенно затрудняли идентификацию. Если существо когда-то и называлось его братом, то с тех пор минули тысячелетия.

Вот только голос... Вольф покопался в пыли воспоминаний, словно собака в старой ветоши, но...

Он вновь покачал головой и взглянул на жабообразное существо.

—Кто ты?—спросил Вольф.

Существо захныкало и по холодному завыванию нетрудно было догадаться, что его брат—если только это действительно был его брат—пробыл в таком состоянии долгое время. Ибо ни один Властелин не унижался до плача.

—Неужели ты отречешься от меня?! Неужели и ты прогонишь? Все надо мною смеются, все меня гонят прочь, бьют, все плюют на меня и говорят...—он прикрыл плавниками лицо и огромные слезы покатались из зеленых глаз по синему меху щек.—О Джадавин, не будь таким, как остальные! Ведь я любил тебя больше всех! Так не будь же жестоким.

—Другие,—подумал Вольф.—Были и другие. Но как давно это было?!

Вслух же он нетерпеливо спросил:—Не будем играть в прятки, кто бы вы ни были. Ваше имя?

Существо привстало на бескостных ногах и, силой мускулов подняв жирную тушу, сделало шаг вперед. Вольф не отступил, но переложил лучемер поудобнее.

—Больше ни шагу! Как тебя зовут?!

Существо остановилось, не переставая рыдать.

—Ты такой же плохой, как и другие. Ты думаешь только о себе, тебе безразлично, что случилось со мной. Неужели мое страдание, мое одиночество и муки, длившиеся так долго, так бесконечно долго, ничуть не трогают тебя?

—Возможно я и растрогался бы, если бы знал, кто ты такой,—заметил Вольф.

—Так что случилось?

—О Властелин Властелинов! О, мой родной брат!

Жабообразное чудовище сделало еще один гигантский косолапый шаг, оставив за собой перепончатый мокрый след, и протянуло лапу, словно делая умоляющий жест рукой. Потом замерло, метнув взгляд поверх головы Вольфа. Вольф резко отскочил и обернулся так, чтобы держать под обстрелом и существо, и того, кто мог подкрасться сзади. Однако позади никого не оказалось.

Существо явно рассчитывало на это, и в тот самый момент, когда Вольф отпрыгнул и развернулся, оно метнулось вперед: нижние конечности распрямились, словно освобожденная катапульта, и бросили тушу в воздух. Если бы Вольф только повернулся, чудовище погребло бы его под своим весом. Отступив в сторону, он избежал столкновения, однако не успел увернуться от удара ластой по левому плечу. Толчок был столь сильным, что он отлетел в сторону, выронив лучемер. При этом не следует забывать, что Вольф обладал мощной мускулатурой, а первые импульсы бежали по его телу вдвое быстрее обычного, ускоренные с помощью научных открытий Властелинов. Будь он простым землянином, его левая рука осталась бы навсегда покалеченной и он не смог бы избежать второго нападения.

Воя от ярости и разочарования, жабообразная тварь приземлилась на том месте, где мгновением раньше стоял Вольф, повернулась и резко оттолкнувшись, словно вместо ног у нее были пружины, вновь бросилась в атаку. Вся схватка протекала настолько быстро, что напоминала кадры ускоренной киносъемки.

Вольф, не теряя ни секунды, метнулся к оружию. Тварь уже нависла над ним в прыжке, ее воинственный крик резал барабанные перепонки. Схватив лучемер, Вольф несколько раз перевернулся и вскочил на ноги. Чудовище прыгнуло в третий раз. Вольф перехватил лучемер в правую руку и обрушил удар в темечко противника. Удар отшвырнул жабообразное существо назад, оно рухнуло наземь с окровавленной головой.

Поодаль послышались аплодисменты. Повернувшись, Вольф увидел в тридцати ярдах от поля боя мужчину и женщину, укрывшихся под тенью фрондов. Одетые в роскошные одежды Властелинов, они направились к нему; руки их были пусты, шпаги укрыты в ножнах, выделанных не то из грубой кожи, не то из рыбьей чешуи. Вольф не ослабил бдительности, и когда свидетели схватки приблизились на расстояние двадцати ярдов, приказал им остановиться. Поверженная тварь застонала и шевельнулась, но не сделала попытки сесть. Вольф все же отошел на безопасное расстояние.

—Джадавин!—окликнула женщина. Нежное, взволнованное его сердце пробудило воспоминание. Хотя они и не виделись более пяти сот лет, он узнал ее.

—Вала!—воскликнул он.—Что ты здесь делаешь?

Вопрос был чисто риторический. Он понял, что ее должно быть, тоже пленил отец. Узнал и спутника сестры—это был Ринтрах, один из его братьев. Вала и Ринтрах, несомненно, попались в ловушку.

Вала улыбалась и сердце Вольфа забилось сильнее. Она была самой красивой женщиной из всех, кого он знал, если не считать очаровательной Хрисенды и его сестры, Ананы Великолепной. Однако он любил и ненавидел Анану немного сильнее, чем Валу.

Вала вновь похлопала и сказала:

—Молодец Джадавин! Теперь ты нисколько не утратил умения сражаться. Твой противник опасен и отвратителен. Он раболепствует и хнычет, пытаясь завоевать доверие, но тут же—прыг!—хватает за горло! Он чуть не убил Ринтраха, когда тот впервые пришел сюда, и убил бы я, если бы я не ударила его куском скалы и не лишила сознания. Итак ты видишь, что я тоже имела с ним дело.

—А почему вы не добились его тогда?—спросил Вольф. Ринтрах улыбнулся и пояснил:

—Неужели ты не узнаешь собственного братца, Джадавин? Это существо твой любимый маленький умненький Теоторион.

—Боже!—воскликнул Вольф.—Теоторион! Кто же его сделал таким?

Никто из двоих не ответил, да и ответа не потребовалось. Это был мир Уризена, только он мог сделать таким его братца.

Теоторион тяжело вздохнул и сел, положив ласты на кровотокащее место на голове, он качался из стороны в сторону и стонал.

Его зеленые как лишайник глаза уставились на Вольфа, и он тихо произносил ругательства, не осмеливаясь говорить громко.

Вольф произнес:

—Уж не собираетесь ли вы утверждать, что сохранили ему жизнь из братских чувств? Не пытайтесь, все равно не поверю.

Вала засмеялась:

—Конечно, нет! Я думала, что его можно будет использовать позднее. Он хорошо знает эту маленькую планету, так как находится здесь довольно долго. Он трус, брат Джадавин. У него не было мужества испытать свою жизнь в лабиринте Уризена, он остался на этом острове и стал таким же, как вырождающиеся местные жители. Наш отец устал ждать, когда он соберется с несуществующим мужеством. Чтобы наказать его за отсутствие мужества, он забрал его в свою крепость Аппирмадзум. Там он придумал ему другую форму, превратив его в отвратительное морское чудовище. Даже тогда Теоторион не осмелился пройти через ворота во дворец Уризена, он остался здесь и жил, как отшельник, ненавидя и презирая себя и все другие живые существа, особенно Властелинов.

Он живет, питаясь птицами, фруктами и другими морскими обитателями, которых может поймать. Он ест их сырыми. А когда предоставляется возможность, он убивает и ест местных жителей. Не потому, что они заслужили такую участь, они сыновья и дочери других Властелинов, проявившие, как и Теоторион, трусость. Они провели свою жалкую жизнь на этой планете, имели детей, вырастили их, затем умерли.

Уризен сделал с ними то же самое, что и с Теоторионом. Он забирал их к себе в Аппирмадзум, превращал в страшные существа и возвращал сюда. Наш отец думал, что превращение их в чудовищ несомненно заставит их ненавидеть его, что они тогда испытают дверь в Аппирмадзум и отомстят за себя, но они все были трусы. Они предпочитали жить в своем переделанном виде, чем умереть как настоящие Властелины.

—Мне нужно побольше узнать об этой переделке моего отца. Но как я могу поверить вам?—сказал Вольф.

Вала снова засмеялась.

—Все мы, попавшие в ловушку Уризена, находимся на этом острове. Кто-то только несколько недель: хотя Лувах уже полгода.

—Кто такие другие?

—Некоторые твои родные и двоюродные братья. Кроме Ринтраха и Луваха, еще два брата—Эньен и Аристон, и кузены Тармас и Цаламброн.

Она весело засмеялась, показала на красное небо и сказала:

—Все, все пойманы в ловушку нашим отцом! Все снова собрались, все снова после горестного отсутствия тысячелетий. Счастливая семейная встреча, какой не могут представить себе смертные.

—Я могу представить,—сказал Вольф.—Вы все еще не ответили на мой вопрос о доверии.

—Мы все дали клятву об общем перемирии,—сказал Ринтрах.—Мы нуждаемся друг в друге, поэтому должны отбросить

нашу естественную враждебность и действовать сообща. Только тогда можно будет победить Уризена.

—Насколько я помню, общего перемирия не было давно,—сказал Вольф.—Я помню, как мать говорила мне, что такое перемирие было за четыре тысячи лет до моего рождения, когда Черные Беллеры угрожали Властелинам. Уризен совершил тогда два чуда. Он поймал в ловушку сразу восемь Властелинов и принудил их заключить перемирие. А это перемирие пусть несет с собой его гибель.

Затем Вольф сказал, что готов принести клятву на перемирие. И именем отца всех Властелинов, Великого Эпинима Лоса, он поклялся соблюдать все пункты мирного соглашения, пока не наступит время, когда все согласятся отказаться от него, или все, кроме одного будут мертвы. Но даже тогда, когда он давал клятву, он твердо знал, что на других нельзя положиться, нельзя верить тому, что они не предадут его. Он знал, что Ринтрах и Вала признавали это и доверяли ему не более, чем он доверял им. Но, по крайней мере, они все некоторое время будут действовать вместе. И не было вероятным, что кто-то из них нарушит перемирие. Они это сделают только тогда, когда появится очень большая, огромная возможность и полная уверенность в безнаказанности. Теоторион скулил:

—Джадавин! Мой родной брат! Мой любимый брат, тот кто всегда любил меня и защищал. Ты как и другие. Ты хотел повредить мне, убить меня. Своего собственного маленького брата.

Вала плюнула на него и сказала:

—Ты мерзкое, трусливое животное! Ты не Властелин и не наш брат. Почему ты не нырнешь в глубину и не утонешь там? Убери свой страх и предательство с наших глаз и от всех, дышащих воздухом. Пусть рыбы сожрут твоё жирное тело, хотя даже они могут изрыгнуть тебя.

Полезая и протягивая лапы, Теоторион волочилсь к Вольфу.

—Джадавин! Ты не знаешь как я страдаю. Неужели у тебя нет жалости ко мне? Я всегда думаю, что у тебя, по крайней мере, есть то, что не хватает другим. У тебя теплое сердце и есть сострадание, чего не хватает этим бездушным чудовищам.

—Ты пытался убить меня,—сказал Вольф,—и ты снова попытаешься, если решишь, что есть хорошая возможность сделать это.

—Нет, нет,—сказал Теоторион, пытаясь улыбнуться.—Ты совершенно не понял меня. Я думал, что ты будешь ненавидеть меня за то, что я больше люблю эту подлую жизнь, чем смерть, как Властелин. Я хотел забрать твоё оружие, чтобы ты не причинил мне вреда. Потом я бы объяснил, что случилось со мной и как я дошел до этого. Тогда бы ты понял меня. Ты бы искал меня и любил так же как тогда, когда ты был еще мальчиком во дворце нашего отца, а я был твоим младшим братом. Вот все, что я хотел сделать: объяснить тебе, а не снова стать ненавистным. Я не хотел причинять тебе вред. Именем Лоса я клянусь тебе в этом.

—Мы еще поговорим,—бросил Вольф,—а теперь прощай, уходи.

Теоторион пошел прочь, широко расставляя ноги. Когда он достиг края острова, то повернулся и выкрикнул непристойности и ос-

корбления Вольфу. Вольф поднял лучемер, хотя намеревался только поугадать его. Чудовище пронзительно закричало и прыгнуло как гигантская лягушка в воду, причем его перепончатые ноги тащились позади него. Погрузившись в воду он больше не появлялся. Вольф поинтересовался у Валы, как долго тот мог оставаться под водой.

— Не знаю. Возможно, полчаса. Но сомневаюсь, что он будет сдерживать дыхание. Вероятно он в одной из пещер, которые имеются в корнях и кавернах, образующих основание острова.

Потом она сказала, что они должны идти и встретиться с другими. Пока они шли через Фрондовый лес, она объяснила ему физические факты этого мира, насколько она их знала.

— Ты, наверное, уже заметил, как близок горизонт. Эта планета имеет в диаметре около 2170 миль (приблизительно столько, сколько и земная луна,— подумал про себя Вольф). Сила притяжения резко падает при подъеме над атмосферой, как бы растекаясь, размазываясь в окружающую Вселенную. Все остальные планеты этой галактики имеют подобное поле.

Вольф не интересовался этим. Властелины могли делать с полями и притяжением то, о чем земляне и не мечтали.

— Эта планета полностью покрыта водой...

— А как насчет острова?— спросил он.

— Он плавает. Источник его происхождения— растение, которое растет на дне моря. Когда оно выросло наполовину, его пузыри начали наполняться газом, вырабатываемым бактериями. Оно оторвалось от корней и всплыло на поверхность. Там оно выпустило корни, или полоски, которые встречаются с полосками другого вида. Очевидно, в таких растениях встречаются твердые массы. Верхняя часть растения отмирает, в то время как нижняя продолжает расти. Гниющая верхняя часть образует почву. Птицы добавляют почву своими элементами. Они перелетают к новым островам, перенося в полете зерна, которые вырастают в фронды и другую растительность,— она указала на группу растений, похожих на бамбук.

Он спросил:

— Откуда взялись эти камни?

За бамбуком виднелось несколько беловатых валунов, примерно двенадцати фунтов в диаметре.

— Газово-пузырчатые растения, образующие остров, являются только одним, возможно, из нескольких тысяч видов. Есть вид, который прикрепляется к скалам морского дна и выносит их на поверхность, становясь достаточно плавучим. Местные жители приносят их и помещают на островах, если они не слишком большие.

Белые валуны чем-то привлекают птиц гаржу, жители убивают их или приручают.

— А как насчет питьевой воды?

— Это океан свежей воды.

Вольф, глядя через просвет зарослей пурпурных с желтыми полосами фрондов и отягощенных ягодами кустов вышиной до пояса, увидел как на горизонте появилась огромная черная арка, через минуту она стала окружностью, поднимающейся над горизонтом.

—Это луна,—сказала Вала.—Здесь все изменено. Солнца нет, свет исходит от неба. Поэтому Луна означает ночь и отсутствие света. Это бледный вид ночи, все же лучше, чем никакой. Позднее ты увидишь планету Аппирмадзум. Она находится в центре этой вселенной, а вокруг нее вращается пять второстепенных планет. Ты увидишь и их,—черные и погруженные в небо, как наша Луна.

Вольф спросил, как она узнала так много о мире Уризена. Она сказала, что эти сведения ей дал, хотя и без желания, Теоторион. Он узнал многое, пока был пленником Уризена. Он не хотел расставаться с этой информацией, так как был злым и эгоистичным животным. Но когда кузены, братья и сестра поймали его, то заставили его заговорить.

—Большинство шрамов заживает,—сказала она и засмеялась.

Вольф хотел знать, не было ли в конце концов у Теоториона хорошей причины для желания убить их. И он хотел знать насколько правдива история об их отношениях. Ему придется поговорить когда-нибудь с Теоторионом, конечно, на безопасном расстоянии.

Вала замолчала и схватила Вольфа за руку. Он начал отталкивать ее, думая, что она пытается выкинуть какой-нибудь трюк. Но она с тревогой смотрела вверх, как и Ринтрах.

Глава III

Фронды высотой в шестьдесят футов скрывали какой-то предмет в небе. Теперь он увидел массу шириной, по крайней мере, четверть мили, пятидесяти футов толщины и почти милю длины, плывущую в пятидесяти футах над островом. Она дрейфовала с ветром, который дул из неизвестной стороны света. В этом мире без солнца север, юг, восток и запад ничего не значили.

—Что это?—спросил он.

—Это остров, который плавает в воздухе. Поспешим, мы должны добраться до деревни, пока не началась атака.

Вольф отправился за ними. Время от времени он поглядывал вверх через заросли фрондов на аэронес. Он спускался довольно быстро на противоположный конец острова. Вольф догнал Валу и спросил ее, как управляется этот небоплаватель. Она ответила, что его жители применяют клапаны в гигантских пузырях, чтобы выпускать водород. Эта процедура требует усилий почти всех жителей, так как каждый пузырь и клапан управляются вручную. Во время спуска им всем приходится заниматься управлением.

—Как они ведут его?

—Пузыри имеют выходные отверстия: когда абуталы хотят, чтобы остров летел в определенном направлении, они выпускают газ из пузырей на противоположной стороне. Они не получают сильных толчков, так как в своем деле очень искусны. Но даже при этом им приходится бороться с ветром и они не всегда эффективно маневрируют. Нас они уже дважды атаковали и оба раза не смогли сесть на остров. Они бросают морские якоря—большие камни на концах канатов—чтобы медленно спускаться. Первые атаку-

ющие опустились близко к острову, вместо того чтобы повиснуть как раз над островом, и им пришлось довольствоваться атакой с моря. Они потерпели неудачу.

Она покачала головой и добавила:

—О нет! Это должно быть Илманиры. Да поможет нам Лос.

Сперва Вольф думал, что пятьдесят летательных аппаратов, выпущенных из аэронеа, были маленькими самолетами. Когда же они, кружась против ветра, спустились к Земле, он увидел, что это планеры. Крылья длиной в пятьдесят футов были сделаны из какого-то блестящего металла и украшены на концах зубцами. Под каждым крылом был нарисован краской глаз с перекрещенными над ним шпагами, фюзеляж был не покрыт, корпус и его оснастка, элероны и рули были покрашены в пурпурный цвет. Пилот сидел в плетеной корзине как раз впереди развернутых крыльев. Нос судна был закруглен и имел длинный рог, выступающий вперед на расстоянии около двадцати футов.

Как рог нарвала, подумал Вольф. Как он узнал позднее, рога были взяты у гигантских рыб.

Планер прошел над ними до тропинки, где и приземлился. Вольф бросил взгляд на пилота. Его рыжие волосы торчали, по крайней мере, на фут в высоту, блестели от какого-то фиксатора. Лицо—выкрашено, как у краснокожего индейца, красными и зелеными кругами, и черные полосы спускались по его шее к плечам.

—Деревня находится недалеко, примерно в полумиле отсюда,— заметила Вала.—На самом конце острова.

Вольфа заинтересовало, почему она так обеспокоена. Почему Властелина заботило то, что случится с другими. Она объяснила, что если Илманир совершит успешную посадку, они убьют всех женщин на острове. Потом они оставят несколько лишних своих людей, как в колонии.

Остров не был совершенно плоским. Там и тут были возвышенности, образованные неровно выросшими пузырями. Вольф взобрался на вершину одной из них и посмотрел поверх фрондов. Абу-та спустилась теперь уже до пятидесяти футов, медленно снижаясь и направляясь прямо к деревне. Это была группа, насчитывающая около сотни похожих на улья хижин, построенных из фронды. Стена высотой в двадцать футов окружала деревню. Дома выглядели так, будто были построены из камней, бамбука, фрондов и каких-то скучно-серых столбов, которые могли быть костями гигантских морских животных.

За стеной располагались мужчины и женщины, а несколько групп находилось снаружи на открытой местности. Они были вооружены копьями и луками со стрелами.

За деревней были доки, построенные из обычного бамбука. Вдоль них на берегу лежали лодки различных размеров.

Дно летающего острова было густым сплетением толстых корней. Однако в нем были отверстия и из нескольких таких отверстий выбрасывались большие камни на канатах, сплетенных из каких-то растений. Камни-якоря, вырезанные в форме дисков, были

белыми, похожими на гипс. Они ташились с моря, и волоклись по острову, ударяясь о землю, некоторые якоря попадали под лодки.

Другие якоря падали, ударяясь о стены деревни или натыкались на сплетение материалов, образующих стены из высоких столбов. Некоторые ударялись о голую, без травы, землю и задевали хижинны, рушившиеся под ударами камней. В это же самое время из отверстий летающего острова стреляли из луков, метали копья и бросали горящие факелы на людей, находящихся внизу. Некоторые островитяне были сбиты с ног, хижины начали гореть. Горящие факелы взрывались и от них поднимался густой черный дым.

Однако защитники не были обеспокоены. Из большого центрального дома вышли мужчины и женщины со странными приспособлениями. Они подожгли их и выпустили верх и те быстро достигли нижней части острова небоплателей, коснулись сплетения ветвей и загорелись там, потом они неожиданно взорвались и разнесли огонь по окружающим их корням.

Крыша одной из хижин поднялась и повернулась на одну сторону, как крышка люка. Стены аккуратно разошлись в стороны, падая на землю, и хижина приняла вид распутившегося цветка. в центре ее оказалась катапульта, гигантский лук со стрелой, сделанной из рогов существа, которая издает гудение, словно планер.

К стреле было прикреплено несколько горящих пузырей. Лук отпустили и горящая стрела взвилась вверх и вонзилась в нижнюю часть острова небоплателей.

Команда катапульты снова начала натягивать тетеву.

Из отверстия небесного острова вышел мужчина, за ним—еще десять. Они спускались, как на парашютах. Их спуск тормозили пучки пузырей, прикрепленные ремнями вокруг плеч и груди. Стрела пронзила первого абукала в тот момент, когда он коснулся земли, а потом были проколоты еще трое из десяти, спускавшихся следом.

Оставшиеся в живых приземлились невредимыми вблизи катапульты. Они отстегнули ремни—пузыри рванулись вверх. К этому времени их уже окружили. Десантники сражались ожесточенно—один из них добрался до катапульты, но был сражен двумя копьями.

Летающий остров, подгоняемый ветром, начал проходить над деревней. С него стали падать новые камни на канатах и несколько из них попало в сплетение стен, не разрушив их. Потом веревка упала на фронды, и огромная петля охватила деревья.

Затормозив, небесный путешественник повернулся так, чтобы его большая часть нависла над этим местом острова. К тому времени все планеры приземлились, хотя и не все успешно. Из-за густой растительности им пришлось спускаться на фронды. Некоторые перевернулись, некоторые разбились о фронды. Часть проскользнула между фрондами и разбилась вдребезги о плотные густые кусты.

Но оттуда, где стоял Вольф, было видно, по крайней мере, двадцать невредимых пилотов, которые теперь ускользали в джунгли. там должны были быть и другие.

Он услышал как его позвали по имени. Это вернулась Вала и стояла у подножия холма.

—Что ты собираешься делать?—сердито спросила она.—Тебе нужно стать на чью-то сторону, Джадавин, хочешь ли ты этого или нет. Иначе абуталы убьют тебя.

—Возможно ты права,—сказал он, спустившись с холма.—Я хотел получить представление о том, что происходит. Не хочется слепо вмешиваться в это дело, не зная, где кто находится и как идет бой.

—Ты всегда осторожен и хитер, Джадавин,—сказала она.—Но это хорошо, это показывает, что ты не дурак, о чем я знаю. Поверь мне, ты нуждаешься во мне, так же как я в тебе. Ты не можешь сделать все один.

Он последовал за ней и вскоре они наткнулись на Ринтрака, который припал к земле под фрондой. Он сделал им знак, чтобы они соблюдали тишину. Когда они приблизились, Вольф посмотрел туда, куда указывал Ринтрах. Не более чем в двадцати футах от них стояли пять воинов-абуталов. Слева от них из кустов поднимался хвост разбитого планера. У них были маленькие круглые щиты из кости, метательные костяные копья с бамбуковыми наконечниками, а некоторые имели луки со стрелами. Луки короткие и сильно изогнутые, были сделаны из какого-то рогоподобного материала и состояли из двух частей, которые соединялись в центральной впадине рогов.

Воины были слишком далеко от них, чтобы можно было подслушать их разговор.

—Какова дальность действия твоего лучемета?—спросила Вала.

—Он убивает до пятидесяти футов,—сказал он.—Третья степень ожога—следующие двадцать футов, а после этого—вторая степень ожога, дальше—легкий ожог и совсем ничего.

—Теперь твой шанс. Нападай на них. Ты сможешь убить всех пятерых одним движением, прежде чем они поймут, что происходит.

Вольф вздохнул. Настанет ли время, когда не нужно будет ждать наставлений Валу? Прежде он давно бы убил их и продолжал бы действовать совместно с Валой и Ринтрахом. Но он не был больше Джадавином, он был Робертом Вольфом. Вала не поймет этого, она примет его колебания за слабость. Он не хотел убивать, но сомневался в том, что существует другой способ защиты, который заставил бы абуталов прекратить нападение. Вала знала островитян и, возможно, говорила правду. Поэтому, нравится ему или нет—придется стать на их сторону.

Позади них раздался пронзительный крик. Вольф перекатился через себя и привстал, увидев еще троих воинов-абуталов примерно в сорока футах от него. Они вышли из-за фрондов и целились в них, подняв свои метательные копья.

Вольф повернулся кругом, чтобы стать лицом к трем абуталам, и нажал на пластинку с нижней стороны трехфутового ствола. Ослепительно-белый луч, толщиной с палец, прошел через животы всех троих. Растительность между ними и позади—задымилась. Все трое упали вперед, роняя из рук копья и скользя по траве лицом.

Вольф поднялся на одно колено и повернулся лицом к пятерым.

Два стрелка прицелились в него. Вольф сбил их первыми, потом—трех остальных. Он полз, оглядываясь кругом и разыскивая других, которых могли привлечь крики.

Но слышен был только ветер, дующий на фрондах, затихающие крики и приглушенные звуки битвы в деревне.

Запах горелой плоти вызывал в нем отвращение. Он поднялся и перевернул три трупа, а потом и те пять, что лежали в стороне. Он не думал, что они еще живы, но хотел удостовериться. Каждый из них был перерезан лучом почти пополам. Кожа вдоль глубоких ран подгорела под лучом. Крови было мало, так как луч сжег их легкие и все внутренности. Кишки сократились и выпустили содержимое.

Вала посмотрела на лучемет. Она была очень любопытна, но знала, что напрасно просить Вольфа дать ей оружие в руки.

—У тебя две ступени регулировки,—сказала она.—Что же он может сделать на полной мощности?

—Он способен разрезать десятифутовую плиту из стали,—ответил он.—Но заряд иссякнет через минуту. На половинной мощности он может работать в течение девяти секунд,—затем перезарядка. Она посмотрела на его карманы, и он улыбнулся. Он вовсе не собирался говорить ей сколько у него в карманах зарядов.

—Что случилось с вашим оружием?—спросил он.

Вала издала проклятие и сказала:

—Его украли, пока мы спали. Я не знаю, сделал ли это Уризен или хитрый Теоторион.

Вольф пошел на направлении к месту битвы, двое других вплотную следовали за ним. Остров над ними бросал на них бледную тень, которая скоро станет гуще, когда ночь, приносящая луну, покроет эту часть планеты. Илманиры, мужчины и женщины, продолжали спускаться с летающего острова через отверстия на дне. Другие, поддерживаемые пучками пузырей, тушили пожар на его днище. Они пользовались странными предметами, которые при сжатии выпускали струи воды.

—Они живые, кроткие существа,—сказала Вала.—Амфибии. Они путешествуют по суше, выбрасывая струи воды, передвигаясь толчками.

Вольф переключил лучемет на полную мощность. Всякий раз, когда они проходили мимо каната, прикрученного к дереву или каменному якорю, он перерезал канат. Трижды они наталкивались на абуталов и он переключал свой лучемет на полную мощность. К тому моменту, когда они оказались в нескольких ярдах от деревни, было перерезано сорок канатов и убито двадцать мужчин и женщин.

—Счастье для нас, что ты прибыл вовремя,—сказала Вала.—Думаю, что мы бы не смогли справиться с ними, без тебя.

Вольф вздрогнул. Он извлек заряд лучемета и сунул в ствол другой. У него осталось еще шесть цилиндриков, и если дело будет продолжаться так же дальше, то скоро он останется без них. Но делать нечего, сберечь их было невозможно.

Деревня была окружена со стороны суши абуталами, их было

примерно девяносто человек. Очевидно те, которые остались в деревне, были заняты тушением пожаров. Однако, им больше не нужно было беспокоиться об атаке непосредственно сверху. На остров илманиров подействовало то, что было обрезано очень много канатов. Он скользнул по ветру на четверть мили и только из-за сотни других веревок и якорей, которыми они пользовались, еще держался за поверхность острова.

Вольф срезал лучеметом группу офицеров, стоявших на вершине единственного ближайшего к деревне холма.

Един абуталы стали понимать, что происходит. Половина оставила осаду, чтобы окружить холм. Местность ошетилилась копьями и стрелами. Властелины были в зоне поражения концентрированного залпа стрел, но они находились под защитой группы из четырех белых каменных идолов на холме.

Вала сказала:

—Теперь они перешли к обороне и если не поняли этого пока, то скоро узнают. И это скоро будет хорошо для нас. Возможно...

Она молчала некоторое время, пока Вольф расправлялся с тремя мужчинами, бежавшими по впадине на холме. Потом он сказал:

—Что возможно?

—Наш любимый отец оставил здесь для нас весточку. Он сообщил нам кое-что из того, что нам нужно сделать, чтобы найти «врата», которые ведут к нему. Их нет на этом острове. Он сообщил, что есть пара «врат» на другом острове, но где именно он не указал. Нам нужно будет самим их найти, поэтому я думаю...

Послышался рев абуталов и передовые отряды бросились на холм. Стрелки создали укрытие залпом из, по крайней мере, тридцати луков. Вала и Ринтрах укрылись за идолом, как им велел Вольф. Как бы сильно он не желал, он не мог не расходовать заряды и он был вынужден сделать это.

Он переключил лучемет на полную мощность и выстрелил по головам первых рядов. От растительности и от тел поднялся дым, когда он описывал круг ослепительно белым лучом. Стрелкам пришлось обнаружить себя, чтобы обеспечить прицельность стрельбы, и поэтому большинство упало сраженными.

Стрелы засвистели вокруг Вольфа, отскакивая от каменных идолов. Одна ударила его в плечо, другая рикошетом от камня пролетела между его ног. Потом стрел не было. Абуталы во вторых рядах, увидели сморщенные тела и почуяв запах горелого мяса, дрогнули. Вольф направил луч на них, и они бросились в джунгли.

—Что ты думаешь?—спросил он Валу.

—Мы можем искать тысячи лет, используя этот остров как корабль, и не найти острова, на котором находятся эти врата. Возможно, такова и была цель нашего отца. Он будет наслаждаться, видя бесполезные наши поиски, наслаждаться нашим отчаянием, разногласиями и убийствами, которые возникнут между нами за столь долгий срок. Но если бы мы были на Абуте, который даст нам возможность не только передвигаться быстрее, но и видеть гораздо больше с высоты...

—Прекрасная мысль!—сказал Вольф.—А как уговорить абуталов позволить нам сопровождать их? И где гарантия того, что они не набросятся на нас при первой же возможности?

—Ты совсем забыл о своей младшей сестре. Как мог ты,—единственный из всех, кто любил меня, не помнить какой убедительной я могу быть?

Она встала и закричала в сторону безлюдных на первый взгляд джунглей. Некоторое время ответа не было. Она повторила. Вскоре из-за фронды вышел офицер. Это был высокий, хорошо сложенный человек, старше тридцати лет, красивый, несмотря на круги, навешенные у него на лице. Кроме черных полос вниз по шее и плечам он был украшен, нарисованной на груди морской птицей—инфтар. Он служил знаком командира планерных войск. Позади него стояла его жена, одетая в короткую юбку из птичьих перьев красного и синего цвета, ее рыжие волосы были закручены, лицо выкрашено красными с белыми ромбами, вокруг шеи висело ожерелье из костей пальцев, поперек груди был нарисован инфтара и вокруг пупка три концентрических окружности, малинового, черного и желтого цветов. По обычаю абуталов, она сопровождала своего мужа в бой. Если он умирал, ее долгом было атаковать его убийц, пока она не убьет их или не погибнет сама.

Оба приблизились в холму, пока Вольф не приказал им остановиться. Вала начала говорить и мужчина заулыбался. Его жена, однако, внимательно следила за Валою во время этого разговора.

Глава IV

Лугарн, офицер, капитулировал только тогда, когда были согласованы определенные условия. Отказался он покинуть остров, пока не получит по крайней мере то, что намеревался захватить Илманир, начиная атаку. Вала, не колебалась и обещала ему, что военными трофеями будут домашняя птица и животные (морские крысы и молодые тюлени) защитников. Кроме того, абуталы могут изуродовать трупы своих врагов и снять с них скальпы.

Островитяне плавучего острова, который назывался Фринкан, возражали, когда слышали эти условия. Тогда Вольф сказал их вождям, что если они не примут условия—война будет продолжаться. И он, Вольф, не станет на их сторону. Конечно, они ответили, что сделают так, как он хочет. Абуталы отняли у жителей деревни все, что сочли ценным и нужным.

Другие Властелины—Лувах, Эньюн, Аристон, Тарма, Паламброн—были в деревне, когда началась атака. Они очень удивились, увидев Вольфа, и не могли скрыть зависти к его лучемету. Только Лувах оказался рад видеть его. Лувах, самый низкорослый из всех, имел песочного цвета волосы и красивые черты лица, за исключением широкого и пухлого рта. Его глаза были темно-голубыми, по переносице бежали дорожки веснушек. Он обнял Вольфа, крепко сжал и даже чуть не всплакнул. Вольф разрешил ему обнять себя, потому что верил—Лувах не воспользуется возможностью заколоть

его. Когда они были детьми, то крепко дружили, имели много общего, будучи оба фантазерами, склонными позволять другим думать и делать, что те хотят. Фактически Лувах никогда не принимал участия в смертельных играх Властелинов, пытавшихся лишить других собственности или убить.

—Как нашему отцу удалось выманить тебя из твоего мира? Ты там был счастлив и в безопасности,—сказал Вольф.

Лувах криво усмехнулся и сказал:

—Я мог бы спросить тебя о том же. Возможно, он проделал тот же трюк и с тобой, как со мной. Он прислал посыльного—сверкающую Гексакулум, она поведала, что послана тобой. Ты хотел, чтобы я навещил тебя, потому что ты страдаешь от одиночества и хочешь повидать своего единственного родственника, не жаждущего твоей гибели. Поэтому я, приняв, как я думал, необходимые предосторожности, покинул свою планету. Я вошел, как считал, в твои врата и очутился на этом острове.

Вольф покачал головой и заметил:

—Ты всегда был слишком стремительным, брат, слишком опрометчивым. И все же я преисполнен уважения к тебе, как к человеку, пренебрегшему собственной безопасностью, чтобы навещать меня. Только...

—Только мне бы следовало быть осмотрительным и увериться, что посыльный прибыл действительно от тебя. В другое время я так бы и сделал. Но в тот момент, когда появилась Гексакулум, мои мысли были полны тобой, я скучал по тебе. Даже мы, Властелины, имеем слабости, ты же знаешь.

Вольф некоторое время молчал, наблюдая, как ликующие Илманиры волокут домашнюю птицу, животных, награбленные ожерелья и кольца из морских нефритов. Потом произнес:

—Мы, безусловно, в отчаянном положении. И наибольшую опасность представляет отец. Но почти равная, смертельная угроза нависла и над теми, кто стал нашими союзниками. Данное ими слово, не оставляет обязанности присматривать за ними. Я предлагаю тебе взаимную поддержку, мы будем спать и бодрствовать поочередно.

Лувах вновь усмехнулся:

—Однако во сне ты не забудешь держать один глаз приоткрытым, чтобы следить за мной, а, брат?

Вольф нахмурился и Лувах поспешно продолжал:

—Не сердись, Джадавин. Нам с тобой удалось прожить так долго, лишь потому что мы не утрачивали взаимного доверия, причем поступали так с самыми благими намерениями. Подумать только, ведь было время, когда все мы, двоюродные братья и сестры, жили, учились и играли вместе, благословенные невинностью взаимной любви. Теперь же мы словно злые волки, готовые перегрызть друг другу глотки. А почему, спрашивается? Я скажу тебе. Потому что Властелины сумасшедшие. Они считают себя богами, тогда как в действительности они самые обыкновенные люди, не лучше вот этих дикарей. Только нам посчастливилось быть наследниками могущественной науки и техники, достижением которой

мы пользуемся, не понимая ее законов. Подобно злым детям мы забавляемся игрушками, способными создавать и разрушать целые миры. Великие и мудрые люди, придумавшие эти «игрушки», давно почили, знание их обратилось в прах и лишь технология, унаследованная у космических государств, продолжает существовать, используемая только для утех и насыщения алчности.

—Мне все это хорошо известно, брат,—согласился Вольф,—возможно даже лучше чем тебе, поскольку было время, когда я сам наслаждался эгоизмом и пороками. Мне многое пришлось пережить, когда-нибудь я расскажу тебе—и собственный горький опыт пробудил во мне человеческую сущность, которую, надеюсь, ты сможешь оценить.

Илманиры спустили с Абуты огромные лестницы, увлекаемые вниз тяжелым грузом. Награбленное добро привязали к направляющим веревкам и подняли через отверстия в донной части острова. Так же подняли и те планеры, которые еще можно было починить. Вольф расположился в упряжке, прикрепленной к паре пузырей; двигаясь вверх, он держал лучемер наготове, поскольку отдавал себе отчет, что находится во власти абуталов, и те вполне были воодушевлены успехом. Но, как ни странно, никто не проявил враждебности. Он прошел через отверстие, две ухмыляющиеся женщины подхватили его. Они оттащили его в сторону и сняли упряжь. Затем унесли пузыри и бросили в самом дальнем углу.

Когда подняли всех Властелинов, Лугарн со своей женой Ситаз отвели своих союзников в верхнюю часть острова. Ступени, изготовленные из весьма тонкого и легкого материала, но очень прочные, представляли собой уплотненную оболочку газовых пузырей. На Абуте, где газ считался жизненно важным, все делалось как можно более легким. Это повлияло даже на разговорный язык, как заметил потом Вольф. В целом их речь отличалась от основного запаса предков незначительно, но фонетически язык претерпел некоторые изменения. Кроме того, появились новые слова, уточняющие понятия связанные с весом, формой, гибкостью, размерами, вертикальным и горизонтальным направлениями движений.

Лестничный колодец представлял собой цилиндр, вырезанный в сплетении корней. Поднявшись по нему, Вольф очутился в своего рода амфитеатре. Полom просторного помещения служили широкие полосы оболочек пузырей, а покатые стены и потолок были огромными пузырями, связанные корнями. На обширной палубе находилось только одно общественное здание с крышей, покрытой тростником, а также длинная скрытая со всех сторон постройка, предназначенная для увеселений. В доме имелись плоские камни, на которых каждая семья готовила пищу. В проходах копошилась домашняя птица, бегали морские крысы, а в дюймовой глубине пруда, около центра, играли тюлени, которых разводили на мясо. Ситаз, жена вождя, отвела новоприбывших в предназначенное для них помещение. Комнаты в виде небольших кабинок были вырезаны в корнях, а полом и стенами служили все те же оболочки пузырей. Двери заменяли вырезанные в полу отверстия, куда поднима-

лись с помощью складных лестниц. Свет проникал через единственный иллюминатор: для освещения также использовались лампы, заправленные рыбьим жиром. Места едва хватало, чтобы сделать два шага в сторону и два шага в другую. В качестве кроватей использовались ниши в стенах, по форме напоминающие гроты, заставленные матрасами из перьев, набитых в рыбью кожу. Большая часть дневной и ночной деятельности проходила на «Главной палубе». Уединяться было негде, кроме капитанского мостика.

Вольф ожидал, что абуталы тотчас же отплывут, подняв якоря. Однако Лугарн сказал, что им придется некоторое время подождать. Во-первых, острову необходима большая высота, чтобы лететь над открытым морем. А бактериям, вырабатывающим газ в пузырях потребуется, даже при усиленной подкормке, самое меньшее два дня, чтобы наполнить пузыри, иначе полет не будет безопасным.

Во-вторых, в сражении абуталы понесли огромные потери; людей явно не хватало, чтобы эффективно управлять островом, поэтому Лугарн предложил последовать древнему обычаю и пополнить команду вербовкой фринканов. Убедившись, что гости благополучно разместились, Лугарн вернулся на поверхность. Вольф с любопытством последовал за ним. Вала так же настояла на своем участии, хотя служило ли ее желание удовлетворению прихоти или она собиралась не спускать с него глаз—этого Вольф не знал. Возможно, это решение было продиктовано и тем и другим. Лугарн объяснил вождю фринканов, что от него требуется. Вождь удрученно махнул рукой, давая понять, что ему все равно. Лугарн собрал выживших и огласил свое предложение. К удивлению Вольфа многие пожелали стать добровольцами. Вала сказала, что эти два народа были заклятыми врагами, но сейчас фринканы ослаблены и, кроме того, молодежь привлекала романтика жизни на летающем острове.

Лугарн осмотрел добровольцев и выбрал тех, кто проявил себя во время битвы. В первую очередь он старался взять женщин, особенно с детьми. Последовала церемония ритуальной пытки, заключающаяся в прижигании паха кандидата или кандидатки. Обычно захваченного противника пытали до смерти, если он не проявил должной стойкости и смелости. Потом его могли принять в племя.

В крайнем случае, как сейчас,—пытали символически.

Позднее, когда остров отплывет, новобранцы пройдут церемонии, в которой каждый смешает свою кровь с кровью илманиров. Это предотвратит месть со стороны земных жителей, поскольку кровное братство считается священным.

—Есть и другая причина, обусловленная время от времени пополнять команду,—сказал Вала.—Абуталы—и земные, и воздушные островитяне—склонны к инцесту. Поэтому-то обычай и предписывает принимать в племя пленников.

Вала была теперь очень дружелюбной с Вольфом и настаивала на том, чтобы проводить с ним все время. Она даже стала снова называть его Уивкрат—термин Властелинов, означающий «дорогой». Она опиралась на его руку всякий раз, когда представлялась возможность и однажды даже легонько поцеловала его в щеку. Вольф

не ответил на ласку. Даже теперь, пятьсот лет спустя, он не забыл, что когда-то они были любовниками, и она пыталась убить его.

Вольф отправился к «вратам», через которые вошел. Вала увязалась следом. На ее вопросы он ответил, что хочет еще разок поговорить с Теоторионом.

—С этой морской жабой? Чего ради? Что он может знать?

—Посмотрим.

Они приближались к вратам. Теоториона не было видно. Вольф прошелся по краю острова, чувствуя как то тут, то там земля проседает под ним. Видимо, пузыри здесь были не такими полными.

—Сколько таких островов имеется на планете и каков их максимальный размер?—спросил он.

—Не знаю. За время, что я здесь, мы видели два, фринканы говорят, что таких островов множество. Они упоминали еще о матери островах, самом большом острове, имеющем, если верить слухам, огромные размеры. Все остальные летающие острова приблизительно одного размера. Слушай, зачем нам говорить об этих скучных материях? Разве нам нечего вспомнить?

—Что же?—осведомился Вольф.

Она повернулась к нему, приблизив лицо так, что поднятые губы чуть не коснулись его подбородка.

—Почему бы не забыть прошлое? В конце концов прошло так много времени, мы были тогда так молоды и глупы.

—Сомневаюсь, чтобы ты сильно изменилась.

Вала улыбнулась.

—Почему ты так уверен? Как доказать тебе, что теперь я другая.

Она обняла его и положила голову на грудь.

—Кое в чем я действительно стала другой. Но ведь я любила тебя когда-то и теперь, когда я вижу тебя снова, то понимаю, что никогда не переставала любить тебя.

—Даже тогда, когда попыталась убить меня в моей постели?—спросил он.

—Ах это, дорогой мой, я была уверена, что ты изменяешь мне с противной и хитрой Алаградой. Я думала, что ты предал меня. Можно ли бранить женщину, которая сходила с ума от ревности? Ты ведь знаешь, какая я собственница.

—Даже слишком хорошо,—Вольф оттолкнул ее и добавил:—еще ребенком ты была эгоисткой. Эгоистичны все Властелины, но ты своего рода уникам, чего я тогда в тебе нашел?

—Ах мерзавец!—воскликнула она.—Ты любил меня, потому что я—Вала. Вот и все.

Вольф покачал головой.

—Возможно, когда-то так и было. Но теперь прошло. И никогда не повторится.

—Ты любишь другую? Я знаю ее? Это случаем не Анана, не моя ли глупая и кровожадная сестра?

—Нет!—отрезал Вольф.—Анана кровожадна, но не глупа. Ведь она не попала в ловушку Уризена. Кстати, почему я не вижу ее здесь? Или с ней что-нибудь случилось? Она умерла?

Вала пожала плечами и отвернулась.

—Понятия не имею. Но твоё беспокойство доказывает, что ты её любишь. Анана! Кто бы мог подумать!

Вольф не пытался убедить её в обратном. Он считал неразумным упоминать о Хрисенде, пусть даже Вала никогда с ней не встречалась. Не стоило рисковать.

Вала повернулась и спросила:

—А что случилось с твоей девицей-землянкой?

—Какой землянкой?—переспросил он ошеломленный её злобой.

—Как какой?—скривилась Вала.—Я имею ввиду эту,—Хрисенду, смертную, ту, что ты привез с Земли около двух с половиной столетий назад из района Земли, под названием Троя или что-то подобное. Ты сделал её бессмертной и она стала твоей возлюбленной.

—Как и несколько тысяч ей подобных,—заметил он.—Почему именно она привлекла твоё внимание?

—Не спорь, я всё знаю, ты и впрямь стал вырождением, мой брат Вольф-Джадавин.

—Тебе даже известно моё земное имя—имя, которым я предпочитаю называться? А как много ты ещё знаешь? И почему тебя это так интересует?

—Просто я всегда отличалась любопытством по отношению к Властелинам,—усмехнулась Вала,—вот почему я и остаюсь так долго в живых.

—А не подскажешь ли ты, отчего умерло так много других?

Её голос снова стал нежным и она улыбнулась.

—Нам нет причин ссориться. Почему бы не оставить прошлое в прошлом?

—Ссориться? О, нет! Что прошло, то прошло, если только оно действительно было, и только вот Властелины никогда не помнят хорошего и не забывают обид. И до тех пор, пока ты не убедишь меня в ином, я буду считать тебя прежней Валою. Такой же прекрасной, может даже более прекрасной, чем раньше, но с чёрной гнилой душой.

Она попыталась улыбнуться.

—Ты всегда был слишком резок. Может, поэтому я и любила тебя. И как мужчина ты был лучше других, ты был самым великим из моих любовников.

Она ждала, что он вернёт ей комплимент, но вместо этого он ей сказал:

—Любовь—вот, что творит любовников, и я тебя любил. Но всё в прошлом.

Вольф повернулся и вновь зашагал по краю берега. Вала следовала за ним на расстоянии двадцати футов. Почва местами прогибалась под его ступнями. Он замедлил шаг чтобы Вала догнала его, и сказал:

—На дне должно быть много пещер, как можно вызвать Теотриона?

—Никак, а пещер действительно много. Иногда погибает целая группа пузырей—по болезни или от старости, или их съедают ры-

бы, которым они приходится по вкусу. Тогда образуется каверна, хотя постепенно она заполняется новыми растениями.

Вольф отложил сведения в уголок памяти, если дела пойдут плохо, то человек всегда сможет найти укрытие под островом. Вала, очевидно, догадалась о его мыслях—дар, который поражал его, когда они были дружны—поскольку заметила:

—Я бы туда ни за что не отправилась: вода кишит рыбами-людоедами.

—Как справляется Теоторион?

—Не знаю. Вероятно, он превосходит их силой и быстротой. В конце концов он приспособился к такой жизни, если это можно назвать жизнью.

Вольф решил махнуть рукой на Теоториона. Он направился назад, в джунгли. Вала шла следом. Теперь он позволил ей идти сзади. Она слишком нуждалась в нем, чтобы покушаться на его жизнь.

Он прошел всего несколько ярдов, когда был сбит с ног ударом сзади. Сначала он подумал, что Вала все-таки прыгнула на него. Он откатился, стараясь одновременно выхватить из кобуры луче-мет, и только тогда увидел, что сбит другим. Огромное, блестящее тело Теоториона летело на него. Жирная туша навалилась на него и дыхание Вольфа прервалось от тяжести четырехсот фунтов. Потом Теоторион уселся на нем и стал жестоко бить лапами по лицу. Первый удар привел Вольфа в полубессознательное состояние, второй вверх его в темноту.

Глава V

Хотя Вольф и лишился на несколько мгновений чувств, он, видимо, даже в бессознательном состоянии продолжал бороться. Вытащив обе руки из-под навалившейся туши, он схватил ласты. Какими бы они не были скользкими, их удалось зажать. Способность мыслить ясно вернулась к Вольфу в тот момент, когда он в ярости сдвинул ласты так, что Теоторион завопил от боли и поднялся. Этого было достаточно; Вольф пнул противника в толстый живот и частично освободился.

Поднявшись на ноги, Вольф еще раз ударил ногой в самую чувствительную часть туловища чудища—в голову. Теоторион схватился за лоб и откинулся назад. Вольф двинул ему в челюсть, потом еще раз пнул его в живот. Зеленые как мох глаза потускнели, лягушачьи ноги подогнулись и Теоторион рухнул на землю.

Однако он не потерял сознания, и когда Вольф приблизился чтобы завершить дело, Теоторион ударил его громадной ступней. Вольф перехватил ступню, и таким образом блокировал удар, но все же его отбросило назад. Теоторион вскочил, прыгнул и снова прыгнул вперед. Вольф также бросился на противника, выставя правое колено. Удар пришелся Теоториону в подбородок и оба снова упали на землю. Вольф поднялся, нащупывая луче-мет, но не обнаружил его в кобуре. Теоторион тоже поднялся, оба противника стояли лицом друг к другу, только теперь ощущая боль.

Благодаря особым средствам, естественная сила Вольфа была увеличена вдвое и его кости окрепли, не став хрупкими, чтобы соответствовать возросшей мускульной силе. Однако подобный подготовительный курс прошли все Властелины, так что борясь друг с другом, они обладали примерно одинаковой мощью. Теоторион, чье тело переделал Уризен, весил теперь по крайней мере на сто шестьдесят футов больше брата. Но Уризен, очевидно, не намного увеличил силу Теоториона, так как Вольф еще держался в схватке. Хотя вес, конечно, имеет большое значение в борьбе и Вольфу следовало держаться настороже, чтобы не дать братцу воспользоваться этим преимуществом.

Теоторион, отдышавшись, рывкнул:

—Я из тебя еще выколочу дух, Джадавин! А затем нырну в море, отташу в пещеру и буду держать там, скормливая своим любимцам.

Вольф огляделся. Вала стоял поодаль, странно улыбаясь. Он не стал тратить силы и время, прося ее о помощи. Подпрыгнув в воздухе, Вольф ударил Теоториона обеими ногами. Урод на мгновение замер, потом присел. Именно на это Вольф и рассчитывал. Он провел удар снизу, но Теоторион оказался весьма проворен. Скользя ботинками по спине чудовища, Вольф перелетел на другую сторону, и тот час же развернулся. Теоторион прыгнул, надеясь смять его, но был остановлен ударом в челюсть. Для большей уверенности Вольф врезал ему пару раз по ребрам.

Вала заплодировала:

—Хвалю, хвалю, не даром я любила такого мужчину и все еще люблю...

На этот раз Теоторион не поднялся, он лежал шумно сопя разможенным носом. Теплый, котиковый мех пропитался кровью, сочившейся из разбитых губ и сломанной челюсти.

—Почему же ты не помогла мне?—поинтересовался Вольф.

—В этом не было нужды. Я и так не сомневалась, что ты выбьешь из этого болтливого мешка все его жабыи мозги.

Вольф тщетно искал в траве лучемет. Вала, продолжая стоять на месте, спросила:

—Почему ты не воспользовался ножом?

—Не стоило, мне он нужен живой, мы возьмем его с собой.

Глаза ее широко раскрылись.

—Во имя Лоса, зачем?

—Нам могут понадобиться кое-какие его способности.

Теоторион застонал и сел. Вольф, не спуская с него глаз, продолжал поиски. Наконец он повернулся к Вале.

Вала пошарила в одежде и вытащила лучемет.

—Я ведь могу тебя убить.

—Ну что ж, стреляй, только не морочь мне голову пустой болтовней. Меня не напугаешь.

—Ах так! Держись!—она в ярости подняла лучемет. На какое-то мгновение Вольф решил, что слишком раздражил ее. Ведь отличаясь болезненным самолюбием и отменной реакцией, Властелины редко спускают оскорбления.

Но Вала нацелила оружие на Теоториона и белый луч коснулся конца ласты. Заклубился дым, засмердила горящая плоть. Теоторион рухнул наземь, испустив вопль, глаза его налились кровью.

Вала с улыбкой опустила лучемер и вручила его Вольфу.

Тот выругался и заметил:

—Для стрельбы не было никакой причины, кроме твоей злобы, Вала. Злобы и глупости. Я же сказал тебе, что он мог бы стать спасением для нас во многих вопросах жизни и смерти.

Вала медленно прошла по влажной траве и наклонилась осмотреть Теоториона. Подняв ласту с обугленным концом—заметила:

—Он жив... пока. Его еще можно спасти, если так хочешь. Но ласту придется ампутировать по плечо.

Вольф молча повернулся и отправился звать илманиров, чтобы они помогли перенести Теоториона на летающий остров.

С помощью четырех пузырей это было сделано. Там его уложили на полу Брига. Это была клетка с очень легкими, но крепкими как сталь прутьями из расщепленных оболочек пузырей. Вольф принялся за операцию. Силой влив лекарство, которое дал илманир-лекарь, в горло Теоториона, Вольф осмотрел хирургический инструмент. Он принадлежал колдуну, который заботился как о физическом, так и о духовном благоденствии жителей острова.

Воспользовавшись пилой из акулородной рыбы, Вольф отпилил ласт чуть ниже плеча. Плоть расчленилась легко, но вот чтобы перепилить кость потребовалось дважды менять зубья. Затем шаман прижал к культе горящий факел, чтобы закупорить кровоточащие сосуды, и наложил на ожог целебную мазь, уверяя Вольфа, что, чудодейственное средство помогало и вовсе обгорелым.

Вала наблюдала за ампутацией с легкой усмешкой. И когда Вольф на секунду оторвавшись от работы, встретился с ней взглядом, рассмеялась. Он пожал плечами. Прекрасный чарующий смех напомнил ему звуки гонга, слышанные им некогда на реке Гизирит, во время путешествия по стране Ханшем на третьем этаже своей вселенной. В них так же звучали золотистые нотки, а это единственное, с чем можно сравнить, вероятно, из бронзы изготовленный гонг, который звенел в темной алитуше древних развалин храма из нефрита или халцедона. Звук его отдавался в камнях и зарослях джунглей. Гонг был бронзовым, но набат его звучал золотом. И вот так же звенел смех Вала—бронзово и золотисто—полный потасного и темного чувства.

Она сказала:

—Он никогда не отрастит себе новый ласт, ты ведь знаешь, что если постоянно не счищать струппа, ткань зарубцовывается и не регенерирует.

—Вот это уже твоя забота,—отрезал он.—Все, что могла, ты уже сделала.

Вала фыркнула и поднялась по винтовой лестнице на главную палубу. Вольф выждал некоторое время и, убедившись, что Теоторион не умер, последовал за ней. Там обучали обязанностям принятых в племя фринканов, и Вольф заинтересовался. Он спросил

Лугарна, чем питаются огромные газовые растения, ибо ему показалось, что корм должен иметь гигантский вес. А на летающем острове было по крайней мере тысяча пузырей, каждый из которых—размером с газовую камеру цеппелина.

—Растущий пузырь действительно надо кормить,—привылся объяснять Лугарн. Но когда растение созреет, пузырь отмирает. Его оболочка становится сухой и твердой и ее специально обрабатывают, чтобы сохранить гибкость и способность растягиваться. Внутри же помещают новые колонии газовойрабатывающих бактерий. Им тоже нужна пища, но в весьма незначительном количестве, а газа—вырабатывают много. На корм им идет, главным образом, сердцевина растений, хотя они могут питаться и рыбой, и мясом, и гнилью.

Некоторое время спустя Лугарн оставил его, сославшись на занятость. Лунные сумерки кончились и вернулся полный дневной свет. Остров с силой натягивал веревки. Наконец Лугарн решил, что грузоподъемность достаточна и пора отправляться в путь. Каменные якоря подняли, веревки, закрепленные на фрондах, обрубили. Медленно поднимаясь, остров проплыл над полуразрушенной деревней. Некоторое время он оставался на высоте ста пятидесяти футов. Потом, по мере того, как газ продолжал наполнять пузыри, поднялся до пятисот футов. Лугарн приказал уменьшить подачу пищи бактериям и отправился на обход острова. Осмотр занял у него несколько часов, после чего он вернулся на мостик.

Вольф опустился посмотреть, как чувствует себя Теоторион. Колдун доложил, что самочувствие пациента хорошее, даже лучше, чем можно было бы ожидать.

Вольф поднялся по лестнице на вершину стен. Здесь он обнаружил Луваха и одного из кузенов, Паламброна—прекрасно сложенного красавца, самого темного в семье. Его конусообразную шляпу с шестиугольным ободком украшали изумрудно-зеленые совы. Черная мантия со стоячим воротником и эполетами в форме львиных лап была сделана из зеленой мерцающей ткани с узором трилиотина, пронзенного окровавленным копьем. Рубашку цвета электрик украшала отделка из канта с белыми черепами. Большой кожаный пояс был отделан золотом и украшен бриллиантами, изумрудами и топазами. Мешковатые брюки—с белыми и черными полосами. На ногах надеты ботинки из мягкой кожи красного цвета.

Паламброн был исключительным красавцем, о чем и сам хорошо знал. Он кивнул в ответ на приветствие Вольфа, и ушел. Тот глядел ему вслед, усмехаясь:

—Паламброн никогда не питал ко мне нежных чувств. Я бы встревожился, если бы он вдруг изменил свое отношение ко мне.

—Пока мы на летающем острове, можно не беспокоиться,—заметил Лувах.—По крайней мере, если поиск не слишком затянется. Хотел бы я знать, как долго он продлится. Так можно вечно летать над этим морем и никогда не наткнуться на врата.

Вольф посмотрел на красное небо, сине-зеленую воду и островок, который они покинули—кусочек дрейфующей суши, с высоты кажущейся не больше монетки. Чуть поодаль кружили белые пти-

цы с огромными крыльями, желтыми кривыми клювами и оранжевыми круглыми глазами. Одна из них с резким криком опустилась рядом с тем местом, где они стояли, подняла голову и уставилась на них немигающими глазами. Вольфу вспомнились вороны собственного мира. Есть ли у этих птиц хоть капля разума? Следили ли они и подслушивали для Уризена? У отца наверняка имелись способы наблюдения за ними, иначе бы он не получил бы полного удовлетворения от этой игры.

Лугарн сказал мне, что Абута следует всегда одним и тем же курсом. Ветер здесь постоянный и он гонит остров вокруг водного мира по спиральной орбите. Так что в конечном счете полет острова охватывает всю поверхность планеты.

—Но остров, на котором находятся врата, так же движется. Что если наши курсы никогда не пересекутся?

Вольф пожал плечами.

—Тогда мы не найдем его.

—Этого-то Уризен и добивается. Вот уже он порадует, когда увидит, как все мы свихнемся тут от безделья, и перегрызем друг другу глотки.

—Вполне вероятно. Однако курсом Абуты можно управлять. Поиски, конечно, потребуют времени, но шанс есть. Вот только...

Вольф умолк и молчал так долго, что Лувах забеспокоился.

—Что «только»?

—Наш добрый отец поселил не только людей, я имею в виду не рыб, животных, птиц. Так что следует ожидать, что некоторые водные и воздушные острова населены злобными существами.

Снизу раздался голос Валы, сзывающей на обед. Собеседники спустились и расположились за столом вождя. Лугарн рассказал о своих планах. Он намеревался изменить курс Абуты, поскольку где-то на юго-западе дрейфовал еще один остров, которым правил его злейший враг Ваериш. Теперь, когда на Илманире находится Вольф с лучеметом, они без труда разделяются с ними. Победа покрест Илманир славой, Ваериша навсегда похоронят в океане.

Вольф не стал возражать. Он только надеялся, что Ваериша не найдут, поскольку хотел сберечь заряды для более важных дел.

Ярко-красные дни и бледно-розовые ночи тянулись однообразно. Лишь первое время для Вольфа нашлось занятие. Он разузнал все, что смог, об управлении Абутой. Тщательно изучил нравы племени и характер каждого ее члена. Другие Властелины, за исключением Валы, не интересовались подобными вещами. Большую часть времени они проводили слоняясь по носовой части, высматривая остров, на котором располагались врата Уризена. Он вечно сетовали на судьбу, изливая душу то абуталам, то друг другу, и постепенно задирались, правда, не доводя дело до дуэли.

По мере того, как проходили дни, Вольф все больше проникался к ним отвращением. Они явно не стоили того, чтобы спасти их, все—за исключением, пожалуй, Луваха. Высокомерие Властелинов к тому же раздражало абуталов. Вольф неоднократно напоминал собратьям, что их жизнь зависит от островитян. Стоит только раз-

гореться антагонизму—и пришельцев тут же выбросят за борт. Сначала к его советам прислушивались, но прошло время и тысячелетняя вера в свою богоподобность вновь овладела Властелинами.

Вольф целые дни проводил на мостике с Лугарном, считая необходимым хоть как-то разряжать напряженность, бездумно создаваемую его братьями и кузенами. Он также посещал занятия по планеризму, поскольку человек, не владеющий крыльями, не мог рассчитывать на уважение со стороны абуталов. Вольф как-то спросил Лугарна, почему это так, поскольку считал сам планеры пустой тратой времени.

Вопрос удивил Лугарна. Вождь отыскал слова и сказал:

—Почему?... Просто потому, что так и есть. Ни один мужчина не станет мужчиной пока не совершит взлет и посадку. А уж говорить, что планеры не стоят хлопот!... Нет, ты тут заблуждаешься. Подождите, вот придет день, когда мы встретимся с врагом, и тогда все вы возьмете свои слова обратно.

На следующий день Вольф совершил пробный полет. Они с Лугарном сели в тренировочный планер и два пузыря подняли его вверх, пока Абута не превратилась в крошечный овал. На этой высоте ветер дул сильнее и они на несколько миль обогнали остров. Лугарн, выступавший в роли инструктора, отцепил подъемный механизм. Пузыри потянулись вниз на Абуту тонкой, но крепкой веревкой—чтобы их снова использовать.

Будучи Джадавином, Вольф имел представления о различных типах летательных аппаратов. На Земле он получил лицензию, разрешающую ему пилотировать одномоторный самолет. Он уже давненько не летал, но старые навыки не забылись. Когда планер начал спускаться по спирали, Лугарн передал ему рычаг управления. Потом похлопал Вольфа по плечу, одобительно кивнул и вновь взялся за штурвал. Машина шла по ветру, слегка отклоняясь в сторону, и в последний момент приземлилась на широкой палубе.

Вольф совершил еще пять тренировочных вылетов, причем два последних с самостоятельной посадкой. На четвертый день он поднялся в воздух один, Лугарн был поражен: ведь большинству новичков требовалось вдвое больше времени. Вольф поинтересовался, что будет, если выполняющий самостоятельный полет ученик не сможет посадить самолет на Абуту. Как островитяне подбирают его?

Лугарн улыбнулся, поднял руки ладонями вверх и сказал, что неудачника оставляют на волю судьбы. Больше на эту тему не говорили. Но перед первым самостоятельным полетом Лугарн просил Вольфа оставить лучемер на Абуте. Вольф передал оружие на хранение Луваху, поскольку не думал, что тот употребит его во зло.

Во всяком случае вероятность была намного меньше, чем если довериться кому-нибудь другому.

Лугарн также выразил желание побрататься с ним. Услышав об этом, другие Властелины принялись глумиться.

—Неужели Джадавин, сын Уризена, прямой потомок самого Лоса, станет братом вождя раскрашенных дикарей? Неужели нет у тебя гордости, брат?

—Не вам говорить о братстве,—ответил он.—Эти люди по крайней мере не пытались меня убить—чего нельзя сказать о вас, если не считать Луваха. И не вам презирать их, ведь они хозяева собственного мира, тогда как вы—скитальцы, попавшие в ловушку, как безмозглые гуси. Так что не спешите кичиться, а лучше постарайтесь подружиться с островитянами. Может случится так, что их расположение вам очень понадобится.

Теоторион, прижимая к груди полуотросший ласт, сидя на корточках в мелком бассейне, воскликнул:

—Проклятие вам всем! Уризен в конце концов захлопнет ловушку и будет долго наслаждаться вашими воплями. Но вот что я скажу о Джадавине. Он—настоящий мужчина, не то что вы. И я желаю ему удачи. Пусть он доберется до нашего любимого папочки и отомстит, а вы—сдохнете.

—Закрой свой безобразный рот, ты, жаба!—закричал Аристон.—У меня спазмы в желудке, когда я тебя вижу. а уж слушать тебя,—не дай бог! О, как бы мне хотелось очутиться в своем мире и видеть тебя, закованного в цепи у моих ног. Я быстро бы заставил тебя молить о пощаде, мерзкое животное. А потом бы скормил твою жирную тушу своим любимым псам. О, мои прекрасные любимцы!..

—Размечтался!—съявил Теоторион.—Погоди, как-нибудь ночью я сброшу тебя с этого острова. Вот уж я посмеюсь, глядя как ты будешь молотить кулаками воздух, летя вниз!

—Довольно детских пререканий!—оборвала Вала.—Разве вы не знаете, что любая ссора меж нас восторгает отца?! Он порадуетса от души, если вы растерзаете друг друга на куски.

—Вала права!—заметил Вольф.—Вы называете себя Властелинами, творцами. правителями всех миров. Однако ведете себя как избалованные злые дети. Даже если вы в немалой степени ненавидите друг друга, помните, что тот, кто научил вас этой ненависти и возвел на эшафот, жив. А он должен умереть. Даже если нам придется погибнуть, чтобы убедиться в его смерти. Так что потрудитесь жить, как подобает Властелинам, и достойно встретить конец.

Неожиданно Аристон рванулся к Вольфу. Его лицо побагровело, рот перекосился. Остановившись перед братом, который был явно сильнее, Аристон с такой яростью махнул рукой, что его шафранового цвета мантия с пурпурно-зеленой вышивкой распахнулась.

—Довольно я натерпелся, ненавистный брат!—вскричал он.—Больше я не намерен сносить твои оскорбления. Он, видите ли, лучше нас, потому что стал ближе к человеку! Говорю тебе я,—Аристон, не смей нас равнять с этими скотами! Ненавижу тебя, как ненавидел всегда! Ты ничто!.. Ты подкидыш!..

Эти слова—надо заметить, для Властелина самое худшее оскорбление, чем даже обвинение в том, что он не является потомком избранной расы—Аристон схватился за нож.

Вольф согнул колени, готовясь к схватке и до последнего надеясь, что все устроится миром. Престиж Властелинов сильно упадет, если они начнут ссориться на глазах абуталов.

В этот момент с гондолы на носу острова раздался крик. Тотчас

забили барабаны и островитяне побросали свои дела. Вольф схватил пробежавшего мимо аборигена и поинтересовался, что за шум.

Мужчина указал на небо. Вольф повернулся и увидел на фоне красного небосвода темный силуэт.

Глава VI

На бегу к мостику Вольф увидел второй темный силуэт, потом еще два. Его охватило смутное беспокойство, предчувствие того, что сейчас произойдет нечто необычное. Поначалу он не отдавал себе отчета в причине смутения, но внезапно понял в чем дело: темные пятнышки двигались под прямым углом к ветру.

На мостике Лугарн приказал Вольфу остаться с ним. Что касается Властелинов, то настало и для них время отработать свое содержание. Лугарн слышал, как они похвалялись своей силой. Пусть же действуют мечами, как языками, и подтвердят слова делом.

Связь на летающем острове во время боя осуществлялась барабаном. Приказы, находящимся во внутренних помещениях, передавались по проходам в боковых частях и через отверстия в дне. Всю Абуту пронизывала сеть тонких трубок, изготовленных из костей рыбы гирылы и обладавших хорошей звукопроводимостью. Голос по ним был слышен на расстоянии до 75-и футов. На более далекие расстояния сигнал передавался кодом, выстукиваемым молотком.

Вольф наблюдал за Лугарном: приказы вождя выполнялись быстро и четко—чувствовалась хорошая выучка. Даже дети по мере возможности брались за поручения, высвобождая таким образом взрослых для более трудных и важных дел. Вале тоже поднялась на мостик, и обращаясь к ней Вольф заметил:

—Мы, так называемые божественные Властелины, могли бы многому поучиться у этих, так называемых дикарей в том, что касается сотруничества.

—Не сомневаюсь,—согласилась Вала и, посмотрев на воздушный океан, добавила:

—Их уже шесть, кто это?

—Лугарн называет их нечидлорами, но у него не было времени объяснять подробнее. Имей терпение, довольно скоро все прояснится. Думаю, даже слишком скоро.

К этому времени к планерам уже прикрепляли подъемные пузыри. Пилоты рассаживались по кабинам, а люди из «наземной службы» подвешивали к крыльям взрывчатые пузыри-бомбы. Вдоль строя планеров прошел колдун, облаченный в мантию и в маску. Он нес двойной анкх, которым благословлял пилотов и машины: останавливался перед каждым планером, тряс двойным анкхом над пуфом, произносил заклинания. Лугарн терял терпение, но не осмелился поторопить колдуна. Как только последний из двадцати пилотов получил благословение, подкрепленное соответствующими заклинаниями, Лугарн подал сигнал. Пузыри с белокрылым грузом тотчас, взымы ввысь и поднялись на тысячу футов над островом.

Лугарн сказал:

--Они освободятся от смертельного груза, как только нечидлоры окажутся в пределах досягаемости. Да ведет их Лос! Немногие уцелеют, но гнезда разобьют...

--Их уже восемь...—заметил Вольф.

Ближайший из нападавших находился не далее, как в полумиле. Странное сооружение имело форму шара трехсот ярдов в диаметре. Неопределенность в очертании придавалась множеством отростков. Поросль скрывала газовые пузыри, образовавшие неправильные концентрические окружности. На поверхности сфероид-гнезда виднелись сотни коричневых кругов.

«Воздушный помет»,—подумал Вольф. Лугарн указал рукой на небо и Вольф увидел несколько маленьких темных точек.

--Разведчики,—пояснил Лугарн,—нечидлоры не начнут атаки, пока не получат разведанных.

--Кто они такие, эти нечидлоры?

--Вот один спускается, чтобы рассмотреть нас поближе.

Огромные пятидесяти футов крылья с черными перьями росли прямо на широченных плечах, завершая безволосый почти человеческий торс. Четко виднелась грудная клетка, ниже—живот с пупком. Тонкие, с огромными ступнями ноги походили скорее на лапы с когтями. Сзади торчал длинный, черный хвост с перьями. Лицо было человеческим, за исключением носа. Тот торчал на несколько футов и походил на хобот слона. Пролетая над островом, нечидлор пронзительно затрубил.

Лугарн бросил взгляд на лучемер Вольфа, но тот покачал головой и сказал:

--Не стоит раскрываться перед ними раньше времени. Тем более, что запас снарядов у меня ограничен. Подождем, может удастся сразить одним выстрелом нескольких.

Нечидлор, тяжело взмахивая крыльями, летел к ближайшему гнезду. Крылатые люди являлись, несомненно, работой Уризена, поместившего их сюда ради собственного удовольствия. Род их наверняка брал начало от человеческих существ, хотя не обязательно Властелинов, переделанных в колбах лаборатории. Их вполне могли похитить из других миров, возможно даже, что кто-то имел земное происхождение. Теперь же они вели странную жизнь под красными небесами и темной луной, рождаясь и вырастая в воздушном гнезде, носимом ветром над просторами бескрайнего океана. Питались они, в основном, рыбой, которую ловили клювами, подобно пеликанам. Но когда попадались надводные или летающие острова, нечидлоры сеяли смерть, пожирая свежее человеческое мясо.

Теперь Вольф разглядел, как движутся гнезда против ветра. Сотни нечидлоров, ухватившись клювами за отростки, усиленно махали крыльями. Отвратительная небесная колесница была запряжена самыми странными птицами, которые когда-либо существовали.

Когда гнездо приблизилось на четверть мили, черные крылья замерли. Постепенно сокращалось расстояние до других гнезд. Два сфероиды опустились, чтобы атаковать дно острова—облетели и заняли позицию с противоположной стороны.

Лугарн невозмутимо ожидал, пока нечидлоры приготовятся к атаке.

Вольф поинтересовался, почему он не приказывает планерам атаковать.

—Если отпустить планеры раньше, чем подойдут основные силы противника, то нечидлоры поднимутся и преградят нам путь,—пояснил Лугарн.—Планеры просто не смогут пробраться сквозь них. Только если мы отвлечем основные силы крылатых людей на себя, у планеров будет шанс пробиться к гнездам. Я это знаю по собственному опыту.

—Почему же нечидлоры не уничтожат сначала планеры?—удивился Вольф.—Ведь так для них было бы намного разумнее.

Лугарн пожал плечами.

—Я бы на их месте так и поступил. Но они, почему-то, следуют всегда одной и той же тактике, по-моему, природа лишила их не только рук, но и ума. Правда, ступни и хобот до некоторой степени заменяют им руки, но орудиями труда они пользуются значительно реже, чем мы.

—Могут предложить еще одно объяснение, если угодно. Возможно, нечидлоры сознательно представляя планерам возможность действовать, находят в этом, своего рода, удовольствие. Скажем, они самонадеяны—подобно морским орлам, которые нападают на акул на тысячу фунтов превышающих их собственный вес, нападают даже несмотря на то, что даже прикончив эту злобную тварь, не в силах удержать ее на поверхности.

Ветер донес до Абуты бормотание и рев сотен голосов. Вдруг наступила тишина. Потом медленно подняв руку, Лугарн застыл, настороженно озираясь. Воин, стоявший рядом с пузырем в руках возле каменной чаши с горящими углями, не спускал с вождя глаз.

Тишина прервалась дружным воплем нечидлоров, затрубивших в змеиные носы, с оглушительным громоханием они поднялись с гнезд и сложили крылья в первом взмахе. Лугарн махнул рукой. Воин тотчас же опустил короткий фитиль пузыря в огонь и выпустил его. Пузырь взмыл на пятьдесят футов вверх и взорвался.

Планеристы отцепили подъемные пузыри и устремились каждый к предназначенному гнезду. Вольф взглянул на темные тучи приближающейся орды и почувствовал, что теряет веру в лучемер. Неся большие потери, илманиры отбили атаку, прежде чем удалось пустить в ход оружие. Но положение по-прежнему оставалось серьезным, потому что раньше Абуту не окружали восемь гнезд сразу.

В этот миг у него над головой тенью промелькнула белая птица с огромными крыльями. Ее крик донесся до Вольфа и он подумал, не была ли она «оком» Уризена? Не следил ли отец за ними посредством мозга и глаз этой птицы? Если так, то зрелище битвы несомненно наполнит его жестокое сердце.

Тем временем нечидлоры, которых было так много, что они ходили на черные тучи, окружили остров. Замедлив приближение на расстоянии полета стрелы, они принялись описывать круги вокруг Абуты, все время уменьшая дистанцию. Илманиры-лучники

напряженно ждали, когда вождь отдаст приказ открыть огонь. Женщины, вооруженные пращами, также замерли в ожидании.

Лугарн знал, что разместив людей вдоль стен, он ослабляет оборону, и сконцентрировал защитников на носу Абуты. Ничто не мешало нечидлорам совершить посадку на дальнем конце острова. Однако они не опускались, не полагаясь на свои слабые ноги.

Вольф поискал взглядом планеры. Некоторые скрылись из поля зрения, атакуя два гнезда, находившиеся под дном. Другие продолжали кружить, опускаясь к целям. Из гнезда навстречу им спустились нечидлоры.

Две машины пролетели мимо ближайшего гнезда, скинув на шар дымящиеся бомбы. Хлопая крыльями, к ним тотчас же направились женщины-нечидлорки. Раздался взрыв, ввысь взметнулся язык пламени. Почти сразу же рвануло еще раз.

Оба планера резко взмыли вверх и развернулись для нового захода. Снова упали бомбы. Огонь мигом распространился по сухим веткам и охватил газовые ячейки. Нечидлоры завизжали так пронзительно, что перекрыли хлопанье крыльев диких кружащих орд. Торопливо покидали они горящее гнездо, держа пальцами ног детей. Шар разлетелся на части; осколки задевали женщин, обжигая и переворачивая их вверх ногами. Выроненные дети камнем падали в море, беспомощно трепеща короткими крылышками. Вольф увидел, как одна нечидлорка сложив крылья, стремглав упала к ребенку. Подхватив его у самой воды она направилась к еще целому гнезду.

К этому времени уже два шара, разлетевшиеся на части, падали в океан. Около сотни нечидлоров отделились от кольца, осаждавшего Абуту и устремились к планерам, которые виднелись далеко внизу, готовясь к посадке на воду.

Гнезда, находящиеся на одном уровне с островом, были недостижимы для лучемета. Понадеявшись, что с двумя гнездами внизу Абуты дело обстоит иначе, Вольф сообщил Лугарну о своем намерении и спустился по пятидесятифутовой лестнице к отверстию в днище. Как он и ожидал, вражеские шары находились совсем близко и он взмахом лучемета включенного на полную мощность, поразил оба сфероида. Гнезда рухнули с такой силой, что его чуть не скинуло с площадки взрывной волной. Отверстие в днище окуталось дымом, и когда он рассеялся, Вольф увидел летящие во все стороны куски растительности, тела детей и женщин, как гири падавшие в море.

Воины-нечидлоры не оставляли попыток пробраться в донные отверстия. Вольф вдвое уменьшил мощность лучемета и очистил пространство от нападающих. Затем пробежал вдоль сходен, оставив у каждого входа, чтобы снова пустить в ход оружие. Он насчитал по меньшей мере сотню атакующих. Некоторым из них удалось пробиться сквозь ряды защитников к отверстиям в дальнем конце острова. Ему потребовалось некоторое время, чтобы уничтожить их, так как приходилось соблюдать осторожность при стрельбе, поскольку в днище располагалось множество несущих пузырей.

Хотя Вольф уничтожил около тридцати нападающих, со всеми

ему было не справиться. Остров был слишком велик, чтобы он смог обойти все днище.

К тому времени, как он снова поднялся к люку, нечидлоры предприняли еще одну массированную атаку. Восточная часть острова представляла собой кружащую, воющую, взвизгивающую толпу. Повсюду валялись трупы.

Лучники и прашники понесли тяжелые потери за время первых двух атак. Но когда нечидлоры вновь ринулись на штурм, завязался рукопашный бой. Единственным оружием крылатых людей являлись мощные крылья и когти на ногах. Взмахом крыла нечидлор сбивал илманира с ног, а затем прыгал на оглушенного и рвал его кривыми когтями. Абуталы защищались копьями с плоскими наконечниками, усеянными зубами акул, и ножами, изготовленными из бамбукообразного растения.

Вольф принялся методично расстреливать нечидлоров, находящихся на главной палубе. Властелины сражались плечом к плечу, рубя нападающих мечами. Тщательно целясь, Вольф уничтожил окружающих их нечидлоров. Какая-то тень опустилась на него, он упал и выстрелил вверх. На палубу упало два нечидлора, крыло одного покрыло его как знамя. Морщась от рыбного запаха Вольф выбрался как раз вовремя, чтобы убить еще двоих, прижавших Лугарна к стене. Жена вождя стояла рядом, когда копье крылатого воина попало ей в грудь. Ее лицо и тело были истерзаны и нечидлор, одурманенный запахом горячей крови, уже принялся вспарывать ей живот, потянув за собой внутренности.

В следующую минуту Вольф находился в смертельной опасности. По меньшей мере двадцать нечидлоров напали на него со всех сторон. Он кружился, как волчок, рассекая огненным лучом нападающих. Потом забрался на гору трупов поближе к воздуху. Бой кипел вовсю, Вольф стрелял по всем направлениям и обычно попадал в цель, хотя в пылу сражения два абутала попали под его луч. Этого было не избежать, и он был счастлив, что не убил больше.

Илманиры, несмотря на отчаянное сопротивление, потеряли половину своих людей. Даже помощь Вольфа не спасала положения. Нечидлоры теснили защитников острова. Огромные потери, казалось, нисколько не поколебали их решимости разгромить врага, даже если для этого придется пасть всем до одного.

Вольф снова очистил от атакующих пространство вокруг Властелинов. Залитые вражеской кровью, они твердо стояли, размахивая мечами. Вольф крикнул, чтобы они собрались вокруг него, Властелины сдержат крылатых воинов, а он тем временем будет стрелять поверху них. Стоя на куче трупов нечидлоров, упираясь ногами в скользкие тела, он хладнокровно продолжал обстрел. Внезапно он понял, что у него осталось только два зарядных боеприпаса для крепости Уризена, но видно ничего не поделаешь. Если не пользоваться лучеметом—их ждет неминуемая гибель.

В тот же миг раздался крик Вали. Он взглянул вверх, куда она указала. По небу стремительно двигался темный предмет—черная комета. Она появилась в то время, когда все были охвачены боем.

Стоявшие неподалеку абуталы тоже взглянули вверх, и, издав вопль, отчаянно бросали оружие. Не обращая внимания на крылатых воинов, островитяне сломя голову кинулись к ближайшему люку. Но и нечидлоры взглянули на небо, чтобы узнать причину паники, и их тоже охватил ужас. Они поднялись в воздух, чтобы спрятаться в гнездах или спастись под островом.

Вольф не бросил лучемет, но подобно другим ринулся к ближайшему укрытию. Лугарн рассказывал ему о черных кометах, время от времени появляющихся над планетой, так что Вольф представлял себе последствия.

Вольф мчался к люку, когда раздался свистящий звук. Над поверхностью главной палубы появился дым, на поверхностях стен появились дыры. Нечидлор, нависший на высоте десяти футов над островом, неистово замахал пятидесятифутовыми крыльями, пронзительно заревел и рухнул на палубу, кожа его была продырявлена в нескольких местах, крылья дымились. Повсюду на палубу падали крылатые люди и вместе с ними падали абуталы. Трупы подергивались от ударов раскаленных капель.

Ударом ртути, или как его здесь называли, живого серебра, у Вольфа выбило из рук лучемет. Наклонившись, он подобрал его и возобновил бег, на минуту перед люком образовалась пробка: Властелины расталкивали друг друга, ругались и зывали к Лосу. Некоторые даже молили Уризена и поминали умершую мать.

На какое-то мгновение у Вольфа мелькнула дикая мысль: расчистить себе путь лучеметом. Именно так поступил бы любой из них, за исключением разве что Луваха. Оставаться здесь снаружи означало быть убитым. Каждая секунда была дорога.

Однако каким-то образом толпившиеся пробились в люк и уже другие пробивали себе путь к спасению.

Что-то раскаленное прожгло Вольфу брюки, свистнуло над ухом, задело затылок. Вольф сиганул вниз головой и пролетев вдоль невысокой лестницы приземлился на обе руки, выпустив при падении лучемет. Паламброн, стоявший у люка, в следующий пролет, вскрикнул и нырнул в отверстие. Вольф заглянул в колодец и увидел, что все Властелины попадали в кучу, крича и ругаясь. Паламброн восседал сверху. Однако никто вроде бы не пострадал.

В другое бы время Вольф рассмеялся. Теперь же он был слишком занят соскабливанием горячей ртути с волос. Затем осмотрел ноги и удостоверившись, что раскаленные капли лишь задели его, спустился по лестнице, следовало укрыться, как можно ниже. Если ртутный ливень продолжится, верхние палубы будут разрушены. А если огненные капли поразят большие пузыри, то останется лишь сказать всему—прости-прощай.

Глава VII

Вала со смехом приветствовала его в полумраке шарообразного отсека. Смеялась она не в истерике, и испытывая подлинное наслаждение поворотом событий. Вольф не сомневался, что будь у

сходен светлее, он несомненно разглядел бы в ее глазах счастливый блеск.

—Рад, что ты находишь это смешным,—произнес он. Его качало от усталости, кровь нечидлоров покрывала его с головы до ног, одежда липла от пота.—Ты, Вала, всегда была со странностями. А став женщиной, испытывала куда больше удовольствия от вида крови, страданий, чем от любви.

—Не забывай, я—Властительница,—сказала она.—Дочь своего отца. И, как можно было бы добавить—сестра своего брата. Ты был точно таким же, Джадавин, пока не превратился в сентиментального человекоподобного Вольфа-выродка и полуземлянина.—Приблизившись, понизив голос, Вала добавила:—Я уже давненько никому не отдавалась, Джадавин. И ты не касался женщины с тех пор, как прошел через врата. А ведь я знаю твою мужскую силу, ты страдаешь, если не переспшишь с женщиной хоть раз в день... Отбрось свою непонятную ненависть ко мне! Пойдем. На острове найдется сотня темных и теплых укромных местечек, где нам никто не помешает, я прошу тебя.

Вала говорила правду; как мужчина, он был действительно силен. И теперь Вольф чувствовал, как им овладевает желание, которое он день за днем подавлял делами. А по ночам, ложась в постель, он занимал свои мысли планами борьбы с отцом, стараясь обдумать тысячи случайностей и найти способы уберечься от них.

—Сперва кровавый пир, а на десерт вождение и страсть,—произнес он.—Не я возбудил тебя, а удары клинков и вид крови.

—И то и другое,—сказала Вала и протянула ему руку,—пойдем со мной!

Вольф покачал головой:

—Нет! И давай больше не будем об этом говорить. Между нами все кончено раз и навсегда.

Она процедила сквозь зубы:

—Так скоро будет кончено и с тобой, еще никто не смел...

Она резко повернулась и ушла. Потом некоторое время спустя Вольф увидел ее, разговаривающую с принцем Паламброном, затем оба удалились в полумрак переходов.

В первое мгновение он собирался вернуть их. Ведь они, в сущности, дезертировали со своих постов. Опасность нападения нечидлоров, похоже, миновала, но если ртутный ливень усилится, то капли ртути могут серьезно повредить или даже разрушить остров.

Вольф пожал плечами и отвернулся. В конце концов, его никто не уполномочивал распоряжаться. Властелины согласились сотрудничать лишь формально, а о мерах наказания вообще не было сказано ни слова. Кроме того, любую попытку с его стороны остановить парочку расценили бы как проявление ревности. И нельзя сказать, что подобное объяснение не было лишено оснований. Ему действительно было больно, когда Вала ушла в другим мужчиной, очевидно, что она все еще нравилась ему. Что делать, если эхо чувств, которые он питал к ней более пятисот лет назад, все еще сохранялись в его сердце, и даже предательство не стерло воспоминаний.

Вольф осведомился у Лугарна:

—Как долго длится такой ливень?

—Около получаса,—ответил вождь.—Капли проносятся вместе с черной кометой. Мы называем их смехом Уризена. Только Уризен, жестокий и кровожадный, мог создать такую напасть. Он наслаждается страданиями своего народа.

Лугарн относился к Уризену иначе, чем Властелины. За многие тысячелетия, которые потомки Властелинов провели на этом острове из-за попавших в ловушку своих предков, имя Уризена стало олицетворять злобное божество в пантеоне абуталов.

Послышался грохот и Вольф на мгновение испугался, решив что лопнул газовый пузырь на заднем конце острова. Однако скоро выяснилось, что это взорвалось гнездо нечидлоров. Оно попало под концентрированный поток капель,—несущие пузыри стали один за другим выходить из строя. Наконец цепная реакция охватила весь сфероид и он разлетелся на куски.

Вольф подошел к Теоториону, сидящему в углу на корточках и попытался заговорить с ним. Брат бросил на него взгляд, полный ненависти и страданий, несколько минут оба молчали. Наконец Теоторион беспокойно заерзал и произнес:

—Отец говорил мне, что его крепость находится на планете Аппирмадзум. Вокруг нее вращаются четыре планеты, каждая из которых примерно такого же размера, как эта. И все удалены от Аппирмадзума не более, чем на двадцать тысяч миль. Планеты не новые, отец создал их, как серию, примерно пятнадцать тысяч лет назад, но держал закрытыми, их врата действовали тогда, когда через них проходил отец, потому они не поддавались обнаружению.

—Так вот почему я тоже видел три планеты,—сказал Вольф.—Они располагаются квадратом и одна скрыта Аппирмадзумом.

Его не интересовало, каким образом тела таких больших размеров тем не менее удерживаются в сравнительной близости и тем не менее остаются в стороне от исхоженных путей (наука Властелинов была вне его понимания). Они унаследовали и использовали силы, принцип действия которых больше не понимали. Достаточно было того, что они им владели.

Недостаток знаний делал Властелинов уязвимыми. У каждого из них имелись множество машин и механизмов, но если что-нибудь ломалось, терялось или было украдено, Властелину ничего не оставалось, как похитить подобную вещь у соседа, если у того еще имелся аналог. Поэтому оборонительные сооружения, какими бы неприступными они не казались, всегда имели бреши. Но обнаружить их можно было только непрерывно нападая. Так что, несмотря на беспомощность группы в данный момент, Вольф не терял надежду на победу.

Ожидая, пока прекратится ртутный ливень, он размышлял. Из уголка мозга всплывала мысль, уже давно беспокоившая его и не имеющая казалось бы никакого отношения к происходящим событиям. Подсознательно он продолжал тревожиться о Хрисенде, помочь которой в данный момент ничем не мог.

Имена отца, братьев и сестер, кузенов не переставали удивлять Вольфа, с тех пор, как он восстановил в памяти свою жизнь Джадавина, Властелина мира Тнерса.

Уризен, Вала, Лувах, Анана, Теоторион, Паламброн, Энъен, Аристон, Тармас, Ринтрах—именно под этими именами упоминал Уильям Блейк в своих символических и дидактических произведениях Властелинов и таинственных космогонов. Это не могло быть простым совпадением. Вольф был убежден в этом, но как прознал про них английский поэт-мистик? Встретил ли он какого-нибудь изгнанного Властелина, скитающегося по Земле, и тот по неизвестной причине поведал о своих собратях землянину? Может быть, и Блейк, вероятно, использовал некоторые эпизоды из жизни Властелинов, как основу своих апокалиптических стихов. Хотя конечно, сильно искажил слышанные истории.

Когда-нибудь, если он выберется из этой ловушки, надо будет поискать его на Земле, а также порасспрашивать тех Властелинов, которые решатся побеседовать с ним.

Ртутный град прекратился. Выждав для полной уверенности еще полчаса, островитяне вернулись на главную палубу. Глазам их предстало печальное зрелище; настил был сожжен и исковеркан, стены были испещрены пробоинами настолько, что корни и листья превратились в лохмотья. Особенно сильно пострадала гандола—от нее остались одни обломки. Всю палубу усеивали капли ртути.

Теоторион произнес:

—Ртутный ливень нельзя сравнивать с метеоритным. Капли летят всего лишь сотню миль в час, когда входят в атмосферу, и, прежде чем достигнуть поверхности, еще больше снижают скорость и распадаются на брызги. И все же...

Он махнул ластом, указывая на причиненный ущерб.

Вольф посмотрел вокруг. Уцелевшие гнезда медленно удалялись. У крылатых людей хватало своих забот, им было не до атаки.

Лишившиеся крова нечидлоры так перегрузили один из сферондов, что он заметно терял высоту.

Лугарн был мрачен. Огромные потери среди островитян сильно затрудняли маневрирование островом и сделали невозможным его защиту в случае следующего нападения. Племя останется беззащитным до тех пор, пока не подрастут дети. Однако не было никакой надежды, что за весь этот долгий срок не произойдет ни одного столкновения.

—Мой народ обречен,—сказал Лугарн.

—Положение серьезное,—согласился Вольф.—Но в конце концов вам же не обязательно затевать бой с каждой встречной Абутой или островом на поверхности океана. Вы как-то говорили мне, что единственным поводом между племенами абуталов служит сближение их островов. Так избегайте этого, а нечидлоры встречаются редко. Ведь вы, если не ошибаюсь, натолкнулись на такое большое гнездовие пятнадцать лет назад.

—Что? Уклоняться от сражений?!—воскликнул Лугарн. Он удивления у него отвисла челюсть.—Ну, знаете... такое даже в го-

лове не укладывается. Ведь мы прослышем трусами, а наши имена станут оскорбительными словами в устах врага.

—Вздор,—возразил Вольф.—Как они разглядят вас, если вы не дадите им приблизиться, если вам этого так хочется, если не можете отказаться от своих предрассудков.

И Вольф вместе с другими принялся расчищать остров. Мертвых и раненых нечидлоров выбросили за борт. Павшим в сражении абутамал устроили похоронную церемонию. Погребальный обряд совершил Лугарн, так как колдуну в стычке разбили голову. Тела погибших столкнули за борт и их приняло море.

Днем и ночью остров медленно двигался по ветру. Долгими часами Вольф глядел на огромную сферу Аппирмадзума. До нее было две тысячи миль—так близко и одновременно недосыгаемо. С таким же успехом она могла находиться и за миллион миль. Неужели нельзя отыскать способ попасть туда? И в голове у Вольфа мелькнула идея—идея столь сумасшедшая, что он сам посмеялся над собой. И все же, будь под рукой необходимые материалы, план можно было бы претворить в жизнь.

Абута пролетала над полярной облачностью, поверхность которой не отличалась от других районов планеты. Дважды на горизонте появлялись вражеские острова. Но как только они меняли курс на сближение с абутой, Лугарн печально приказывал спасаться бегством. Клапаны по бокам острова регулировались так, чтобы придать ему боковое ускорение и расстояние между летающими островами сохранялось неизменным. Через некоторое время противник прекращал преследование, не рискуя больше использовать газ из пузырей. Лугарн объяснил, что маневры абуталов при столкновении продолжают иногда до пяти дней.

—Никогда не встречал людей, которые бы так стремились умереть,—откровенно признался Вольф.

Однажды, когда уже всем Властелинам казалось, что они будут вечно лететь над бескрайними просторами океана, раздался крик впереди стоящего. Все сбегались на крик.

—Мать всех островов!—кричал он.—Как раз впереди! Мать Островов!

По сравнению с матерью островов ее дети выглядели действительно небольшими. С высоты трех тысяч футов Вольф не мог окинуть плывущую массу от берега до берега одним взглядом. Остров был около двадцати миль в ширину и около тридцати миль в длину. Все на свете относительно и мать островов была на этой планете почти континентом.

Побережье изрезали заливы и бухты, в низинах виднелись озера морской воды. Некий катаклизм, возможно, столкновение с другими островами, сморщили часть острова, образовав горы. И именно на вершине одной из них Вольф увидел врага.

Шестиугольных сооружений из светящегося материала было два и каждое по величине равнялось газовой камере цеппелина.

Вольф поспешил объяснить новость Лугарну. Вождь уже знал о вратах и выкрикивал приказы. Он давно пообещал Вольфу выпол-

нить соглашение когда найдутся врата; Вольф с лучемером и Властелины смогут покинуть Абуту.

Следовало торопиться и снизить летающий остров так, чтобы он пролетел над Мицой, Матерью Островов, на желаемой высоте, прежде чем отправится дальше. Поэтому Властелины, не мешкая, спустились на нижнюю палубу, где на них уже приготовили упряжки на пузырях для спуска. Они застегнули пояса вокруг плеч, груди и ног и пошли к отверстию. Лугарн и абуталы, пришедшие проводить гостей, стояли вокруг. Из всех Властелинов они попрощались только с Вольфом и Лувахом, расцеловали их и вручили по цветку молодого газового растения. Крикнув «до свидания», Вольф прыгнул в люк и устремился вниз со скоростью падающего парашютиста, за ним последовали остальные Властелины. Вольф наметил поляну между фрондами, однако не принял в расчет ветер и врезался в верхушку дерева, та спружинила, оборвав его падение. Остальные также приземлились успешно, хотя некоторые ушиблись. Теоториону, весившему четыреста пятьдесят фунтов, выделили дополнительную упряжь, но, тем не менее, он опустился гораздо быстрее других. Приняв удар на ноги, он упал, перекувырнувшись и тут же с воплем подскочил, стукнувшись обо что-то головой.

Дожидаясь, пока все придут в себя, Вольф помахал рукой Илманирам, выглядывавшим из донных отверстий. Летающий остров удалялся все дальше и дальше и вскоре исчез из виду. Властелины начали пробираться через джунгли к горе. Они держались настороже, так как видели с Абуты много местных деревень. Однако на пути к вратам аборигены не встретились и вскоре путешественники стояли перед возвышающимся гексагоном.

—Почему два?—осведомился Паламброн.

—Очевидно, загадка нашего отца,—пожала плечами Вала.—Одни врата ведут очевидно в его дворец на Аппирмадзуме. Другие—кто знает?

—Как же быть?—спросил Паламброн.

—Тупица!—не сдержалась Вала.—Конечно, придется рисковать.

Вольф слегка улыбнулся; с тех пор как Вала развлекалась с Паламброном, она обращалась с ним с еще большей усмешкой и презрением, чем с другими. Паламброн был сбит этим с толку. Очевидно, он ожидал своего рода благодарности.

Вольф сказал:

—Мы все должны пойти в одна врата. Было бы неразумно разъединять наши силы. Правильные врата или нет, но нам следует держаться вместе.

—Ты прав, брат,—согласился Паламброн.—кроме того, если мы разделимся и одна группа доберется до Уризена и убьет его, то захватит власть и, конечно, предаст тех, кто пошел во второй группе.

—Призывая держаться вместе, я не это имел в виду,—заметил Вольф.—Но мыслишь ты правильно.

—Макушкой он мыслит,—буркнула Вала,—из Паламброна такой же никудышный мыслитель, как и любовник.

Паламброн побагровел и схватился за рукоятку меча.

—Мне надоело сносить твои оскорбления, мегера!—гневно вскричал он.—Еще одно слово, и твоя голова повалится с плеч.

—Вам еще представится случай воспользоваться оружием,—вмешался Вольф.—Попридержите свой пыл для того, кто находится по сторону врат.

Тут в сотне ярдов от них он заметил какое-то движение. За ними наблюдал туземец. Вольф не прочь был узнать, не пытался ли кто-нибудь из местных жителей пройти через врата. Если попытки предпринимались, то исчезновение людей наверняка пугало аборигенов и место, возможно считалось запретным табу.

Он интересовался реакцией туземцев также и потому, что рассчитывал в будущем на их помощь. Однако он просто не мог позволить себе потерять на распросы ни одной секунды. Хрисенда томилась в крепости Уризена и каждая секунда в застенках причиняла ей не только моральные, но и физические страдания.

Вольф вздрогнул и постарался выбросить из головы мрачную картину, вставшую перед его мысленным взором. Следовало сосредоточиться на насущных делах.

Он окинул взглядом Властелинов, внимательно наблюдавших за ним. Хоть они и стали бы отрицать это, но в душе считали его вожаком. Вольф не был самым старшим, он был моложе одного из кузенов. Но когда наступал кризис, он действовал решительно и дальновидно. У него был лучемер. Однако, главная причина крылась в другом, в том, что Властелины внутренне ощущали в нем некоторую внутреннюю силу, которой не обладали сами, хотя и это они стали бы отрицать, если бы их спросили. Его жизненный опыт как землянина Вольфа развил в нем умение в делах, которые прочими считались слишком низменными, чтобы марать себе руки. Избавленные от тяжелого труда и необходимости заниматься простыми или на их взгляд примитивными вещами, они чувствовали себя потерянными. Когда-то Властелины создавали миры, теперь же стали не лучше дикарей, которых сами так презирали. Только Джадавин, или Вольф, как его стали теперь называть, был среди них единственным человеком, знавшим этот варварский мир.

—Те врата или эти...—пробормотал Вольф.—На все воля случая... ини мини мики мой.

—Что это за тарабарщина?—поинтересовалась Вала.

—Один из земных языков. Сейчас поймете. Поскольку Вала здесь единственная женщина..

—Но более мужчина, чем большинство из присутствующих,—объявила она.

—... поэтому почему бы ей не выбрать, в какие ворота войти? Думаю, что этот метод ничуть не хуже других.

—Сукина дочь в жизни не поступала правильно,—негодовал Паламброн.—Но, впрочем, пусть выбирает. Мы пойдем не в те врата, которые она укажет, а в другие—тогда уж точно не ошибемся.

—Дело ваше,—пожала плечами Вала.—Но я говорю, надо идти в те врата.

Она указала на гексагон справа.

—Что ж, прекрасно,—сказал Вольф.—Поскольку у меня лучшем, я пойду первым. Не знаю, что ждет меня по ту сторону. Скорее всего там—смерть, трудно сказать, какую форму она примет. Однако на прощание мне хотелось бы напомнить вам вот о чем. Было время, когда мы, братья мои, кузены и сестры, любили друг друга. Тогда была еще жива наша мать и мы были счастливы. Мы боялись отца, мрачного, страшного, далекого Уризена. Но не чувствовали к нему ненависти. Потом мать умерла. Как это случилось—никто не знает. Кое-кто, я в том числе, уверены, что мать погибла от руки Уризена. Ведь не прошло и трех дней после ее кончины, как отец взял в жены Арагу, Властелиницу соседнего мира, и таким образом объединил ее и свои владения.

Но пусть убийца матери не известен, зато мы все знаем о том, что последовало за ее смертью. Уризен пожалел, что имеет детей. Он был одним из немногих, кто воспитывал своих отпрысков, как Властелинов. Ведь наша раса вымирает. Мы владеем бессмертием, мы обладаем властью, но род—постепенно угасает. К тому же мы заплатили за свое могущество тем, что разучились любить.

—Ах, любовь!—усмехнулась Вала. Послышались смешки. Лувах тоже улынулся, но сдержанно.

—Вы похожи на стаю гиен,—погодовал Вольф,—да, гиен, этих пожирателей падали—сильных, отвратительных и злобных животных, чье зловоние и мерзкие повадки везде вызывают к ним негодование и презрение. Но даже они выполняют полезную функцию, чего нельзя сказать о вас.—Да, любовь, я не боюсь этого слова, хотя оно ничего не значит для вас. Ведь прошли тысячелетия с тех пор, как вы испытывали нечто подобное. Да я уже говорил, мы узнали, что Уризен задумал погубить нас. Или, сохранив жизнь, отречься и сослать на одну из захудалых планет, лишенную врат, в одной из своих вселенных, чтобы мы вечно влачили свое жалкое существование там с аборигенами, и никогда не смогли бы нанести ему ответный удар. Мы сбегали. Он последовал за нами и попытался убить. Нам удалось выжить, уничтожив других Властелинов и завладев их мирами.

Шли годы и мы забыли о своем родстве. Мы стали настоящими Властелинами—полными ненависти, интригующими друг против друга, завистливыми собственниками. Убийцами, не щадившими ни себя, ни людей, населяющих наши миры.

—Довольно разглагольствовать, брат,—сказала Вала.—К чему ты клонишь?

Вольф вздохнул,—он понапрасну тратил время и силы.

—Я хотел сказать, что Уризен, сам того не зная, вполне мог оказать нам услугу. Возможно, нам как-то удастся воскресить в себе детскую любовь, вновь вспомнить, что мы кровные братья. Жить, как подобает.

Вольф запнулся. Лица, обращенные к нему, напоминали лики каменных идолов. Время разгладит их черты, любовь—никогда.

Он повернулся и шагнул в правые врата.

Поскользнувшись, Вольф упал на бок и покатился по гладкой стеклянной поверхности вниз с горы, на вершине которой стояли врата. Склон, по которому он мчался вниз, был сухим и скользким, хотя создавалось впечатление смазанного маслом. Несмотря на все старания притормозить каблуками или ладонями, он продолжал нестись вниз.

Это было похоже на спуск по льду.

Скорость все возрастала. Изогнувшись, он бросил взгляд по ходу движения. Отлогий склон постепенно выравнивался, падение несколько замедлилось. Но все же он спускался со скоростью по меньшей мере 350 миль в час, не имея возможности остановиться. Он лишь приподнял руки и голову, предохраняя их от ожога. Одежда перекрутилась и порвалась от трения, но нагрелась не сильно.

В пурпурном небе над краем горизонта показалась яркая луна — почему-то он решил, что это луна. Арка выделялась на фоне неба темно-багровым оттенком. Место не походило на дворец Властелина, он попал на другую планету. Судя по расстоянию до горизонта, эта планета была приблизительно такого же размера, что и та, которую он только что покинул. И, собственно, говоря, не было никакой уверенности, что планета — одна из тех, которые они видели с поверхности водного мира.

Уризен сыграл с ними злую шутку. Он устроил врата, переместившие его на другую планету, вращающуюся вокруг Аппирмадзум. Другие врата водного мира привели бы его в мир Уризена. Но могли доставить и сюда же. Теперь узнать об этом было нельзя.

Куда бы ни вел другой выход, было поздно что-либо изменить.

Он беспомощно попался в западню отца, практическую западню, если смерть можно назвать практической.

Вольф проскользил, пожалуй, около двух миль, когда скат начал изгибаться вверх. Еще через полмили скорость замедлилась примерно до тридцати миль в час, хотя утверждать это было трудно, поскольку имелись лишь косвенные данные. По правую сторону вдали виднелись причудливые деревья. Но не зная их высоты и расстояния до них, он не мог точно определить скорость скольжения.

Еще несколько минут спустя склон резко оборвался, и Вольф вылетел за край уступа не сдержав крика. Он падал в пропасть. Под ним в сорока-пятидесяти футах катилась вода река. Противоположный берег был примерно в ста футах, образцовая отвесная стена из того же стекловидного материала, по которому он катился от самых врат.

Вольф падал в каньон, дергая ногами и пытаясь сохранить вертикальное положение. До реки оказалось не так далеко, как он думал и, ударившись ногами, он погрузился в холодную воду. По инерции он ушел на глубину, потом выплыл. Течение быстро потащило его между стенами ущелья к изгибу. Перед тем, как течение унесло его за изгиб реки, он успел заметить, что в воду упал еще

один Властелин, третий взмыл над обрывом. Вскоре стены ущелья расступились, и река расширилась, начались пороги, к счастью камни были ровные и гладкие—очевидно, из того же стекловидного материала, поэтому он отделался несколькими ушибами. После порогов течение замедлилось. Вольф поплыл к берегу полого поднимавшемуся из воды. Но выбраться из воды не смог, потому что все время соскальзывал по гладкой поверхности.

Не оставалось ничего другого, как дальше плыть вдоль берега и надеяться, что рано или поздно объявится место, где удастся выйти из воды. Одежда, нож, лук и лучемер тянули его вниз. Вольф понимал, что нужно избавиться от груза, но откладывал это до последнего. Все же усталость одолевала и он бросил лук и колчан со стрелами, еще через некоторое время отстегнул пояс с кобурой и ножнами, а лучемер и нож засунул в брюки. Еще немного спуска—освободился и от ножа.

Время от времени он оглядывался, различая вверх по течению восемь голов. Пока что все выжили, но если и дальше берега останутся неприступными, то всем будет конец.

Утонут, пожалуй, все, кроме, может быть, Теоториона, который продержится в воде дольше любого из них, даже с одним полутрошшим ластом.

Именно тогда Вольфа осенило. Поплыв против течения, он оказался рядом с Лувахом, Валой и Тармасом. Приблизившись, крикнул им, чтобы они плыли против течения, если хотят спастись.

Наконец появилась огромная маслянистая сине-черная туша Теоториона, за ним последовали Аристон, Энъен и Ринтрах. Больше всех похвалявшийся, однако вошедший во врата последним—был Паламброн. Лицо его было бледным, он тяжело дышал.

—Спаси меня, брат!—крикнул он.—Я больше не могу, я умираю.

—Побереги дыхание,—отозвался Вольф.

Он обратился к Теоториону:

—Ты нам нужен, брат. Именно ты, некогда презираемый нами, можешь нам помочь. Без тебя мы все утонем.

Теоторион ухмыльнулся, плывя против течения с легкостью.

—Чего ради вам помогать? Ведь всем плевать на меня, вас тошнит от одного моего вида, не так ли?

—Ты никогда не был мне безразличен,—возразил Вольф.—Я никогда не говорил, что меня тошнит от твоего вида. Именно я стоял на том, чтобы ты отправился с нами. Потому что предвидел день, когда мы будем нуждаться в твоей помощи. Взгляни на свое тело: ты можешь сделать многое, что нам не под силу. По иронии судьбы Уризен, устроивший нам эту ловушку, видно не учел того, что сам превратил тебя в морское чудовище, способное выжить при таких обстоятельствах. Поступив неразумно, он предоставил в твоём лице средство к спасению.

Учитывая ситуацию, речь была длинновата, и Вольф запыхался. Тем не менее, следовало похвалить Теоториона, ведь тому ничего не стоит бросить их умирать, да еще посмеяться, когда они пойдут ко дну.

Теоторион задумчиво произнес:

— Ты хочешь сказать, что Уризен перехитрил сам себя?

Вольф кивнул.

— И как же я могу спастись?

— В воде ты быстрый и сильный, как тюлень. Ты можешь разогнаться так, что выскочишь на берег, и можешь вытолкнуть на сушу одного за другим нас. Я знаю, ты сумеешь это сделать.

Теоторион хитро усмехнулся.

— Чего ради мне выталкивать вас в безопасное место?

— Если ты этого не сделаешь, то останешься один в этом страшном мире, — сказал Вольф. — Может, ты и выживешь, но будешь одинок. Сомневаюсь, что здесь найдется еще одна живая душа. Тебе не с кем будет обмолвиться словом. Кроме того, нужно будет разыскать врата, которые ведут из этого мира. Сможешь ли ты найти их один? Когда ты ступишь на землю, тебе понадобятся товарищи.

— К черту вас всех! — крикнул Теоторион и, не добавив ни слова, скрылся под водой.

— Теоторион! — воскликнул Вольф.

Властины принялись звать беглеца. Но тщетно приподнимались они над водой и оглядывали поверхность реки, с отчаянием поглядывая друг на друга. Тот не появлялся. На их лицах теперь не осталось и следа бывшего высокомерия.

Неожиданно Вала вскрикнула и, всплеснув руками, исчезла под водой. Она скрылась так быстро, словно ее потащили вниз.

Прошло несколько секунд. Наконец на поверхности показалась маслянистая голова Теоториона и мгновение спустя рыжие волосы Вала. Длинные пальцы брата запутались в ее волосах, голову сестры он поддерживал ногой.

— Скажи, что сожалеешь! Скажи, что я не отвратительная медуза! Скажи, что я красивый! Обещай любить меня, как любила на острове Паламброна!

Вала рванулась, оставив между пальцами Теоториона темно-рыжие пряди, и воскликнула:

— Я убью тебя, жалкий прыщ! Я еще далеко от смерти! Но даже если бы я умирала, то уж лучше это, чем лебезить перед тобой! Глаза Теоториона расширились. Шлепнув по воде ногами, он отплыл от Вала и повернулся к Вольфу.

— Вот видишь! Так чего ради мне спасать ее или кого-нибудь из вас? Все равно вы будете ненавидеть меня, а я вас.

Паламброн завопил, яростно разбрызгивая воду:

— Спаси меня, Теоторион! Я больше не могу! У меня нет сил! Я умираю!

— Помни, что я говорил об одиночестве, — произнес Вольф.

Теоторион усмехнулся и нырнул, а вскоре он уже толкал перед собой Паламброна, упершись головой в ягодицы брата, загребая воду ластами. Паламброн выскользнул из воды на стекловидный берег, на расстояние приблизительно равное двум его ростам. Там он остался лежать, дыша, как загнанная лошадь. С одежды капала вода, изо рта стекала струйка слюны.

Одного за другим Теоторион вытолкал всех на берег, где они остались лежать чуть живые. Только Вала отказалась от помощи, и собрав все силы она продолжала плыть. Вольф только подивился ее мужеству. Приблизившись к берегу, она послала свое тело вперед и, медленно отталкиваясь локтями, поползла по покатоному склону. Достигнув наконец ровного места, она осторожно приняла сидячее положение. Затем окинула остальных презрительным взглядом.

—И это мои братья? Всемогущие Властелины вселенных? Кучка полузатонувших крыс, вот кто вы! Лизоблюды морского слизня, канючившие спасги свои жалкие жизни!

Теоторион мощным толчком вытолкнул себя на берег и прошел мимо спасенных. На Валу он даже не взглянул. Вскоре все восстановили силы, дыхание и выбрались на ровную землю. Вид у них был жалкий, так как почти все посбрасывали с себя в воде одежду и оружие... Только Вольф и Вала были одеты. Но Вольф лишился всего своего оружия, кроме лучемета. Да еще у Валы сохранился меч. Если не считать мокрых волос, то не верилось, что девушка побывала в реке; ее платье было сшито из водостойкой ткани.

Лувах дважды попытался идти, но оба раза шлепался на землю. Наконец он добрался до Вольфа ползком. Лицо его вновь порозовело и веснушки уже не были так заметны. Он сказал:

—Отец поймал нас, как детей, играющих в прятки. Только из детей мы превратились в младенцев. Мы даже не можем ходить, только ползать. Как ты думаешь, что он еще задумал?

—Не знаю,—пожал плечами Вольф.—Уверен я только в том, что Уризен долго вынашивал свои планы. И теперь мне начинает казаться, что он создал все планеты, которые вращаются вокруг Аппирмадзума только для того, чтобы мучить и испытывать нас.

Лувах безрадостно рассмеялся.

И какая же награда ждет нас в конце всех мук и испытаний?

—Мы получим шанс пасть от руки отца или убить его.

—Неужели ты действительно веришь, что он поступит честно? Что он не сделает свою крепость абсолютно неприступной? Не думаю, что он способен на такое.

—Честно? А что такое «честно»? Согласно неписанному закону предполагается, что каждый Властелин оставляет в своей обороне лазейку, дефект, который может использовать искусный противник. Не знаю, многие ли следуют этому правилу. Но Властелинов убивают и лишают собственности. Властелинов, убежденных в своей безопасности, уверенных в том, что их защитные сооружения оградят их от атак более могущественных и умных соперников. Не думаю, что победителям везло из-за слабых мест в системе защиты. Оборона оказывается уязвимой по другой причине.

Причина эта заключается в том, что Властелины наследуют оружие. Больше его взять неоткуда, либо получить в наследство, либо отобрать у другого. Наша раса растеряла древнюю мудрость. Вы стали лишь потребителями и расточителями. Поэтому Властелин вынужден пользоваться тем, что имеет, а если уж с наличным вооружением он в состоянии предусмотреть все непредвиденные сб-

стоятельства, что невозможно, то в обороне волей-неволей оказываются лазейки, и тогда к нему действительно можно пробиться.

Следует учитывать еще одно. Властелины сражаются за свою жизнь и сражаются так, чтобы убить противника. Но большинство живет долго. Они устали от жизни и хотят умереть. Глубоко, в самом уголке разума, под наслоениями тысячелетнего могущества и недостатка любви—они ищут смерти. Это делает их уязвимыми.

Лувах был удивлен.

—Ты в самом деле веришь в эту галиматью, брат? Я, например, ничуть не устал от жизни. Я и сейчас люблю так сильно, как и тогда, когда мне было сто лет. Другие стремятся к смерти ничуть не больше, они сражаются и будут сражаться за свою жизнь.

Вольф пожал плечами.

—Это только теория. Мысль пришла мне в голову, когда я был Робертом Вольфом. Став им, я понял, что не понимал раньше, и что не доступно никому из вас.

Он подполз к Вале и попросил:

—Одолжи мне на минутку свой меч. Я хочу проделать опыт.

—Как, например, легко ли отделится голова от шеи?—поинтересовалась она.

—Если бы я хотел убить тебя, то вполне мог бы воспользоваться лучеметом,—ответил он.

Она вытащила короткий клинок и отдала Вольфу. Он легонько стукнул острием по стекловидной поверхности. Видя, что первый удар не оставил никакой отметины, он ударил посильнее.

—Что ты делаешь!—возмутилась Вала.—Прекрати, испортишь лезвие.

Вольф указал на царапину, оставленную вторым ударом.

—Похоже на царапину, сделанную на льду. Это вещество гораздо более твердое и стойкое, но в остальном напоминает замерзшую воду.

Он отдал ей меч и вытащил лучемет, установив его на полную мощность. Когда он направил луч на поверхность, стекловидное вещество покраснело, потом запузырилось и наконец потекло. Вольф выключил лучемет и вынул из выемки жидкость. Остальные подползли, заинтересовавшись происходящим.

—Станный ты человек,—заметила Вала.—Ну кому бы такое пришло в голову?

—Зачем он это делает?—спросил Паламброн.—Глупость какая—вырезать дыры в земле.

К этому времени к Паламброну вернулось былое высокомерие.

—Нет, это не глупости,—возразила Вала.—Вольф любознателен, вот и все. А впрочем, ты наверно позабыл, что такое любознательность, Паламброн?.. Какой-то у тебя бледный вид... и движения вялые. А ведь еще недавно ты действовал куда оживленнее.

Паламброн вспыхнул, но ничего не сказал. Он наблюдал, как росла горка кристаллов на стенках выемки и вдоль царапины.

—Самовосстановление,—произнес Вольф.—Странно. Я прочитал все, что мог достать о древней науке предков, но нигде не

встречал упоминания ни о чем подобном. Уризен, видимо, владеет знаниями, которые другие давно утратили.

—Может быть, эти знания достались ему от Красного Орка,—высказалась Вала.—Говорят, что Красный Орк знает больше, чем все остальные Властелины вместе взятые. Он последний из старшего поколения. Ходят слухи, что он родился свыше полумиллиона лет назад.

—Говорят, говорят...—скривился Вольф.—А ведь на самом деле никто не видел Красного Орка. Сотни тысячелетий. Я лично считаю, что он давно умер, и только легенда о нем продолжает жить. Но довольно об этом. Нам нужно найти следующую группу врат, хотя трудно сказать, куда они нас приведут.

Обнаженный Ринтрах дрожал. Он произнес:

—Не холодно, но что-то тревожит меня так, что пробирает дрожь. Наверное, эта тишина. Вы только послушайте, как тихо.

Все замолкли. Слышался только отдаленный шелест—это ветер шуршал в кустах и мохнатых ветвях, да журчание воды в реке. Больше ничего. Ни пения птиц, ни рева животных, ни человеческих голосов. Только шум ветра и реки, да и он, казалось, звучал приглушенно, словно придавленный пурпурным небосводом.

Глянцево-белое поле вокруг них простиралось во все стороны горизонта. Поодаль возвышалось несколько холмов, над ними выступала закругленная вершина горы, с которой они скатились. Им было отчетливо видны ее склоны и врата—крошечный темный предмет на самом верху.

«Как же нам выбраться?—думал Вольф.—Без ключа здесь можно бродить вечно, но и это нам вряд ли удастся, если мы не найдем пищу».

Вслух он сказал:

—Я считаю, что нужно идти вдоль реки. Она течет вниз, следовательно, должна привести нас к какому-нибудь водоему. И то, что Уризен бросил нас в реку, может означать, что она является нашим проводником до следующих врат, одних или... нескольких.

—Звучит логично,—заметил Энъен.—Но у твоего отца и моего дяди извращенный ум. Используя реку как указатель, он вполне мог иметь ввиду, что нам надо продвигаться вверх по течению.

—Возможно, ты и прав, кузен,—согласился Вольф.—Однако имеется только один способ выяснить истину. Я предлагаю идти вниз по течению, хотя бы потому, что так двигаться будет легче.

Он обратился к Вале:

—А что думаешь ты?

Вала пожала плечами.

—Не знаю. Я ведь ошиблась, выбирая врата. Почему ты спрашиваешь меня?

—Ну как же, ты ведь всегда была ближе всех к отцу, и лучше других должна знать его манеру думать.

Она слегка улыбнулась.

—Сомнительный комплимент! Но все же благодарю. Как ни сильна во мне ненависть к Уризену, я не могу не восхищаться им.

Ведь он выжил там, где большинство его современников погибло.—Ладно, коль уже ты меня спрашиваешь, скажу: я за то, чтобы идти вниз по реке.

—Есть еще мнения?—спросил Вольф,—уже сделаь выбор, но не хотел, чтобы другие жаловались, если путь окажется неверным. Пусть все разделят ответственность за принятое решение.

Паламброн заявил:

—Я говорю «нет», я настаиваю, чтобы...

Глава IX

Неожиданно ветер донес до Властелинов сильный звук, похожий на рев. В нескольких сотнях ярдов вверх по течению реки из-за холма появилось высокое, как слон, животное. Оно стояло между двумя валунами, задрав верблюжью голову на длинной шее, украшенную оленьими рогами. Его глаза были огромными, а зубы—длинными и острыми, как у плотоядных. Скошенное от плеч туловище, покрытое бурой шерстью, опиралось на тонкие, как у жирафа ноги, оканчивающиеся растопыренными темно-синими чашами.

Увидев чашеподобные ступни, нетрудно было догадаться об их назначении. Он походили на присоски или вакуумные подушки и делали возможным передвижение по гладкой поверхности планеты.

—Стойте спокойно,—распорядился Вольф.—Мы не сможем убежать, если бы даже и могли, но бежать некуда.

Животное фыркнуло и не спеша направилось к ним, раскачивая шей и время от времени оглядываясь. Правая передняя и левая задняя ступни поднимались одновременно, и чашки издавали чмокающие звуки. Животное делало шаг и присоски закреплялись на новом месте. Затем аналогичным образом передвигались левая передняя и правая задняя ступни. Примерно в пятидесяти футах огромная тварь встала и, задрав голову, издала пронзительный вопль. Затем изогнула шею и, упершись челюстью в землю, стала ее скрести, скользя из стороны в сторону по глянцевитой поверхности.

Странные движения напоминали поведение земного быка перед нападением. Вольф установил лучемер на половинную мощность и стал ждать. Неожиданно тварь вновь задрала голову и, завизжав, галопом рванулось в атаку. Скакало чудовище значительно медленнее, поскольку присоски мешали развить скорость. Но Властелинам его продвижение показалось даже излишне стремительным.

Вольф позволил себе выждать некоторое время, дабы убедиться, что тварь не блефует. Когда же расстояние между ними сократилось до двадцати ярдов, он направил лучемер в место сочленения шеи и груди. Бурый мех тотчас же задымился и почернел. Тварь вновь завизжала, но атаку прекратила. Еще через мгновение Вольф понял, что при такой скорости она все-таки успеет до них добраться и переключил лучемер на полную мощность.

Громадный зверь издал предсмертный вопль. Его тонкие ноги продолжали присасываться ступнями к земле. Они подогнулись и

туловище осело. Шея ослабла и голова вытянулась вперед, из клыкастой пасти вывалился пурпурный язык, глаза остекленели.

Наступившую тишину прервал смех Вальф:

— Вот и обед! Да, пожалуй, тут еще и на завтрак останется. И заметьте, что бифштекс уже поджарен.

— Если он только съедобный, — буркнул Вольф, глядя как Вала с Теоторионом, зажавшим нож пальцами ноги, вышли из укрытия и отрезали по кусочку полузапеченного мяса. Теоторион отказался пробовать его. Тогда вперед выдвинулся Вольф, однако как он не берегся, через пару шагов его ноги скользнули в разные стороны. Вала с Теоторионом, которые добрались до зверя, ни разу не упав, засмеялись.

Вольф поднялся и продолжил свой путь, сказав им:

— Раз смелых нет, то попробую мясо я. Что толку стоять и спорить, можно ли его есть или нет.

— А я не боюсь... — сказала Вала. — Просто мне противно. Оно так дурно пахнет.

Все же она откусила кусочек и, пожевав, с брезгливым видом проглотила. Вольф решил, что ему теперь рисковать незачем. Вместе с другими он принялся ждать, когда же прошло полчаса и Вала не почувствовала себя плохо, тогда начал есть он. Остальные, кто ползком, кто по-стариковски шаркая, добрались до туши убитого зверя и разделили трапезу. Съедобного мяса было не так уж много, так как большая часть либо обуглилась, либо осталась сырой.

Вольф одолжил у Теоториона нож и вырезал еще один кусок мяса. Затем с неохотой, жалея растрачиваемый заряд, пропек вырезку. Каждый из Властелинов взял по куску и отряд пошел вниз по реке. Вольф задержался на некоторое время, считая возможным отделить присасывающие ступни и использовать их для передвижения. Но отбросил эту идею, почувствовав толщину и жесткость костей и крепость связок между ногой и присосками. Мечом Вальф можно было бы наверняка перерубить кости и сухожилия, но лезвие наверняка затупилось бы так, что стало бы непригодным.

После двухмильного продвижения ползком, отряд подошел к зарослям кустов на берегу реки. Крона кустарника простиралась во все стороны от грибовидного ствола фута на три. Толстые винтообразные ветви, как и на деревьях, покрывали волоски, напоминающие вблизи иглы. С ветвей свисали кисти темно-красных ягод.

Вольф сорвал одну ягоду и понюхал. Было похоже на запах ореха пекона. Кожа была влажной и гладкой. Пока он колебался, Вала вновь первой отведала незнакомый плод, причмокивая от удовольствия. За полчаса она съела шесть штук, потом к ней присоединились остальные. Паламброн, решившийся последним, пожаловался, что ему мало оставили.

— Кто же виноват, что ты такой трус? — хмыкнула Вала.

Паламброн промолчал и лишь свирепо взглянул на нее.

Ваша отошла, и за нанесенное оскорбление пострадал Теоторион. Решив, что тот осмелился проявить негодование, Паламброн ударил Теоториона по лицу. Тот зарычал от ярости и прыгнул на

обидчика, однако в последний момент поскользнулся и упал ему под ноги. Паламброн покатился, как сбитая кегля, еле увернувшись от молотящего плавниками Теоториона. Оба в бешенстве предпринимали тщетные попытки вцепиться друг в друга.

Наконец Вольф, не разделяющий общего смеха, приказал прекратить драку.

—Пора, наконец, бросить эти детские выходки, которые только отнимают время. Предупреждаю, если еще раз повторится что-нибудь подобное, я сам займусь драчунами. И не лучшемом, жаль тратить заряды. Тех, кто начнет ссору, просто бросят одних или отправят назад. Наша сила в сплоченности, поэтому никаких раздоров быть не должно. Иначе Уризен лишь порадуетсЯ, видя как мы уничтожаем друг друга.

Теоторион и Паламброн обменялись плевками, однако драку прекратили. Молча скользя в бледно-пурпурном свете луны, отряд продвигался вперед. С приходом ночи тишина прекратилась. Полумрак наполнился отдаленным блеянием, похожим на овечье; мычанием вроде бы коровьим и мощным, как будто львиным, рыком. Пройдя еще одни заросли кустарника, путники увидели небольших двуногих животных, поедающих ягоды. Их тела покрывал коричневый мех. Большие щелевидные глаза поглядывали с мордочек лемурув, уши торчали, как у зайцев. Верхние конечности кончались лапами, нижние присасывающимися дисками, сзади виднелись короткие кроличьи хвостики. Увидев пришельцев, они перестали есть и уставились на Властелинов, подергивая носами. Убедившись, что незнакомцы не являют собой опасности, вновь вернулись к ягодам. Однако глаз с путников не спускали и время от времени на них пособачьи лаяли.

В это время из-за холма вышло четырехногое животное размером с норвежского лося, покрытое желтовато-бурым мехом и лохматое, как овчарка; очертаниями оно напоминало лису. Ноги его заканчивались тонкими костяными копытцами и он довольно быстро катил к двуногим. Те пролаяли тревогу и, все как один, сорвались с места. Травоядные удирали со всей скоростью, какую только позволяли развивать присоски, но волк-копыткобежец двигался быстрее. Вожак двуногих, видя что стаду не спастись, замедлил ход и отставал до тех пор, пока не поравнялся с самым медленным. Затем подтолкнул слабака, сбив его с ног, и побежал догонять остальных. Упавший завизжал и попытался встать на присоски, но тут же был снова сбит с ног рычащим волком-копыткобежцем. Последовала короткая ожесточенная схватка, закончившаяся, когда челюсти волка сомкнулись на шее двуногого.

—Вот вам и объяснение царяпин, которые мы замечали на поверхности,—произнес Вольф.—Некоторые представители местной фауны—копыткобежцы.

Некоторое время он молчал,—насколько быстрее они бы могли передвигаться на копытцах. Эта проблема угнетала его.

Отряд миновал еще одно животное—длиношее, с туловищем гисны и оленьими рогами. Оно мирно вгрызалось в скалу, вырыва-

ло кусок массы и мерно жевало его. Животное не сводило с них глаз, рыча от наслаждения, упиваясь вкусом скалы, и его желудок урчал, как испорченный водопровод в старом доме.

Путники отправились дальше и вскоре подошли на расстояние трехсот ярдов к стаду местного подобию антилоп, пасущихся на скалах. Молодые детеныши резвились, бегая друг за другом и прижимаясь к матерям. Самцы предостерегающе заревели на незнакомцев, а один даже попытался последовать за отрядом. Белую шкуру антилоп покрывали ромбовидные узоры, на голове красовались закрученные рога, ступни оканчивались копытцами.

Вольф, уже подыскавший место для ночлега, повел отряд в изогнутую амфитеатром ложбинку, образованную четырьмя холмами.

—Первым на стражу стану я,—распорядился он.—Затем будет сторожить Лувах, потом—Энион.

Энион запротестовал и осведомился, на каком основании Вольф выбрал именно его.

—Ты, конечно, можешь отказаться выполнить свой долг,—холодно заявил Вольф.—Но если будешь спать, когда придет твой черед, то вполне можешь проснуться в челюстях вот такого красавца.

Он указал на что-то за спиной Эниона, и тот повернулся так быстро, что не удержался на ногах. Остальные тоже посмотрели туда, куда указывала рука Вольфа. С вершины одного из холмов на них глядело огромное гривастое животное. Кошачье туловище венчала голова коротконового крокодила, а ступни оканчивались большими чашами-присосками.

Вольф переключил лучемет на половинную мощность и выстрелил. Грива зверя окуталась дымом, а сам он скрылся за холмом.

—Настала пора сосредоточить официальную власть в одних руках,—произнес Вольф.—До сих пор мы, а точнее вы, уклонялись. Главным образом потому, что слишком ленивы и слишком заняты своими делишками, чтобы набраться смелости и взять на себя ответственность. Больше откладывать нельзя. Без вождя, чьи приказы будут незамедлительно и безоговорочно выполняться в случае необходимости.

—Любимый брат,—сказала Вала.—Думаю, что ты уже доказал, что ты являешься человеком способным повести за собой.—Я голосую за тебя. К тому же у тебя есть лучемет, а это делает тебя сильнее всех. Конечно, если у кого-то еще нет припрятанного оружия.

—Ты единственная, у кого достаточно одежды, чтобы спрятать оружие,—заметил Вольф.—Что касается лучемета, он будет у стоящего на страже. Я не пытаюсь сказать, что доверяю вам. Просто полагаюсь на здравый смысл. Думаю, у вас хватит ума не использовать лучемет в корыстных целях. Утром, надеюсь, мне вернут его.

Все согласились, за исключением Паламброна, заявившего, что он считает голосование бессмысленным, поскольку и так очевидно, что большинство за Вольфа.

—Брат, ты, конечно, не собирався выставлять свою кандидатуру,—съехидничала Вала.—Не верится, что подобное могло прийти тебе в голову—даже несмотря на весь твой ужасный эгоизм.

Паламброн оставил ее слова без внимания и обратился к Вольфу:

—Почему меня не назначили на стражу? Разве ты мне не доверяешь?

—Завтра вечером ты первым будешь охранять нас,—ответил Вольф.—Давайте все спать.

Властелины улеглись на твердой постели из белых скал, и Вольф остался на страже. Издалека доносились звуки ночной жизни: резкий вой, писк, жалобное рычание, свист. Однажды послышался звон и хлопанье крыльев над головой. Время от времени он вставал и прохаживался, внимательно оглядывая холмы. По истечении получаса Вольф разбудил Эниона и передал ему лучемет. У него не было часов, но как и все Властелины он определял время без них. Еще ребенком он подвергся своего рода гипнозу, позволившему ему чувствовать время с точностью хронометра.

Улегшись, Вольф некоторое время ворочался без сна. Он беспокоился о первой вахте следующей ночи, когда он доверит свой лучемет Паламброну. Из всех Властелинов он внушал самое большое подозрение. Ведь Паламброн ненавидит Валу. Устоит ли он перед искушением убить ее во сне? Вольф решил непременно переговорить с ним утром. Брат должен понять, что смерть одного из них повлечет за собой смерть всех остальных. Конечно, он сможет перебить их всех, но тогда останется одинок. Властелины терпеть не могли друг друга, но как ни странно, еще больше страшились одиночества. Если бы не чрезвычайные обстоятельства, они бы ни секунды не остались вместе, однако в данной ситуации их объединял страх перед отцом, да и каждый чувствовал себя спокойнее, имея товарища по несчастью.

Вольф уже засыпал, когда ему в голову пришла идея. Он даже выругался, почему это не пришло ему в голову раньше? Ведь не было никакой необходимости ползти на карачках по этой гладкой поверхности—они могли бы передвигаться гораздо быстрее на лодках. Да и находились бы в большей безопасности... Утром следует поразмыслить, что тут можно сделать.

На рассвете Вольфа разбудили крики и рев. Вскочив, он увидел, что Тармас стреляет в гривастое животное, похожее на того льва-аллигатора, которого он отпугнул, опалив шерсть. Зверь быстро спускался с холма, шлепая присосками. Позади него лежали три мертвые самки. Выживший хищник успел подойти на расстояние десяти футов, затем упал с перерезанной пополам мордой.

Тармас продолжал палить, уставившись на тушу. Вольф заорал, чтобы тот выключил лучемет—луч врезался в холм. Тармас очнулся от шока и выключил оружие, но к этому времени большая часть зряда была израсходована. Вольф, изрыгая проклятия, отобрал лучемет. Теперь у него оставалась последняя энергобойма.

Властелины принялись за работу. Ножами Теоториона и Валу они по очереди срезали с мертвого животного жесткую кожу. Дело шло медленно, поскольку работники из них были никудышные. То и дело они скользили на стекловидной поверхности и не могли

удержаться, чтобы не поспорить с Вольфом, раздраженно заявляя о бесполезности занятия. Ну где достать остов для лодок, о которых он говорит, да и не хватит этой шкуры на обтяжку.

Вольф велел им замолчать и продолжать работу. Он знает что делает. С Лухахом, Валой и Теоторионом он направился к ближайшему кустарнику. Здесь опять пришлось воспользоваться лучеметом, чтобы прикончить поедавшее ягоды животное. Подобие китайского дракона зашипело, стоило им приблизиться. Кожа его была вся в складках и толстая как броня, так что пробить ее можно было только лучом полной мощности. Вольф нацелился и выстрелил по глазам. Но заряд ударил в костяной щиток перед мордой зверя и не причинил ему существенного вреда. Дракон лишь замотал головой. В конце концов Вольфу удалось пробить броню с тыльной стороны черепа. Хищник задергался в смертельной агонии и рухнул на землю, задрав к небу зубчатые пластинки и крошечные присасывающие диски, с помощью которых он передвигался.

—Если так будет продолжаться, то скоро у нас не останется ни одного заряда,—вздыхнул Вольф.—Хоть бы этот миг не настал.

Осмотрев кору кустарника, Вольф убедился, что она достаточно крепка. Однако предстояло обрубить кусты, срезать соответствующим образом кору, сплести остов—работа требовала массу усилий и времени, тем более, что меч был один и наверняка бы затупился. Именно тогда, взглянув на катедракона (как он назвал его), Вольф увидел готовое судно. Ну, не совсем готовое, но для завершения его надо было положить гораздо меньше усилий, чем на постройку лодки по первоначальному плану.

Твердо сжимая в руках меч, Вольф отделил двигательные пластинки катедракона от костяной брони. Затем, орудуя мечом и ножом, из туши удалили внутренности. К этому времени к убитому дракону подошли другие Властелины и все работали по очереди. Кровь забрызгала их с головы до ног, залила площадку и сделала поверхность еще более скользкой. Чуть поодаль появилось несколько львов-аллигаторов, привлеченных запахом крови. Обезумев от кровавого аромата, они напали на кораблестроителей—Вольфу вновь пришлось прибегнуть к лучемету.

В результате всех трудов Властелины получили в свое распоряжение довольно большое каноэ длиною в шестьдесят футов. Рот и ноздри оказались единственными отверстиями, доставившими много беспокойства. Этот дефект устранили, выгнув полую переднюю часть лодки кверху и привязав к ней плащом Валы несколько валунов. Все камни обеспечивали достаточную нагрузку, чтобы нос не мог опуститься и таким образом удерживался над поверхностью воды—по крайней мере они надеялись, что так будет. И вновь Вольфу пришлось потратить энергию из лучемета, чтобы выжечь куски хрящей из кровавого мяса, прилипших к внутренним стенкам костяной брони. Затем, ползая на коленях, Властелины потянули свое сооружение к реке. Добравшись до берега, они принялись забираться в лодку-дракон, переваливаясь через борта. Они делали это парами, чтобы судно не перевернулось. Когда все, кро-

ме Вольфа и Вала были внутри, эти двое спустили лодку на воду. К счастью склон был пологим. Как только каноэ заскользило по воде, Вольф с Валой ухватились за борта и их втянули внутрь.

Луна, приносящая ночь, скрылась за горизонтом и лодка поплыла по течению, два Властелина остались дежурить на веслах, в то время, как другие попытались заснуть. Вскоре небо озарилось ярким пурпуром. Путешественники миновали каньон и вновь выплыли на широкое пространство между холмистыми берегами. День прошел без происшествий. Властелины с трудом терпели вонь мяса и крови, от которых невозможно было избавиться. Ворчали, что прошлой ночью почти не сомкнули глаз, подшучивали над тем, что им нечего есть, болтали о том, что их ждет, когда отыщут врата, ведущие к отцу.

Так минули день и ночь. Утром на вторые сутки каноэ проплыло поворот и путники увидели посреди реки белый купол скалы, вершину которого венчала пара золотистых шестигранных врат.

Глава X

Сидя на берегу реки, куда вытащили лодку-дракон, Вольф обдумывал, как добраться до врат. Пытаться вскарабкаться по отвесной гладкой стене—бесполезно. Единственный способ— это, пожалуй, забросить наверх веревку и зацепить ее за что-нибудь. Гексогены слишком широки, чтобы накинуть на них петлю. Остается абордажный крюк—и то, если допустить, что по ту сторону врат, то есть на другой планете, есть за что зацепиться.

Если нарезать шкуры животных полосами и связать их, то будет веревка, хотя сначала надо будет продубить кожу, чтобы она стала гибкой. Металл для крюка тоже представлял проблему.

Возможно, где-нибудь в этом мире и есть металл, но добраться до него было практически невозможно. Поэтому оставалось только одно, и Вольф не очень рассчитывал на то, что к его плану отнесется благосклонно.

Так и вышло. Ни Вала, ни Теоторион не желали расставаться со своим оружием.

Вольф тишечно проспорил с ними, убеждая несколько часов,— что если они сейчас не отдадут нож и меч, то их со временем ожидает медленная смерть.

Наконец, после решительного отказа Теоториона, Вольф заявил:

—Ну хорошо, оставайтесь при своем упрямстве. Но если мы отыщем другой способ добраться до врат, вас с собой не возьмем. Клянусь в этом! Вы навеки останетесь здесь, в этом тусклом мире ледяных камней и будете влачить здесь жалкое существование до тех пор, пока вас не сожрет здесь какой-нибудь зверь или пока вы не умрете от старости.

Оглядев сидящих Властелинов, Вала улыбнулась и сказала:

—Ладно. Можешь взять мой меч.

—Моего ножа ты все равно не получишь!—воскликнул Теоторион.

Властелины, не вставая, заскользили к нему. Теоторион встал и хотел бежать—огромные ступни давали ему возможность передвигаться по стекловидной поверхности лучше, чем другим, но Вольф потянулся и схватил его за лодыжку. Теоторион упал и все кучей навалились на него. Он сопротивлялся изо всех сил, но в конце концов расплакался и сдался. Потом скуля и ругаясь, отошел в сторуону и в одиночестве уселся на берегу реки.

Похожим на мел камнем Вольф расчертил меч Валы, поставил лучемер на полную мощность и быстро вырезал треугольник. Потом уложил еще три и положил поверх еще несколько круглых пластинок, вырезанных из лезвия. С помощью лучемера он сварил три кругляшки и три зубца в единое целое. Затем охладил их в воде, вновь разогрел и придавал им слегка изогнутую форму. Наконец согнул еще одну полоску меча в петлю и приварил к концу одного зубца так, чтобы можно было привязать веревку.

Нож не понадобился и Вольф вернул его Теоториону. Рукоять с остатками лезвия отдал Вале—там еще было что-то вроде короткого меча. Все лучше, чем вообще никакого оружия, как он заметил.

Изготовление веревки заняло несколько дней. Убить животных, а потом нарезать их шкуры полосами не составило труда, но вот с дублением было хуже. Несмотря на все поиски—отыскать дубильные вещества не удалось. Наконец Вольф решил смазать самодельную веревку жиром убитых животных и добился успеха.

И вот на рассвете, когда зашла пурпурная луна, лодку-дракон подвели к скале с вратами. Властелины гребли против течения, удерживая каноэ на месте, а Вольф стоял на носу. Размахнувшись, он метнул крюк под арку.

Трехзубый крюк пролетел врата и исчез. Вольф потянул за веревку и лодка причалила к основанию скалы. Вольф решил было, что крюк зацепился, но тот вдруг выскочил из врат в воду. Равновесие лодки нарушилось и они попадали в воду. Но им удалось ухватиться за перевернутую лодку. Вольф удержал веревку и крюк.

Полчаса спустя они повторили маневр.

—Попытка—не пытка,—утешил товарищей Вольф,—эта старая земная поговорка.

—Одолжи мне свои поговорки,—буркнул Ринтрах.—Я промок как старая крыса, и чувствую себя просто жалким. Думаешь, есть смысл еще попытаться?

—Разве у нас есть выбор? Но—к делу! Вспомню-ка я старые университетские денечки.

Властелины непонимающе посмотрели на него, а затем неохотно вновь повели лодку. На этот раз Вольф исполнил более сложный бросок. Он направил крюк на самую верхушку гексогена, высотой по крайней мере двенадцать футов, что вместе со скалой составляло 42 фута над уровнем воды. Бросок удался и зубцы зацепились на другой стороне сооружения.

—Попал!—крикнул он, ухмыляясь и потянул веревку за свободный конец. В этот момент лодка скользнула вдоль правой стороны скалы, Вольф приказал грести против течения, что Властелины

и попытались сделать, но безуспешно. Лодка начала поворачиваться, увлекаемая течением вокруг скалы. Вольф, стоя на носу, знал, что если снесет лодку еще немного, то и зубцы соскользнут.

Ухватившись за веревку покрепче, Вольф повис и лодка ушла из-под него. Он попробовал упереться о скалу ногами, но ноги соскальзывали с гладкой поверхности. Пришлось подтягиваться вверх, перебирая руками покрытые салом полоски кожи, а это было нелегко, так как скала изгибалась довольно отлого и веревка плотно прилегала к ней, а наиболее сильное натяжение приходилось на том место, где он держался. Ему приходилось силой проталкивать руки между веревкой и скалой.

Хоть и медленно, но все же Вольф поднимался. Он уже прошел полпути, когда раздался треск, чуть слышимый в шуме водоворота. У основания скалы натяжение веревки ослабло и, вскрикнув от неожиданности, Вольф плюхнулся в воду.

Когда Вала с Энионом вытащили его из воды, он обнаружил, что на крюке отломилось два зубца. Теперь они валялись где-то на дне реки.

—И что же теперь делать!—застонал Паламброн.—Ты изломал все оружие, израсходовал почти всю энергию лучемета, а мы так и не приблизились к воротам ни на шаг. Наоборот, мы еще дальше от них. Посмотри на меня, с меня течет, как со старой крысы, вытасенной из омута, а я так устал! О, Лос! Как я устал!

—Что делать? Зондировать почву¹,—сказал Вольф.—Еще одно выражение землян...

Он замолчал. Вдруг глаза его расширились и он пробормотал:

—Интересно...

—Ну, нет!—всплеснул руками Паламброн.—Довольно с меня твоих экзотических идей.

—Экзотические или нет, но это идеи,—отрезал Вольф.—И пока что я единственный, кто что-то может предложить... а не только скулить, ныть и злословить.

Некоторое время он лежал на спине, устремив взгляд в пурпурное небо, и жуя кусочек мяса, который дал ему Лувах. Насколько фантастична мысль о воздушном змее? Даже если его удастся изготовить, выйдет ли что-нибудь из этого? Нет, вряд ли. Каким большим не делай змея, он не перелетит с тяжелым крюком через шестигранник-гексагон. «Погоди-ка,—сказал он себе,—что если перелетит?» Вольф застонал. Нет, ничего не получится!..

Неожиданно он сел и воскликнул:

—И все-таки можно! Только потребуется не один, а два!

—Чего, два?—осведомился Лувах, очнувшись от дремоты.

—Ну, змея конечно.

—Кто говорил о змеях?—удивился Лувах.

—Два человека и две лодки—тогда можно будет забросить—Вольф в возбуждении почти кричал.—Да как сработает! Хо-хо! А я уже начал думать, что иссяк. Ладно, все равно ясно, что от

¹ Игра слов: «зондировать почву»—«запускать змея».

вас благодарности не дождешься. Ведь все эти тысячелетия ваши мозги работали только в одном направлении: как бы только убить друг друга. Ни на что другое не годились.

—Ты устал,—тихо сказала Вала,—ляг и отдохни.

Она улыбнулась ему. Чему это она радуется,—удивился Вольф. Ведь сама промокла до нитки. Тело наверняка ломит от усталости, да и случившимся расстроена, небось, не меньше других.

Неужели она все еще любил его, скрывая чувство под маской ненависти? Скорее просто гордится тем, что он не опускает руки в унынии, как остальные, а продолжает бороться и искать выход.

Или она делает только вид, что питает к нему симпатию? Но если так, то что таится под напускным самолюбием?

Ответа не было. Но Вольф знал, что ни коим образом нельзя доверять ни любезным речам, ни кажущемуся благородству Властелинов, и не без оснований.

К тому времени, как остов второй лодки закончили плести, Вольф наметил первоначальный план. Будет лучше, если к скале с вратами подойдут не две, а три небольшие лодки.

Используя стволы, ветви деревьев и полосы шкур для крепления, Вольф изготовил подобие высоких козлов. Четыре стойки сооружения укрепили на трех плетенных лодчонках и на большой лодке-драконе. Тщательно растолковав Властелинам, что им нужно делать, Вольф приступил к осуществлению плана. Лодки с гигантскими козлами со всеми предосторожностями спустили на воду. Образуя прямоугольник, они медленно двинулись от берега. Пока Властелины подталкивали лодки, Вольф взобрался по одной из стоек на верхние мостки. Сооружение слегка покачнулось, но устояло.

Пловцы первыми забрались в лодку, стараясь равномерно распределить вес, и первыми принялись грести к скале с вратами. Поначалу было нелегко согласовывать движение легких лодчонков, больше похожих на корзины. Однако после неудачных попыток путешественники все же направили неуклюжие суденышки к скале. Вольф раскачивался на перемышке, поглядывая на белый купол с двумя золотистыми гексогенами. Перед самой скалой он крикнул Властелинам грести против течения, чтобы смягчить толчок при столкновении—козлы держались на честном слове и вполне могли раскатыться от удара.

Предыдущий раз Властелины выбрали правые «врата», поэтому теперь Вольф решил выбрать левые. Однако лодки несло ветром, и помост сместился к правому гексогену. Проверив, хорошо ли прикреплен к поясу лучемер и поправив веревку, Вольф присел на корточки и, когда постройка с громким треском врезалась в скалу, прыгнул вперед и влетел во врата.

Глава XI

У Вольфа не было ни малейшего представления о том, что ждет его по ту сторону врат. Он мог попасть на другую планету, а мог и оказаться в крепости Уризена. Однако вряд ли Уризен достаточно

позабавился с ними, поэтому наиболее вероятным казалось то, что врата вели на третью из планет, вращающихся вокруг Аппирмадзума. Другое дело, что он мог свалиться в яму с дикими зверями или в пропасть.

Каменный склон холма оказался приятной неожиданностью. Вольф довольно удачно приземлился на вытянутые руки, чуть не врезавшись в гладкий валун. Оглядевшись, он понял, почему зубья крюка выскользнули из врат при первой попытке. Основание гексогена на этой стороне изобиловало гладкими, но не скользкими камнями, так что зацепиться было не за что.

Вольф усмехнулся, поняв, что отец предвидел вариант с крючьями и весьма эффективно пресек всякую возможность их использования. Но сын обошелся и без них.

Мерцающая пустота арки гексогена отличалась от врат, через которые они прошли в водный мир, этот выход не был однонаправленным. По той или иной причине Уризена не беспокоило, вернутся ли они назад на планету пурпурного неба. Скорее всего он понимал, что вряд ли у них возникнет такое желание.

Вольф немного спустился по склону холма и привязал конец веревки к дереву, потом вернулся к вратам и швырнул свободный конец сквозь врата. Тот исчез. Вскоре веревка задержалась и под вратами показалась Вала. Вольф помог ей пройти и они оба принялись встречать Властелинов, взбирающихся по веревке.

Когда Ринтрах, последний из отряда, оказался в безопасности, Вольф просунул голову во врата, чтобы бросить прощальный взгляд на покинутый мир. Глядел он одно мгновение, поскольку благоразумно опасался, зная, что его голова находится на расстоянии 20000 миль от туловища. А выключить врата—такая шутка вполне в духе Уризена.

Помост, соединявший верх козлов все еще находился в трех футах от врат. Конечно, через некоторое время течение раскачает лодку и шаткое сооружение рухнет в воду.

Вольф убрал голову из-под арки с таким чувством, будто вытащил ее из-под гильотины.

По идее Властелинам следовало бы ликовать, но уж слишком измотали их тяжелые труды, да и будущее своей неизвестностью вселяло тревогу. Теперь уже не было сомнений, что они находятся на другом спутнике Аппирмадзума. Темно—желтое небо нависло над равниной, покрытой густой высокой травой и зарослями кустарника. Растительность походила на земную, хорошо знакомую Вольфу. Ветки усыпали ягоды самых различных форм и размеров.

Плоды, однако, имели одно общее свойство—неприятный запах. Непосадеку от врат виднелся берег моря. Широкая полоса желтого песка тянулась до самого горизонта. В противоположной стороне вздымались скалистые холмы. Один из них напоминал очертания человеческого лица. Чем больше Вольф смотрел на него, тем более уверялся, что физиономия ему знакома.

—Похуже, отец подает нам знак,—заметил он спутникам.—Гляди-ка какой указатель он поставил на дороге к следую-

щим вратам. Сомневаюсь, правда, что с нашей стороны было бы разумно следовать по предложенному пути.

И Властелины направились по равнине к отдаленному горному кряжу. Вскоре они подошли к широкой реке и двинулись вверх по течению. Вода в реке оказалась приятной на вкус и чистой. Путешественники поели мяса и ягод, которые принесли с собой из светлого-пурпурного мира. Вскоре из-за горизонта выплыла луна, приносящая ночь. Розовато-лиловое ночное светило, как и на других планетах, едва озаряло тусклым светом сгустившиеся сумерки.

Отдохнув ночью, Властелины вновь отправились в путь и шли весь следующий день. Отряд продвигался молча: все устали, посбивали ноги и нервничали, потому что у них не было оружия. Их молчание сливалось с нависшей над местностью тишиной. Не кричал ни один зверь, не слышалось пения птиц, не видно было даже признаков животной жизни. Несколько раз путникам мерещились лесные существа, но приблизившись, они ничего не находили.

Так прошло три дня. По мере продвижения черты лица на скале становились отчетливее. На второй день, к вечеру они узнали лицо Уризена. Казалось, он глядел на них сверху вниз и усмехался. Властелины стали еще молчаливее и нервнее, не в силах избежать пристального взгляда каменных глаз.

На четвертый день они подошли к подножию горы и остановились под крутым подбородком Уризена. Чуть поодаль в твердой скале телесного цвета виднелись отверстия—узкий каньон, протянувшийся до вершины горы, высотой, по меньшей мере, в десять тысяч футов.

—Похоже, что кроме этого ущелья, пути наверх нет,—произнес Вольф.—Конечно, можно обследовать гору со всех сторон, но, по-моему, мы попросту потратим время.

—Зачем нам делать то, к чему нас подталкивает отец?—спросил Паламброн.

—У нас нет выбора,—ответил Вольф.

—Считаешь, что мы должны плясать под его дудку? Чтобы упасть прямоком к нему на вертел?—возмутился Паламброн.—Нет уж, хватит с меня походов! И так нет никаких сил.

—И где же ты расположишься на отдых?—осведомилась Вала.—Здесь? В этом раю? Ты, видно, не только глуп, но и слеп: у нас почти не осталось припасов. Мясо кончается и мы съели сегодня утром последние ягоды. До сих пор мы не видели в этом мире ничего съестного. Ты можешь попробовать местные плоды, но я лично думаю, что они ядовиты.

—О, Лос! Неужели ты хочешь сказать, что Уризен собирается заморить нас голодом?—воскликнул Паламброн.

—Если мы не отыщем пищу, то, конечно, умрем с голоду. А ничего съестного нам найти не удастся, если мы будем стоять здесь.

Вольф повел отряд в каньон. Властелины шли по гладкому голому камню, бывшего некогда дном горного потока. Теперь река обмельчала и бежала на несколько футов ниже берегов. По краям прохода росли кусты.

Путники весь день поднимались по извилистому ущелью. В тот вечер они съели остатки припасов. Когда наступил рассвет, Властелины поднялись с пустыми желудками и мрачной уверенностью, что на этот раз счастье покинуло их. Вольф вел отряд вперед без усталы, подгоняя путников. Он полагал, что чем быстрее они выйдут из каньона, тем легче отыскать что-либо пригодное в пищу. Рыбы в реке не было. И не было заметно даже насекомых.

На второй день вынужденного голодания путники увидели первое живое существо. Они брели в молчании и, обогнув с подветренной стороны поворот, застали зверя врасплох. Двухфутовое травоядное стояло как кенгуру на задних лапах и сжимало ветку передними лемуруподобными лапами. Увидев незнакомцев, оно застыло, судорожно оглянулось и бросилось наутек большими скачками, вытянув стрелой длинный хвост.

Вольф кинулся было в погоню, но остановился, увидев с какой скоростью он скачет. Отбежав на сотню ярдов, животное вновь замерло и оглянулось. Шоколадного цвета голова вызывала в памяти мордочку чистокровного персидского кота, вот только красивые уши торчали, как у северо-африканского зайца.

Вольф вновь двинулся вперед, но животное испуганно прыгнуло и скрылось из виду. Он решил, что было бы неплохо обзавестись дубинками на тот случай, если прыгун вновь встретится на пути. С этой целью он нарезал из кустарника тяжелых сучьев.

Паламброн поинтересовался, почему Вольф не убил животное лучемером. Вольф объяснил, что старается экономить энергию.

—И, кроме того, эта тварь так быстро поскакала, что я не был уверен, попаду ли в нее.

Однако Вольф понимал, что в следующий раз придется позабыть про энергию и стрелять в любом случае: Властелины нуждались в пище. Они продолжали путь. Прыгуны попадались еще несколько раз, но, видимо, предупрежденные первым, держались на недостижимом расстоянии. Два часа спустя путники подошли к широкой расщелине в стене ущелья. Вольф спустился по ней и обнаружил, что проход ведет к углублению. Оно располагалось на тридцать футов ниже каньона и было около трехсот ярдов шириной и четырехста длиной. Дно бокса густо поросло кустарником, среди которого он заметил пасущегося прыгуна.

Вольф вернулся к оставшимся и тихо распорядился. Лувах с Теоторионом остались в узком проходе, остальные, пройдя в бокс-каньон, разошлись широким полукругом и двинулись к животному.

Прыгун стоял на поляне, мотал головой и подергивал носом. Вольф велел загонщикам остановиться, а сам отправился к зверю, держа дубину за спиной. Животное выждало, пока Вольф не оказался в тридцати футах от него. Затем оно исчезло, примерно три секунды спустя появилось вновь—теперь уже в сорока футах от него. Только Вольф шагнул к нему, как оно снова исчезло.

Спустя еще три секунды на поляне было уже два прыгуна: один—в десяти футах от Валь, другой в пятнадцати слева от Вольфа.

—Что за дьяволыщина!—пробормотал Вольф. Непонятное исчезновение удивило его, раздвоение же и вовсе сбilo с толку.

В этот момент прыгун, стоявший неподалеку от Валы, исчез и остался только один. Вольф вскинул дубинку и с криком бросился на него. Однако нанести удар не удалось, прыгун исчез. Чуть позже он снова появился на этот раз справа. И опять их стало двое.

Властелины стали смыкать кольцо. Животных вдруг стало пять.

С дружным криком все бросились на них, когда к полному замешательству вдруг увидели, что позади скачут еще несколько прыгунов. Часть загонщиков кинулась назад, и тут появилось еще два существа, которых Вольф назвал темпосфуджерами. Эти двое мгновенно растроились, когда за ними началась погоня.

Потом снова животное осталось в единственном числе.

Властелины погнались за этим одним и неожиданно увидели перед собой двух. Три секунды спустя они преследовали троих.

Потом опять оказалось одно.

Властелины со всех ног бросились за ним, когда прыгун вновь раздвоился, причем появившийся двойник оказался прямо перед носом несущегося во весь дух Паламбрана. Тот отчаянно попытался уклониться от столкновения, но споткнулся и растянулся на земле. Существо перепрыгнуло через него и, едва Ринтрах замаяхнулось дубиной, испарился.

Мгновение спустя меж ловцами вновь оказалось два прыгуна.

Три. И в следующий миг—не осталось ни одного.

Властелины застыли, уставившись друг на друга. В бокс-каньоне слышался шум ветра, да их тяжелое запыхавшееся дыхание.

И вдруг, в середине круга, появилось трое животных.

Погоню возобновили.

Появилось одно.

Пять.

Шесть.

В течение шести секунд—три.

Снова шесть.

Вольф приказал прекратить погоню. Он отвел Властелинов назад к узкому проходу, где все уселись, чтобы некоторое время отдохнуть и перевести дух. Придя через некоторое время в себя, они принялись обсуждать повадки прыгунов, однако никто не мог предложить увиденному мало-мальски вразумительное истолкование.

Вольф пристально разглядывал шестерых прыгунов, как ни в чем не бывало пасшихся на полянке.

Охи и удивленные восклицания наконец стихли, и Властелины устались на задумавшегося брата. Вала осведомилась:

—Ну что ты на это скажешь, Джадавин?

—Я все вспоминаю, как исчезло первое животное,—произнес он.—И пытаюсь отыскать взаимосвязь между продолжительностью исчезновений и числом скакунов.—Он покачал головой.—Не знаю. Пусть это невозможно, но как еще можно истолковать происходящее? Ну-ка, скажи мне, кто-либо слышал о Властелине, которому удавалось произвести опыт над перемещением во времени?

Паламброн рассмеялся, а Вала, бросив ему: «Болван!»—обратилась к Вольфу.

—Ходят слухи, что над проблемой путешествия во времени не один год ломал голову некий Блайд Орк. Но говорят также, что в конце концов он отказался от этой затеи. Он заявил, что проблема времени, якобы, столь же неразрешима, сколько и гипотезы, пытающиеся разрешить вопрос о происхождении Вселенной.

—А зачем ты спрашиваешь об этом?—поинтересовался Аристон.

—Видите ли, существует крошечная субатомная частица, которую ученые-земляне называют нейтрино,—ответил Вольф.—Та частица не несет заряд и обладает нулевой массой покоя. Вы понимаете, о чем я говорю?

Все покачали головами. Лувах попытался оправдаться:

—Мы действительно получили прекрасное образование. Но, как ты знаешь, Джадавин, прошли тысячелетия с тех пор, как нас перестали интересовать науки. Нас интересует только техника, которую мы имеем под рукой, и лишь в той степени, чтобы удовлетворить наши насущные проблемы и потребности.

—Да-а, вот уж подобралась компания!—сязвил Вольф. Самые могущественные существа космоса, можно сказать боги—а на деле просто неграмотные дикари!

—Какое это имеет значение в создавшейся ситуации?—возмутился Энион.—И почему ты оскорбляешь нас? Сам ведь говорил, что надо покончить с оскорблениями, если мы хотим выжить.

—Извините,—вздыхнул Вольф,—Меня иногда просто одолевают сомнения... не обращайтесь внимания. Так вот, нейтрино обладает рядом странных свойств. В частности, предполагается, что оно может перемещаться во времени...

—Не может быть!—удивился Паламброн.

—Я не настаиваю. Но поведение нейтрино можно охарактеризовать этим термином, независимо от того, входит ли частица в обратный хронологический механизм или нет. Я уверен, что данную гипотезу можно приложить и к прыгунам. Возможно, что они способны перемещаться во времени. Возможно так же, что подобными качествами их наделил Уризен, но в этом я сомневаюсь, скорее всего, он просто натолкнулся на этих животных в какой-нибудь малоизвестной вселенной и переместил их сюда. Но каково бы ни было их происхождение, я считаю, что прыгуны действительно обладают способностью перемещаться во времени, затрачивая на каждое такое перемещение около трех относительных секунд.

Вольф палкой начертил на земле кружок.

—Пусть это будет первое животное, которое мы увидели.

Затем он нарисовал второй кружок и соединил обе линии.

—Изобразим таким образом его отсутствие во времени или «исчезновение». Предположим, что прыгун сместился во времени.

—Могу поклясться, что до его появления не прошло и трех секунд,—заметила Вала.

Вольф протянул от второго круга еще одну линию и присоединил к ней третий кружок добавочной линией.

—Скакун переместился вперед во времени, вот так это можно изобразить. Потом, через уже проделанный во времени туннель, он вернулся в положение, которое занимал, когда делал первый прыжок. Мы видели животное в течение шести секунд, но не поняли, что оно прошло назад и вперед во времени и попало в момент, на который наложилось его... м-м-м... изображение из первого прыжка. Таким образом мы увидели двоих... скажем, темпосфуджеров. То есть, второе было тем же животным, что и первое, но расщепленным во времени. Оно прыгнуло на три секунды вперед и на это время исчезло. Второе же осталось и начало бегать. Затем и оно прыгнуло и тут появился темпосфуджер номер два. Причем, в этот момент прыгнул назад номер один и мы увидели обоих.

—Как же их стало пять?—спросил Ринтрах.

—Давай проверь. У него было два прыгуна, вскоре сделал прыжок номер один, он-то и был одним из пяти. Затем он еще раз прыгнул вперед и стал номером третьим из пяти, номер второй прыгнул вперед и стал номером три из пяти, номер два прыгнул, когда был один темпосфуджер, чтобы стать номером два из пяти. Номера один и два тоже прыгнули впереди стали номерами четыре и пять из пяти, номера четыре и пять в свою очередь прыгнули вперед, когда их было только двое. Тем временем номер один прыгнул через три секунды, номер четыре не прыгнул, а номер пять прыгнул. Поэтому в тот момент их было только двое. По сути дела получается, что одно животное как бы рассеялось, раздробилось во времени.

Вольф с усмешкой глянул на откровенно скучающие физиономии.

—Теперь понятно?

—Это невозможно,—высказался Тармас.—Путешествие во времени! Знаешь, я просто не могу себе представить!

—Я тоже. Но путешествие во времени—единственно возможное объяснение их исчезновения. И если хронологическая гипотеза поможет их поймать, почему бы не принять ее на веру?

—Тебе надо было просто пальнуть из лучемета,—удрученно сказал Ринтрах.—Мы и так столько уже голодаем. А теперь после этой бессмысленной беготни за призраками я и вовсе без сил.

Вольф пожал плечами, поднялся и пошел к темпосфуджеру. Тот продолжал пастись, но стоило ему приблизиться на расстояние в тридцать ярдов, как он тотчас же поскакал прочь. Вольф последовал за ними. Добравшись до глухой стены каньона, прыгуны разбрелись. Вольф настроил лучемер на полную мощность и прицелился.

Вероятно, темпосфуджер испугался поднятого оружия, когда Вольф выстрелил, он исчез, и энергия луча была поглощена валуном позади него.

Вольф выругался, повернулся и нацелился на другого. Тот резко отпрыгнул и избежал первого выстрела. Вольф не выключал лучемета, повернул его вдогонку. Животное снова прыгнуло, едва избежав луча. Вольф снова изменил прицел и тут прыгун исчез.

Вольф резко развернулся и направил луч на третьего темпосфуджера. Он исчез в тот самый момент, когда белый луч, казалось,

коснулся его. Тут позади раздался возглас. Вольф повернулся и увидел, что Властелины указывают на мертвое животное, лежащее в нескольких ярдах от него. Шкура прыгуна была продырявлена.

Вольф заморгал от удивления. Вала подбежала и объяснила:

—Он выпал из воздуха уже мертвый и поджаренный.

—Но я же не попал ни в одного, если не считать последнего,—сказал Вольф.—И тот, в которого я попал, еще не появился.

—Не знаю, но этот темпосфуджер был уже мертв, когда упал на землю три секунды назад—за три секунды до того, как ты попал в другого,—Вала умолкла, усмехнувшись, и добавила:

—Что я говорю... другого. Это ведь тот самый, в которого ты попал. Он был убит прежде, чем ты выстрелил. Или ты поразил его в тот момент, когда он прыгал назад.

Вольф медленно произнес:

—Ты говоришь, что сперва я его убил, а потом выстрелил?

—Ну уж ты скажешь! Конечно, нет, вот только... ну не знаю. Но выглядело это так.

—Ладно,—буркнул он.—Как бы это ни было, еда у нас есть. Хотя и немного, но на всех хватит.

Вольф повернулся и провел лучем над землей. Луч чиркнул по скалам, затем приблизился к темпосфуджеру и погас. Вольф продолжал нацеливать лучемет на темпосфуджера, который оцепенев стоял на задних ногах, мигая широко раскрытыми глазами.

—Энергия израсходована,—сказал Вольф.

Он вытащил использованную энергообойму и засунул лучемет за пояс. Теперь оружие бесполезно, но он не собирался его выбрасывать. Все равно наступит время, когда удастся достать заряды.

Вольф уже собирался продолжить охоту с дубинками, но остальные запротестовали. Слабые и голодные Властелины требовали немедленного начала приготовления еды. Хотя мясо полусгорело, они с жадностью обросились на него и проглотили в один миг, урчание в желудках утихло. Все немного отдохнули, затем снова принялись гоняться за темпосфуджерами.

План был таков: разойтись в широкое кольцо, чтобы охватить всех животных, затем медленно смыкать его, приближаясь к прыгунам на расстояние взмаха дубинки. Темпосфуджеры начали отчаянно метаться то в реальном мире, то в темпоральном потоке. Одно мгновение не было видно вообще ни одного животного. На протяжении всей охоты никто толком не понимал, что происходит.

Сначала Вольфу было нетрудно вести счет животным. Было шесть, потом ни одного, потом снова шесть, потом три, потом шесть, потом один, потом семь.

Назад, вперед, туда и сюда метались прыгуны, в то время, как Властелины носились по лужайке, размахивая дубинками и издавая вопли в надежде захватить темпосфуджера в тот миг, когда тот выскочит из временного прыжка.

Неожиданно дубинка Тармаса ударила по голове одного из темпосфуджеров, когда тот материализовался. Прыгун свалился, дернулся пару раз и затих.

Тут восемь внезапно выскочили из воздуха. Одни оказались позади туши в то время, как остальные исчезли. В следующий миг их должно было быть семь, но снова было восемь, три секунды спустя их стало три. Еще через три секунды—девять, еще через три—ни одного. Девять, два, одиннадцать, сем, два.

Одиннадцать. Вольф метнул дубинку и попал одному по хребту. Тот упал вперед мордой. Вала бросилась к нему и добила прежде, чем тот очнулся от шока.

Затем численность увеличилась до пятнадцати, но быстро сократилась до тринадцати, когда Ринтрах и Теоторион убили по одному. Потом опять ни одного.

В течение минуты казалось, что темпосфуджеры рассвирепели. Страшно напуганные, они метались взад и вперед; их стало двадцать восемь, ни одного, двадцать десять, ни одного, пятьдесят шесть—или примерно столько по приблизительному подсчету Вольфа. Конечно, подсчитать их точнее было невозможно. Еще немного позднее—полагаясь при определении численности лишь на удвоение—Вольф был уверен, что их 7192.

Больше стадо не понесло потерь, Властелины не могли убить ни одного. Все возрастающее количество прыгунов ударяло охотников, людей сбивали с ног. Неведомо откуда появляющиеся животные неслись на них, царапали, лягали, мелькали перед самым носом.

Неожиданно прыгуны обратились в паническое бегство и кувыркалкой устремились ко входу в каньон. То один, то другой кувыркались, падали на землю и стадо могло бы застрять в узком проходе, однако в последний момент животные каким-то образом восстановили порядок и скрылись.

Расстроенные и потрясенные Властелины медленно поднялись. Они посмотрели на четырех убитых животных и покачали головами. Из восемнадцатитысячного стада, крутившегося под самыми дубинками, остались только эти четыре маленькие тушки.

—По половине темпосфуджера каждому—лучше, чем ничего,—заметил Вольф.—Но что мы будем есть завтра?

Все промолчали и отправились собирать хворост для костра. Вольф одолжил нож у Теоториона и стал снимать шкуры.

Утром Властелины позавтракали остатками вчерашнего пиршества и Вольф повел отряд в путь. Безмолвие каньона попрежнему нарушало журчание реки. Стены продолжали сходитьсь. Высоко в небе сияло желтое солнце. Ближе к полудню в отдалении появилось несколько темпосфуджеров. Вольф бросил в одного из них камень, но увидел лишь как тот исчез, будто скользнув за невидимый воздушный угол. Он снова появился три секунды спустя на двадцать футов дальше, стремительно прыгая, точно спешил на важное свидание, потом снова исчез.

Еще два дня спустя после того, как Властелины отобедали прыгунами, они были готовы к тому, чтобы ответить ягод. Паламброн утверждал, что запах этих ягод вовсе не означает, что они не съедобны. Если они и не вкусные, то вряд ли ядовитые. Раз им так или иначе грозит смерть, то почему бы им не попробовать эти плоды?

—Ну что ж,—сказала Вала.—Ты предложил, ты и пробуй.

Она как-то особенно улыбнулась ему, словно наслаждаясь зрелищем противоборства страха и голода.

—Ну уж нет,—возмущился Паламброн.—Не буду я подопытной свинкой. Почему именно я должен жертвовать собой? Я начну есть ягоды только вместе со всеми.

—Ты упускаешь возможность встретить смерть в прекрасной компании,—заметил Вольф.—И вообще, назвался груздем, полезай в кузов, как говорят земляне. Так что или пробуй или заткнись. Пустые споры только отнимают время.

Паламброн понюхал ягоду, которую держал в руках, скорчил гримасу и бросил ее на землю. Вольф продолжил движение и Властелины последовали за ним. Примерно час спустя перед путниками открылся еще один вход в боковой каньон. Свернув в ответвление, Вольф подобрал круглый камень, подходивший по весу и размеру для броска. Только бы удалось подобраться к темпосфуджеру достаточно близко.

Этот бокс-каньон был намного меньше первого. В его дальнем конце пасся один единственный темпосфуджер. Вольф лег на траву и пополз по-пластунски, используя как укрытие каждую скалу, каждый кустик, и ему удалось покрыть половину расстояния, прежде чем животное неожиданно перестало двигать челюстями, село и настороженно огляделось. Нос у него подергивался, а уши вибрировали, как телевизионная антенна в сильный ветер. Вольф припал к земле и застыл. От нервного напряжения его прошиб пот. Голодная диета сильно ослабила его организм, хотелось вскочить и подбежать к темпосфуджеру, наброситься на него, разорвать на куски и тут же проглотить. Он чувствовал, что готов сожрать прыгуна целиком, от кончиков ушей до самого хвоста, а затем еще перебить кости и высосать мозг.

Но он заставил себя лежать неподвижно, животное скоро успокоилось и тогда можно стало продолжать черепашьё продвижение.

В этот момент из-за скалы неподалеку от темпосфуджера появилось еще одно животное. Зверь был серым, за исключением красных заячьих ушей, с длинной мордой, пушистым хвостом и величиной с лисицу или кайота. темпосфуджер смотрел в другую сторону и затем прыгнул, намереваясь впитаться в шею жертвы. Его зубы лязгнули в воздухе: прыгун исчез.

Хищник тоже исчез, пропав раньше, чем успел приземлиться.

Появилось трое животных, два темпосфуджера и один хищник. Вольф, имевший склонности к классификации, тотчас же назвал его хроноволком. В первый раз он видел существо, волею природы или Уризена заселившее этот мир, дабы препятствовать чрезмерному размножению прыгунов.

Устроившись поудобнее, Вольф с интересом наблюдал за ходом событий. Прыгунов было двое. Потом ни одного. Потом трое. Таким образом, настоящий темпосфуджер хроноволк прыгнули вперед, но темпосфуджер задержался в будущем лишь на мгновение и тут же выпрыгнул назад. Так он воспроизвел себя, и теперь волк

охотился сразу за двумя прыгунами. Затем животные вновь исчезли и вскоре вновь появились, уже вчетвером. Два темпосфуджера, два волка. Охота продолжалась не только в пространстве, но и в страшных серых туннелях прошлого и будущего.

Еще прыжок, и волк скрылся в кустарнике у ближайшего валуна.

Снова семья. На этот раз волк возник из ниоткуда—прямо за спиной жертвы. Он бросился вперед и его челюсти сомкнулись прямо на шею темпосфуджера. Послышался треск костей и прыгун упал замертво.

Семь живых и один мертвый темпосфуджер. Прыгнув в сторону, волк исчез: очевидно решил отложить трапезу на потом. Вновь на поляне запрыгало семь животных. Вот сцепились два волка, один другому перегрыз горло.

На три секунды сцена опустела. Вольф мигом добрался до места схватки и бросился наземь. Хотя он и остался лежать на виду, но надеялся, что оставаясь неподвижным, не привлечет к себе внимания, тем более, что темпосфуджеры были охвачены ужасом, а волкам слепила глаза собственная кровожадность.

Еще один волк вынырнул из временного подпространства.

Оба волка набросились друг на друга, третий наблюдал за схваткой: темпосфуджеры оцумело метались вокруг них.

Вскоре третьему волку надоела роль наблюдателя, и он активно включился в игру, схватив за горло темпосфуджера, налетевшего на него в сплошной суматохе.

Уже валялись мертвыми темпосфуджер и волк. Оставшиеся в живых исчезали. Когда они вновь появились в поле зрения Вольфа, волк схватил ближайшего темпосфуджера за шею и сломал ее.

Вольф медленно поднялся на ноги. В тот самый миг, когда один волк благополучно перегрыз горло другому, Вольф швырнул зажатый в руке камень в победителя. Тот, должно быть, заметил угрозу, так как исчез раньше, чем камень успел коснуться его. Выскочив из туннеля, он припустился со всех ног к выходу из каньона.

—Не обессудь, что лишил тебя законной добычи,—крикнул ему вслед Вольф.—Удачи тебе в следующей охоте!

Он позвал своих спутников и объявил, что удача вернулась к ним. Шестерых животных хватит, чтобы всем набить животы и еще останется на следующий день.

Однако хорошие времена продлились недолго. Три дня спустя голод терзал Властелинов пуще прежнего. Они исхудали, щеки у них ввалились, глаза казались темными и глубокими ямами, желудки прилипли к позвоночникам. В тот день Вольф разбил их на пары и отправил охотиться. Сам он намеревался пойти один, но Вала настояла на том, чтобы он взял с собой Луваха, а охотиться в одиночку вызвалась сама. На недоумевающий ответ Вольфа ответила, что не хотела бы иметь сопровождающим мужчину, причем в единственном числе.

—Ты нас людоедами считаешь, что ли?—осведомился Вольф.

—Вот именно,—отрезала она сухо.—Как будто ты не знаешь, что стоит нам поголодать еще немного, и мы наверняка бросимся

друг на друга. Очень может быть, что Уризен на это и рассчитывает. Пиршество людоедов! Представляю, какое удовольствие он получит от этого зрелища.

—Ну, поступай, как знаешь,—буркнул Вольф.

И они с Лувахом отправились осматривать боковые каньоны. Вскоре они увидели нескольких темпосфуджеров, пасшихся в зарослях кустарника, и со всеми предосторожностями принялись подкрадываться к ним. За час они подползли к самым кустам и были близко к успеху. Но Вольф промахнулся, и камень пролетел в дюйме от головы намеченной жертвы. После этого все было потеряно. Темпосфуджеры даже не стали использовать прыжки во времени, а просто усаkali прочь и скрылись в соседнем каньоне.

Властелины поворчали, поругались, но вскоре усталость и сон сморили их.

Вольф тоже уснул, но среди ночи проснулся. Ему почудилось, что вдали кто-то кричит. Он сел и оглядел спящих. Все они были на месте за исключением Паламброна и Эниона.

Вала тоже проснулась.

—Ты тоже слышал?—спросила она.—Или то было урчание наших желудков?

—Кричали около реки,—сказал Вольф вставая.—Надо пойти посмотреть.

—Я с тобой,—казала Вала,—все равно мне больше не уснуть. Стоит мне только подумать, что они там, может быть, пируют себе, как меня трясет.

—Крошкой прыгуном не напируешься,—пробормотал он.

—Неужели ты думаешь...—ахнула Вала.

—Не знаю. Ты сама указала первой на такую возможность. И она мне кажется все более правдоподобной по мере того, как мы слабеем от голода.

Вольф прихватил дубинку и они отправились вдоль берега реки. Сумрачный свет луны освещал им дорогу и шагать было легко.

Так случилось, что они первыми заметили Паламброна. Его голова мелькнула над стеной каньона и вновь исчезла. На цыпочках они подобрались к скале. Из-за нее доносились звуки, похожие на удары камня о камень.

—Он пытается разжечь костер.

Вольф не ответил. Ему стало дурно. Так как он мог представить себе только одну причину, по которой Паламброн разводил костер, медленно подавляя ужас и отвращение, внушаемый ему картиной, которую он ожидал увидеть, Вольф заставил себя обойти скалу.

Паламброн стоял на коленях спиной к ним перед кучей веток и листьев и ударял два куска кремня.

У Вольфа отлегло от сердца: около Паламброна валялась тушка темпосфуджера.

Но где же Энион?

Вольф бесшумно подошел и стал позади Паламброна. Вскинув дубинку, он громко спросил:

—Ну, Паламброн?

Тот вскрикнул и бросился на кучку, приготовленную для костра. Затем вскочил и повернулся к ним лицом. В руке он держал грубо сделанный кремневый нож.

—Он мой!—прорычал Паламброн.—Я его убил, и я голоден! Я умру, если не съем его!

—Так же, как и все мы,—заметил Вольф.—Где брат?

Паламброн сплюнул.

—Скотина! Он мне не брат. Откуда я знаю, где он? Я ему что, нянька?

—Вы ушли вместе,—возразил—Вольф.

—Не знаю я, где он. Мы охотились поодиночке.

—Тут кто-то, кажется, кричал,—сказала Вала.

—А-а, это я кричал,—пробормотал Паламброн.—Наткнулся тут на спящего темпосфуджера и крикнул, когда пристукнул его.

—Может быть,—с сомнением произнес Вольф.

Не спуская глаз с Паламброна, он отошел к реке и поднялся метров на сто вверх по течению, когда заметил торчащую из под валуна человеческую руку. Он обошел валун и увидел труп Эниона. Затылок был разбит, рядом валялся окровавленный камень.

Вольф вернулся, но Паламброна с тушей темпосфуджера уже не было. Вала ждала его одна.

—Почему ты не остановила его?—спросил Вольф.

Она пожала плечами и улыбнулась.

—Я только женщина, как я могла задержать его?

—Могла бы, если бы захотела. Небось рассчитывала развлечься погоней? Боюсь, буду вынужден огорчить: погони не будет. Я и не подумаю тратить силы на этого дурака. А если он еще и успеет поест, то тем более удерет от любого из нас.

—Ну и ладно,—согласилась Вала.—Так что мы теперь будем делать?

—Завтра пойдем дальше и будем надеяться на лучшее.

—И умрем от голода,—Вала указала на валун, скрывающий труп Эниона и тихо сказала:

—Там достаточно пищи для всех.

С минуту Вольф не отвечал. Предложение Валу заставило его внутренне содрогнуться, но обстоятельства складывались так, что не оставалось выбора.

Вала была права. Как не претила мысль о такой еде, без нее им не выжить. Так что Паламброн в известной степени оказал им любезность. Убив брата, он принял вину на себя. Теперь они могли есть, не считая себя убийцами. Не то чтобы факт насильственной смерти сильно беспокоил его спутников, но сам бы он неизбежно мучился угрызениями совести, если бы был вынужден лишить другого человека жизни, чтобы не умереть от голода самому.

Что касается еды, то теперь он чувствовал слабое отвращение. Голод притупил естественный ужас перед каннибализмом.

И Вольф отправился будить остальных Властелинов, в то время как Вала подобрала кремни, оброненные Паламброном. Когда они все собрались, она не только развела костер, но успела разделить

труп. На мгновение Вольф отшатнулся. Но затем подумал, что коль скоро он собирается разделить трапезу, ему следует поработать. Он одолжил у Теоториона нож и принялся нарезать куски. Остальные предложили свои услуги, но он отогнал их.

Казалось, он хотел наказать себя, выполняя самую ужасную работу.

Когда мясо было готово, он взял свою долю и пошел за скалу. Он знал, что не удержится и съест кусок, но знал также и то, что при виде спутников, пожирающих человечину, его непременно стошнит. Поэтому он решил есть в одиночестве.

Рассвет застал их все еще за трапезой. Лишь к полудню они снова тронулись в путь. Оставшееся мясо завернули в листья и взяли с собой.

—Если Уризен наблюдал за нами,—заметил Вольф,—он, должно быть, неплохо повеселился.

—Пусть веселится,—отозвалась Вала.—Придет и мой черед.

—Твой? Ты, наверное, имеешь в виду—наш.

—Другие меня на касаются. Меня интересует, что сделаю я.

—Типично по-властелински,—заметил Вольф без уточнения.

Какое-то время после этого он наблюдал за Валой. Ее жизнеспособность поражала. Походка ее была легкой, щеки порозовели, движения казались проворными и изящными. Возможно на нее такое влияние оказала еда. «Но это не так,—думал Вольф.—Даже когда мы голодали, она не страдала от недоедания и не выглядела устало».

«Если кому-то удастся выжить и схватить отца за горло,—думал он,—это будет Вала».

«Пусть и мне хватит сил»,—молил он.

Глава XII

Они голодали уже целые сутки, когда ущелье кончилось. Отлогий склон постепенно переходил в равнину, простиравшуюся до самого горизонта. В четверти мили от подножия горы виднелся небольшой холм и на нем—два гигантских гексогена.

Властелины остановились и тупо воззрились на них.

—Чем скорее мы пройдем через какие-либо ворота, тем лучше,—произнес Вольф.—Надеюсь, по ту сторону найдется пища.

—А если нет?—спросил Тармас.

—Лучше уж помереть, пробираясь через оборону Уризена, чем сдохнуть от голода. А наши дела обстоят так, что...

Вольф взглянул на унылые физиономии спутников и осекся.

Властелины устало последовали за ним к подножию золотистых, украшенных золотистыми камнями сооружений.

—Ну что ж, сестра,—обратился Вольф к Вале,—предоставляем тебе право выбора. Поспеши, наши силы на исходе.

Вала подобрала камешек, повернулась спиной к воротам и швырнула его через плечо. Камень пролетел через правые ворота, чуть не ударившись о перекладину арки.

—Так тому и быть,—объявил Вольф.

Он посмотрел на спутников и рассмеялся:

—Что, ждете команду? Вперед, братья brave Властелины! Вперед, бродяги! Дубинки, поломанный меч, нож, дряблые от слабости мускулы, желудки, ворчливо требующие мяса—к бою! Ну, где мы еще видели такой презренный штурмовой отряд?

Вала засмеялась и заметила:

—У тебя, Джадавин, хватит мужества на всех! Это что-нибудь да значит.

—Надеюсь,—отозвался Вольф и, разогнавшись, прыгнул в правые ворота.

Он приземлился на мягкой почве, чуть подавшейся под ногами. Над равнинной местностью раскинулось голубое небо. Кое-где возвышались крутые холмы, такие каменные и темные, что больше походили на наросты, чем на насыпи земли. Сомнения его усиливало и то, что поверхность, на которой он стоял, была похожа на землю. Она была коричневой, гладкой, испещренной отверстиями: из каждой дыры рос тонкий трубчатый стебель высотой в фут.

«Похоже на кожу великана»,—подумал Вольф.

Единственной растительностью, если это можно назвать растительностью, были редкие деревья высотой около сорока футов с тонкими стволами и остроконечными ветвями, выступавшими сверху от ствола под углом в сорок пять градусов. Ветви были темнее, чем шафранового цвета стволы: их покрывали двухфутовые листья, похожие на лопасти.

Минуту спустя через ворота прошли остальные Властелины.

Вольф повернулся и произнес:

—Я рад, что обошелся без вашей помощи.

—Они были уверены, что на этот раз ворота приведут в крепость Уризена,—объяснила Вала.

—И ждали, пока я очищу площадку от ловушек для их прибытия,—сказал Вольф.—Решили пожертвовать мной, получить шанс прожить на несколько секунд больше.

Властелины промолчали. Вольф укоризненно посмотрел на покрасневшего Луваха.

Затем принялся исследовать ворота. Они были либо уже отключены, либо однополярные по конструкции. Вдали виднелась длинная черная линия, возможно берег реки или моря. Этот мир, столь похожий на тот, который они только что покинули, не давал никакого указания, в каком направлении им надлежало двигаться. Лишь с того склона, куда он ступил по выходу из врат, Вольф увидел два темных холма, возвышающихся неподалеку друг от друга. Возвышенности могли служить своеобразным знаком, поставленным Уризенем. Существовал только один способ проверить правильность догадки, и Вольф принял решение без колебаний.

Он пошел по слегка пружинящей поверхности, остальные последовали за ним. Над головами спутников мелькнула тень птицы, и все посмотрели вверх. Белая птица с красными лапками была размером со стервятника. Мордочка напоминала обезьянью с изогнутым клювом вместо носа. Птица летела так низко, что Лувах не

удержался и бросил дубинку, но промахнулся, слегка задев по расширяющемуся хвосту. Птица негодуяще вскрикнула и быстро поднявшись, исчезла из виду.

—На дереве вроде бы гнездо,—сказал Вольф.—Посмотрим нет ли там яиц.

Лувах побежал было вперед, чтобы подобрать свою дубинку, но на полпути застыл как вкопанный.

Земля заструилась. Поверхность вздыбилась дюймовыми волнами, покотившимися по направлению к упавшей дубинке. Лувах развернулся, собираясь убежать, но потом передумал и кинулся к своему единственному оружию. Поверхность позади него вспухла, вздыбилась еще выше и штормовой волной устремилась вперед.

Вольф закричал. Лувах оглянулся, увидел грозящую ему опасность и стремглав бросился в сторону, пытаясь обежать катящийся вал. Вольф помчался вслед за гребнем, не зная чем помочь Лувахи.

Внезапно волна спала. Вольф с Лувахом остановились, но тут почва под ними вновь стала вспухать. Оба со всех ног бросились прочь, а земля, или что это было, двинулась за ними.

Они мчались что было духу к вратам, надеясь, что они уставлены на устойчивом месте и рассчитывая обрести там твердую почву под ногами.

Властелины добрались до безопасного места, как раз вовремя. Поверхность за ними внезапно выгнулась, образовав широкое углубление, затем впадина превратилась в узкий колодец, стенки которого сомкнулись, издав чавкающий звук. Еще несколько мгновений — и дыра исчезла. Вновь перед ними расстилалась гладкая ровная поверхность, испещренная порами со стеблями, все еще продолжавшими вибрировать.

—Ну и ну!—пробормотал Лувах.—Клянусь Лосом!

Он был бледен, веснушки проступили на его лице, как млечный путь.

Вольфу тоже было не по себе, словно попал в землетрясение. И его сильно тревожило смутное подозрение, что на самом деле все обстоит еще хуже.

Позади послышалось чье-то восклицание. Повернувшись, Вольф увидел Паламброна, пытающегося вернуться через врата, в которые он только что вошел. Паламброн, очевидно, следовал за ними и, выждав время, чтобы Властелины успели отойти подальше, riskнул шагнуть под арку. Теперь он тоже попал в ловушку.

Впрочем, его ждало нечто похуже. Приказав Властелинам, пытающимся растерзать убийцу на куски, оставить его в покое, Вольф приблизился и, не скрывая своего презрения, оглядел трясущегося и стучащего зубами брата.

—Паламброн,—объявил Вольф,—тебя приговорили к смерти, потому что ты нарушил перемирие и убил своего брата.

Паламброн, увидев, что ему грозит немедленная расправа, обрел мужество. Считая, что у него еще есть шанс, вскричал:

—По крайней мере, я не ел своего собственного брата! Я не виноват! Мне пришлось его убить, так как он напал первым!

—Эниона ударили по затылку,—возразил Вольф.

—Я не виновен!—кричал Паламброн.—Он упал в драке, а когда начал подниматься я схватил камень и ударил его. Разве я виноват, что он подставил свой затылок? Неужели я должен ждать, пока он повернется и набросится на меня?

—Я вижу, говорить с тобой бесполезно,—сухо заметил Вольф.—Ты свободен, никто не станет мारать об тебя руки. Но с нами ты не можешь остаться. Иначе никто не будет чувствовать себя в безопасности.

—Вы позволяете мне уйти?—удивился Паламброн.—Но почему?

—Хватит болтать!—рывкнул Вольф.—Если через десять минут ты не скроешься с глаз, я больше не буду никого сдерживать. Тебе лучше уйти подобру-поздорову. Ну?!

—Минуточку!—встревожился Паламброн.—что-то тут не так. Нет, я никуда не пойду!

Вольф сделал знак остальным:

—Вперед! Убейте его!

Паламброн завопил и, повернувшись, со всех ног бросился бежать. Ярдов через тридцать он обернулся и, убедившись, что его никто не преследует перешел на шаг.

В этот момент почва за ним вспухла, вздыбилась в два человеческих роста. В тот миг, когда волна набрала максимальную высоту, Паламброн обернулся вновь. При виде устремившегося к нему гигантского вала он издал крик отчаяния и кинулся прочь. Волна резко опала, и сотрясение почти опрокинуло беглеца, сбив его с ног. Паламброн с трудом поднялся, шатаясь, и побежал дальше.

Неожиданно почва перед ним ушла вниз. Он вскрикнул и круто свернул в сторону. Ужас, казалось, вновь придал ему силы. Вновь на его пути разверзлась дыра, и вновь ему удалось увернуться. Но на встречу ему уже поднималась новая волна. Несчастный попытался еще раз свернуть, но подскользнулся и упал. Вздвигавшийся вал скрыл его от глаз Властелинов. На минуту волна застыла, чуть заметно подергиваясь, потом осела и поверхность снова стала гладкой—лишь холмик, длиной в шесть футов, слегка выпирал на ровной поверхности.

—Проглочен,—выдохнула Вала. Она была заметно возбуждена: широко открытые глаза сияли, рот был приоткрыт.

—Похоже, что отец действительно создал для нас чудовище,—произнес Вольф,—не удивлюсь, если вся планета покрыта шкурой этого... велтизмira.

—Что-что?—переспросил Теоторион. Его глаза все еще были полны ужаса. И хотя недавний голод явно не пошел ему на пользу, за последние три минуты он похудел еще на пятьдесят фунтов. Кожа на нем висела складками.

—Велтизмир. Животное-мир. Германская мифология. Это земной язык.

«Планета, покрытая шкурой,—думал он.—Или, возможно, не шкура, а амeba размером с континент. Амeba, завладевшая этим миром. Жуткая картина наводила страх.

Оболочка амёбы жила, и этого нельзя было отрицать. Но как же эта чертова тварь не умирает от голода? Миллионы тонн живой протоплазмы нужно ведь чем-то кормить. Конечно, она поедает животных, но вряд ли здесь найдется их достаточное количество, чтобы поддерживать жизнь в этой разросшейся клетке.

Вольф решил выяснить этот момент, если, конечно, ему представится такая возможность. Он был любопытен, как обезьяна или сиамский кот, и всегда готов исследовать, размышлять, анализировать. Он не успокаивался, пока не узнавал, почему и как.

Вольф присел и погрузился в раздумья, как быть дальше. Властелины, за исключением Вала, тоже расположились на отдых. Вала же, осторожно ступая, отправилась прочь от безопасной зоны. Некоторое время Вольф с удивлением следил за ней, когда вдруг понял в чем тут дело. И как он сам не догадался? Вала шла, тщательно избегая «волосков», торчащих из земли. Пройдя круг радиусом около двадцати пяти ярдов, девушка благополучно вернулась в зону врат. И ни разу поверхность не задрожала, ни разу не покрылась смертоносной рябью.

Вольф поднялся на ноги со словами одобрения:

—Молодец, Вала. Один-ноль в твою пользу. Животное или что бы там ни было—пробуждается от прикосновения к «волоскам» или щупальцам. Если мы будем передвигаться так же осторожно, как лавируют корабли на рифах, мы пересечем эту местность. Единственно, что внушает беспокойство, так это вон те горки.

Он указал на возвышающиеся вдаль не то холмы, не то грубые наросты. Волоски густо покрывали подножия бугров, а за ними плотно усеивали всю землю.

Вала пожала плечами:

—Не знаю.

—Ладно, побеспокоимся, когда доберемся туда,—буркнул Вольф и зашагал, внимательно глядя под ноги. Властелины гуськом последовали за ним. Вала же пошла параллельно, держась от отряда на расстоянии пять-шесть ярдов.

—Трудновато будет охотиться в таких условиях,—произнес Вольф.—Придется одним глазом все время смотреть на «волоски», будь они неладны!

—Я бы на твоём месте не переживала,—заметила Вала.—Еще неизвестно, есть ли на кого охотиться.

—Ну уж в существовании одного представителя местной фауны я уверен,—отозвался Вольф.

Он больше ничего не добавил по этому поводу и Вала недоуменно подумала—что он имеет в виду? Вольф тем временем пошел к дереву, на ветвях которого виднелось гнездо. Кучка палок и листьев фута три в поперечнике, скрепленных, похоже, каким-то клейким составом, располагалось на стыке ствола и одной из ветвей.

Остановившись меж двух «волосков», Вольф протянул дубинку и ударил по стволу. Вдали, приблизительно на таком же расстоянии, какое они прошли, виднелись верхушки гексогенов. Дерево никак не отреагировало на удар и Вольф, взобравшись по стволу,

засунул руку в гнездо. Пошарив, он извлек оттуда два яйца с зелеными и черными пятнами, размером вдвое больше индюшиных и передал их Вале.

В это время вернулась птица-мать. Тельце, чуть больше лысого орла, покрывал белый пух с голубыми полосами. Обезьянью мордочку украшали орлиный клюв и волчьи уши, но более странно выглядели крылья летучей мыши, хвост археооптерикса и лапы хищника.

Сложив крылья, птица камнем рассекла воздух и рухнула на Вольфа. Перед самым ударом она завизжала—словно пилили железо: визг, вероятно, предназначался для запугивания жертвы. Если так, то ее старания пропали впустую: едва заметив угрозу, Вольф отпустил ствол и упал. За ним послышался треск и повторное взвизгивание—на этот раз от боли и паники, так как разъяренный стервятник, не рассчитав скорости, со всего лету врезался в дерево.

Свалившись на землю, Вольф покотился. Он чувствовал, что задевает «волоски», но не в силах был избежать этого. Наконец он поднялся, отряхивая листья и ветки, осыпавшиеся из полуразрушенного гнезда, и едва успел уклониться от полуголушенной птицы; та, однако, падая, инстинктивно расправила крылья.

К этому времени змея-шкура среагировала на прикосновение щупальцев, которые затронул не только Вольф, но и остальные Властелины, отскочившие, когда тот упал с дерева.

—Назад, на дерево!—крикнул он.

Вала предварила его совет и уже карабкалась по стволу. Он полез за ней и почувствовал, как острые когти, словно раскаленные добела крюки, впились ему в спину. Летающий хищник вновь напал на обидчика, придя в себя. Вольф опять рухнул наземь, подминая животное под себя.

Хищник надсадно дышал. Менее пострадавший Вольф скатился и, вскочив, ударил зверя по ребрам. Пасть животного под коричневым клювом раскрылась обнажая два саблезубых клинка, покрытых слюной и кровью. Вольф еще раз ударил его и вернулся к дереву.

Но Властелины, неистово стремящиеся добраться до безопасного места на ветвях, совсем обезумели. Тармас наступил Вольфу на голову и, воспользовавшись ею, как трамплином, устремился наверх. Ринтрах потащил его вниз, отпихнув, и полез по стволу. Слетев вниз, Тармас рухнул на стоящего на четвереньках Вольфа.

Сидя на ветке дерева, недалеко от вершины, Вала истерично хохотала, хлопая себя по бедрам. Но вдруг она пронзительно вскрикнула. Ветка обломилась и она свалилась на землю. Удар был сильным, и видимо она лишившись чувств, осталась лежать. Теоторион перепугался больше всех. Он сильно похудел за последние дни, но все еще весил немало, да и ласты здорово мешали, так что взбираться по дереву ему было трудно. Он все время скатывался вниз и то и дело оглядывался через плечо, что-то бормоча.

Вольфу наконец-то удалось встать на ноги. Вокруг него, а точнее, вокруг дерева, шкура сходила с ума. Поверхность вздыбилась огромными валами, охотящимися за Лувахом и Аристоном. Эти двое с невероятной скоростью мчались по кругу, ужас придавал но-

вые силы их измученным и голодным телам. Земляная плоть гналась за ними по пятам. Впереди уже появилась новая волна. Под ногами разверзались новые волны и ямы.

Лувах и Аристон резко свернули и двинулись навстречу друг другу. Опухоли и впадины, упустив близкую добычу, столкнулись. Вольф в ошеломлении следил как протоплазма хаотично колыбалась, вспучиваясь и опадая, издавая чавкающие звуки. Больше всего эта сцена напоминала скопление водоворотов.

Прежде, чем шкура смогла получить новые сигналы о Лувахе и Аристоне и перестроиться, им удалось добраться до дерева, но они мешали друг другу подняться. Пока два обезумевших беглеца цеплялись друг за друга, Вольф схватил тело летающего зверя и изо всех сил швырнул его. Труп птицы упал на приближающуюся опухоль, замершую в тот самый миг, когда мертвое животное коснулось ее. В месте соприкосновения тут же образовалась впадинка, которая быстро углубилась, потом края колодца сомкнулись, оставив на поверхности только выпуклость и рубец, указывающий на то, что что-то было внутри.

Хотя Вольф и хотел употребить птицу в пищу, но ею пришлось пожертвовать. Поверхность вокруг дерева разгладилась и, совершив несколько пульсаций, вновь стала инертной, будто и в самом деле была обычной почвой. Вольф подошел в Вале. Та сидела, тяжело дыша, с искаженным от боли лицом. Поскольку поверхность-шкура была пружинящей, то удар оказался не таким сильным, как если бы она упала на твердую землю, но все же лицо и плечи были покрыты синяками и некоторое время она не могла пошевелить рукой.

Больше того, казалось, пострадало чувство ее собственного достоинства. Пылая негодованием, она обзывала их всех кучей трусливых глупцов, годных лишь на то, чтобы быть рабами. Властелины, смущенные оскорблениями, держались угрюмо. Они чувствовали ее правоту и им было стыдно. Но, разумеется, никто из них не собирался в этом признаваться.

Вольф к этому времени счел происходящее забавным. Он даже рассмеялся, но потом со стоном выпрямился—рана, нанесенная когтями летающего зверя, все еще болела. Лувах осмотрел его спину и сказал, что сочившаяся кровь, по его мнению, скоро остановится, но следует опасаться заражения, так как лекарств у них нет.

—Да, весело,—пробормотал Вольф. Он поискал глазами яйца. Одно, разбившееся, растеклось у корней дерева. Другого не было видно—вероятно, его поглотила шкура.

—О Лос!—простонал Аристон.—Что нам теперь делать? Мы умираем от голода и не можем шагу ступить от этого дерева, иначе чудовище проглотит нас живьем. Отец убил нас, а мы даже не приблизились к его крепости.

—Эх вы, Властелины и Созидатели миров! Да вы просто жалкие человечки без своих крепостей и оружия,—возмущился Вольф.—Напомню вам еще одну присказку землян: «Есть не один способ содрать шкуру с кота».

—Кота?—оживился Теоторион.—Я мог бы съесть дюжину котов.

Вольф только поднял глаза вверх, но ничего не сказал. Он велел всем забраться на дерево, и взяв у Теоториона нож и отошел на несколько футов в сторону. Присев на корточки, он изо всех сил всадил клинок в шкуру: если она достаточно податлива, чтобы образовывать псевдопадины и дыры, то наверняка поддастся металлу.

Вольф вырвал нож из раны, поднялся и отступил на несколько шагов. Шкура раздвинулась, превратилась в дыру, затем вокруг раны образовался конус и начал сжиматься в кратер, заполняя сам себя. Вскоре он распрямился и рана затянулась. Вместо крови, которую Вольф ожидал увидеть, выступила красная бледная сукровица.

Вольф приблизился к шраму, стараясь не касаться «волосков». Затем быстро вырезал из шкуры кусок, вытащил трепещущую массу и стремглав побежал назад к дереву. Снова протоплазма вздыбилась бурей хаоса. Волны, кратеры, гребни и короткие водовороты, затем плоть осела.

—Шкура вокруг дерева кажется гораздо крепче и менее податлива, чем на некотором расстоянии,—заметил Вольф.—Думаю, что мы находимся в безопасности, пока стоим на ней, хотя шкура может быть способна... приливная волна может смыть нас. Так или иначе, нам надо поесть.

Властелины поделили между собой кусок плоти. Свежевырезанное мясо было упругим, скользким от сукровицы и неприятно пахло, но его можно было жевать и глотать. Набив желудки, путешественники почувствовали себя более сильными. Некоторые легли спать. Вольф отправился на берег протекавшей поблизости реки. Вала и Теоторион последовали за ним. И Лувах, глаза на них, тоже решил пройти. Земляная поверхность резко обрывалась. Волосков над обрывом было мало, так что исследователи могли расслабиться.

Вольф стоял на самом краю и смотрел в воду. Солнца не было, но вода была прозрачной и позволяла видеть далеко в глубину.

У самого берега плавало множество рыб самых различных размеров, форм и расцветок. Наблюдая за ними, Вольф увидел, как тонкие длинные щупальца высунулись из-под обрыва и схватили большую рыбину. Та сопротивлялась, но ее быстро утащили под обрыв. Вольф опустился на колени и перегнулся через край, чтобы посмотреть, кому досталась добыча. Обрыв, на котором он стоял, выдавался довольно далеко. Но основания выступа Вольф так и не увидел: крутой склон усеивали тысячи копошащихся щупалец, многие из которых тянулись за рыбинами. Щупальца виднелись в воде насколько хватало глаз. Вскоре еще одно из них свернулось, вытянувшись из глубины гигантскую рыбину.

Вольф поспешил убрать голову, так как в этот момент одно из гигантских щупалец поползло в его направлении. Он сказал:

—Я недоумевал, как такое чудовище добывает себе пищу. Теперь понятно, что оно питается главным образом морской живностью. И я готов поспорить, что животное, на котором мы стоим—это огромное плавающее чудовище. Подобно островам водного мира оно ни к чему не прикреплено.

—Приятно знать это, но как это поможет?—заметил Лувах.

—Пожалуй, нам пора еще разок поесть,—заметил Вольф в ответ.—Теоторион, ты среди нас самый лучший пловец. Прыгни в воду и поплавай немного. Держись поближе к берегу и будь готов выскочить оттуда.

—Почему я?—закричал Теоторион.—Ты только посмотри, как эти щупальца хватают рыбу.

—По-моему, они движутся вслепую, может быть, чувствуют вибрацию воды. А ты двигаешься достаточно быстро, чтобы ускользнуть. Кроме того под этим краем щупальца короткие.

Теоторион покачал головой.

—Нет, я не буду рисковать своей жизнью.

—Ты умрешь с голоду, если не поймаешь рыбу,—настаивал Вольф.—Нельзя больше трогать шкуру, она становится все более раздражительной.

Он указал на рыбу, скользившую под поверхностью,—жирную и медлительную рыбу с головой, похожей на голову сфинкса.

—Как по-твоему, хороша будет на вкус?

У Теоториона потекли слюнки, в желудке заурчало, но он не пошевелился.

—Ладно, давай свой нож,—сказал Вольф.

Он выхватил у Теоториона нож, прежде чем тот успел перехватить руку пальцами ноги, и отбежав как можно дальше, бросился в воду. Рыба тотчас же бросилась от него прочь. Она плыла медленно, но все же не настолько, чтобы он мог догнать ее. Впрочем он и не собирался ее ловить. Он и не думал об этом. Гораздо больше его интересовала реакция щупальца на его появление в воде.

Одно из щупалец действительно отделилось от толстого основания и поползло по направлению к нему. Вольф погрузил голову в воду, чтобы наблюдать за ним, и поплыл к берегу. Заметив, что псевдоподия увеличила скорость и приблизилась к нему, он протянул руку и ухватился за кончик отростка. До сего момента у него не было уверенности, что щупальца не ядовитые, как у медузы. Успокаивал лишь тот факт, что рыба, которую схватили, отчаянно боролась, не показывая признаков отравления.

Отросток сложился кольцом и схватил его за кисть. Вольф резко высвободился и отсек ножом довольно легко футов двенадцать плоти. Щупальце отпрянуло и начало отползать. Приблизившись к берегу, Вольф положил добычу на край обрыва и начал подтягиваться сам, когда почувствовал, как что-то схватило его ступню. Он глянул вниз и увидел у основания щупальца пасть. Пасть была беззубой, но смыкалась достаточно сильно, чтобы удержать его ногу. Вольф вцепился руками в обрыв и выдохнул:

—Помогите мне!

Теоторион сделал по направлению к нему несколько шагов подпрыгивающей походкой и остановился. Вала, стоя в сторонке, глядела на щупальца и улыбалась. Лувах выхватил из ножен полумантый меч и прыгнул в воду. Вала рассмеялась и нырнула следом. Вынырнув, она взяла у Вольфа нож и вместе с Лувахом принялась

трудиться над щупальцем в нескольких футах от пасти. Наконец они отрезали отросток и Вольф выбрался на сушу, волоча за собой вцепившуюся в ногу пасть с куском щупальца.

Отрезанную плоть можно было есть, лишь поколотив о ствол дерева—для размягчения. Но даже после этого мясо напоминало жесткую резину. Как бы то ни было, желудки их заполнились.

Некоторое время спустя, они вновь тронулись в путь по равнине, соблюдая при движении все меры предосторожности. Достигнув первого холма, подножие которого обросло пучками волос, путники остановились. Теперь они уже видели свою цель. На вершине высокого холма, в полумиле от них, возвышалась пара золотых гексагонов.

Вольф размахнулся и швырнул ветку, обломанную Валой при падении с дерева, в самую гущу «волосков». Все пространство мгновенно пришло в движение, причем поверхность колыхалась более энергично, чем в тех местах, где «волоски» покрывали землю не так густо.

—О Лос!—воскликнул Аристон.—Мы погибли! Нам никогда не добраться до врат!—он погрозил кулаком небу и прокричал:

—Отец! Я ненавижу тебя! И тот день, когда ты меня зачал! Ты думаешь, что остановил нас там, где тебе было угодно, но клянусь Лосом и Хромым Энитармормом—мы еще доберемся до тебя!

—Вот это характер!—заметил Вольф.—Я уже мгновение назад решил, что ты собираешься заскулить, как больная собака. Выскажись, братец, выскажись, возможно, этот старый ублюдок и услышит тебя!

Тяжело дыша и сжимая кулаки, Аристон заявил:

—На проклятия у меня смелости хватает. Но все-таки хотел бы я знать, что же нам делать?

—Есть какие-нибудь идеи?—спросил Вольф своих спутников.

Властелины покачали головами.

—Где же вся ваша дьявольская одаренность и лисий ум, который полагается иметь детям Уризена?—осведомился Вольф.—Или лгут истории, воспевающие ловкость каждого из вас, когда вы силой или хитростью захватывали неприятельские крепости? В чем же теперь дело?

—Все они храбрецы и умники,—заметила Вала,—когда вооружены до зубов. А теперь, я думаю, что они еще не оправились от шока, раз так легко попали в ловушку отца, да еще к тому же лишились своих аппаратов. А без них они утратили то, что делало их Властелинами. Теперь это просто людишки и притом жалкие.

—Мы так устали!—воскликнул Теоторион.—Мои мускулы гудят и ноют от напряжения. Я так ослаб, словно нахожусь на планете с двойной силой тяжести.

—Мускулы, как же!—буркнул Вольф.

Развернувшись, он повел отряд назад к дереву. Вольф работал не покладая рук, несмотря на жгучий огонь в спине, охватывавший его всякий раз, когда он обламывал ветку—раны от когтей при

каждом движении причиняли мучительные страдания. Властелины помогли ему и вскоре у каждого в руке было по пучку веток.

Путешественники вернулись к краю густо заросшего «волосками» пространства и принялись бросать ветки в скопление «волосков». Они кидали не одновременно, а соблюдая строгую очередность. Поверхность-шкура зарокотала, как море во время урагана. Волны, кратеры, рябь искривили ровное пространство.

Однако по мере того, как они продолжали раздражать «волоски», буря стихала. И к тому времени, когда запас веток подошел к концу, поверхность почти не реагировала. Последняя палка вызвала лишь мелкие углубления и быстро спавшую дрожь.

— Похоже, она устала, — объяснил Вольф. — Однако поверхность может ожить довольно скоро. Поэтому предлагаю идти немедленно.

И он быстро зашагал вперед. Шкура заколыхалась и сторбилась, отвечая на раздражение «волосков», на поверхности появились широкие углубления, вогнутые до трех футов. Вольф обошел их, затем побежал и не останавливался, пока не достиг холма. Этот холм подобно первому, казался наростом, огромной бородавкой на шкуре. Хотя склоны его и вздымались почти отвесно, все же они были достаточно сморщенными, за складки можно было цепляться руками и ногами. Подъем был не легкий, но не невозможный. Поэтому все Властелины добрались до вершины без неприятностей.

— Честь выбора снова предоставляется тебе. Какие ворота? — спросил Вольф у Вала.

— До сих пор она не слишком-то преуспевала в своей задаче, — заметил Аристон. — Почему все время выбирает Вала?

Вала, как тигрица повернулась к нему.

— Если ты думаешь, брат, что можешь сделать выбор лучше — выбирай! Но в доказательство своей правоты тебе придется первым пройти врата.

Аристон тотчас отступил, пробурчав:

— Ладно, ладно, не стоит нарушать обычай.

— Ах, уже обычай! — воскликнула Вала. — Так вот, я выбираю левые врата.

Вольф не колебался. Он был слаб и безоружен, и знал, что на этот раз может напрямик попасть в крепость Уризена, но все же решительно прыгнул под арку.

В течение минуты он не мог понять, где он и что происходит. Голова у него закружилась. В воздухе мелькнуло нечто странное.

Глава XII

Он стоял на огромном быстровращающемся цилиндре из серого металла. При каждом обороте в поле зрения всплывали все новые и новые цилиндры, крутящиеся над ним со всех сторон на фоне бледно-розового неба.

Над каждым цилиндром сияли по три розовато-лиловых луча, начинающихся в футах двенадцати над центром основания. Время от времени лучи освещались красными, оранжевыми, черными, бе-

лыми и пурпурными огоньками, вспыхивающими как сигнальные ракеты. Огоньки проскакивали по лучам, словно их дергали за невидимые веревочки и, доходя до точки, расположенной примерно в двенадцати футах от основания другого цилиндра, взрывались яркими вспышками и гасли.

Вольф закрыл глаза, чтобы побороть головокружение и боль. Когда он вновь открыл их, остальные Властелины уже прошли сквозь врата. Аристон и Тармас упали на металлическую поверхность и изо всех сил прижимались к ней. Теоторион сел, будто боялся, что вращение потащит его прочь и вытолкнет в пространство между цилиндрами. Только Вала, казалось, ничуть не удивилась. Она спокойно улыбалась, хотя быть может, мужество ее было показным. Но даже если и так, она была достойна восхищения.

Вольф, насколько возможно, изучал окружающую обстановку. Все цилиндры были размером с небоскреб. Он не понимал, почему его сразу не сорвало центробежной силой. Для этого тело должно было обладать изрядной массой.

Как ни странно, так оно и было. Возможно... нет, нельзя верить, что Уризену удалось установить равновесие сил так, чтобы тела с большей силой тяжести удерживались от падения друг на друга. Вероятно, разноцветные огоньки, бегающие вдоль лучей, и являлись проявлением постоянного восстановления равновесия, какая бы статика и динамика не использовалась, чтобы удерживать небольшие, но весящие как и на земле, предметы.

Вольф понятия не имел, как это делалось, но он прекрасно знал, что наука, унаследованная Властелинами, далеко опередила известную землянам.

Вокруг виднелись тысячи, а может быть и сотни тысяч таких цилиндров, расположенных в миле друг от друга. Они вращались вокруг своих осей и медленно перемещались относительно друг друга, словно в слитном танце.

Издаലെка отдельные тела выглядели как одна цельная масса, это должно быть одна из планет, которые видны с водного мира.

Было одно преимущество в их затруднительном положении. В таком крошечном мире им не придется далеко идти до следующих врат. Хотя вряд ли Уризен сделал короткий путь легким.

Вольф вернулся к вратам и попытался выйти. Он легко шагнул через раму, но, как и ожидал, оказался снова на цилиндре. Развернувшись, он предпринял попытку пройти врата с другой стороны, однако и она оказалась бесполезной. Тогда Вольф принялся искать другие врата, обходя цилиндр по окружности. Он не прошел и половины пути, когда увидел два гексагона.

Врата располагались в нескольких дюймах от поверхности и между рамами и поверхностью цилиндра розовела полоска неба. Они двинулись к вратам. Вольф не отрывал глаз от шестиугольника, стараясь не отвлекаться на кружащиеся со всех сторон цилиндры.

Он шел впереди, поэтому первым заметил неожиданное поведение гексагонов-близнецов. Когда путешественники приблизились к ним на расстояние пятидесяти футов, врата начали отодвигаться.

Вольф пошел быстрее, но расстояние между ним и воротами осталось постоянным. Когда Вольф побегал, ворота двинулись быстрее, но он все-таки выиграл несколько дюймов.

Остальные Властелины бежали за ним. Они топали по тяжелой металлической конструкции и в воздухе слышалось их тяжелое дыхание. Вольф—остановился, ворота тоже. Все, кроме Валу, собрались вокруг него. Раздались возгласы:

—О, Лос! Сперва он морит нас голодом до полусмерти... потом до смерти загоняет бегом.

Вольф восстановил дыхание, затем сказал:

—По-моему, их можно поймать. Как только я бросался бежать, они замедляли скорость. Это пропорциональное уменьшение. Но я не могу бежать так быстро и долго, чтобы ухватиться за них. Кто здесь самый быстрый?

—Я всегда мог побить всех в беге,—сказал Лувах,—но сейчас я очень устал, и у меня нет сил, абсолютно...

—Попробуй,—распорядился Вольф.

Лувах неопределенно улыбнулся и осторожно двинулся к воротам. Они отодвинулись. Он бросился бежать и вскоре скрылся за закруглением цилиндра. Вольф повернулся и побегал в противоположном направлении. Вала двинулась за ним. Горизонт головокружительно метнулся навстречу. Он побегал дальше и тотчас увидел Луваху и ворота, разделенные десятью футами. Но Лувах уже выдыхался: дыхание с хрипом вырывалось из его легких, ноги едва двигались. Наконец он остановился, и тут же застыли ворота. Вольф приближался к гексагонам с противоположной стороны и, когда он оказался на таком же расстоянии от них, как и Лувах, ворота скользнули в сторону, как мыло из рук. Вала направилась к ним под углом, но они вновь изменили направление. Наконец запыхавшиеся Властелины остановились. Образовался как бы квадрат: в трех углах стояли люди, в четвертом—ворота.

—Где остальные?—спросил Вольф.

Лувах ткнул пальцем. Вольф поглядел и увидел, как оставшиеся из Властелины вразброд бредут вдоль закругления этого крошечного мира. Он позвал всех и голос прозвучал жутко в этой странной атмосфере. Лувах было пошел вперед, но Вольф командовал ему остановиться. Следуя указаниям Вольфа, Аристон, Тармас, Теоторион и Ринтрах образовали восьмигранник с воротами в центре. Потом—начали сходитьсь, сохраняя одинаковое расстояние между собой и двигаясь с равной скоростью. Ворота раскачивались из стороны в сторону, но висели на месте.

После двух минут медленного и терпеливого движения Властелины, наконец, ухватились за гексагоны. На этот раз Вольф не спросил у Валу, в какие ворота входить. Он направился в левые.

Остальные последовали за ним, и физиономии у них тотчас вытянулись. Они стояли на другом цилиндре, и на противоположном конце его виднелась еще пара врат. Вновь последовала утомительная погоня и сближение. Вновь Властелины прошли через ворота, на этот раз правые. И вновь оказались на другом цилиндре.

Они проделали это пять раз. Властелины смотрели друг на друга красными, усталыми глазами. Ноги у них дрожали от изнеможения, грудь болела. Они покрылись потом, горло у каждого пересохло, как при самоме в Сахаре, и они едва держались на ногах, цепляясь за гексагоны.

—Так продолжаться больше не может,—заявил Ринтрах.

—Спасибо за откровение,—заметила Вала.—Мог бы для разнообразия высказать что-нибудь пооригинальнее.

—Очень хорошо. Мне ужасно хочется пить, так хочется, что я бы не отказался глотнуть чьей-нибудь крови. Твоей, например.

Вала рассмеялась.

—Только подойди, и я тотчас проткну тебя этим мечом. Твоя кровь жидковата и дурно пахнет, но не беспокойся, я заткну нос.

—Почему-то мы всегда выбираем врата, которые ведут куда угодно, но только не к Уризену,—сказал Вольф.—Пожалуй, на этот раз нам следует разделиться. По крайней мере, хоть кто-то попадет к отцу.

Все заспорили. Вала и Лувах молчали. Наконец Вольф объявил:

—Мы с Валой и Лувахом пойдем в одни врата, остальные пойдут в другие, так-то вот.

—Почему с Валой и Лувахом?—спросил Теоторион. Он подозрительно прищурился и в его голосе послышались злобные нотки.—Почему с ними? Вы трое знаете что-то, чего не знаем мы? Вы собираетесь покинуть нас?

—Я беру Луваха, потому что он единственный, кому я могу доверять,—объяснил Вольф.—А Валу—потому, что она среди вас лучший мужчина.

Он оставил Властелинов пререкаться, а сам прошел вместе с сестрой и Лувахом в левые врата. Несколько минут спустя во врата прошли и остальные. Увидев Вольфа, Луваха и Валу, они смутились.

—Но мы прошли в правые врата!—заявил Ринтрах.

Вала рассмеялась.

—Похоже, отец сыграл с нами еще одну жестокую шутку. И те и другие врата ведут на один и тот же цилиндр. Я подозреваю, что они все здесь такие.

—Он играет нечестно!—возмутился Аристон.

При этом Вольф с Лувахом расхохотались, минутой позже и остальные, за исключением Аристона, присоединились к ним.

Когда смех, в котором, правда, слышались нотки отчаяния, замер, Вольф сказал:

—Может быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, каждый из цилиндров в этом... этом кружащемся мире имеет врата, и если мы будем так же продолжать действовать, то в конце концов пройдем через все, которые есть. Только в таком случае мы умрем раньше, чем отыщем хотя бы намек на истинный путь. Нам следует придумать что-нибудь новенькое.

Наступила тишина. Властелины сидели и лежали на твердом, сером металле, а над ними в беззвучной серенаде вращались ци-

линдры. Близнецы-гексагоны над основаниями цилиндров, казалось, насмехались над ними.

Наконец Вала сказала:

—Я не верю, что ситуация безвыходная. Это не похоже на отца. Он не прекратит игру, пока у нас не останется хотя бы частичка силы для борьбы. Он хочет довести нас до агонии и сломить. И он рассчитывает—я уверена в этом, что в конце концов мы найдем врата, которые приведут нас в его крепость. Он, должно быть, делает ставку на то, что мы догадаемся в чем дело, и примем решение, и будет разочарован, если мы спасуем. Поэтому я считаю, что нам следует хорошенько подумать. Очевидно, врата на всех цилиндрах замкнуты между собой, то есть они ведут друг в друга, если входить в них обычным путем, через ту сторону, которая украшена драгоценностями. Но что если врата двухполярные? Что если другая сторона приведет нас к цели?

—Я пробовал другую сторону,—сказал Вольф,—как только мы попали сюда.

—Да, ты опробовал входные врата. Но проверил ли ты какие-нибудь из двойных врат на цилиндрах?

Вольф покачал головой.

—Усталость и жажда лишили меня разума. Я должен был подумать об этом. В конце концов это единственное, что нам остается сделать.

—Тогда поднимайтесь и пошли,—скомандовала Вала.—Соберитесь с силами, возможно, это и окажется выходом из этого проклятого крутящегося мира.

Снова Властелины загнали в тупик близнецов-гексагонов и ухватились за них. Вала первой прошла через сторону, не украшенную драгоценностями. Она исчезла. Вольф последовал за ней. Пройдя через врата и опять очутившись на цилиндре, он почувствовал, что его воодушевление рассеивается, как вино в вакууме. Потом он увидел на основании врата и понял, что они пошли верным путем.

В нескольких дюймах над поверхностью нависал только один гексагон. Но он вращался вокруг своей собственной оси, совершая полный оборот каждые полторы секунды.

К тому времени на цилиндре собрались остальные Властелины, раздраженные тем, что все еще находятся на крутящейся поверхности. Но когда они увидели вращающиеся врата, то взбодрились и одновременно пали духом при мысли о выходе и связанной с этим опасностью.

—Почему они вращаются?—слабым голосом спросил Аристон.

—Понятия не имею, братец,—ответила Вала.—Но, зная отца, я подозреваю, что врата имеют только одну безопасную сторону. То есть, если мы выберем правильную сторону, то пройдем невредимыми! Но если ошибемся... Как видите, ни одна из сторон не инкрустирована драгоценностями, обе выглядят совершенно одинаково и ничем не отличаются.

—Я так измучен, что мне все равно,—заявил Аристон.—Пусть даже смерть—лишь бы избавиться от этих страданий навсегда.

—Так не стоит противиться душевным порывам,—сейчас же отозвалась Вала.—Ты можешь первым испытать врата.

Вольф ничего не сказал, но другие присоединили свои голоса к предложению Валу. Однако Аристону, похоже, уже расхотелось умирать: он запротестовал, говоря, что не настолько глуп, чтобы рисковать собой ради них.

—А ты, братец, оказывается, не только слабоволен, но и труслив,—заметила Вала.—Ладно, я пойду первой.

Уязвленный Аристон шагнул все же к вращающимся вратам, однако, подойдя на несколько футов, остановился. Так он и стоял, глядя на гексагон, несмотря на насмешки Валу. Наконец она не выдержала и оттолкнула его так, что он свалился на серую поверхность, а сама присела на корточки перед золотым гексагоном и несколько минут пристально разглядывала его. Неожиданно она бросилась вперед и исчезла под аркой. Врата продолжали вращаться.

Аристон поднялся и, ни на кого не глядя и не отвечая на насмешки, подошел к вратам, на секунду остановился и бросился в них.

В то же мгновение он выскочил с другой стороны и упал на серую поверхность цилиндра.

Вольф подбежал к нему и перевернул тело на спину. Рот Аристона был широко раскрыт, глаза остекленели, кожа приобрела серый оттенок.

—Он прошел не с той стороны,—произнес Вольф, обернувшись к остальным.—Что ж, теперь мы знаем, что это за врата.

—Ну и везет же этой чертовой ведьме,—воскликнул Тармас,—ты заметил через какую сторону она прошла?

Вольф покачал головой и в сумрачном розовом свете еще раз осмотрел врата. Стороны были совершенно одинаковые. Он подозвал Луваха. Вдвоем они подняли труп Аристона, и по команде Вольфа швырнули под арку. Труп вылетел с другой стороны.

Вольф с Лувахом зашли с другой стороны, снова раскачали тело и бросили в отверстие. На этот раз труп исчез. Вольф повернулся к Ринтраху:

—Ну что?

Ринтрах кивнул.

—Подними палец, когда повернется нужная сторона,—распорядился Вольф.—Только не тяни.

Ринтрах выждал пару оборотов и ткнул пальцем, Вольф бросился под арку, уповая, что Ринтрах не ошибся—и упал на труп Аристона. Слышался шум моря, освещенного багровым небом.

Чуть дальше, смеясь, стояла Вала, явно забавляясь шуткой отца.

Они вновь находились на острове водного мира.

Глава XIV

Один за другим появились остальные Властелины. Как ни странно, никто не выглядел удрученным. Наконец-то они были на знакомой земле, почти дома, так сказать. И по словам Теоториона наконец-то могли отъесться.

Врата, через которые они прошли, были правыми гексагонами в огромной паре, установленной на высоком холме. Окрестности выглядели знакомыми. Властелины тотчас напился в ближайшем ручье и отобедали рыбой, которую наловил Теоторион. Выставив охрану, все уснули. И лишь на следующий день обследовали местность.

Через полчаса не осталось ни капли сомнений, что они вернулись на громадный остров, которые местные жители называли Мать всех островов.

—Да, это те самые врата, с которых начались наши злоключения,—сказал Вольф.—Тогда мы прошли в правый гексагон. Так что левый может привести нас в мир Уризена.

—Ну и что?—отозвался Тармас.—Не сказал бы, что это самый желанный из миров. Не лучше ли наслаждаться жизнью здесь, чем отправиться навстречу верной гибели и провести остаток своих дней в застенках Уризена? Почему бы нам не забыть о вратах? Здесь есть пища, вода и женщины-абorigены. Пусть Уризен сидит на своем троне и ждет нас, пока не сгинет.

—Не забывай, что без соответствующих лекарств ты состаришься и умрешь. Тебе этого хочется? Кроме того, нет никакой гарантии, что Уризен не заявит к нам, если мы не пойдем к нему. Нет, вы можете прохладиться здесь, сколько угодно, а я намерен продолжать борьбу.

—Видишь ли, Тармас, у Джадавина есть веская причина действовать,—киво усмехнулась Вала.—Его любовница—между прочим, не Властелинка, а простолюдinка с Земли—захвачена в плен Уризенoм. Так что пока она в руках отца, нашему брату не сидится.

—Вы вольны поступать, как вам вздумается,—сказал Вольф.—Но я сам себе хозяин.

Он поглядел на небо на две огромные планеты, видневшиеся в этот момент, на чуть заметную полоску, похожую на черную комету и добавил:

—Кстати, для чего нам ломиться в парадные двери, где нас намеренно поджидает Уризен? Почему бы не воспользоваться черным ходом или, если угодно, форточкой?

В ответ на последовавшие вопросы, Вольф изложил мысль, осевшую у него, пока он смотрел на другие планеты и комету. Властелины решили, что он сошел с ума, а идея его просто безумна.

—Почему бы и нет?—настаивал Вольф.—Все необходимое мы вполне можем достать даже если для этого придется вновь пройти через врата. А до Аппирмадзума всего 25000 миль. Почему бы не отправиться туда на ракете?

—Построить аэростатный космический корабль?!—воскликнул Ринтрах.—Джадавин, жизнь на Земле повредила твой рассудок.

—Мне, конечно, потребуется ваша помощь,—продолжал Вольф как ни в чем не бывало.—Осуществить задуманное представляется задачей большой сложности. Понадобятся не только время, но и колоссальные усилия. Однако задача осуществима, уверяю вас!

—Допустим, что так,—заметила Вала.—Но что помешает отцу заметить и уничтожить корабль, когда мы будем в космосе?

—Тут придется рискнуть. Будем надеяться, что он не установил между планетами детекторов. В конце концов, зачем они нужны? Ведь единственный вход в его мир—через «врата», которые сделаны им самим.

—А что, если один из нас предатель?—спросила Вала.—Ты не подумал, что кое-кто из нас может быть доносчиком и обо всем информировать Уризену?

—Такая мысль приходила мне в голову как, наверное, и всем остальным. Однако мне не верится, что предатель согласился бы подвергаться всем опасностям наравне со всеми.

—А откуда нам знать, что Уризен не видит и не слышит нас прямо сейчас?—спросил Теоторион.

—Ты прав, конечно, такая возможность не исключена. Значит придется и здесь рискнуть.

—Предложение Вольфа в любом случае лучше, чем сидеть сложа руки.

Последовавшая дискуссия закончилась тем, что все Властелины согласились помочь Вольфу. Даже самые ярые оппоненты осознали, что если план удастся, бездельников оставят на острове. И при мысли, что у кого-то вновь появится шанс стать Властелином, а кому-то придется разделить жалкое существование аборигенов, последние возражения рухнули.

Первым делом Вольф наладил отношения с местными жителями. К его удивлению аборигены ни в чем не проявили враждебности. Они видели как Властелины исчезли во вратах, а затем вновь вышли из них. Такое было под силу только богам или почти богам. Вот почему Властелинов сочли особыми... и опасными существами. Туземцы были более чем счастливы сотрудничать с Вольфом, и решение было предопределено их религиозными верованиями, представлявшими мистическую искаженную веру Властелинов. Они почитали Лоса добрым богом, а Уризену—злым, своего рода сатаной. Местные предсказатели и знахари утверждали, что наступит день, когда злого бога низвергнут и тогда для всех Алулос придет рай.

Вольф не пытался разъяснить им факты. Пусть верят во что хотят, лишь бы помогли. Собрав какие имелись в этом мире материалы, он загрузил всех посильной работой, а сам вместе с Луваком прошел во врата. Оба продвигались по воздуху с помощью прикрепленных к спинам газовых пузырей и были вооружены короткими мечами, луками и стрелами. Одни за другими проходили они врата в поисках необходимых вещей. Они знали, что их ожидает и каких опасностей следует остерегаться. И все же приключений, выпавших на их долю, хватило бы на несколько книг.

Однако одного похода оказалось недостаточно и на следующий раз их сопровождали Вала и Ринтрах. Из мира животных, катающихся на ороговевших подобиях коньков и передвигающихся с помощью присосок, они вынесли куски стекловидной массы. Из Велтизма—кучи птичьего помета, которые совместно с испражнениями их и туземцев шли на изготовление натриевой соли.

Ртуть добыли у туземцев, в больших количествах собиравших

ее во время ливней, приносимых черными кометами. Капли ртути служили священными реликвиями, и их передали Вольфу только после того, как он заверил их в том, что серебристый металл требуется для свершения Уризена. Выяснилось, что одно из растений острова является источником древесного спирта. Сжигая прочие деревья, заготовили древесный уголь. Планета темпосфуджеров обеспечила строителей серой.

Когда Вольфу понадобились платиновые катализаторы для получения азотной кислоты, он вспомнил о цилиндрах вертящегося мира.

Платина имеет точку плавления 1773,5 градуса по Цельсию и обладает высокой прочностью. Ни выплавить, ни отрезать кусок цилиндра не было никакой возможности. Однако Вольф решил задачу, воспользовавшись собственными устройствами Уризена.

Он взял с собой всех Властелинов, хотя Теоторион и Таркас сильно возражали. Окружив подвижные гексагоны-близнецы, их подвели к краю цилиндра. Здесь-то Теоторион понял, зачем ему было необходимо совершить это путешествие. Его вес потребовался для того, чтобы заставить врата опуститься к изгибающемуся краю цилиндра. Силы, удерживающие врата над поверхностью, были сильны, но не могли сопротивляться весу и мускулам Властелинов.

Часть дуги прошла в один гексагон. Если бы врата оставались неподвижными, кусок цилиндра просто бы выступил через парные врата на другом цилиндре. Но врата перемещались и, действуя, как своего рода ножницы, отрезали ту часть, которая прошла через арку.

Установив врата на место, Властелины прошли через них на следующий цилиндр и нашли кусок платины. Затем они воспользовались имеющимися там вратами, и рассекли кусок на более мелкие части.

Перенесшись на цилиндр с вертящимися смертоносными вратами, Вольф кидая камни и следя за их исчезновением, пометил безопасную сторону мазком желтой краски, принесенной с Водного мира. Больше эти врата не доставляли им затруднений.

Постепенно Вольф определил точное направление каждого гексагона и мог попадать в нужный ему мир кратчайшим путем.

Остров водной планеты к этому времени превратился в гигантскую кузницу, полную дыма и зловония. Выслушивая жалобы туземцев и Властелинов, Вольф то насмехался, то грозил соответственно. Он без усталости подгонял всех и так минуло 60 темных лун. Работа продвигалась медленно, то и дело принося разочарования: часто отдельные операции бывали опасны для жизни. Вольф с Лувахом продолжали совершать походы по мирам, доставляя необходимые материалы.

Аэростатный космический корабль был уже наполовину готов. Еще немного и он покинет планету. В стратосфере поле притяжения быстро ослабевает, в чем Теоторион сильно сомневался, и корабль использует притяжение темной луны, чтобы набрать большую скорость. Затем пороховые ракеты придадут ему ускорение. Изменять направление движения можно будет с помощью небольших взрывов пороха или газовыми струями из пузырей.

Вольф еще не решил всех проблем, связанных с регенерацией и циркуляцией воздуха в герметичной гондоле и с трудностями жизнеобеспечения в невесомости. Впрочем сила тяжести на корабле частично останется. До верхних слоев атмосферы они поднимутся за счет расширения газа в пузырях, а затем попадут в поле притяжения луны. И лишь пороховые ракеты должны придать кораблю достаточное ускорение, чтобы преодолеть притяжение водного мира.

Если же тяготение планеты преодолеть не удастся, они вполне могут оказаться пленниками лунной орбиты.

— Никакие математические расчеты не подскажут, как избавиться от притяжения и выбрать необходимое направление, — заметил Вольф Луваху. — Придется действовать по наитию.

— Будем надеяться, что у нас неплохой нюх, — отозвался Лувах. — Скажи, ты и вправду считаешь, что у нас есть шанс?

— Надеюсь, — ответил Вольф. — Но сейчас стоит подумать о других вещах. Например, о космических костюмах, в которых мы будем работать. Нам придется носить скафандры, когда мы будем в гондоле, нельзя будет полагаться на ее полную герметичность.

Уже приготовили гремучую ртуть для взрывных головок. Это была темно-коричневая смесь, полученная взаимодействием ртути, спирта и концентрированной азотной кислоты.

Азотную кислоту, окислившую серу до серной кислоты, получили путем нескольких химических превращений. Соль натрия, кристаллизированную из птичьего помета и человеческих испражнений, нагрели с серной кислотой (последнюю получили сжигая серу с селитрой, то есть с калием или натрием).

Свободный азот, выделенный из воздуха, смешали с водородом (из газовых пузырей) и получили аммоний, который при соответствующей температуре смешали с кислородом (из пузырей, вырабатывающих кислород). Смесь пропустили через тонкий проволоочный смеситель, выполненный в виде контактной платины, чтобы одновременно подвергнуть катализу.

Полученные в результате азотные окислы смешали с водой и путем перегонки получили концентрированную кислоту. Материалом для тиглей, контейнеров и труб послужило стекловидное вещество с планеты конькобежцев.

Черный порох приготовили из древесного угля, серы, селитры.

Вольфу даже удалось получить из солей азотной кислоты взрывчатый порох. Однажды Вала сказала:

— Не кажется ли тебе, что мы делаем чересчур много пороха? Мы ведь все равно не сможем взять с собой так много, иначе корабль просто не оторвется от земли.

— Верно, — ответил Вольф. — Но может быть, ты поинтересуешься, почему я размещаю взрывчатку в разных местах? Потому, что порох самовозгорается. Храня запасы по отдельности, я сохраню большую часть, если какой-нибудь склад взорвется.

Властины побледнели, а Ринтрах осведомился:

— Ты имеешь в виду, что взрывчатка, которую мы возьмем на корабль, может взорваться в любую минуту?

—Именно так. И боюсь, что это еще один неизбежный риск. Шансы на успех малы, но не следует отчаиваться. Разве вы не чувствуете иронии в том, что Уризен сам снабдил нас материалами для собственной гибели? Он сам вложил в наши руки оружие, которым мы разрушим его сверхтехнику—если нам повезет, конечно.

—Если мы останемся живы, то непременно посмеемся,—пробормотал Ринтрах.—Однако мне почему-то кажется, что смеяться будет Уризен.

—Старая русская пословица гласит: «Когда деньги уплатил, веселись, чем хватит сил». И еще: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним».

В ту ночь Вольф пошел в хижину Луваха. Почувствовав на плече руку, Лувах моментально проснулся. Он схватился за меч, сделанный из кремня на планете темпосфуджеров, но Вольф сказал:

—Я пришел поговорить с тобой, а не убивать. Лувах, ты единственный, кому я могу довериться. Мне нужна помощь.

—Спасибо, брат. Ты лучший из нас. Я знаю, ты не способен на предательство.

Час спустя, нагруженные лопатами и топорами, они вышли из хижины и направились к холму, над которым стояла пара врат. Здесь их уже ждали двадцать туземцев, пользующихся доверием у Вольфа. Они принялись копать, обрубая сплетения гниющей растительности и корни пузырей, образующих остров. Все работали слаженно и быстро, так что к тому времени, когда луна зашла и увела с собой ночь, канава вокруг холма была закончена. Все продолжали работу до тех пор, пока лишь несколько футов древесных корней не отделяли дно раскопок от уровня моря. Затем в канаву заложили азотную селитру, взрывчатку и старательно забросали их нарезанными корнями и грязью, стараясь замаскировать все следы земляных работ.

—Стоит только взглянуть, и любой догадается, что здесь копали,—сказал Вольф.—Но будем надеяться, что сюда никто не придет. Я ведь объявил, что сегодня день отдыха, так что все будут спать.—Он поглядел на врата.—Теперь нам предстоит обойти все планеты и сделать это надо быстро.

Добравшись до планеты темпосфуджеров, Вольф дал Луваху одно из своих духовых ружей. Оно было сделано из полого, похожего на бамбук растения, входившего во флору матери островов. Аборигены пользовались им, чтобы стрелять дротиками с наконечниками из костей особого вида рыбы. С этим оружием они охотились на птиц и крыс живущих на острове.

Вольф и Лувах зашли в каньон и сбили там пять темпосфуджеров. Когда Вольф подбирал их, он нашел нору, в которой жили хроноволки. Он засунул конец духового ружья в нору и выпустил дротик. Выждав минуту, он просунул в нору руку и вытащил оттуда спящего хроноволка.

Животных, которые находились в бессознательном состоянии, бросили во врата, которые вели, по всей вероятности, в мир Уризена. Возможно, что и те и другие врата вели лишь на следующий

второстепенный мир, как и врата на планете вращающихся цилиндров.

—Я надеюсь, что маленькие животные заденут сигналы тревоги Уризена,—сказал Вольф.—Эти сигналы на некоторое время отвлекут его. Возможно также, что способность темпосфуджеров и хроноволков удваиваться и прыгать во времени, даст им шанс выжить какое-то время. Может быть, им даже удастся размножиться, попасть во дворец и разрушить какое-то количество ловушек и сигнальных устройств. Пока Уризен будет ломать голову над тем, что происходит, он отвлечется от врат, через которые ожидает нашего прихода.

—Хорошо, если так,—отозвался Лувах.—Боюсь, что гексагоны-близнецы здесь и на водном мире просто ведут на другую второстепенную планету.

—Нет ничего надежного в этих мирах,—заметил Вольф.—И даже бессмертных Властелинов за каждым углом ожидает смерть. Так что давай-ка завернем за угол.

Они прошли через врата вельтизмира. Не обнаружив никаких признаков хроноживотных, Вольф очень обрадовался, так как считал весьма вероятным, что они попали в крепость Уризена.

Спутники вернулись в водный мир, и Вольф отправил Луваха с заданием, провожая его задумчивым взглядом. Возможно, он и ошибался, подозревая Валу в тайном сговоре с отцом. Но уж слишком ей везло.

При малейшем подозрении на опасность она почему-то оказывалась всегда в безопасном месте. А как уверенно она держалась, когда они скатились в реку с ледяных скал! Даже Теоторион тогда устал до полусмерти, хотя вода, можно сказать, его родная стихия: она же плавала на поверхности воды без усталости. Вольф подозревал, что в ее поясе скрывалось устройство, позволяющее ей с такой легкостью держаться на воде, а гексагоны? Каждый раз выбираемые ею врата вели на второстепенную планету. Неужели действительно ни одни из них не вели в крепость Уризена? Нет, уж слишком самоуверенно она держалась, это на нее не похоже. Она явно вела двойную игру.

Вала ненавидела отца, но могла сговориться с ним, чтобы погубить своих братьев и кузенов. Ведь их она ненавидела не меньше. Она вполне могла носить при себе ловко припрятанный передатчик. Таким образом Уризен мог все слышать, а возможно и видеть. Она же наслаждалась этой игрой, совмещая роль беспристрастной наблюдательницы и участницы, подверженной всем опасностям.

Уризену же зрелище смертельно опасных приключений тем более доставляло удовольствие, что напоминало своеобразные спортивные соревнования.

Вернувшись к холму, Вольф принялся претворять в жизнь последний этап плана. Аборигены почти закончили грузить корабль черным порохом, селитрой и гремучей ртутью. Полувыстроенный корабль состоял из двух каркасов, сделанных из полого бамбука с газовыми ячейками. Каркасы представляли собой верхние и нижние палубы и соединить их нужно было позднее.

С самого начала он знал, что использовать этот корабль для космического путешествия невозможно. Он вообще сомневался, что корабль взлетит, а если и взлетит, то вряд ли сможет преодолеть притяжение планеты. Шансов на успех практически не было.

Но он делал вид, что уверен в успехе, и поэтому работы продолжались. Так что любой шпион, будь он среди Властелинов или посторонний наблюдатель, был бы одурочен.

Возможно, что Уризен наблюдает за ними и сейчас, и недоумевает, что они собираются предпринять. Если так, то когда он узнает, будет слишком поздно.

Аборигены отпустили канаты, которыми были пришвартованы обе половинки корабля и те, поднявшись на несколько футов в воздух, остановились—тонны взрывчатки не давали взлететь выше. Высота была примерно той, что требовалась Вольфу. Он подал сигнал, и туземцы начали толкать обе части корабля в сторону холма до тех пор, пока не подвели их к самым вратам. Каждая половина была как раз таких размеров, чтобы пройти в шестиугольную арку, собственно для этой цели Вольф и приказал строить корабль двумя отдельными частями—цельный корабль никак не мог бы протиснуться в узкое пространство, даже сейчас каркасы проходили в отверстие буквально в притирку.

Вольф поджег фитили на парящих в воздухе половинках корабля и дал сигнал людям. С дружным возгласом туземцы принялись подтаскивать каркасы. Стоя чуть поодаль, Вольф смотрел сквозь арку на ландшафт острова. Но вот нос одной из половинок вошел во «врата» и исчез словно обрубленный. Следом исчезла корма.

Из зарослей вышел Лувах с бесчувственной Валой на плечах. За ним встревоженные и озадаченные шагали остальные Властелины. Вольф объяснил им, что собирается делать.

—Я не мог доверить свои планы никому, кроме Луваха,—сказал он.—Я подозреваю, что Вала шпионит для отца. Может быть, она не виновна, но рисковать не стоит. Поэтому и попросил Луваха позаботиться о ней. Надеюсь, он ударил ее не слишком сильно. Мы возьмем ее с собой и к тому времени, когда она придет в себя—оправданы подозрения или нет—она уже ничем не сможет нам помешать. Теперь давайте скафандры. Они будут действовать в воде так же хорошо, как и в космосе. Даже, пожалуй, лучше, поскольку их делали специально для погружения в воду.

Лувах посмотрел на врата.

—Ты думаешь, что взрывчатка сработает?

—Трудно сказать,—Вольф пожал плечами.—Врата односторонние, так что с этой стороны мы, конечно, взрыва не услышим. Но будем надеяться, что запал сработал и часть ловушек уничтожена. И если так—Уризен должно быть весьма расстроится и удивится.

Лувах облачил Валу в защитный костюм, затем оделся сам. Вольф смотрел, как бежит огонь по фитилям, укрытым в полые бамбуковые трубки. Фитили подходили непосредственно к взрывчатке—пороху, аммониевой селитре и гремучей ртути—уложенным по дну вокруг холма с вратами.

Раздался грохот, и земля дрогнула. В воздух поднялось облако черного дыма, обгорелые ветки и корни. Как только дым рассеялся, Вольф повел Властелинов к холму, быстро погружающемуся в воду. Взрыв как бы вырубил кусок острова, и под тяжестью гексагонов вырубленная часть уходила вниз.

Вольф бросил пару бомб к основанию врат, чтобы ускорить их погружение и подождал, пока их верхняя часть не сравняется с поверхностью острова. Как только врата скользнули в воду, он повел отряд вперед. Его лицо скрывала кислородная маска, на спине крепились баллоны со сжатым воздухом, в одной руке Вольф держал копьё с кремневым наконечником, в другой—нож, за пояс был заткнут топор.

Верхушка врат открылась в море как раз тогда, когда он вынырнул на поверхность, чтобы осмотреться. Вода, взбаламученная обломками корней и перегноем, была такой мутной, что ничего нельзя было разглядеть. Он схватился за арку гексагона, давая увлечь себя на дно.

Лувах погружался следом, одной рукой ухватившись за его лодыжку, а другой держа бесчувственную Валу. Остальные Властелины в свою очередь держались за Луваха. Лишь Теоторион плыл сам по себе, пока отряд не прошел через врата.

Убедившись, что он находится у левого гексагона, Вольф вплыл в шестиугольную арку—точнее, его затащило туда напором воды.

Мощное течение стремительно понесло его по длинному холлу. В свете ламп взору Вольфа предстала живописная картина. Чудовищной силы взрыв вырвал часть плит, которыми был выложен проход: массивные двери из белого металла в конце холла сорвало с петель и покорежило. Корабль-бомба сделал свое дело. Даже если бы взрыв не сорвал двери, отделявшие холл от остальных помещений дворца, они в конце концов были бы сметены напором воды; правда, к этому времени Властелинов расплющило бы давлением.

Вольфа внесло в проход и увлекло вниз по другому коридору. Чуть впереди бурлящий поток с ревом ударялся о стенку и сворачивал в сторону. В свете ламп Вольф разглядел, что дно коридора усеяно рядом длинных металлических костылей. Несомненно, они предназначались для Властелинов, которые теперь проплывали над ними, приближаясь к водовороту. Вольф едва успел заметить, что проход разветвляется надвое, его неотвратимо влекло к водопаду, срывающемуся с большого окна в конце спуска.

Водоворот морской воды крутил и кидал его как щепку, мимо стремительно проносились стены. Наконец ревущий поток вышвырнул его в окно и, уже падая, Вольф увидел перед собой вышедший из берегов пруд.

Удар оглушил его, но почти бессознательно он вынырнул и добрался до берега. «Нам определенно повезло»,—подумал Вольф, разглядывая пруд. Иначе он неминуемо разбился бы насмерть. Все еще сжимая копьё, он выбрался на камни.

Вскоре на поверхность один за другим вынырнули другие Властелины. Первым показался Теоторион, за ним—Лувах с пришедшей в себя и перепуганной Валою. Еще через несколько секунд выплыл Ринтрах. Тармас безжизненно покачивался на воде, лицом вниз с распростертыми руками. Его должно быть ударило об окно перед тем, как увлечь водопадом, около колена виднелся кровоподтек, лицо покрывали синяки.

Вала было набросилась с упреками на Вольфа, но он велел ей замолчать—на разговоры не было времени. В нескольких словах он объяснил ей, что сделал и почему. Вала быстро овладела собой. Она улыбнулась, хотя была все еще бледной и сказала:

—Опять ты добился своего, Джадавин! Обратил механизм Уризена против него самого!

—Вот что, Вала,—перебил ее Вольф.—По-моему ты в сговоре с отцом. Может быть, я чересчур мнителен, хотя такое трудно представить, когда имеешь дело с Властелинами. В общем, если ты окажешься невиновна, я попрошу прощения, если же нет, то он решит, что ты переметнулась на нашу сторону и вряд ли станет выслушивать твои объяснения. Он просто убьет тебя при первой же возможности. У тебя нет выбора.

—Да-а, братец, ты всегда отличался коварством. Что ж, твоя взяла. Но с отцом я и сама справлюсь. Кто знает, может быть, у меня и будет такой шанс! Несколько часов назад я поклялась бы, что мы попадем в западню, как только ступим в его владения, но вот мы здесь и отцу тоже грозит смертельная опасность.

Она указала на окно, из которого мощным потоком извергалась морская вода.

—Очевидно, врата находятся в верхних этажах дворца. А вода бежит вниз. Если Уризен не примет в ближайшее время экстренных мер, то утонет, как крыса в собственном дворце.

Оглядев окрестности дворца, Вала продолжила:

—Как видишь, дворец расположен в долине, со всех сторон окруженной высокими горами. Через некоторое время все море водного мира вольется через врата, если только они не затонули на мелководье. Долину затопит, а потом вода хлынет сквозь горы и затопит всю планету.

—Предлагаю забраться на горы и полюбоваться, как утонет отец,—предложил Ринтрах.

Вольф покачал головой.

—Нет. Во дворце Хрисенда.

—А нам-то что?—пожал плечами Ринтрах.

—Не забывай, у Уризена есть самолет,—сказал Вольф.—Так что он наверняка спасется и непременно отыщет нас. Но даже если нам удастся спрятаться, мы все равно обречены: довольно скоро этот мир затопит. Уризен может просто бросить нас здесь на произвол судьбы, мы окажемся в западне и неизбежно умрем с голода. Нет, если вы уж хотите выбраться отсюда и вернуться в свои вселенные, вам придется помочь мне разделаться с Уризенем.—Вольф повернулся к Теоториону и сказал:

—Ты должен знать здесь какие-нибудь ходы, ведь отец держал тебя здесь пленником. Есть ли возможность пробраться внутрь так, чтобы не нарваться на ловушки?

—В саду, который теперь залила вода, был вход,—сказал Теоторион.—Пожалуй, это лучший вариант. Так мы сможем проплыть к воротам, которые еще не затоплены. Достаточно не притрагиваться к полу и стенам, и ловушки не сработают.

Властелины снова погрузились в воду и, держась стен пруда, чтобы не попасть под водопад, спустились на глубину. Найти вход оказалось нетрудно: их буквально затащило туда течением. Они проплыли с влившимся туда потоком и вскоре добрались до широкой лестницы, выложенной из черного и красного камня. Поднявшись по ней и проплывав некоторое время в коридорах, путники очутились на втором этаже. Он тоже был затоплен и Властелины продолжали подъем. Пол следующего этажа вода покрывала всего на несколько дюймов, но уровень ее быстро повышался. Скинув маски, они взбежали по лестнице на четвертый этаж.

Дворец Уризена, как и обиталища прочих Властелинов, был великолепен. В другое время Вольф непременно бы задержался, чтобы полюбоваться картинами, драпировками, скульптурами и прочими бесценными сокровищами, награбленными из десятков миров. Теперь же, лишь две мысли владели его сознанием: убить Уризена и спасти свою жену, большеглазую Хрисенду.

Перед тем, как дать команду идти вперед, Вольф спросил:

—Где Вала?

—Минуту назад она шла за мной следом,—отозвался Ринтрах.

—Значит, жива-здорова,—заметил Вольф.—Но как быть, если она ускользнет к Уризену?

—Лучше бы нам опередить ее,—поторопил их Лувах.

Вольф отправился вперед, каждую секунду ожидая, что вот-вот сработает смертельная ловушка. Двери наверняка защищались заградительными устройствами, хотя коридор—был такой шанс—мог оставаться свободным. Вполне вероятно также, что Уризен считал себя здесь в безопасности. Возможно также, что заливая здание, вода могла нарушить режим работы накопителей энергии. К каким бы случайностям Уризен не готовился, вряд ли ему приходило в голову, что море другой планеты может залить его владения.

—Комната, где меня держали, на следующем этаже. Личные апартаменты Уризена там же.

Вольф поднялся по первому пролету лестницы, к которой они приблизились. Он шел медленно, внимательно разыскивая признаки ловушек. Все было в порядке. Властелины без неприятностей поднялись на следующий этаж и на минуту остановились. Чем ближе они подходили к Уризену, тем больше нервничали. Ненависть уступала перед былым трепетом, наполнявшим их сердца в детстве.

Они находились в огромном зале, стены которого, выложенные плитами белого мрамора, украшало множество барельефов, изображавших различные сцены из жизни Властелинов. Вот Уризен вос-

седает на троне. Вот он стоит на лугу, окруженный резвившимися детьми. Вольф узнал себя, братьев, сестер и кузенов. То была счастливая пора, хотя время от времени их терзали смутные предчувствия грядущего, ненависти и тревог.

—Слышите грохот волны?—тихо спросил Теоторион.—еще немного и этот этаж тоже затопит.

—Хрисенду, наверное, держат в той же камере, что и тебя,—сказал Вольф.—Веди нас туда.

Теоторион, отталкиваясь мощными ногами, пружинистой походкой направился туда. Он не колебался, когда находил дорогу в путанице комнат и переходов, казавшихся постороннему взгляду запутанным лабиринтом.

Наконец он остановился перед высоким и овальным входом из красного камня, украшенного пурпурными шероховатыми барельефами крылатых созданий. За ним виднелся огромный зал, залитый тусклым светом.

—Вот здесь меня и держали,—сказал Теоторион.—Но я боюсь туда входить.

Вольф сунул копьё в сводчатый проход.

—Подожди минутку,—посоветовал Теоторион.—Реле ловушки может срабатывать с опозданием, чтобы вошедший не мог спастись.

Вольф продолжал держать копьё, считая секунды и прикидывая, как далеко удастся войти в помещение. Неожиданно в зале что-то ослепительно вспыхнуло и Вольфа отбросило назад.

Когда зрение вернулось, Вольф увидел, что половины копья как ни бывало. В проходе веяло жаром, воздух наполнился запахом гари.

—Твое счастье, что пламя локализовано в направлении вверх,—заметил Теоторион.

Ловушка занимала около двадцати ярдов. Дальше помещение могло быть безопасным, но как миновать смертельную преграду?

Вольф отступил на шаг и швырнул в зал остаток копья, повернулся ко входу спиной. Снова последовала вспышка, откинувшая на пол коридора тени Властелинов, из зала хлынула волна жара. Вольф повернулся и метнул в комнату стрелу, считая секунды. Ровно через три секунды стрела вспыхнула в пламени. Вольф объяснил спутникам свой план и Властелины спустившись этажом ниже, окунулись в воду. Затем мокрые вернулись к сводчатому проходу. Вольф метнул стрелу. Последовала вспышка, и как только жар чуть-чуть схлынул он опрометью кинулся в помещение. За ним помчались Теоторион и Лувах. У них было всего три секунды, чтобы преодолеть двадцать ярдов—времени немного, но достаточно. Пламя высушило намокшие одежды и слегка опалило волосы. Но преграды остались позади.

У дверей остались Ринтрах и Тармас. Ринтрах метнул стрелу и кинулся в раскаленный воздух. Вольф, наблюдавший за ними, заметил, что Тармас заколебался, и предупреждающе крикнул, советуя подождать и попытаться еще раз. Но Тармас не обратил на его слова внимания, а может быть, просто не расслышал их. Он понес-

ся изо всех сил и глаза его были широко раскрыты под кислородной маской. Вольф приказал всем отвернуться. Вновь последовала ослепительная вспышка и одновременно раздался пронзительный крик. Горячий воздух полыхнул в лица Властелинов, и одновременно запах горелой плоти и сожженной рыбьей шкуры, из которой были сделаны одежды. Останки Тармаса темной грудой лежали на полу и дымились.

Властелины молча отвернулись и, не говоря ни слова, направились через зал. Подойдя к следующему проходу, Теоторион, после соответствующей проверки, провел их в узкую дверь. Отряд вошел в полукруглую комнату длиной около ста ярдов. Вдоль стен стояло множество клеток и все они, за исключением одной, были пусты. Вольф увидел ее обитателя первым.

—Уризен!—воскликнул он.

Глава XVI

В клетке размером десять на десять имелось только тонкое одеяло, кран с питьевой водой, дыра в полу, заменявшая парашу, да автоматический раздатчик пищи. Человек в ней был худым и высоким. Лицо его все еще странным образом сохраняло соколиное выражение, но борода отросла ниже колен, а грязные спутанные волосы спадали до икр. Увидев клочья седины Вольф понял, что отца держали здесь долго: даже прекратив принимать так называемое средство бессмертия, Властелины еще долгие годы испытывают воздействие препарата.

Уризен подошел к решетке, но держался осторожно, не прикасаясь к стальным прутьям. Вольф тихо приказал всем отступить, а сам приблизился к клетке. Остановившись в нескольких дюймах от нее, он спросил:

—Ты все еще ненавидишь нас так сильно, отец, что жаждешь нашей смерти?

Вольф поскреб прутья кончиком стрелы: по металлу тотчас побегали блики света.

Уризен печально улыбнулся и заговорил глухим, полным боли голосом:

—Дотрагиваться до решетки только болезненно, но не смертельно. Ах, Джадавин, ты всегда был самым хитрым! Кому бы еще удалось дойти так далеко? Никому—разве только Вале, да, возможно, Красному Орку.

—Так значит, моей сестрице удалось пробраться сквозь все твои ловушки, да еще и поймать того, кто их расставлял!—произнес Вольф.—Она непрестанно убеждала нас, что ты по-прежнему царствуешь на троне. Она забавлялась, деля выпавшие нам долю невзгоды и изображая из себя союзницу. Я подозревал, что она в сговоре с тобой, но чтобы она... нет, это мне в голову не приходило.

—Я обречен,—сказал Уризен.—Мне не выбраться отсюда, да и ты не сможешь открыть клетку. Не сможешь, даже если бы захотел помочь мне. Да и все равно я скоро умру. Вала ввела мне

медленно действующую и болезненную культуру рака. Собственно говоря она делала это уже трижды, и каждый раз, когда я был уже при смерти, вылечивала меня, возвращая здоровье.

—Сказал бы, что мне жаль, но я не хочу лгать,—заметил Вольф.—Ты получил по заслугам.

—Выслушивать нотации от тебя?—воскликнул Уризен и глаза его вспыхнули прежним огнем. Внутри у Вольфа что-то дрогнуло—былой страх перед отцом еще не угас.—Я слышал, Джадавин, что ты сильно изменился, пока жил на Земле, но не мог этому поверить. Теперь вижу, что это правда.

—Я пришел сюда не для того, чтобы спорить с тобой,—оборвал Вольф излишняя старика.—Да и времени для этого нет. Скажи, отец, как нам добраться до комнаты управления? Скажи, если хочешь отомстить. Вала снова свободна и находится там.

—Зачем мне помогать вам?—возразил Уризен.—Пусть я умру, но по крайней мере буду знать, что ты, Ринтрах, Лувах, и Теоторион погибнете вместе со мной.

—Разве тебе приятна мысль о торжестве Вала? Разве ты получишь удовольствие от того, что Вала будет жить? Что она сделает из твоего тела мумию и выставит напоказ среди прочих трофеев?

Уризен горько улыбнулся.

—Если я тебе сообщу те сведения, которые тебя интересуют, то тогда Вала, может быть, и умрет, но вы-то будете жить. Это отвратительный выбор. Как ни поверни—в проигрыше я.

—Ты можешь ненавидеть нас, но мы ведь никогда не делали тебе ничего плохого,—настаивал Вольф.—Вала же...

—Море скоро наводнит и этот этаж, тогда мы все погибнем,—вмешался Теоторион.—Вот уж посмеется Вала, сидя в безопасности перед контрольной панелью. И над Хрисендой она потешится как захочет.

Чувство беспомощности овладело Вольфом. Какими угрозами заставить Уризена говорить? Он сделал все, что было в его силах—что же еще? наконец он сказал:

—Пошли, больше нельзя терять ни секунды,—и добавил, обратившись к Уризену:

—Прощай, отец. Твоя смерть близка. Я знаю, твое сердце жаждет отмщения. Несколько слов и справедливая кара настигла бы Валу. Но ненависть ослепила тебя. Ты сам лишаешь себя возможности свершить возмездие.

—Подожди!—крикнул ему вслед Уризен.

Вольф быстро вернулся к клетке. Уризен облизал пересохшие губы.

—Если я помогу тебе, выполнишь ли ты одну мою просьбу?

—Я не могу освободить тебя, отец,—ответил Вольф.—Тут надо подумать, а ты сам видишь, что у нас нет ни минуты. А если бы и смог, я все равно бы убил тебя, как только открыл бы клетку.

—Я предлагаю услугу за услугу,—произнес Уризен.—Я прошу тебя только об одном—о смерти. Я бесконечно страдаю, сын мой. Гордость мешала мне сознаться. Но каждая минута такой жизни

кажется мне тысячелетиями. Будь на моем месте кто-то другой, он давно бы пал на колени, умоляя положить конец его мукам. Уризен же никогда не унижается до просьб. Обмен—другое дело.

—Согласен,—сказал Вольф.—Стрела избавит тебя от мук.

Уризен склонился к решетке и прошептал несколько слов. Не успел он закончить, как в дальнем конце помещения послышался смех. Вольф резко повернулся и увидел идущую навстречу Валу. Он мигом отложил стрелу на тетиву лука, хотя знал, что Вала ни за что не решилась бы войти сюда, будучи ненадежно защищенной.

Однако, в следующий момент, он заметил, что тело Вала просвечивает и даже разглядел сквозь нее противоположную стенку. Тотчас же стало понятно, что перед ними проекционное изображение. «Хоть бы она не подслушала, о чем сказал Уризен,—взмолился про себя Вольф.—Иначе все пропало».

—Отлично! Лучшего я и желать не могла,—заявило изображение.—Все в сборе—меня это полностью устраивает. Счастливое семейство снова вместе! Советую хорошенько поразвлечься, перегрызая друг другу глотки. Надеюсь, что это будет достойное зрелище! Мне, к сожалению, некогда: я покидаю эту планету и отправляюсь на охоту за еще живыми братьями и любимой сестричкой Ананой. Правда, перед отлетом я немного отдохну... с твоей Хрисендой.

—Тебе еще ни разу не удавалось и не удастся взять верх,—воскликнул в ярости Вольф.—Даже если ты убьешь нас, то недолго будешь упиваться победой. Слышала ли ты о яде эстрагво туземцев водяного мира? Он не имеет ни вкуса, ни запаха и его очень легко подмешать в еду. Яд этот проникает в кровь и долгое время остается там, никак не проявляясь. Лишь через несколько дней ужасная боль скручивает жертву, и несчастный долгие часы бьется в предсмертных судорогах. Знаешь ли ты, что от него нет противоядия? Так вот, Вала, я подсыпал эстрагво тебе в ужин вчера вечером, подозревая тебя в предательстве. Скоро яд начнет действовать, вот тогда ты сможешь посмеяться.

Ничего подобного, конечно, Вольф не делал и до последнего момента даже не думал об этом. Но он рассчитывал, что если он умрет, то Вала заплатит хоть несколькими часами ожидания смерти.

Изображение вскрикнуло от ярости и отчаяния.

—Ты лжешь, Джадавин! Ты никогда бы не решился на такое! Ты просто пытаешься запугать меня!

—Подожди немного и увидишь, правду ли я сказал тебе или нет,—отпарировал Вольф.

Он повернулся и с луком направился к клетке, намереваясь выполнить данное Уризену обещание. Изображение Вала исчезло.

Тотчас же из скрытых в потолке труб забили струи зеленой пены. Жидкость моментально залила весь пол и поднялась до колен, едкие испарения вызвали у Властелинов приступ кашля. Глаза у Вольфа заслезились. Он нагнулся за луком, который случайно выронил, и закашлялся еще сильнее.

Пена уже поднялась до уровня груди. Вольф с трудом шагал по вязкой массе, пробираясь к противоположной двери—хотя там его

вполне могла ждать очередная ловушка. Когда пена начала захлестывать голову, он задержал дыхание и надел кислородную маску. Затем немного отодвинул ее от лица и выдул накопившийся там состав, надеясь, что другие сохранили присутствие духа и вспомнили о масках.

Затем буквально за несколько шагов до выхода, Вольф почувствовал, что пена начинает твердеть. Он протискивался, насколько хватало сил, но сопротивление вязкой массы все росло. Еще движение,—и пена превратилась в твердую массу. Он был схвачен, как муха в янтаре.

Вольф не мог видеть идущих за ним следом Властелинов, стоя лицом к сводчатому проходу, к которому так стремился. Он попробовал шевельнуться и обнаружил, что может немного двигать руками и ногами. Прилагая невероятные усилия, он протиснулся еще на полдьюма.

Но желе как бы спружинило, вернуло его назад и вновь сжало, как в тисках. Ему стало казаться, что невозможно что-либо предпринять, оставалось одно—ждать, пока не кончится запас воздуха. Система циркуляции кислорода была замкнутой и перерабатывала выдыхаемый CO_2 . Будь она открытой, он уже давно бы умер: желе охватило его так плотно, что выдыхать было некуда. Ему оставалось жить, возможно, часа два. Похоже, что Вала будет смеяться последней. А Хрисенда, большеглазая красавица Хрисенда—что будет с ней? Неужели ее заставят смотреть, как он умирает? Или же Вала развлекается, описывая ей предстоящие пытки?

Так прошло минут пятнадцать, и все его мысли были направлены на поиски выхода. Но спасения не было. Близился конец более чем 25000 годам жизни и власти бога. Годы прошли напрасно, не стоило и рождаться. Он умрет, Хрисенда тоже умрет, обоих мумифицируют и выставят в трофейном зале среди прочих экспонатов.

—Нет уж, этого не будет—во всяком случае Вале придется покинуть это место. Вода, врывающаяся в верхние этажи дворца, лишит ее этого удовольствия. Первые тела—его и Хрисенды—останутся под водой, в темноте прохода, пока плоть не сгниет и кости не разнесет течением.

Вода! Он совсем забыл про мощный поток, стремительно наполняющий этаж за этажом. Если бы только!

Первая волна прокатилась по коридору, устремилась под арку и вымыла кусок желеобразного вещества. Коридор быстро наполнялся водой и желе начало разжижаться. Однако время шло. И с каждой минутой вода приближалась к нему, пожирая пространство и превращая желе в зеленую пену. Так минуло полчаса, воздуха у него оставалось примерно на сорок минут. Он сдерживал дыхание, экономя каждый глоток кислорода.

Желе вокруг него уже опало зеленой пеной. Вот густая масса растаяла—и он был свободен. Однако опасность еще не миновала. Ведь оставаясь под водой, он неминуемо задохнется, как только кончится воздух.

Подплыв к спутникам, которых Вольф разглядел сквозь зеле-

ную массу, он рывком освободил их от мертвой хватки желеобразного вещества. Все были живы, кроме Ринтраха—он вовремя надел кислородную маску, но что-то не сработало. Махнув Теоториону и Луваху, Вольф поплыл к выходу, ведущему к единственной надежде. Но проникнуть в двери, сквозь которые в зал врывался поток воды, оказалось невозможно. Их неизбежно сносило к другой арке.

На минуту Вольф застрял в желе, закупорившем выход. Наконец вода размывла преграду, и Властелинов вынесло в соседнюю комнату. Течение столкнуло их у противоположной стены. Он выкарабкался кое-как из потока и встал на ноги. Вольф выключил подачу воздуха и снял маску. Не было нужды говорить братьям, что через пару минут это помещение затопит, и что им следует беречь тот небольшой запас воздуха, который остался в баллонах.

—Уризен сказал мне, что во дворце есть еще один командный зал, и объяснил, как до него добраться. Он установил контрольную панель на тот случай, если кому-то удастся завладеть главным пультом. Но потайная дверь находится за залом с ловушкой испепеляющих лучей. У него не хватило времени сказать, как отключить эти лучи. Поэтому нам придется подождать, пока уровень воды поднимется, потом надеть маски и попробовать миновать ловушку в воде. Надеюсь, она ослабит лазеры!

Властелины надели кислородные маски и пробрались в угол около входа, чтобы иметь какую-нибудь защиту от напора течения. Ударяясь о стену напротив арки, поток несся по полу к противоположной стене. Видя, что вода не вызывает действия лучей, Вольф метнулся в проход свой каменный топор. Тотчас же последовала ослепительная вспышка, от воды столбом пошел пар.

Уровень воды быстро поднимался и Властелины постепенно всплывали к потолку. Когда между поверхностью воды и потолком остался только фут воздуха, они опять надели маски. Вольф нырнул к полу и поплыл. Вдруг воздух кончился. Он задержал дыхание и продолжал путь.

Вспышка света ослепила его и вода, превратившаяся в кипяток, ошпарила незащищенные руки и шею. Потом его ударило о стойку двери и вынесло в соседнее помещение. Здесь Вольф оттолкнулся от пола и стремительно вплыл к потолку, вытянув вперед руки, чтобы не удариться.

Коснувшись камня, он скинул маску. Легкие наполнились воздухом, но тут же рот захлестнуло водой и он закашлялся. Теоторион и Лувах держались рядом. Вольф поднял руку и указал вниз:

—Следуйте за мной!

Он вновь нырнул, держа глаза открытыми и скользя рукой по стене, и через мгновение добрался до ниши. В ней стояла нефритовая статуя сидящего на корточках идола-божества бог знает какого племени.

Вольф повернул его голову и часть стены отошла внутрь. Троиخ Властелинов тотчас же втянуло в большую комнату. Обретя под ногами твердый пол, Вольф подбежал к кронштейну и потянул рычаг с красной ручкой. Дверь медленно закрылась под напором во-

ды, в помещении се оставалось примерно на фут. Как найти нужный кронштейн, а их было штук тридцать, Уризен сказать успел.

Вольф нажал еще и прямоугольную пластинку с идеограммой на древнем языке Властелинов. Потом отступил назад и, впервые за долгое время, улыбнулся.

— Вала больше не сможет пользоваться своим пультом, более того, она в ловушке, — сказал он. — Все врата спасения в контрольной комнате отключены. Действуют только долговременные врата дворца, поддерживающие связь с водным миром.

Вольф протянул руку к кнопке, приводившей в движение обзорный экран. Но отдернул руку, и с минуту стоял в размышлении.

— Чем меньше сестра будет знать о действительном положении, тем лучше, — сказал он наконец. — Теоторион, иди сюда и слушай внимательно.

Вольф с Лувахом укрылись за кронштейном и смотрели на экран через узкую щель. Теоторион нажал ластом кнопку. Вала уставилась на него. Волосы ее стали рыжими от влаги, лицо искажено яростью.

— Ты! — воскликнула она.

— Приветствую тебя, сестра, — произнес Теоторион. — Как видишь, я жив. Ты удивлена? Я вот думаю, как ты почувствуешь себя, узнав, что я отрезал все пути к спасению. Ты в моих руках.

— А где же братцы? Где твои любимые родственники? — поинтересовалась Вала.

— Погибли. У них кончился запас воздуха. У меня тоже, но тело, которое дал мне отец, позволило мне задержать дыхание, пока вода не смыла твоё желе.

— Неужели Джадавин наконец-то мертв? Прямо не верится... Или ты разыгрываешь меня, а, глупый слизень?

— Ты не в том положении, чтобы ругаться.

— Покажи-ка мне его труп, — сказала она.

Теоторион пожал плечами.

— Это невозможно. Он плавает где-то во дворце. Я сам едва добрался сюда. И не могу пойти за ним — комната наполняется водой.

Вала глянула на тонкий слой воды, покрывающий пол, и улыбнулась.

— А, так ты тоже в ловушке! Ах ты, воняющий рыбой идиот! У рыб и то больше мозгов — ты сам признался, что так же беспомощен, как и я.

Теоторион зевнул.

— Хм-м...

— Ты ведь думаешь, что я в твоей власти, — продолжила Вала. — Пожалуй, ты даже уверен в этом. Но твоё положение на самом деле ничуть не лучше моего. Я знаю, где находится космический корабль. Он может доставить нас на другую планету, на которой есть врата, через которые можно покинуть пределы этой вселенной. Ну, а что собираешься ты делать в своем безвыходном положении?

Теоторион почесал мех на голове концом лапы.

—Не знаю.

—М-да, ты не знаешь! Ты глуп, но не настолько же. Слушай, давай заключим сделку. Ты выпустишь меня, а я позволю тебе улететь со мной на корабле. Другого пути нет ни для одного из нас.

Вольфу не видно было лица Теоториона, но тон его изобличал хитрость и подозрение.

—Откуда мне знать, что я могу доверять тебе?

—А разве я могу доверять тебе? Нам нужно устроить все так, чтобы никто не мог заманить другого в ловушку. Согласен?

—Ну-ну, я не знаю..

—Моя контрольная комната не пострадает, даже если море поднимется еще выше. У меня тут пищи на целый год. Я просто могу сидеть здесь и ждать, когда ты умрешь. А потом отыскать какой-нибудь способ выбраться отсюда. Уж поверь, я что-нибудь придумаю.

—Если ты такая умная, что ж не выходишь?—съязвил Теоторион.

—Мне тут просто нравится. И дел у меня хватит на год, не меньше.

—Ладно. А как насчет Хрисенды?

—Я ее захвачу с собой, я кое-что задумала,—ответила Вала, но голос ее стал более подозрителен.—А почему тебя это беспокоит?

—Никто не беспокоит меня, мне просто интересно. Может быть... может быть, ты отдашь ее мне? Судя по словам Джадавина, она должна быть очень красивой.

Вала засмеялась.

—О такой пытке для нее я не подумала! Но нет, братец. Ты ее не получишь!

—Тогда никакой сделки,—сказал Теоторион.—Хоть подавился ею! Посмотрим, чем вы будете развлекаться целый год. Да и не думаю, чтобы тебе удалось добраться до космического корабля. Давление воды будет слишком большим.

—Ах ты глупая, эгоистичная, скользкая кишка! Да ты скорее сохнешь, чем хоть чем-нибудь поделишься! Ладно, бери ее.

Вольф улыбнулся. Он велел Теоториону выторговать Хрисенду и таким образом отвести от себя подозрение Валу. Желание обладать Хрисендой было настолько неуместным и эгоистичным, что Вала только утвердилась в искренности Теоториона.

Теоторион от радости хлопнул ластами, Вольф хоть и надеялся, что столь бурное выражение восторга было притворным, не сдержал мысль о возможном предательстве брата. Теоторион продолжал:

—Ладно; а как мы доберемся до космического корабля?

—Сначала выпусти меня, я все равно ничего не скажу тебе, а то ты улетишь один.

—Но если я открою дверь, то ты сможешь выйти раньше меня.

—Неужели ты не сможешь установить рычаги так, чтобы моя дверь открылась только тогда, когда выйдешь ты?

Теоторион заворчал, как будто эта мысль была для него новой.

—Ладно, только из комнаты ты выйдешь раздетой. Мы оба выйдем голыми и с пустыми руками. Без оружия. Выйдем одновременно и встретимся в коридоре, которые соединяет обе комнаты.

—А я-то думала!..—вздыхнула Вала.—Ты хочешь сказать, что все время знал, как попасть сюда... так вот где находится запасной контрольный пульт! А я была уверена, что коридор упирается в глухую стену.

—Все равно это тебе уже ничего не даст,—буркнул Теоторион.—Тебе не выйти, пока я тебя не выпущу. Да вот еще что: раздень Хрисенду тоже, я не хочу, чтобы ты прятала оружие на ней.

—Работаешь без риска, а? Да ты похоже умнее, чем я думала?

Что же Вала задумала? Если она действительно встретит его на середине коридора, то окажется совершенно беспомощной против огромной силищи Теоториона. А он нападет на нее в тот же миг, как она раскроет ему местонахождение космического корабля, и Вала не могла не знать об этом.

Дело еще в том, что Вольф, Лувах и Теоторион на самом деле знали, где находится корабль. Теоторион только притворился незнающим, для того, чтобы дать ей мнимое преимущество. Надо было как-то вытащить ее из комнаты, иначе бы она ни за что не вышла. Вольф знал свою сестру. Она скорее умрет, прикончив перед этим Хрисенду, чем сдастся. А мысль, что Властелин действительно может сдержать данное слово, даже не приходила ей в голову. И для этого у нее были веские причины.

Так что же она все-таки задумала?

Теоторион вновь стал спорить с Валой, прикидываясь дурачком и во всем сомневаясь. Наконец он выключил экран и повернулся к Вольфу и Луваху. Вольф открыл дверь. Как сказал Теоторион, коридор соединял обе контрольные комнаты. Помещения и холл образовывали единый блок и защищались металлической оболочкой 14-дюймовой толщины, способной выдержать любое давление и противостоять прямому попаданию водородной бомбы. Внутреннюю поверхность стен покрывал слой вещества, отражающего проникающую радиацию нейтронной бомбы. Именно поэтому Уризен расположил запасную контрольную комнату в непосредственной близости к основной. Кто бы ни завладел главным пультом, тот бы никогда не догадался, что из помещения существует выход в коридор, достаточно лишь открыть часть стены, кажущейся монолитной.

Сам коридор был обставлен так роскошно, что в нем вполне можно было бы устраивать приемы. Даже у всех земных миллиардеров вместе взятых не хватило бы состояний, чтобы купить собранные там картины, мебель, скульптуры. На огромной цепи из золотого сплава висела полутонная люстра, высеченная из цельного алмаза. И она была не самым драгоценным местом в коридоре.

Вольф спрятался за тахтой, покрытой шелковистой шоколадно-лазурной шкурой. Лувах укрывался за статуей. Теоторион, убедившись, что его спутники готовы, вернулся в контрольную комнату и

сообщил Вале, что она может выходить. Потом нажал кнопку, освобождающую ее двери от запора.

Вала высунула наружу голову, осторожно осматриваясь. Проем залил свет. Теоторион столь же осторожно выглянул из своей комнаты и шагнул вперед, готовый сразу же отскочить, если только у нее окажется оружие. Вала усмехнулась и вышла, разведя руки, чтобы показать, что в них ничего нет. Она великолепно выглядела в своей нагоде.

Вольф глянул на нее лишь мельком. Он смотрел на женщину, которая шла за ней. Это была Хрисенда, прекрасная, большеглазая нимфа с тигриной походкой и распущенными волосами. Она тоже была нагой.

—Горн Шамборизена!—воскликнул Теоторион.—Я чуть было не забыл... где он?

—В контрольной комнате,—ответила Вала.—Я не захватила его только потому, что ты велел войти с пустыми руками.

—Пойди и принеси его, Хрисенда,—распорядился Теоторион.—Но когда будешь нести, держи высоко над головой, на всю длину рук и не нацеливай на меня. Любое неожиданное движение—и я убью тебя.

Смех Вала наполнил коридор.

—Ты так мнителен, что подозреваешь даже ее? Она не причинит тебе вреда! Она не определенно собирается выступать на моей стороне.

Теоторион не ответил. Соответствующим образом проинструктированный он играл роль чрезвычайно настороженного Властелина, чтобы Вала не заподозрила его в предательстве. Будь Теоторион подоверчивее, она сразу бы заподозрила неладное.

Затем Вала и Теоторион двинулись навстречу друг другу, шагая медленно и не сводя друг с друга пристального взгляда. Все выглядело так, будто они играли или были партнерами в церемониальном танце—так величаво и ритмично они двигались.

Вольф согнул колени в ожидании. Он скинул костюм, чтобы тот не стеснял его движений. От напряжения все тело покрылось потом. Ни он, ни Лувахи не были вооружены. Оба растеряли все свое оружие, пока добирались до потайного контрольного пункта. А в контрольной комнате, к его разочарованию, не было никакого оружия. Очевидно Уризен считал его ненужным. Или, что более вероятно, оно было спрятано так, что найти его мог только человек, знающий секрет. А сообщить его Уризену не хватило времени...а, может быть у него не было такого желания, ведь их план заключался в том, чтобы дождаться, пока она пройдет мимо спрятавшихся Вольфа и Луваха, а затем все трое прыгнули бы на нее.

В нескольких футах от бриллиантовой люстры Вала остановилась и сказала:

—Ну, мой безобразный братец! Похоже, ты выполнил свою часть сделки.

Он кивнул.

—Итак, где же находится космический корабль?

Теоторион шагнул вперед, надеясь, что Вала тоже сделает шаг. Однако, она стояла неподвижно, затем насмешливо сказала:

—Вход как раз в другом конце коридора, в розовой оправе зеркала. Ты мог бы пройти в него, оставив меня умирать... если бы знал! Ты безмозглая мерзкая тварь!

Теоторион зарычал и прыгнул на нее. Лувах выскочил из за укрытия и бросился было вперед, но столкнулся с Хрисендой. Вольф кинулся прямо к Вале.

Она пронзительно вскрикнула и вытянула правую руку, отведя ладонь под прямым углом к руке и направив жестко разведенные пальцы к потолку. Из ладони выплеснулся интенсивный белый луч не толще иглы. Вала повела рукой, луч скользнул по шее Теоториона и его голова свалилась. Какое-то время тело еще стояло, из шеи фонтаном била кровь. Потом труп рухнул на пол.

Почему Вала не убила и Вольфа крошечным лучеметом имплантированным в ладони, так и осталось тайной. Возможно, она хотела сохранить кого-нибудь в качестве будущей жертвы, которую можно поистязать, такое решение оправдывалось психологией Властелинов.

Вольф был беспомошен, в этот раз Вала была в этом уверена. Она шагнула к нему.

—Теперь я убью тебя,—сказала она.—Ты так опасен, что нельзя оставлять тебя в живых даже на секунду больше, чем необходимо.

—Я еще не мертв,—процедил Вольф.

Пальцы его сжались на голове Теоториона и он метнул ее в Валу. Затем вскочил на ноги и кинулся к ней зная, что у него нет ни одного шанса, но надеясь, что случится чудо и хоть на мгновение ее внимание отвлечется.

Вала подняла руку, чтобы отправить вызывающий ужас снаряд. Луч рассек голову, но половина все еще продолжала лететь к ней.

Однако луч был направлен к потолку и моментально перерезал золотую цепь. Полутонная люстра рухнула на девушку. Вольф был в атаке, когда это произошло. Он бросился на пол, спасаясь от луча—на тот случай, если она еще была жива. Вала пристально смотрела на него, глаза ее еще сверкали яростью. Но тело и руки ее были придавлены тяжестью алмазов, по полу растекалась кровь.

—Ты ...победил...брат,—выдохнула она.

Хрисенда вышла из-за статуи и бросилась к Вольфу. Зарывав она прильнула к нему. Он не мог ругать ее за это, но нужно было действовать.

Крепко обняв ее, он несколько раз поцеловал девушку и потом отстранил.

—Нам нужно выбраться отсюда, пока это возможно,—сказал он.—Нажми на третью горгулью с левой стороны на верхнем украшении зеркала.

Она нажала и зеркало повернулось, открыв проход. Вольф вскинул на плечо потерявшего сознание брата и двинулся к потайному проходу.

—Роберт!—позвала Хрисенда.—А как же она.

Он остановился.

—Что, «как она»?

—Неужели ты собираешься бросить ее здесь? Ведь она при смерти! Она же страдает!

—Ну и что?—ответил он.—Она это заслужила.

—Роберт!

Вольф вздохнул. Похоже, он снова стал настоящим Властелином, прежним Джадавином.

Он положил Луваха на пол и подошел к Вале. Она повернулась и ее рука освободилась, причем кусок отколотого алмаза упал на пол. Вольф прыжком подскочил к ней и схватил за руку в тот момент, когда из ладони сверкнул луч. Он выкрутил ей руку так сильно, что затрещали кости. Она вскрикнула от боли и умерла.

Направленный на Вольфа лазерный луч рассек ее надвое.

Вольф, Хрисенда и Лувах вошли на корабль. Звездолет поднялся по стволу пусковой шахты на самую вершину дворца. Стартовав, Вольф повел корабль к «вратам», укрытым в горах планеты темпосфуджеров. Только после этого у него нашлось время узнать, как Вале удалось выманить Хрисенду из постели и похитить ее из этого мира.

—Меня разбудил Гексакулум,—объяснила Хрисенда.—Ты спал, она—Вала—предупредила меня, что если я попытаюсь разбудить тебя, ты умрешь страшной смертью. Вала сказала, что только безукоснительно выполняя ее указания, я спасу тебя от смерти.

—Тебе следовало бы знать получше,—заметил Вольф.—Если бы она могла причинить мне вред, то давно бы это сделала. Но тогда ты слишком испугалась за меня, я понимаю тебя. Ты не осмелилась даже подумать, что она блефует.

—Да, мне хотелось закричать, но я боялась, что она осуществит свои угрозы. Я так боялась за тебя, что не могла даже думать. Поэтому я прошла через указанные ею «врата»—те, что ведут в нижние этажи нашей вселенной. Перед тем, как выйти, я по ее приказу отключила сигнализацию. Вала ждала меня в пещере у «врат», чтобы перенести в этот мир. Остальное ты знаешь.

Вольф передал рычаги управления Луваху, чтобы обнять и поцеловать Хрисенду. Она заплакала и глаза Вольфа также наполнились слезами. То были не только слезы облегчения, что он вернулся с Хрисендой, целой и невредимой, но и освободился от неумоверного напряжения, в котором жил последнее время, скитаясь по этой жестокой вселенной. Он плакал также по Вале и братьям, но не тем, которые хотели убить его, а тем какими они могли бы быть.

К о н е ц

ТЕОДОР СТАРДЖОН

КОГДА ЗАБОТИШЬСЯ И ЛЮБИШЬ...

Перевод с английского

В постели, рядом с ней, он был прекрасен.

Когда любишь, когда заботишься, когда кого-то боготворишь, то можешь наблюдать сон возлюбленного так же, как и его походку, жест, игру солнца на волосах, смех, как он пьет воду из чашки, даже когда не смотрит на тебя—даже неподвижность, даже сон.

Она наклонилась ближе, сдерживая дыхание, и посмотрела на его веки. Вообще, веки у людей бывают иногда полными, или набрякшими, или слегка покрасневшими—эти же были и тем и другим, но еще и прикрытыми. Если посмотреть пристальнее—там, где они изгибаются,—живет свет, словно крошечные копы, стоящие сомкнутыми рядами.

Все так хорошо, настолько замечательно, что она позволила себе в восхищении усомниться в реальности этой действительности. Но одновременно у нее на мгновение возникло желание поверить себе самой, что это действительно реальность. Правда. Что наконец-то это произошло. Все, что прежде она имела от жизни, все, о чем мечтала, каждое ее желание—исполнялось, стоило лишь захотеть.

Появлялся восторг, гордость или удовольствие, от обладания новым даром, привилегией или предметом, впечатлениями: ее кольцо, шляпка, игрушка, поездка в Тринидад. И все же, каждый предмет преподносился ей (до сих пор) на блюде, называвшемся «да, ну конечно же». И разве она не хотела того? Но, теперь, он, величайшее из всех ее желаний, когда-либо существовавших.

Первое в ее жизни, ставшее необходимостью.

Наконец-то, после долгого (а сколь долгого) ожидания, он был рядом с ней, раз и навсегда. И никогда, никакого клейма «да, ну конечно же». Теперь он был ее личным чудом, такой живой и любящий.

Ей казалось, что он был наградой всего: ее семьи и предков, известных столь немногим и ощущаемых очень многими. Ей представлялось, что все, что она до сих пор делала или чувствовала, все вело к этому. Любовь к нему, его смерть и возвращение к жизни—все было ради этого мгновения, потому что так должно было быть.

Это сейчас, принадлежащее ей. Он представлялся ей самой жизнью, всей ее красотой, такой прекрасный, рядом с ней. Теперь она была уверена, могла поверить...

—Я верю,—выдохнула она.—Я верю...

—Во что?—спросил он, даже не шелохнувшись.

—Дьявол, я думала—ты спишь!

—Ну да, спал. Но все же ощутил на себе чей-то взгляд.

—Я не смотрела,—мягко возразила она.—А только наблюдала.

Она видела, что веки его неподвижны и не заметила их шевеления, но теперь меж ними лежала узкая полоска серого холодного алюминия его удивительных глаз. В следующее мгновение он посмотрит на нее—их глаза встретятся и все будет также, как и тогда (это будет тот же металлический снаряд, пронзивший ее в первый раз). И все же ей казалось, будто все происходит снова. И внутри нее любовь забурлила с новой силой, подобно термоядерному взрыву, такому чудовищно прекрасному, такому огромному...

...И подобно самой ужасной вещи на земле, безо всякой паузы, это сияние изменилось, от всей палитры любви к тонам ужаса и краскам катастрофы...

Она выкрикнула его имя...

И серые глаза распахнулись широко-широко, в испуге и удивлении за ее страх. Затем он рассмеялся. И вдруг, без всякой паузы, изгиб его смеющихся губ сменился судорогами муки, они раскрылись слишком широко, в то время, как зубы плотно сжались и сквозь них он застонал от боли. Он упал на бок, его согнуло, и он снова застонал от боли, задыхаясь, словно уносимый прочь от нее, недостижимый теперь даже для нее.

Она закричала. Она закричала. Она...

Биографию Уайка найти довольно трудно. Это же касается и четырех последующих поколений. Причем с каждым из них все труднее.

Чем больше становились владения Уайка, тем менее заметной становилась сама семья, ибо так пожелал сам Кэп Гамалиэль Уайк, после того, как его собственная совесть одержала над ним победу.

А человеком он был предусмотрительным.

Это случилось с ним после того, как он отошел от дел, связанных с тем, что для приличия называлось «торговля черной патокой». Его корабль—а позже—целый флот,—перевозил прекрасный ром приготовленный из мелассы, из Новой Англии в Европу, а из Вест-Индии в Новую Англию—ту же мелассу.

И естественно, желательно бы иметь окупающий себя груз, необходимый для перехода в западном направлении, чтобы замкнуть третью сторону столь прибыльного треугольника. Вряд ли мог быть груз лучше, чем африканцы из Вест-Индии, для выращивания сахарного тростника и работы на мельницах, где получали мелассу.

Невообразимо богатый, отошедший на время от дел, он, казалось, удовлетворился жизнью среди своей родни, носил на своих плечах куртку из тонкого сукна с шелковистой отделкой и белоснежное льняное белье, словно прирожденный феодал, ограничившись в украшении собственной персоны лишь массивным золотым кольцом и маленькими квадратными золотыми застегками у колен. Трезвомысляще ведя деловые разговоры, чаще о мелассе, (о роме—редко), ну а о рабах—никогда, он жил со своей запуганной женой и молчаливым сыном, пока однажды она не умерла и что-то—возможно, одиночество—снова сомкнуло его мозг с зоркими глазами и заставило осмотреться вокруг. Его начало раздражать лицемерие людей, а он был достаточно честен, чтобы испытывать то же по отношению к себе. Ощущение совершенно новое, чего не

мог сам отрицать, но и перенести тоже. И, оставив сына на попечение домашних, взяв только самого близкого слугу, он отправился на девственную природу в поисках утраченной души.

Девственной природой назывались Виноградники Марты. Долгой суровой зимой, в ненастную погоду, старик сидел у огня, когда же светлело—вышагивал по берегу, закутанный в четыре огромные серые шали, с медным телескопом под мышкой, со своими практичными мыслями, ведущими неустанный спор с собственными же признаниями. А поздней весной он вернулся в Вискассетт; язык его обрел грубоватую уверенность, а лаконичность почти переросла в молчаливость. Он распродал (как писал пораженный современник) «все, что было на виду» и забрал своего сына—запуганного, послушного одиннадцатилетку—назад в Виноградники, где под аккомпанимент рокошующих волн и кричащих чаек, преподавал сыну такие уроки, по сравнению с которыми образование Уайков, во всех четырех поколениях, осталось бы простым дополнением.

Ибо в своем укрытии среди штормов, одиночества своего внутреннего «я» и Виноградников, Гамалиэль Уайк пришел к соглашению с самим Декалогом.

Он никогда не подвергал сомнению Десять Заповедей и никогда сознательно их не нарушал.

Как и многие до него, соотносил удручающее состояние мира и грехи его обитателей к отказу следовать этим заповедям. Но, в раздумьях, как он наконец набожно заключил, сам Господь недооценил глупость человечества.

И тогда он предпринял исправление Декалога добавлением: «или служи причиной...» к каждой заповеди, для облегчения людям работы с ними:

«... или не послужи причиной того, чтобы имя Господа поминалось всуе».

«... или не послужи причиной свершения воровского дела».

«... или не послужи причиной содеяния прелюбодеяствия».

«... или не послужи причиной бесчестия отца твоего и матери твоей».

«... или не послужи причиной свершения убийства».

Но откровение пришло к нему с последней заповедью. Ему вдруг стало ясно, как божий день, что вся человеческая ересь—зависть, возжелание, войны, бесчестия,—происходили из почти полного неуважения человечества к этому закону и его дополнению.

«... Не возжелай... и не послужи причиной алчности».

Его озарило, что возбуждение алчности в другом—такой же смертный грех, как убийство или побуждение его смерти. И все же, по всему миру процветали империи, строились прекрасные яхты, великолепные замки, висячие сады, гробницы, устанавливались дары колледжам—все для побуждения зависти или алчности менее одаренных (наделенных) или имевшие тот же эффект, каковы бы ни были мотивы.

Так что для человека, столь богатого, как Гамалиэль Уайк, одной возможностью разрешения внутреннего конфликта был путь

Св. Франциска, но (хотя сам не хотел признать и даже мысли допустить) он скорее бы отверг Декалог и свои поправки, все окружавшие писания и свою скрюченную правую руку, чем вступил бы в такое противоречие со своей врожденной жадой наживы Янки.

Другая возможность—взять все свои богатства, да и зарыть в пески Виноградников Марты, чтобы они никого не вводили в искушение. Но подобная мысль вызывала у него ощущение песка в горле и чувство удушья.

Для него деньги были одушевленными и не должны были вставать на пути.

Вот таким образом он и пришел к поразительному ответу: делай свои деньги, радуйся, получай удовольствия, но никогда ни кому не позволяй знать об этом. Желание, заключил он, как жены соседа, так и осла соседа, предполагало знание об этих владениях.

Ни один сосед не мог бы пожелать ничего, принадлежавшего ему, если этому чему-то нельзя дать имя.

И тогда обрушил Гамалиэль вес, подобный глыбе гранита и силу, подобную тяготению, на разум и душу сына своего Уолтера, и породил Уолтер Джедедию, и породил Джедедия Кайафа (который умер) и Самуэля, и Самуэль породил Зебулона (который умер) и Сильву.

Так что, наверное, настоящее начало истории о том, как парень стал собственной матерью, надо отнести к Кэпу Гамалиэлю Уайку и его отполированному песком, глубочайшему, как бездна океана, камнеподобному откровению.

...упал на бок, в постель и согнулся, застонал, задыхаясь от боли, застонал, задыхаясь, уносимый прочь от нее, даже от нее, недостижимый для нее.

Она закричала. Она закричала. Она заставила себя подняться, отступить от него, и совершенно нагая побежала в гостиную, где схватила телефон цвета слоновой кости:

—Кеогх!—закричала она,—во имя Бога, Кеогх!

...и назад в спальню, где он лежал, издавая раскрытым ртом ужасное а..., а..., а она терзала свои руки, попыталась взять его и ощутила, что рука сжата мукой и ничего не чувствует. Она позвала его, еще и заплакала.

Звонок прозвучал с непозволительной деликатностью.

—Кеогх!—закричала она и вежливый звонок деликатно—шшшш—ответил ей снова—замок, о проклятый замок...подхватив свой пеньюар, побежала с ним в руке через комнату для одежды, через гостиную и холл, фойе, и рывком распахнула дверь. Она втащила Кеогха внутрь, прежде, чем он смог отвернуться, просунула одну руку в рукав одеяния и закричала:

—Кеогх, пожалуйста, ради Бога, Кеогх, что с ним?—и полетела в спальню, и он бросился следом, не отставая.

Затем Кеогх, председатель советов директоров семи крупнейших корпораций, член советов еще дюжины других, главный ме-

неджер тихой семейной холдинговой компании, подошел к постели и сосредоточил свой холодный голубой взгляд на лежащей на ней в муках фигуре.

Затем слегка покачал головой.

—Ты позвала не того человека,—выпалил он, и побежал назад в гостиную, оттолкнув с пути девушку, словно уже был машиной, несущейся по шоссе. Там он подобрал телефон и заговорил:

—Вызовите Рэтберна сюда наверх. Сейчас. Где Вебер? Вы не знаете? Хорошо, найдите и доставьте сюда...Меня не волнует. Зафрахтуйте самолет. Купите самолет.

Он бросил телефон и побежал назад в спальню. Подойдя к ней со спины, нежно надел пеньюар на ее плечо, и мягко разговаривая с ней, потянулся, достал ремешок и аккуратно завязал его.

—Что случилось?

—Н-ничего, только...

—Ладно, девочка, давай-ка выметаться отсюда. Рэтберн практически за дверью, да и за Вебером я уже послал. Если и есть врач лучше Рэтберна, то только Вебер, и тебе придется предоставить все им. Идем!

—Я не хочу оставлять его одного.

—Идем!—выкрикнул Кеогх, затем, посмотрев через ее плечо на постель, произнес—он хочет, чтобы ты ушла, разве не видишь? Ему не хочется, чтобы ты видела его сейчас. Правильно?—спросил он, и лицо, отвернувшееся, зарывшееся в подушки, все в поту, обратилось к ним. Судорога свела губы, на стороне, что была им видна. Он еле-еле качнул головой—это скорее было похоже на судорогу.

—И...закройте...плотно...дверь,—прошептал он, едва слышно.

—Идем,—позвал Кеогх. Повторил еще раз.—Идем.

Он потащил ее прочь, она споткнулась. Лицо ее обернулось назад в тоске, до тех пор, пока Кеогх держа ее обеими руками, ударом ноги не захлопнул дверь и за нею не исчез вид постели. Кеогх прислонился к двери, словно задвижки было недостаточно, чтобы держать ее закрытой.

—Что же это? О-о, что же?

—Не знаю,—ответил он.

—Ты знаешь, знаешь...Ты всегда знаешь все...Почему ты не позволил мне остаться с ним?

—Таково его желание.

Охваченная горем, не находя слов, она заплакала.

—Может быть,—произнес он в ее волосы,—он тоже хочет кричать.

Она стала извиваться—о, она была сильной, гибкой, о, да, сильной. Она попыталась прорваться мимо него. Но он не сдвинулся ни на йоту со своего места, и наконец, она заплакала опять.

Он снова сжимал ее в своих руках, чего давно уже не делал, с тех пор, когда еще маленькой девочкой, она сидела у него на коленях. Он держал ее в своих руках и слепо смотрел на индифферентное светлое утро, смутно видимое сквозь облако ее волос. И попытался, чтобы все остановилось—утро, солнце и время...но...

...но есть одна-единственная вещь, сопутствующая только человеческому разуму, и состоит она в том, что он—разум—действует, движется, непрестанно работает только пока живет. Действие его, движение, работа отличаются от деятельности сердца или, скажем, клетки эпителия, тем, что у последних есть свои функции, и при любых обстоятельствах они их выполняют. Вместо функции, у разума есть обязанность, и заключается она в создании из безволосой обезьяны человека.

...И все же, словно желая показать насколько тривиально различие, существующее между разумом и мышцей; разум должен находиться в движении, всегда до некоторой степени изменяться, всегда, пока живет, нечто вроде действующей потовой железы... Сжимая ее, Кеогх думал о Кеогхе.

Биографию Кеогха найти несколько труднее, чем биографию Уайка. Но не потому, что он просто провел половину своей жизни в тени этих баснословных денег, а именно из-за них. Кеогх был Уайком во всем, кроме кровного родства. Уайк владел им, как и всем, чем владел сам Кеогх, что само по себе представляло внушительные размеры. Когда-то он был ребенком, потом юношей, и, если хотел, мог вспомнить, но не испытывал особого интереса. Жизнь началась для него с *summa cum laude** как в финансовой деятельности, так и в юриспруденции и с полутора лет у Хиннегана и Бача. Затем—удивительное открытие Международного Банка. То невозможное, потребованное от него по делу Цюрих-Пленум, его решение этого конфликта, и тени, все росшие и росшие меж ним и его коллегами, за все годы, в то время как поток света для Кеогха все ширился и ширился, для создания архитектуры всей его деятельности, пока, наконец, он не был допущен к Уайку и ему дали понять, что Уайк был Цюрихом, и Пленумом, и Международным Банком, и Хиннеганом и Бачем. И, действительно,—он был его школой юриспруденции, его колледжем и еще многим-многом. Наконец, шестнадцать—святые небеса—восемнадцать лет назад, когда он стал генеральным менеджером и тени затмили все меж ним и остальным миром, в то время как свет, собственное огромное сияние, открыло почти для него одного, индустриально-финансовый комплекс, беспрецедентный как для страны, где он жил, так и ни с чем не сравнимый в мире.

Но однако, начало, другое начало, наступило, когда совершенно неожиданно, утром, старый Сэм Уайк вызвал его к себе. Тогда он был (хотя и главным менеджером, председателем советов директоров для многих, без чьего-либо знания о том, что все они у него в подчинении), но все еще самым молодым человеком в уединенном офисе.

—Кеогх,—заговорил старый Сэм,—вот мое дитя. Выведи ее в свет. Дай ей все, чего она пожелает. Назад вернись в шесть.

*—ученых степеней

Затем он поцеловал девочку в верхушку темной соломенной шляпки, подошел к двери, остановился, повернулся и рывкнул:

—И если увидишь, что она рисуется или хвастается, то там же на месте хорошенько поддай ей, понял? Меня не интересует, что еще она там будет делать, но не позволяй махать чем-то, что есть у нее, перед кем-то, у кого этого нет. Правило номер один.

Затем он быстро вышел, оставив пораженного, молчащего молодого повергателя гор, застывшим под встречным взглядом одиннадцатилетней девушки. У нее была чудесная белая кожа, черные до синевы, отливающие шелком, волосы и ровные густые брови.

*Summa cul laude**, поступление к Хиннегану и Бачу—были началами, о которых он знал. А то, что это было таковым, он понял далеко не сразу, не более того, вряд ли понял, что только что услышал современную версию закона Кэпа Гамалиэля «Не возжелай...побуждай алчность».

Тогда он лишь мог стоять, приведенный в замешательство. Затем он извинился, направился в кабинет казначея, где выписал чек и освободил небольшую коробку для денег от ничуть не мелкого содержимого. Затем надел свою шляпу, пиджак и вернулся в кабинет президента. Не говоря ни слова, дитя поднялось и последовало за ним к двери.

Они позавтракали и провели полдня вместе, и вернулись назад к шести. Он купил все, чего она хотела в одном из наиболее дорогих магазинов Нью-Йорка. Он посетил все места развлечений, куда она просила ее сводить.

Когда все закончилось, он вернул толстую пачку кредиток в небольшую коробку для денег, в которой стало меньше одним долларом и двадцатью пятью центами, которые он уплатил. Ибо в магазине—самом большом магазине мира—она тщательно выбрала мячик из губчатой резины, который упаковали для нее в кубическую коробку, и которую она все оставшееся время проносила, держа за перевязь.

Позавтракали они с ручной тележки. Он съел один *hot dog* с кислой капустой, она—два—с острой приправой.

Они проехали вверх по Пятой Авеню, в верхнюю часть города на двухэтажном, с открытым верхом, автобусе.

В Центральном Парке они отправились в зоосад, где купили один пакетик с арахисом для девочки и голубей и еще один пакетик с кексиками для девочки и медведей.

Затем на другом двухъяруснике они вернулись назад в нижнюю часть города, и—так прошло полдня.

Он помнил совершенно четко, как она тогда выглядела: королек в соломенной шляпке, правда, если по большому счету, очень ухоженный королек. Не мог он лишь вспомнить, о чем они тогда говорили, если вообще о чем-то особенном говорили. Он уже приготовился позабыть об этом эпизоде, или по крайней мере, аккуратно определить его в свой мысленный сейф в файл под име-

*—ученых степеней

нем—«мелочи», «разное», «закрыто», когда неделей позже, старый Сэм кинул ему пачку бумаг и приказал прочесть их, потом прийти и задать вопросы, если он сочтет что таковые появятся. Единственный вопрос пришел ему в голову, когда он прочел их:

—Вы уверены, что хотите предпринять все это?—и был не тем вопросом, который можно задать старому Сэму. Поэтому он обдумал его очень внимательно, осторожно и пришел к другому:

—Почему меня?—и старый Сэм внимательно осмотрел его снизу доверху и пробурчал:

—Ты ей нравишься, вот почему.

Так и получилось, что Кеогх и девочка целый год прожили в одном из небольших городков на Юге, где располагалась хлопкопрядильная фабрика. Кеогх работал в магазине компании. Девочка—на мельнице—двенадцатилетние девушки работали в те времена на хлопкопрядильнях Юга. Она работала в утреннюю смену и половину вечерней, посещая днем школу в течение трех часов. До десяти часов вечера, по субботам, они смотрели на танцы с боковых скамеек. По воскресеньям посещали баптистскую церковь. Пока они там жили, их фамилией была Хэррис. Кеогх обычно очень волновался, когда не видел ее, но однажды, когда она пересекала по узкому мостику циркуляционный отстойник для использованной воды—что-то вроде сверхбольшого колодца позади прядильни, мостик сломался и она упала в воду. Но еще до того, как она смогла набрать в грудь воздуха, чтобы закричать, откуда-то материализовался негр-истопник, в действительности—из угольного бункера—и прыгнул туда же, схватил и передал ее наверх мгновенно возникшей толпе. Кеогх примчался сломя голову из магазина, в тот момент, когда кочегара уже вытаскивали, и, убедившись что с девочкой все в порядке, склонился над мужчиной, чья нога была сломана.

—Я—мистер Хэррис, ее отец. Вы получите за это вознаграждение. Как вас зовут?

Мужчина поманил его поближе, и когда Кеогх нагнулся, не смотря на боль, усмехнулся и подмигнул.

—Вы не должны мне ни цента, мистер Кеогх,—пробормотал он. Позже Кеогх мог бы разгневаться при подобном признании, и немедленно бы уволил человека: в этот же первый раз он наполнился удивлением и облегчением. Помимо всего прочего, ему теперь стало легче, когда он понял, что ребенок окружен работниками Уайка, работающими на земле Уайка, на фабрике Уайка, платившими Уайку за свои дома.

В надлежащее время год подошел к концу. Кто-то другой принял у него дела, и девочка, теперь уже под именем Кевин и с полнотью новой биографией, в случае, если кто-то вдруг поинтересуется, направилась на два года в совершенно исключительный колледж в Швейцарии, для завершения образования, откуда она прилежно писала письма мистеру и миссис Кевин, которые имели большие земельные владения близ гор Пенсильвании, и в свою очередь, прилежно ей отвечали.

Кеогх вернулся к своей работе, которую обнаружил в отличном

состоянии. Каждая из заключенных в течение года сделок кратко и прекрасно описанная для него, и дополнительная плата, переведенная на один из его счетов поразила Кеогха больше, чем сумма, имевшаяся на счете.

Однако он тосковал по девочке каждый из дней всех этих двух лет. Беспокойство, которое он не мог объяснить, не пытался обдумать, и ни с кем не обсуждал.

Все Уайки, как однажды пробурчал ему старый Сэм, делали что-либо подобное. Он—Сэм—был лесорубом в Орегоне, затем в течение полутора лет—подсобным рабочим, еще позднее—обычным матросом на танкере-каботажнике.

Возможно, где-то в глубине души, Кеогх надеялся, что когда она вернется из Швейцарии, они снова отправятся ловить зубатку на плоскодонке, или как она будет сидеть у него на коленях, в то время, как он будет страдать на жесткой скамье, во время ежемессячного посещения кинотеатра. Но в то мгновение, когда он увидел ее по возвращении из Швейцарии, понял, что этого уже никогда не будет. Он знал, что достиг какого-то нового уровня: это беспокоило и раздражало его, и поэтому он убирал все глубоко-глубоко во тьму внутри себя. Он мог это сделать. Сил хватало. А она,—что ж, она обняла его и поцеловала, но когда заговорила, используя свой новый словарь, аккуратный, школьный, отточенный, то показалась ему странной и внушающей благоговение. Даже любимый ангел странный и внушает благоговение...

Они были снова вместе довольно долго, но уже без объяснений. Он стал мистером Старком в Кливлендском офисе брокерской конторы, а она жила у пожилой четы, посещала местный университет и выполняла частично работу секретаря в его офисе. Именно тогда она изучила все тонкости бизнеса, поняла весь его размах. Он будет принадлежать ей. Бизнес стал ее собственностью, когда они были в Кливленде: старый Сэм умер совершенно неожиданно. Они незаметно ускользнули на похороны, но вернулись назад, на работу, в понедельник. Они оставались там еще в течение восьми месяцев—ей еще многому предстояло научиться. А в конце года она поступила в небольшой частный колледж и Кеогх совершенно не видел ее в течение целого года.

—Ш-ш-ш,—прошептал он ей, все так же плачущей, и «ш-ш-ш»—процелестел звонок.

—Врач...

—Иди и прими ванну,—сказал он и подтолкнул ее.

Она извернулась под его рукой и теперь снова смотрела ему в глаза. Лицо ее горело.

—Нет!

—Ты же понимаешь, что не можешь пойти туда,—продолжал он, направляясь к двери. Она еще раз взглянула на него, но ее губы снова начали дрожать.

Кеогх открыл дверь.

—В спальню.

—Кто?...

Затем врач увидел девушку, ее стиснутые руки, ее искаженное лицо, и получил на свой вопрос ответ. Это был высокий, седоволосый джентльмен с быстрыми руками, быстрой походкой и столь же быстрыми словами. Он направился прямо через фойе, холл и анфиладу комнат, в спальню. Дверь закрыл за собой. Без всякого обсуждения, каких-либо просьб или отказов. Доктор Рэтберн просто тихо и быстро выключил их из орбиты своего профессионального интереса.

—Пойди прими ванну.

—Нет.

—Идем.—Он взял ее за кисть руки и повел в ванную комнату. В душевом отделении находилось четыре душа; он включил боковой. Второй сверху был с запахом цветущей яблони.

—Давай.

И направился к двери. Она осталась стоять на том же месте, где он отпустил ее кисть, до этого таща ее за собой.

—Давай,—повторил он.—Это тебе поможет. Быстренько

Подождал.

—Или ты хочешь, чтобы я окунул тебя самолично? Могу поспорить, что у меня еще хватит сил, чтобы сделать это.

Она метнула в его сторону яростный взгляд. Возмущение ее тут же исчезло, как только она поняла, чего он пытался добиться. В глазах появилась редкая искорка озорства и, изумительно имитируя какую-нибудь деревенщину из молочного ряда, она произнесла:

—Только сунь свои лапы, тут же настучу шерифу, что я вовсе не твоя законная детка.

Но это усилие стоило ей слишком многого и она снова заплакала. Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Он ждал у входа в спальню, когда приоткрылась дверь и из нее выскользнул Рэтберн и тут же захлопнул ее за собой на полустоне-полувздохе.

—Что это?—спросил Кеогх.

—Подождите минутку.—Рэтберн направился к телефону. Кеогх добавил:

—Я послал за Вебером.

Рэтберн остановился на полпути столь резко, что со стороны это могло показаться смешным.—Ого!—воскликнул он.—Совсем неплохой диагноз для юриста. А есть вообще что-нибудь, чего бы вы не могли сделать?

—Я не понимаю о чем вы говорите,—раздраженно ответил Кеогх.

—О, а я думал, вы знаете. Да, опасаясь, что данный случай в епархии Вебера. А что вас заставило предположить?

Кеогх содрогнулся.

—Я видел однажды, как подручный на мельнице получил удар ниже пояса. Я знаю, что он такого удара не получал. Так что же это, действительно.

Рэтберн бросил быстрый взгляд округ себя.

—А где она?

Кеогх показал на ванную.

—Я посоветовал ей принять душ.

—Хорошо, — ответил врач. Но голос свой все же понизил:

—Естественно, я не могу сказать без дальнейшего освидетельствования и лаб...

—Что это? — потребовал Кеогх негромко, но с такой яростью, что Рэтберн даже отступил на шаг назад.

—Это может быть хориокарцинома.

Кеогх устало покачал головой.

—Мне — поставить диагноз? Я даже и произнести-то четко не смогу. Так что же это? — и тут же мгновенно замолчал, словно уловив слово из воздуха и позволил ему еще раз пробежать мимо.

—Я знаю, что подразумевает последняя часть.

—Одна из... — Рэтберн сглотнул и попытался еще раз. — Одна из наиболее жестоких форм рака. И она... — Он снова понизил свой голос — Она далеко не часто проявляется в такой тяжелой форме.

—Короче, насколько это серьезно?

Рэтберн поднял руки и позволил им тут же упасть.

—Плохо, а? Док, а как плохо...?

—Может, когда-нибудь мы и сможем..., — Приглушенный голос Рэтберна совсем стих.

Они застыли под пристальными взглядами друг друга, в которых читалась боль.

—Сколько времени?

—Может быть, недель шесть.

—Шесть недель!

—Ш-ш-ш! — Нервно шикнул Рэтберн.

—Вебер...

—Вебер разбирается в физиологии внутренних органов лучше, чем кто-либо. Но я не знаю, поможет ли это. Немного похоже на... ваш, э-э, дом, который поражен молнией, разрушившийся и сгоревший до основания. Вы можете исследовать его обломки, посмотреть сводку погоды и, э-э, узнать, что именно произошло. Может, когда-нибудь мы и сможем, — повторил он еще раз, но настолько безнадежно, что Кеогх, сквозь накатывающийся туман ужаса, пожалел его и полусознательно протянул руку. Дотронувшись до рукава пиджака врача, он неуклюже встал.

—И что же вы собираетесь сделать?

Рэтберн поглядел на закрытую дверь спальни?

—То, что... — он сделал жест указательным и большим пальцем. — Морфий.

—И все?

—Послушайте-ка, я же все-таки врач так сказать общего назначения. Спросите лучше Вебера, а?

Кеогх понял, что уже достаточно нажал на этого человека в поисках хотя бы крупицы надежды. И если ее нет, то и нет никакого смысла пытаться ее выдавить. Он спросил:

—А кто-нибудь работает над этим? Что-нибудь новое? Вы не могли бы разузнать?

—О, я это сделаю, сделаю обязательно. Но Вебер столько может вам выдать прямо из головы, сколько бы я разузнал за шесть ме... за долгое время.

Открылась дверь. Она вышла с пустым, ничего не выражавшим взглядом, но порозовевшей, и закутанной в длинный белый махровый халат.

—Доктор Рэтберн...

—Он спит.

—Слава Богу А...?

—Боли нет.

—Но что же это? Что с ним случилось?

—Ну, я не хотел бы утверждать со всей уверенностью...Мы ждем доктора Вебера. Он узнает.

—Но—но он...?

—Он проспит целые сутки.

—А могу я...?

Эта робость, осторожность, удивила Кеогха—все это так на нее непохоже.

—Могу я его увидеть?

—Он только что уснул!

—Меня не волнует это. Я очень-очень тихо. Даже не притронуся к нему.

—Идите,—вдохнул Рэтберн. Она открыла дверь, и нетерпеливо, молчаливо, проскользнула внутрь.

—Можно подумать, что она пытается удостовериться там ли он. Кеогх, который хорошо знал ее, заметил:

—Так оно и есть.

Но биографию Гая Гиббона действительно оказалось трудно найти. Ибо он не был выдающимся администратором, который, несмотря на всю его охраняемую анонимность, обладал такой большой властью, что должен был оставлять следы для тех, кто знал куда смотреть и что искать, тех, кто мог поработать и просеять эти детали сквозь мелкое сито. Точно так же Гай Гиббон не являлся и наследником от рождения бесчисленных миллионов, не был он и прямым потомком ряда финансовых великанов.

Происходил он оттуда же, откуда большинство из нас: из средних слоев или верхнесредних, или верхненижних средних, или ниже верхне средних или из какой-то другой неопределенной точки посреди постоянно перемещающихся слоев общества (чем больше их изучают, тем меньше в них разбираются). В конце концов он принадлежал к клану Уайков всего восемь с половиной недель. О, голые детали не слишком трудно отыскать (например—дата рождения, успеваемость в школе) и определенные основные факты (занятия отца, девичья фамилия матери), так же как и маме—другой (развод или смерть родственников). Но биография, настоящая био-

графия, не ограничивающаяся описанием, которая объясняет человека—и это удастся немногим—вот это-то предприятие нелегкое.

Можно смело предположить, что наука способна сделать то, чего не может вся королевская конница и вся королевская рать—склеить разбитое яйцо. Предоставьте ей достаточно оборудования и достаточно времени...но разве не то же самое: «Дайте достаточно средств и денег?» Ибо деньги могут быть не только средством, но и мотивом. Поэтому, если на проект израсходовано достаточно денег, то наверное можно снять последний покров таинственности с истории жизни человека, молодого человека из (как сказали бы снобы) ниоткуда, как бы ни был он недолго—хотя и близко—знаком.

Совершенно ясно, что самым важным событием в жизни Гая Гиббона стала его первая встреча с кланом Уайков, и подобно многим до и после него, он тогда не имел ни малейшего представления, что встретился с ними. Это случилось, когда Гаю было около двадцати, и он с Сэмми Штейном залез в чужие владения.

Сэмми был его школьным приятелем, и в тот день, он хотел сообщить ему какую-то тайну. И очень настаивал на вылазке, но объяснить в чем дело, отказывался. Сэмми был плечистым, добродушным и в разумных пределах безвольным парнем, чья близкая дружба с Гаем основывалась почти исключительно на притяжении противоположных полюсов. И, поскольку, из многих видов устраиваемых ими забав, самыми забавными считались посещения чужих владений. И в данном случае ему хотелось открытие своей тайны сделать именно таким образом.

«Посещение чужих владений», в виде развлечения, придумалось само собой, когда они еще ходили в школу. Оба парня жили в большом городе, окруженном (в отличие от большинства современных) старыми, а не новыми пригородами. Сюда же входили и крупные—а в некоторых случаях—более чем крупные владения и особняки. Им доставляло величайшее удовольствие перелезть через ограду или стену и, проникшись глубоким уважением к собственной храбрости, проскользнуть через поле или лес, лужайку или дорогу, подобно разведчикам-индейцам на территории поселенцев. Их дважды ловили, один раз спустили собак—трех боксеров и двух мастифов, которые безусловно разорвали бы их на мелкие кусочки, не будь у ребят больше везения, чем быстроты—а один раз добродушная маленькая старушка чуть не до тошноты закармила их своими бутербродами со студнем и привязанностью одинокой леди. Но в воспоминаниях о приключениях, эти два пленения придавали лишь остроты; две неудачи на сотню удач (ибо многие из владений посещались часто)—таким послужным списком стоило гордиться.

Поэтому они проехали на троллейбусе до конца маршрута, mildly прогулялись и направились напрямик туда, где дорога сворачивала у скромного знака «Посторонним проход запрещен», хотя и дорогого с виду изготовления, но и высокой степени обшарпанности. Они проследовали через небольшой дикорастущий лесок, и, наконец, подошли к неприступной с виду гранитной стене.

Сэмми обнаружил стену неделю назад, бродя в одиночестве. Прежде, чем бросить ей вызов, дождался, когда его сможет сопровождать Гай, и Гая это тронуло. Также глубоко взволновала его и сама стена. Всякому сооружению такого размера давно уже полагалось быть найденным, изученным, осажженным, подвергнутым штурму и покоренным. Но эта стена была не только высокой, длинной или таинственной, но также и далекой от суеты и незаметной. С ней не соприкасалась ни одна дорога, кроме небольшого подъездного пути—примитивного, петлявшего и ведущего к окованному железом прочным дубовым воротам, без единой щелки, куда можно было бы заглянуть.

Они не могли ни взлезть на нее, ни проломить—и все же преодолели ее. Древний клен по одну сторону стены словно взялся за руки с каштаном на другой стороне, за гребнем стены, и они перелезли, словно пара белок.

Они, подобно привидениям, посетили множество выдающихся владений, но никогда прежде не видели такой ухоженности, причесанности, такой приглаженности земельного участка и, как сказал Сэмми, лишившись от благоговения своей обычной бесцеремонности, когда они стояли в беседке из мрамора, выходящей на пышные зеленеющие акры подстриженной лужайки, рощу самшита, похожие на парки леса, ручьи с японскими мостиками, с причудливыми каменными садиками на излучинах:

—Черт побери! И все это—на много миль вокруг.

Они немного побродили в первый раз и узнали, что в конце концов там водились люди. Невдалеке они увидели трактор, тащивший несколько косилок по одному из пышных зеленых полей (владельцы несомненно называли его лужайкой). Машины, редкие в те времена, оставляли за собой скошенную полосу шириной футов в тридцать.

—И это,—сказал, уставившись на них Сэмми,—не сено.

А потом они увидели дом...

Во всяком случае, мельком. Выбравшись из лесу, Гай почувствовал, как его рванули назад.

—Там дом,—прошептал Сэмми,—нас могут увидеть.

У Гая осталось лишь путаное впечатление белого холма, который и сам по себе был домом, или частью его; башен, башенок, зубчатых стен, бойниц: сказочного дворца, расположенного на этом чудесном пейзаже. Снова увидеть дом им уже не удалось. Его расположили так, что приблизиться к нему скрытно и наблюдать было невозможно. Они буквально лишились дара речи при виде этого дворца, и почти час ни о чем не говорили—увиденное выражали только покачиванием головы. В конце концов они окрестили его «сараем» и в том же духе впоследствии называли свое последнее открытие—«купальная лужа». Она находилась за ручьем и лесистым холмом. Еще два холма вздымались на границе с лесом, и между ними тремя и угнездилился пруд. Даже скорее озеро. В плане оно приблизительно имело очертания буквы «Г», со всех сторон окруженное тенистыми заводами, гротами с незаметными каменными

ступеньками, ведущими то к украшенным цветами павильонам деревенского типа, то к сокрытым лесным полянам, содержащим настоящие ухоженные садики.

Но озеро, «купальная лужа»...

Они искупались, стараясь плескаться как можно тише и держась поближе к берегу. Исследовали две заводи справа (крошечный водопад и такой же пляж с явно привезенным золотистым песком) и три слева (одна квадратная, облицованная кафелем цвета патины, с черной остекленной вышкой, высотой футов в двадцать, нависавшей на водой; маленький пляж с белоснежным песком; и та, в которую они не посмели зайти, опасаясь повредить флот из самых настоящих парусников, размерами не более фута каждый, стоявших на якорях; они бродили по воде, пока не продрогли до костей, разглядывая, разинув рот, миниатюрную модель порта с маленькими тачками на улицах, фонарями и старомодными домами). А потом, усталые, голодные и потрясенные до глубины души, отправились домой.

И тут Сэмми открыл хранимую им тайну—которая, по его мнению, заслуживала именно такого выдающегося дня: оказывается, он собрался на завтра сбежать из дому и попытаться присоединиться к Шенно в Китае.

Ошарашенный Гай сделал единственный жест, до какого смог додуматься: он, как и подобало верному товарищу, поклялся больше не посещать чужих владений до возвращения Сэмми.

—Смерть при хорикарценоме,—начал доктор Вебер,—наступает в результате...

—Но он—не умрет,—перебила она.—Я не позволю ему.

—Дорогая моя,—доктор Вебер был невысоким человеком с круглыми плечами и ястребиным профилем.—Я не хочу быть жестоким. Используя любые эвфемизмы, я могу породить лишь фальшивую надежду. Или я мог бы сделать то, о чем вы меня попросили—объяснить положение и сделать прогноз. Но я не в силах выполнить и то и другое вместе.

Вклинился доктор Рэтберн:

—Почему бы вам не уйти и отдохнуть? Потом я к вам зайду, когда мы все здесь закончим и обо всем расскажу.

—Я не хочу отдыхать,—яростно выпалила она.—И я не просила вас, доктор Рэтберн, ограждать меня от подробностей. Просто я сказала, что не позволю ему умереть. В этом утверждении не ничего, что удерживало бы вас от сообщения всей правды.

Кеогх улыбнулся. В этот момент Вебер смотрел на него и поразился тому. Кеогх тоже заметил удивление, появившееся на лице врача.

—Я знаю ее лучше, кого-либо из вас,—заявил он с оттенком гордости. Нет необходимости действовать чрезмерно осторожно.

—Спасибо, Кеогх,—поблагодарила она. И, наклонившись вперед:—Продолжайте, доктор Вебер.

Вебер посмотрел на нее. Внезапно оторванный от своей работы за две тысячи миль отсюда, препровожденный в место, о существовании которого он и понятия не имел, великолепие которого со всех сторон атаковало его самоуверенность, встреча с женщиной власти—полной власти—и совершенно за пределами его прежнего опыта...Вебер считал, что его-то уж ничем не удивить. Шок, горе, страх, боязнь утраты, подобные тем, что испытывала она, он, конечно, видел и раньше. Да и какой врач не видел? Но когда Кеогх храбро сообщил ей, что болезнь убивает в течение шести недель, всегда, она все же вздрогнула, закрыла свои глаза на какое-то мгновение и затем тихо произнесла:

—Расскажите мне все, что знаете, доктор, об этой...этой болезни.

И затем, в первый раз произнесла:

—Он не умрет. Я ему не позволю,—и то, как она наклонила голову, как громким голосом произнесла эти слова, заставило Вебера почти поверить ей. Он был даже готов поклясться небесами, что и сам хотел того же. И тогда он понял, что еще способен удивляться.

Он сделал усилие на собой, чтобы как-то отстраниться, на время стать не человеком, не врачом, лечащим именно данного больного, а чем-то вроде справочника. И начал снова:

—Летальный исход при хорикарценоме несколько отличается от того, что бывает при других злокачественных новообразованиях. Обычный рак начинает развиваться в каком-то определенном органе и потом посылает свои цепочки масс дикорастущих клеток через этот пораженный орган. Смерть может наступить в результате прекращения жизнедеятельности этого органа: печени, почек, мозга или еще чего там есть у человека. Бывает, что рак проявляет себя неожиданно и распространяется уже по всему телу, порождая колонии своих клеток в организме. Такой процесс называется метастазами. Смерть наступает в результате отказа многих органов, а не одного. Конечно, может произойти одновременно—как почти полное повреждение органа, зараженного раком, так и эффект метастазов.

С другой стороны, хорио не затрагивает какой-то особо важный орган. Важный скорее для особей рода человеческого, но не для индивидуума.—Он позволил себе сухо улыбнуться.

—Это, наверно, наиболее поразительно утверждение для большинства людей сего дня и века, но, тем не менее—правда. Но половые клетки, хотя и являются одними из наиболее основных и примитивных, имеют некоторые особенности, которыми другие клетки тела не обладают.

—Вы когда-нибудь слышали о такой вещи, как внематочная беременность?—Он адресовал этот свой вопрос Кеогх, который в ответ кивнул головой.

—Оплодотворенная яйцеклетка по каким-то причинам не достигает своего места назначения—матки, вместо этого она прикрепляется к очень тонкой трубке между яичником и маткой. И сперва все идет достаточно хорошо для нее—и именно это факт, я

хочу, чтобы вы себе четко уяснили—потому что, несмотря на то, что именно матка предназначена для взращивания зародыша, стенка трубы не только поддерживает развивающуюся яйцеклетку, но еще и питает ее. Формируется то, что мы называем контрплацентой, которая обволакивает зародыш на ранней степени развития и лелеет его. Зародыш, конечно же обладает высокой степенью жизнеспособности и способен хорошо существовать на плазме, которой его снабжает контрплацента. И он растет—растет с фантастической быстротой. Ну, а так как труба очень тонкая—вы с трудом смогли бы просунуть сквозь нее тончайшую из швейных игл—она не может содержать в себе растущий зародыш и разрывается. И если только он не извлечен вовремя, ткани, расположенные снаружи с готовностью принимают на себя работу, которую должны выполнять настоящие плацента и матка, и через шесть-семь месяцев, если мать еще до этого доживет, происходят настоящие разрушения в брюшной полости.

—Ну ладно, теперь назад, к хорио. Итак, участвующие в этом клетки, являются половыми и впридачу канцерогенными, они делаются с бешеной скоростью, без какой-то программы, развиваясь в совершенно безграничном разнообразии очертаний, размеров и форм. Ну, а закон среднего диктует то, что определенное число их—а общее число искаженных клеток—астрономическое—похожи на оплодотворенную яйцеклетку. И некоторые настолько схожи, что я лично не возрадовался бы задаче по различению имитаций и настоящих. Тем не менее, для тела, в целом, не имеет значения. Все, что хотя бы отдаленно напоминает оплодотворенную яйцеклетку, способно управлять контрплацентой.

А теперь давайте рассмотрим источник этих клеток. С точки зрения физиологии—это железистая ткань, масса капилляров и вен. Все они вместе зародышевые имитации, вплоть до самой крошечной. А тонкие стенки капилляров легко разрываются от такого усилия и имитации—естественно, лучшие из них, так как ткани предрасположены именно к ним—попадают в капилляры, оттуда—в систему кровообращения.

Есть одно единственное место, откуда их можно удалить и оно богато кислородом, лимфой, кровью и плазмой: легкие. Они с энтузиазмом принимаются за работу по формированию планценты для этих клеток и их взращиванию. Но каждый сегмент, утрачивается для выполнения работы по снабжению крови кислородом. В конце концов легкие отказывают и смерть наступает в результате кислородного голодания.

Вступил Рэтберн.

—Долгие годы хори считалось легочной болезнью, а канцерогенные яичники—побочным эффектом.

—Но рак легких...—начал возражать Кеогх.

—Но это—не рак легких, разве не ясно? Правда, через достаточное время, могло бы и быть так, если найдут метастазы. Но времени никогда не хватает. Хорио не нужно ждать долго, чтобы убить. Вот почему все так скоротечно.

Он попытался не смотреть на девушку—не получилось—и все-таки сказал:

—И наверняка.

—Ну и каково лечение?

Вебер поднял свои руки и позволил им упасть. Это был в точности тот же жест, сделанный ранее Рэтберном, и Кеогх вдруг подумал, не учат ли подобным жестам в медицинских вузах.

—Что-нибудь для снятия боли. Орхидектомия может несколько продлить жизнь больного. Но не спасет его. Прежде, чем проявляются первые симптомы, пошли метастазы. Рак становится генерализованным...и наверное, состояние легких только в милости Божьей.

—А что такое «орхидектомия»?—спросил Кеогх.

—Ампутация, э-э, источника,—неловко ответил Рэтберн.

—Нет!—вскричала девушка.

Кеогх послал ей взгляд, полный сочувствия. Было в нем наверное нечто такое, циничное, непонятное, холодность пополам с раздражением ко всем, кто жил так, как он никогда не мог, имел то, чего он никогда бы не мог иметь. Наверное, пошевелился тот самый великий древний грех, изолированный Кэпом Гамалиэлем в своих проницательных мыслях. Конечно же ампутировать, подумал он, если поможет. Что думаешь, ты стараешься спасти—его способность к деторождению? Как прок в этом сейчас? Но, бросив взгляд в ее сторону, он натолкнулся на нечто полностью отличное от замешанного на романтике ужаса и шока, которые ожидал увидеть. Ее густые прямые брови были сведены вместе, лицо застыло в напряженном раздумии.

—Дайте мне время,—как ни странно звучали эти слова, сказала она.

—Вы действительно должны бы...—начал Рэтберн, но она заставила его замолчать нетерпеливым жестом. Трое мужчин обменялись взглядами и успокоились, словно кто-то или что-то совершенно ясно и недвусмысленно сказал им—подождите. Чего они ожидали, никто из них и представить себе не мог.

Девушка сидела с закрытыми глазами. Проползла еще минута.

—Дэдди обычно говорил,—произнесла она так тихо, что похоже говорила сама себе,—путь можно найти всегда. Все, что нужно—подумать о нем.

Снова наступила долгая пауза, затем она открыла глаза. В них, где-то в глубине чувствовалось какое-то горение и Кеогх почувствовал себя неудобно.

Она сказала:

—Однажды он сказал мне—ты можешь иметь все. Все, что только...возможно...и...единственный путь убедиться в том, что возможность есть, попытаться реализовать ее.

—Нет, не Сэм Уайк,—произнес Кеогх.—Это сказал Кеогх.

Она облизала пересохшие губы и по очереди она посмотрела на каждого из присутствовавших. Но, казалось, никого не видела.

—Я не позволю ему умереть,—твердо заявила она.—Вот увидите.

Сэмми Штейн вернулся два года спустя на побывку, полный планов поступления в ВВС. Из него в Китае, как он выразился, повышибли дурь, да и много другого тоже. Но он остался прежним Сэмми в достаточной мере, чтобы составлять чудесные дикие планы посещения чужих владений; и они знали, куда именно направляться. Однако новый Сэмми потребовал сперва выпивку и девуку.

Гай, уже два года как окончивший школу и зарабатывавший себе на жизнь, по природе своей не пьяница и не бабник, согласился очень охотно. Сэм, казалось, сперва забыл про «купальную лужу» и пол-вечера они сидели в местном, довольно неплохом универмаге с баром и танцплощадкой. Гай уже отчаялся, что Сэм когда-нибудь вспомнит про него, как тот сам заговорил, напомнив Гаю, как однажды тот написал ему, Сэму, письмо, спрашивая, а случилось ли все то с ними на самом деле. Гай, в свою очередь, про письмо забыл, и после они неплохо провели время, «вспоминая былое»—и решили на следующий же день отправиться в то самое чужое владение, прихватив с собой обед. И отправиться пораньше.

Затем последовало шумное знакомство с несколькими девушками, и еще много выпивки, так что выбравшись где-то после полуночи из тумана и движения, Гай очутился на тротуаре, глядя как Сэмми запикивает девицу в такси.

—Эй,—окликнул он, заплетающимся языком,—как насчет, сам знаешь, «купальной лужи»?

—Я—как часы, можешь на меня рассчитывать,—нескромно рассмеялся Сэмми. Девица потянула его за руку, он стряхнул ее и зигзагообразным курсом подошел к Гаю.

—Слушай,—с трудом подмигнул он,—если получится—а у нас получится—я не направлюсь ни в какие ранние отправки. Вот что я тебе скажу—езжай туда один, там и встречай меня у того знака, который советует не лезть, а не то мы тебе всыпем. Скажем, часов в одиннадцать. Если я не смогу добраться к тому времени, то я либо умер, либо что-либо подобное.

Он проорал в такси:

—Ты собираешься меня пристукнуть, милашка?

На что девица отозвалась:

—Да, если ты сейчас же не сядешь в такси.

—Видишь, что я имею в виду?—с пьяной нелогичностью сказал Сэмми.—Я должен ехать, чтобы меня кокнули.

И он таким же зигзагом направился к такси, что вовсе не было необходимым—до машины было рукой подать. Больше в ту побывку Гай его не видел.

Что Сэмми не придет, принять ему оказалось трудно, потому что не было какого-то особенного момента, когда он это понял. Он добрался до места с десятиминутным опозданием, после того, как приложил нечеловеческие усилия, стараясь успеть. Желудок болел с непривычки к обильным возлияниям, глаза саднило, а суставы ломило с недосыпа. Он знал—вероятность, что Сэмми еще не приехал, а может и вообще не придет—еще больше. И все же не давала покоя существовавшая мысль. А вдруг он приехал пораньше и

отправился напрямик на место? Продав целый час и еще несколько минут, пока на небольшой дороге не прекратилось всякое движение, Гай углубился в лес один, мимо знака «Посторонним вход воспрещен», подойдя к стене. Сперва у него были трудности с поиском тех двух деревьев, а одолев стену, он некоторое время не мог сориентироваться. Он, конечно, обрадовался, найдя невероятно идеальные лужайки по-прежнему на месте и строго ухоженными, музеи самшита, с бордюрчиками, с дорожками укатанного гравия, красиво петлявшими по лесу. Это удовольствие было не более чем подтверждение уже памятного ему, не более—все равно день уже был испорчен.

Гай добрался до озера примерно за час, усталый, сильно проголодавшийся, недовольный и разнервничавшийся. Такая комбинация заставила его желудок возмутиться подобным насилием, издав гулкий звук. Он присел на берегу и торопливо поел. Он проглотил всю еду, взятую и на себя и на Сэмми, беззаботно побросав остатки в бумажный мешок, проделав все затуманенно, словно только что проснувшись. Пирог слегка заплесневел, но он все же съел его. Апельсиновый сок был теплым и уже начал бродить, он выпил и его. А затем из упрямства твердо решил искупаться—ведь именно за этим он сюда и пришел.

Выбрал он пляж с золотым песком. Под густым покровом можжевельника нашел каменную скамейку и стол. Разделся там, и шмыгнул через пляж в воду.

Он собирался всего лишь окунуться, а потом заявить, что искупался. Но, за небольшим мыском слева, находилась прямоугольная бухточка с вышкой для ныряния, и он вспомнил про порт с моделями кораблей; а затем его глаза уловили движение по диагонали через верхнюю перекладину буквы «Г», очертания которой имело озеро, и он увидел модели—на этот раз не стоящие на якорю, а бегущие—шлюпы, выплывавшие из заводи, пересекавшие ее вход и плывшие обратно в бухту; должно быть их влекло какое-то подводное колесо и бесконечная цепь, они покачивались, когда на них налетал ветер. Он чуть-чуть не рванул прямо к ним, а потом решил не делать глупостей и обойти кругом.

Он подплыл к левому каменистому берегу и начал пробираться вдоль него. Крепко держась за камни (вода здесь казалась бездонной) он завернул за угол и очутился лицом к лицу (буквально; они соприкоснулись) с девушкой.

Она была молоденькой—почти его возраста—и первым возникшим у него впечатлением были два глаза слишком сложной расцветки, голубовато-белые зубы с заостренными клыками, совершенно непохожие на правильность клавиш пианино, считавшихся прекрасными в то время, и рассыпавшаяся по плечам густая шапка темно-каштановых волос. К тому времени, как он прекратил разевать рот и, так как разевав его, пренебрег мыслью вынырнуть из воды, то отключился от внешних впечатлений на миг удушья, до тех пор, пока не почувствовал твердую хватку на своем левом бицепсе, и не оказался возвращенным к камню.

—С-сп-пасибо,—прохрипел он, когда она отплыла на ярд, взбаламутив воду,—Вообще-то мне не положено здесь находиться,—глупо добавил он.

—Мне тоже, полагаю. Я подумала, что вы здесь живете.

—Ух ты, рад слышать. С вашей стороны. Но я—всего лишь разрушитель, парень.

—Я—не парень.

—Это так, фигли-мигли речи,—сказал он, употребив одно из тех глупых выражений, появляющихся у человека, когда он взрослеет, и потом бесследно исчезающих. Она, похоже, совершенно не прореагировала, потому что совершенно серьезно сказала:

—У вас самые прекрасные глаза, какие я когда-либо видела. Они словно сделаны из алюминия. А волосы вьющиеся.

Он не смог толком придумать что ответить, но все ж попробовал. Получилось всего-лишь «ну, еще рано» и они дружно рассмеялись. Она была такой странной, такое непохожей ни на кого. Она говорила спокойно, серьезно, почти без ударений и употребляла совершенно несдержанные идиомы, словно обдумывала чужие мысли и тут же высказывала их,—А также,—сказала она,—у вас замечательные губы. Посинелые. Вам следует выбраться из воды.

—Не могу!

Она с миг подумала, отплыв от него подальше, но затем снова вернувшись на расстояние примерно в ярд:

—Где ваши вещи?

Он показал через узкое горло озеро, которое он оплыл по окрестности:

—Ждите меня там,—велела она и вдруг подплыла поближе, настолько близко, что окунув подбородок, смогла заглянуть ему в глаза,—Вы должны ждать меня там.

—О, обязательно,—пообещал он и поплыл к противоположному берегу. Она осталась, держась за камень, смотря ему вслед.

Плавание, усиленное стремление, преодоление дистанции, согрели его и холод с сопровождающей смутной болью уменьшились. Затем он почувствовал укол боли в желудке и подтянул колени, чтобы облегчить ее. Когда он снова попытался вытянуть ноги, то это причинило ему очень сильную боль. Он снова подтянул колени, и боль последовала внутрь, так что о новом распрямлении ног не могло быть и речи. Он еще крепче прижал колени к животу, затем последовала еще более резкая боль. К тому времени он уже сильно нуждался в глотке воздуха. И откинув голову назад, он попытался перевернуться на спину, но при подтянутых коленях все вышло совсем не так, как надо, он наконец вдохнул, что пришлось сделать волей-неволей, но воздух куда-то пропал; он забарахтался вверх, до тех пор, пока растущее давление в его ушах не указало, что вместо этого он плывет ко дну. На него надвинулась чернота, отступила и снова надвинулась; в миг усталости он дал ей навалиться, на мгновение его окружил свет и он втянул в себя одним глотком полные легкие воздуха, а другим—воды и снова его окружила тьма, и на этот раз она осталась...

По-прежнему прекрасный в ее постели, но отуманенный морфием, безмятежный в своем вязком сне, он лежал, а в венах его роились монстры...

В углу комнаты, вполголоса, Сильва разговаривала с Кеогх.—Ты меня не понимаешь. Ты не понял меня вчера, когда я вскричала при мысли об этой... этой операции. Кеогх, я люблю его, но я—это я. Любить его не значит, что я перестала думать? Любить его значит для меня еще больше, а не меньше. И это означает, что я могу сделать все, что могла и раньше, но только более того, и лучше. Именно поэтому я влюбилась в него. А разве ты никогда не влюблялся, Кеогх?

Он посмотрел на рассыпавшиеся по ее плечам волосы, серьезно взметнувшиеся брови, и сказал:

—Я на эту тему особо не размышлял.

—«Всегда найдется какой-то выход. Все, что ты должен сделать—подумать о нем».—прочитировала она.—Кеогх, я приняла сказанное доктором Рэтберном. После того, как вы вчера ушли, я отправилась в библиотеку и прошлась по некоторым книгам...Они оба правы, Рэтберн и Вебер. И я думала и думала...пытаясь так, как сделал бы дэдди, переворачивая все с ног на голову, искала новый путь мышления. Он не умрет, Кеогх, я собираюсь не позволить ему умереть.

—Но ты сказала, что приняла...

—О, часть его. Большую часть его, если так тебе нравится. Мы все умираем, часть за частью, по крупице, но мы же не волнуемся, ведь отмершие части заменяются. Он скоро...скоро потеряет еще гораздо больше частей, но—когда все закончится, снова будет самим собой.—Она заявила с такой уверенностью, что, наверное, сказанное звучало по-детски. Но если так, это было совсем не детством.

—У тебя есть идея,—с определенностью заключил Кеогх. Как он и говорил врачам, он узнал ее.

—Все эти... эти создания в его крови,—задумчиво произнесла она.—Та борьба, сквозь которую они проходят... они пытаются выжить. А думал ли ты когда-нибудь вот так, а, Кеогх? Они ужасно хотят жить. Подумай об этом.—Его тело тоже хочет, чтобы они жили. Оно поддерживает их везде, где они прижились. Так сказал доктор Вебер.

—Ты на что-то натолкнулась—у тебя что-то есть,—без эмоций заметил Кеогх,—но чтобы это ни было, мне думается, не мне не по праву.

—Я хочу, чтобы ты возненавидел. Я хочу, чтобы ты сражался с этим. У тебя один из чудеснейших умов, которые я когда-либо знала, Кеогх, и я хочу, чтобы ты продумал всевозможные доводы против. И на каждый довод я найду контрдовод, и тогда мы будем знать, что нам делать.

—Тебе лучше продолжить,—с неохотой произнес он.

—У меня с Вебером этим утром состоялся ожесточенный спор, вдруг выпалила она.

—С этим че...когда?—он бросил взгляд на часы.—Еще рано.

—Около трех или четырех, наверное. В его комнате. Я отправилась к нему и разбудила.

—Послушай, не смей делать подобных вещей с Вебером!

—Я посмела. В общем, он уехал.

Он поднялся, и редкие пятна гнева загорелись на его щеках. Он сделал вдох, выдох и снова сел.

—Тебе лучше все рассказать.

—В библиотеке,—начала она,—есть книга по генетике. И в ней упоминается об экспериментах над бельгийскими кроликами. Самки были оплодотворены не спермой, а каким-то соляным или щелочным физиологическим раствором.

—Я помню о чем-то таком.—Он привык к ее манере кругами подходить к чему-то важному. Она строила ступени диалога не как рабочий, а как архитектор. Иногда она подносила порции своего строительного материала и складывала их подле строения. Если она и делала так, то значит материал был нужен и пойдет в ход.

Он ждал.

—Самки родили маленьких крольчат и все они оказались так же женскими особями. Самое интересное то, что они были практически идентичны друг другу и матери. Рисунок сетчатки глаза был так схож, что даже экспертов можно обмануть их фотографиями. «Невозможная похожесть»—вот, что сказал один из них. И я разбудила доктора Вебера, чтобы рассказать ему.

—А он сказал тебе, что читал эту книгу.

—Он ее написал,—кратко сообщила она.—И тогда я ему сказала, что если он смог такое сделать с бельгийскими кроликами, он может сделать то же—она кивнула на свою большую постель,—с ним. Затем она помолчала, пока Кеогх отвергал эту идею, потом нашел, что она застряла в голове, подобно занозе, обратил на нее свой мысленный взор, попытался стряхнуть ее прочь, снова,—и не смог, тогда медленно приблизил ее, перевернул, покрутил так и эдак.

—Взять одно из этих... этих созданий, похожих на яйцеклетку,—заставить его расти...

—Тебе не нужно заставлять его расти. Оно само отчаянно хочет расти. У тебя их тысячи. И с каждым часом на сотни больше.

—Боже мой!

—Эта мысль пришла мне в голову, когда доктор Рэтберн предложил операцию. В одно мгновение, подобно чуду. Если ты кого-нибудь любишь,—посмотрела она на спящего,—чудеса происходят. Надо лишь хотеть, чтобы они происходили.—Она посмотрела на него так пронзительно, что он отодвинулся назад в своем кресле.

—Я могу иметь все, стоит только захотеть—и все, что мне необходимо—хотя бы возможность. Нам лишь надо ее реализовать. Вот почему я отправилась к доку Веберу этим утром. Попросить его.

—Он сказал—невозможно.

—Сперва. Через полчаса или около того заявил, что вероятность один шанс к миллиарду или триллиону...но понимаешь, как только он это произнес, то тем самым подтвердил, что возможно!

- И что ты тогда сделала?
- Позволила ему попробовать.
- И значит, поэтому он уехал?
- Да.

—Ты сошла с ума,—он сказал это прежде, чем смог остановиться. Она, казалось, вовсе этому не возмутилась. Она сидела и хладнокровно ждала.

—Послушай,—сказал наконец Кеогх,—Вебер сказал, что эти деформированные—э-э,—создания были похожи и на оплодотворенную яйцеклетку. Он никогда не говорил, что это именно так. Он мог бы сказать—что ж, я сделаю за него—что это не оплодотворенные яйцеклетки.

—Но он действительно сказал, что это так—так или иначе, некоторые из них, а в особенности те, что достигли легких—очень похожи. А как близко нужно тебе получить, прежде чем вообще бы нельзя различить?

—Этого не может быть. Просто не может.

—Вебер сказал то же самое. И я спросила, а пробовал ли он когда-нибудь?

—Ладно, ладно! Ничего не выйдет, но лишь для того, чтобы продолжить сей глупый спор, предположим, что ты получишь нечто и оно будет расти. Но нужно питание, должна поддерживаться определенная температура, какое-то количество кислоты или щелочи может убить его...Невозможно что-то такое разместить во дворе.

—Подобное сделано—у одной коровы взяты яйцеклетки и пересажены в другую и получены телята. В Австралии есть один человек, который предполагает выращивать племенной скот от слабых коров таким образом.

—Ты выполнила свое домашнее задание.

—О, еще не все. Доктор Кэррел из Нью-Джерси смог сохранить живую ткань цыпленка в течении пяти месяцев—и утвердил, что может и неограниченно—в питательном растворе, в термостате у себя в лаборатории. И она растет, Кеогх! Она так растет, что ему время от времени приходится срезать ее.

—Сумасшествие! Просто безумие—пробурчал он.—И что ты думаешь получить, если один из этих монстров дойдет до срока?

—Мы доведем до срока тысячи,—спокойно сказала она.—И один из них будем—им.

Она неожиданно наклонилась вперед, и даже голос ее пресекся. На ее лице проступила какая-то неудержимость, то же и в голосе, и хотя он звучал по-прежнему тихо, это поколебало его:

—Его плоть, его скелет, его тело, будут выращены заново. Его волосы, Кеогх. Его отпечатки пальцев. Его—глаза. Его—его сущность!

—Я не могу...—Кеогх встряхнулся словно взмокаящая спаниель, но ничего не изменилось, он по-прежнему был здесь, как и она, постель, спящий и эта ужасающая, невообразимо чудовищная, ошибочная идея.

И тогда она улыбнулась, протянула свою руку и дотронулась до

него. Поразительно, но это была материнская улыбка, теплая и ласкающая, с материнской любовью, защищающим прикосновением, голос ее был полон любви.

—Кеогх, если не получится, то не получится, несмотря на все, что мы сделаем. И тогда ты будешь прав. Я же думаю, что получится. Я этого хочу. Разве ты не хочешь того, чего я желаю?

Ему пришлось улыбнуться, и она улыбнулась в ответ.

—Ты просто молодой дьявол,—страстно выпалил он.—Заставляешь меня бегать туда-сюда. Почему ты хочешь, чтобы я возражал?

—Я—не хочу,—ответила она,—но если ты будешь мне возражать, то увидишь такие проблемы, что, никто кроме тебя даже и предугадать не сможет, и как только мы их обдумаем, то будем готовы, разве не ясно? Я буду бороться с тобой, Кеогх,—сказала она, переместив свою, странной светлой ауры, нежность в сторону спокойной, убежденной, неумолимой решимости,—я буду бороться с тобой, поднимать и тащить, покупать и продавать, и убивать, если придется, но я собираюсь вернуть его. И знаешь что, Кеогх?

—Что?

Она сделала жест, который заключил в себе его, комнату, замок, земли и все другие замки и земли, псевдонимы, корабли и поезда, заводы и банки, горы, поля и шахты, конторы и тысячи тысяч людей, все вместе взятое, бывшее Уайками:

—Я всегда знала, что все это есть,—произнесла она,—и поняла, что все принадлежит мне. Но иногда задумывалась, а для чего же это все. Теперь я знаю. Теперь—знаю.

Он чувствовал рот на своем рте и тяжесть на животе. Такое впечатление, словно его кости куда-то исчезли: тошнота, полная неподвижность, как будто тело стало куском расплывшегося при нагреве жира.

Рот на его рте, чей-то вес на его животе, глоток воздуха, такой желанный, но слишком теплый и влажный. Он отчаянно нуждался в нем, и ему показалось, что где-то внутри есть запас сил, чтобы собраться с ними в легких и попытаться отбросить его назад, но слабость так ужала предпринятое усилие, что все вылилось лишь в булькающий вздох.

И снова—рот в его рте и вес на животе, и еще один вздох. Он попытался повернуть свою голову, но кто-то держал его за нос. Он выдохнул такой необходимый, но неудовлетворительный воздух и вместо него слегка вдохнул сам. И сразу же закашлялся—воздух был слишком сочен, чист, слишком хорош. Он закашлялся, как и всякий после хорошего глотка крепкого ячменного виски,—свежий воздух жег легкие.

Он почувствовал как его голову и плечи приподняли и переместили, из чего сообразил, что лежал до этого плашмя спиной на камне, или чем-то подобном, плоском и совершенно твердом, а теперь уже на чем-то более мягком. Чудесный, свежий, обжигающий

воздух поступал без перебоев, кашель стал слабее, пока наконец он не погрузился в нечто вроде сонного умиротворения. Лицо, склонилось над ним слишком близко, чтобы нормально его разглядеть, или же он не мог рассмотреть его, утратив саму возможность, но, тем не менее, беспокойство он не испытывал. И поэтому вяло уставился в это расплывающееся сияние лица, и непринужденно прислушиваясь к голосу...

...Голосу, что-то тихо мурлыкавшему без слов, успокаивающему почему-то в своей бессловесности, создающему новые ощущения восторга и удовольствия, чего не выразить никакими словами. И потом, все же были и слова, полупропетые, полупрошептанные, и он не смог их разобрать, не мог разобрать...и тогда...тогда ему послышалось:

—...и как это может, такое волшебство, как это: все что произошло и эти глаза...

—Ты похож на покойника, приятель. Эй, ты там?

Он широко раскрыл глаза и наконец-то ясно увидел ее лицо и темные волосы, и глаза, зеленые-зеленые, словно морская бездна, с оттенком синевы. Ее спутанные, сохнувшие волосы, обрамляли лицо подобно виноградным лозам, и зеленые глаза, и густые брови над ними казались неотъемлемой частью ее, отбрасывая зеленое сияние на непостижимую прозрачность щек. Он в тот момент никак не мог понять, что же она была такое. Она сказала ему (как давно, прошли многие годы):

—Я думала ты—фавн...

Но сейчас он не имел еще полного сознания, если не сказать фантазии, в своем распоряжении. Она просто не соотносилась ни с чем из его опыта.

Затем он почувствовал сжимающую, выворачивающую боль внутри, в верхней части живота, заполняющую все, грозящую взорваться. Какой-то толстый шнур внутри перекрутился, и ясно понимая, что его надо разогнуть, он сделал яростное, противоречивое усилие преодолел его. И когда пришел взрыв, то это была тошнота, а не агония. Конвульсивно он вывернул голову, почувствовал подступающую волну к горлу, и расслабился.

И увидел с слишком большим мучением, чтобы ужаснуться светлую рвотную массу, стекающую вокруг ее колена, углубление, образованное бедром и икрой ноги, так как она сидела, подобрав под себя ноги, и комки, оставшиеся после того, как стекла жидкость. И она...

Она сидела так же, как и прежде, держа его голову, баюкая в своих руках, успокаивая и напевая, что все хорошо, хорошо, он будет теперь чувствовать себя лучше. Слабость обволокла его и отступила, после чего, дрожа, он отстранился от нее, наклонил голову и глотнул воздуха.

—У-уфф,—и выдохнул.

—Парень,—произнесла она, и произнесла это точно в унисон с ним. Он держался за голени и вытер слезы, вызванные рвотой сперва из правого, потом из левого глаза, смахнув их на колени.

—Уф, ну и дела,—пробормотал он, и она снова произнесла фразу в унисон с ним.

И тогда, наконец-то, он взглянул на нее.

Он взглянул на нее и никогда уже не забыл, что увидел, как и все остальное. Послеполуденное солнце, лучи, превращенные в кружево беседкой над ними, описывали ее, она наклонилась к нему, одной своей маленькой рукой, опершись на землю, плавно изгибающейся вниз, и ее собственный вес развернул плечи таким образом, а голова наклонилась несколько вперед, словно тяжелая ее волос пригибала к земле. Это вызывало чувство податливости, словно она вся была хрупкой, что на самом деле, он знал, было не так. Ее другая рука, раскрытая, лежала на другом колене, ладонью вверх, и пальцы не были до конца расслаблены, словно она что-то держала в них, действительно, луч света—золото, превращенное в коралл,—лежал в ее ладони. Она держала его просто так, гармонично, бессознательно, и в руке ее было знание за семью печатями, которое нельзя ни принять, ни передать. И он запомнил на всю свою жизнь, вплоть до самой мельчайшей части, вплоть до блестящего ногтя на ноге. Она улыбалась, а ее поразительные, непередаваемые глаза лучились обожанием.

Гай Гиббон понял приход величайшего момента своей жизни, именно в этот самый миг, и на всю свою жизнь, чтобы произнести нечто незабываемое, и что бы он не сказал, так и будет...

—О... ну и дела,—выдохнул он.

Он содрогнулся, а затем улыбнулся ей.

И снова смеялись вместе, до тех пор, пока, в недоумении, он остановился и спросил:

—А где я нахожусь?

Она не стала отвечать, и он закрыл глаза, попытавшись разобраться сам. Сосновая беседка... где-то разделся...поплыл. Да, поплыл! Затем, через все озеро и он встретил... Он открыл глаза, посмотрел на нее и сказал:

—Тебя.

Затем, заплыв в обратном направлении, холод, в желудке слишком много еды, теплого сока и несвежего пирога, чтобы справиться и:

---...ты, похоже, спасла мою жизнь.

---Что ж, кто-то ведь должен был. Иначе ты бы умер.

---И поделом мне.

---Нет!—вскричала она.—Не смей больше говорить этого!—И она совершенно ясно видел, что воскликнула она совершенно серьезно.

---Я только хотел сказать—за свою глупость. Я съел достаточно дерьма и пирога, который, думаю, начал уже плесневеть. Всего этого было слишком много, затем, когда я разгоряченный и усталый, как безмозглый тупица направился в воду. Так что любой, поступающий так, заслуживает...

---Я имела в виду,—произнесла она совершенно безэмоционально,—не смей это повторять. Ты слышал о старой традиции, когда

на поле боя один человек спасал жизнь другому, то жизнь эта становилась собственностью его, и он мог поступать с ней так, как ему захочется?

—Ну, а что ты хочешь делать с моей?

—Ну, посмотрим,—задумчиво ответила она.—Ты должен сам отдать. Я не могу, вот так, просто взять ее.

Она затем выпрямилась и отодвинулась назад, рука ее заскользила по сосновым иголкам, лежавшим на каменном полу беседки. Она наклонила голову и волосы, качнувшись вперед, скрыли ее лицо. Он подумал, что она наблюдает за ним сквозь них. Но не мог быть уверенным.

Он хотел произнести это в полный голос, но мысль стала такой большой, что сдавила ему горло и он лишь прошептал:

—А ты ее хочешь?

—О, да,—ответила она, тоже шепотом. И когда он пододвинулся и откинул волосы с ее лица, чтобы посмотреть, следит ли она за ним, то увидел, что глаза ее закрыты и в уголках их слезинки. Он с нежностью протянул руку, но прежде, чем успел к ней прикоснуться, она прыгнула вверх, прямо сквозь густую стену. Ее длинное золотистое тело прошло сквозь нее без единого звука и на мгновение, казалось, зависло в воздухе, затем исчезло. Он просунул голову и увидел, как ее тело промелькнуло под зеленоватой водой. Он замешкался, потом почувствовал запах своей собственной рвоты. Вода выглядела достаточно чистой, а золотой песок—как раз подходящим материалом, чтобы поскоблить себя. Он выбрался из беседки и неуклюже, спотыкаясь, направился вниз, по берегу, к воде.

После первого нырка, он вышел и завертелся вокруг, ища ее, но не находя.

Ничего не чувствуя, он подплыл к крошечному пляжу, и нагнувшись, обсыпал себя мельчайшим песком. Затем нырнул и начал отчищаться, и потом (все еще надеясь) еще раз выскочил всего себя. Снова нырнул, вынырнул. Но ее не увидел.

Он постоял в лучах заходящего солнца, чтобы обсохнуть и посмотрел на противоположный берег озера. Сердце подпрыгнуло, когда он заметил движение чего-то белого и снова упало, когда разглядел, что это всего лишь вереница покачивающихся и скользящих корабликов.

С трудом он поднялся к беседке—и теперь наконец-то—увидел, что эта та беседка, за которой он разделся—и тяжело опустился на скамью.

Здесь тропические виды рыб плавали в океанской воде, но не было океана, и где целые флоты точнейших копий кораблей ходили под парусами, без кого-либо на мостиках, никто ими не управлял, где бесценные статуи стояли, скрытые, на подстриженных и ухоженных полянах в глубине леса и—он увидел далеко не все, да и какие другие невозможности были здесь возможны, в этом невозможном месте. Кроме того, чувствовал себя он отвлеченно. (Он сморщил нос). Чертовски близко...чуть не утонул. Без сомнения, ре-

хнулся ненадолго, уж точно. Она не могла быть настоящей. И разве не заметил он зеленоватый оттенок ее кожи, или же просто оттенок лучей солнца..? Кто угодно, кто мог создать такое место, управлять им, вполне мог бы сварганить и какую-нибудь машинку, чтобы загипнотизировать тебя, как об этом рассказывалось в некоторых научно-фантастических рассказах.

Он неуютно поежился. Может кто-нибудь наблюдает за ним даже сейчас.

Торопясь, он начал одеваться.

Итак, она ему привиделась. А может быть и все вокруг—не настоящее. Он тоже наткнулся на нарушителя, на том краю озера, и это реальность, а дальше, когда он чуть не утонул, все остальное, наверное, ему привиделось.

Только—он прикоснулся ко рту. Ему привиделось будто кто-то вдвует воздух в него. Где-то он слышал об этом, но определенно не среди того, чему учили его в Й.

—Эй, ты похож на покойника. Эй, ты там?

Что бы это значило?

Как в тумане, он закончил одеваться. Затем пробормотал:

—И какого дьявола меня потянуло сожрать этот чертов пирог? Он поразмыслил, что скажет Сэмми. Если она ненастоящая, Сэмми даже не захочет узнать, о чем он говорит. А если она настоящая, то единственно, о чем он может спросить: «Так, значит она была с тобой там, и все что ты сделал—прямо на нее вывернул себя наизнанку?». Не-ет, он ничего не скажет Сэмми. Или кому-нибудь еще.

И быть ему всю жизнь холостяком.

Уф, ну и дела. Что за знакомство?! Перво-наперво она спасает твою жизнь, затем ты не знаешь что сказать и наконец, только посмотри, что пришлось сделать. Ну, да ладно—она не настоящая.

Он попытался представить себе ее имя. Даже если оно ненастоящее. Ведь многие не пользуются своими именами.

Он выбрался из беседки, пересек молчаливый сосновый покров и затем заорал. В этом крике не было слов и кто-нибудь бесполезно попытался бы что-то разобрать.

Она стояла, ожидая его. На ней было неброское коричневое платье, туфли на низких каблуках, через плечо повешена коричневая кожаная сумочка. Волосы ее причесаны аккуратно и скромно завязаны венцом. Она выглядела так, словно каким-то внутренним переключателем убрала сияние, прежде окутывавшее ее кожу. Она выглядела, как если бы была готова исчезнуть, если и не в воздухе, то в толпе, в любой толпе, только бы оказаться рядом с ним. И он прошел бы мимо—это уж точно, если бы не ее глаза. Она быстро подошла к нему, и, положив руку на его щеку, засмеялась над ним. И снова он увидел белизну этих необычных клыков, таких острых...

—Ты покраснел!—воскликнула она.

За всю историю человечества, ни один покрасневший не остановился при этом наблюдении. Он спросил:

—Куда ты направляешься?

Она быстро посмотрела ему в глаза, затем сложила свои руки на ремешке висевшей через плечо сумочки, и посмотрела на них.

—С тобой,—тихо ответила она.

И это лишь одно из многого того, что она еще сказала ему, мгновение за мгновением, что со временем приобрело значение для него. Он отвез ее обратно в город, они вместе поужинали и затем направились по адресу в Вест-Сайде, который она ему дала, и всю ночь простояли снаружи, болтая. И через шесть недель поженились.

—Ну как я мог спорить?—спросил доктор Вебер доктора Рэтберна.

Они стояли рядом друг с другом, наблюдая за маленькой армией рабочих, словно муравьи, копошившихся вокруг гигантского каменного сарая примерно в четверти мили от замка, между прочим, невидимого отсюда, и таким образом, невидимого людям. Работа началась накануне в три часа пополудни, и продолжалась всю ночь. Все, абсолютно все, что бы не заказал доктор Вебер, не только было ему предоставлено, но привезено или уже установлено.

—Понимаю вас,—ответил Рэтберн, уже имевший подобный опыт.

—И не только, как я мог спорить,—продолжил Вебер,—но почему я должен был бы? У каждого человека есть планы, честолюбивые замыслы. А этот Кеогх, какой подход, а! И первым делом, на что он нацелился—планы относительно моей персоны. С этого и начал. И неожиданно все, что вы хотели иметь или кем-либо быть, преподносится вам или обещано, и без всякого надувательства относительно обещаний.

—О, нет. Им нет нужды дурачить кого-либо...Вы хотели сообщить прогноз?

—Вы насчет этого юноши?—Он взглянул на Рэтберна.—О—вы имеете в виду другое...Вы хотите спросить смогу ли я довести один из этих суррогатов-зародышей до срока. Подобное мнение могло бы выставить меня полным идиотом, но, думаю, такая работа—не для идиотов. Пока же, все, что я могу вам сказать—я предпринял попытку—то, что даже и не мечтал сделать, если бы не она и ее сумасшедшая идея. Я ушел отсюда в четыре утра с несколькими мазками из его горла и к девяти у меня уже около полудюжины их было изолировано и находилось в питательном растворе. Свиная плазма крови самое быстрое, что я смог приготовить. И получил митоз. Они делились, и спустя несколько часов, двое из них покрылись рябью и начали формировать гастророфор. Этого свидетельства оказалось достаточно для продолжения. Вот все, как я считаю, и то же сообщил им по телефону. А к тому времени, когда я добрался сюда,—добавил он, махнув в сторону огромного сарая,—тут уже на четыре пятых сооружена исследовательская лаборатория, достаточно внушительная для любого городского медцентра. Спо-

рить?—снова вернулся Вебер к самому первому вопросу доктора Рэтберна.—Как я мог спорить? Да и почему я должен?...И эта девушка. Она воплощение силы, подобной тяготению. Она может приложить такое давление, я имею ввиду ее лично, что наверно, могла бы заполучить все, что угодно в этом мире, если бы захотела, даже и не принадлежащее ей. Даже сам мир. Доставьте этот прибор к северо-восточному входу!—рявкнул он технику.—Я сейчас спущусь вниз, и покажу вам куда его установить. Он повернулся к Рэтберну. Это был человек, поджариваемый на огне.

—Я должен идти.

—Если есть что-либо зависящее от меня,—произнес доктор Рэтберн,—только скажите.

—Вот это—самое чудесное,—заметил Вебер.—Именно так все говорят вокруг, и, черт побери, говорят искренне!

Он быстрым шагом направился к сараю, а доктор Рэтберн повернул к замку.

Примерно через месяц после последнего своего опасного приключения во время нарушения границ чужого владения, Гай Гиббон возвращался с работы домой, когда человек, стоявший на углу, отвлекся от чтения газеты и, еще складывая ее, спросил:

—Гиббон?

—Да, правильно,—ответил Гай, хотя и несколько резковато.

Человек осмотрел его с ног до головы, хотя и довольно быстро, но создав при этом впечатление такой тщательности, эффективности и опыта, что Гай не удивился бы, узнав, что человек не только определил его одежду и ее изготовили по каталогу, но так же и состояние его здоровья, даже группу крови.

—Меня зовут Кеогх,—сказал человек.—Вам это что-нибудь говорит?

—Нет.

—Сильва никогда не упоминала это имя?

—Сильва! Н-нет, никогда.

—Давайте зайдем куда-нибудь и выпьем. Я бы хотел с вами поговорить.

Что-то понравилось этому человеку, и Гай задал себе вопрос что же именно.

—О'кэй,—ответил он.—Только я много не пью, но ладно, о'кэй.

Они нашли бар неподалеку, с отдельными кабинами в глубине. Кеогх заказал виски с содовой, а Гай, после небольшого замешательства, заказал пиво.

Затем он спросил:

—Вы ее знаете?

—Большую часть жизни. А вы?

—Что? Да, конечно. Мы собираемся пожениться.

Гай изучающе посмотрел в кружку с пивом, и несколько стесненно, спросил снова:

—А все же—кто вы, мистер Кеогх?

—Меня можно назвать,—ответил Кеогх,—in loco parentis.

Он подождал ответа, затем добавил:

—Что-то вроде опекуна.

—Она ничего не говорила об опекуне.

—Это я могу понять. А что она рассказывала вам о себе?

Неудобство Гая дошло до уровня робости, недоверия, даже чуть-чуть коснулось страха—но не повлияло на твердость его слов, как бы не были они произнесены.

—Я вас не знаю, мистер Кеогх. И не думаю, что должен отвечать на вопросы о Сильве. Или обо мне. Или о чем-либо.

Он посмотрел на Кеогха.

Тот внимательно его разглядывал, а затем неожиданно улыбнулся. Это был не бывалый и, очевидно, слегка болезненный процесс для него, но, похоже, искренний.

—Хорошо!—рявкнул он и поднялся.—Идем.

Он вышел из кабины, и Гай, более чем удивленный, последовал за ним.

Они направились к телефонной будке на углу.

Кеогх опустил монету, набрал номер и стал ждать, глаза его застыли на Гае.

Затем Гаю пришлось выслушать одну сторону разговора:

—Я здесь с Гаем Гиббоном.—(Гаю пришлось отметить, что себя Кеогх представил только одним голосом).

—...конечно же я знал об этом. Глупый вопрос, девочка.

—...потому что мое дело. Ты мое дело.

—...прекратить? Я не пытаюсь что-либо прекратить. Я просто должен знать и все.

—...хорошо. Хорошо... Он здесь, рядом. Он ничего не хочет говорить ни о тебе, ни вообще о чем либо, и это хорошо. Да, очень хорошо. Не могла бы ты сказать ему, что бы он был пооткровеннее?—И передал трубку удивленному Гаю, который запинаящимся голосом сказал в нее:

—Э, привет,—наблюдая за совершенно беспристрастным лицом Кеогха.

Голос Сильвы заполнил и обволок все его существо, сменив беспокойство на что-то совсем иное и приятное.

—Гай, дорогой.

—Сильва...

—Все в порядке. Я думаю, надо было сказать тебе об этом раньше. Когда-нибудь это должно было случиться. Гай, ты можешь рассказать Кеогху все, что захочешь. Все, что он спросит.

—Почему, дорогая? Все же—кто он?

Наступила пауза, затем послышался странный тихий смех.

—Он может объяснить все лучше, чем я. Ты хочешь, чтобы мы поженились, Гай?

—О, да!

—Что ж, тогда все в порядке. Никто не может ничего изменить, никто—кроме тебя. И, послушай Гай, я буду жить где и как

ты захочешь. Это действительно правда, ВСЯ правда, ты мне веришь?

—Я всегда верю тебе.

—Вот и хорошо. Вот, что мы сделаем. Ты пойдешь и побеседуешь с Кеогхом. Расскажешь ему все, что он захочет узнать. Он должен сделать то же самое. И еще. Я люблю тебя, Гай.

—Я тебя тоже,—ответил Гай, наблюдая за лицом Кеогха.—Что ж, тогда—о'кей,—добавил он, после того, как она больше ничего не произнесла.

—Пока.—И повесил трубку.

Между ним и Кеогхом состоялся долгий разговор.

—Ему больно,—прошептала она доктору Рэтберну.

—Я знаю.—Он сочувственно покачал головой.—Я и так уже ввел максимальную дозу морфия, какую только может выдержать чело век.

—А еще немножко?

—Ну, может быть, чуть-чуть,—грустно вздохнул он.

Затем подошел к своему саквяжу и достал шприц и иглу.

Сильва нежно поцеловала спящего человека и покинула комнату. Кеогх ждал ее.

—Надо остановиться, девочка!—сказал он.

—Почему?—зловеще спросила она.

—Давай-ка уйдем отсюда.

Она знала Кеогха достаточно долго и хорошо, и была уверена в отсутствии каких-либо сюрпризов с его стороны. Но голос, взгляд, все было ново в нем.

Он придержал дверь открытой и она прошла вперед, и затем направилась туда, куда он в молчании ее повел.

Они покинули замок и прошли по тропинке сквозь густые заросли кустарника, ведущей через склон холма, возвышавшегося над сараем.

Стоянка автомобилей, когда-то бывшая гумном, теперь заполнилась машинами. Подъехала белая машина скорой помощи, еще одна разгружалась у северо-восточной платформы. Где-то позади здания приглушенно гудел генератор, а из трубы новой каменной котельной, пристроенной сбоку подымался дым.

Они оба жадно посмотрели на здание, но ничего не сказали.

Тропа привела их через гребень холма вниз, к озеру. Они вышли на небольшую лесную поляну, на которой стояла восьмифутовая Диана, охотница Диана, целомудренная и быстроногая, изваянная столь прекрасно, что казалось, она вовсе не из мрамора. Совершенно не похожа на что-то холодное или неподвижное.

—Мне всегда представлялось,—заговорил Кеогх,—что рядом с ней никто не может лежать.

Она посмотрела на Диану.

—Даже и для самих себя,—добавил Кеогх и плюхнулся на каменную скамью.

—Давай, выкладывай,—сказала она.

—Ты хочешь, чтобы Гай Гиббон случился снова. Это сумасшедшая идея, но и великая тоже. Многие идеи были еще сумасшедшие, некоторые—более великими, и теперь они—повсеместны. Я не хочу спорить о том, насколько эта—сумасшедшая или великая.

—Что ж тогда?

—Я пытался, последний день или около того, как отстраниться, отойти на какое-то расстояние, взглянуть на все это с какой-то перспективой. Сильва, ты забыла одну вещь.

—Хорошо,—произнесла она.—О, хорошо. Я знала, что ты подумаешь о чем-то подобном прежде, чем будет поздно.

—Что бы ты смогла найти выход из положения?

Он медленно покачал головой.

—Но не в этот раз. Соберись с силой воли Уайков, девочка, и решишься остановиться.

—Продолжай.

—Все просто. Я не верю, что ты получишь свою копию, напоминаю тебе, но все же вдруг получится. Я разговаривал с Вебером, и клянусь Господом, такое может произойти. Но уже при удаче ты получишь только вместилище, но ничего, чем его наполнить. Послушай, девочка,—ведь человек не только кровь, кости и клетки тела, и все.

Он замолк, пока она не сказала:

—Продолжай, Кеогх.

—Ты любишь его?—спросил он.

—Кеогх!

Она удивилась.

—Так что же именно ты любишь?—рывкнул он.—Эти курчавые волосы? Эти мышцы, кожу? Его естественное оборудование? Глаза, голос?

—Все вместе.—спокойно ответила она.

—Все это, а остальное?—безжалостно напирал он.—Что же если твой ответ—да, пожалуйста, получи желаемое, дай бог тебе сил, и скатертью дорога. Я ничего не знаю о любви, но вот что скажу: если это все, что есть в ней такого, то пусть она катится к черту.

—Хорошо, ну конечно же любовь—нечто большее.

—А! И как же ты получишь, ее девочка? Послушай, человек это: его кожа, кости, на которых он стоит, плюс то, что у него в голове, плюс то, что в сердце. Ты хочешь воспроизвести Гая Гиббона, но ты не сможешь сделать, просто сдублировав его оболочку. Если же хочешь продублировать полноценного человека, ты должна сделать так, чтобы он прожил такую же жизнь. А этого сделать ты не в силах. В течение долгого времени она смотрела на Диану. А затем выдохнула:

—Почему же нет?

—Отвечу почему,—сердито ответил он.—Потому, что прежде всего тебе надо достоверно разузнать кто он.

—Я знаю кто он!

Он раздраженно плюнул на зеленый мох у скамьи. Совершенно несвойственно ему и потому—по-настоящему шокирующе.

—Ты не знаешь и частицы, а я уж и того меньше. Однажды я прижал его спиной к стене на более чем два добрых часа, пытаюсь выяснить кто же он. Он просто другой парень, и все. Ничего особенного в школе, ничего особенного в спорте, обычные общие вкусы и чувства, как и у шести миллиардов таких же людей. Так почему же он, Сильва? Почему именно он? Что ты такого увидела в нем стоящего, чтобы выйти за него замуж?

—Я... не знала, что он тебе не нравится.

—О, проклятье, девочка, да нет же! Я никогда так не говорил. Я не могу... я не могу даже найти чего-то, что бы мне не нравилось.

—Ты не знаешь его так, как я.

—Так. Я согласен. Я не знаю и не могу. Потому что и ты ничего не знаешь тоже—ты чувствуешь, но не знаешь. И если хочешь снова увидеть Гая Гиббона, или его достоверное факсимиле, он должен жить по сценарию с того дня, как рожден. Необходимо повторить каждое переживание, каждый случай, которые когда-либо с ним происходили.

—Хорошо,—произнесла она спокойно.

Он взглянул на нее, как громом пораженный. Затем сказал:

—Но прежде всего, мы должны написать сценарий. И перед тем, как мы сможем его написать, каким-то образом надо раздобыть материал. Ты что предполагаешь—создать фонд или что-то подобное, посвященное раскрытию каждого из моментов, которые этот—этот незаметный молодой человек когда-либо пережил? Все должно быть в секрете, потому что пока он растет, знать об этом не должен. А ты знаешь, как много все может стоить, сколько людей может потребоваться привлечь?

—Было бы неплохо,—ответила она.

—Ну, прямо предположим, у тебя есть биография, написанная, как сценарий,—двадцать лет жизни, каждый день, каждый час, за который можно отчитаться. И тогда ты должна сделать так, чтобы ребенок, с самого момента рождения, был окружен людьми, которые должны играть по этому сценарию—и которые никогда не позволят произойти чему-то, чего нет в нем, никогда не позволят ему что-то узнать.

—То, что надо! То самое!—воскликнула она.

Он вскочил и обругал ее. Он сказал:

—Я не собираюсь разрабатывать сценарий, помешанная, чокнутая на любви девчонка, я против!

—Еще, есть что-нибудь еще!—страстно восклицала она.—Кеогх, Кеогх, очень прошу, попытайся. Как мы начнем? В первую очередь с чего? Быстро, Кеогх.

Он изумленно взглянул на нее, будто пораженный молнией, потом рухнул на скамью и начал слабо смеяться. Она села рядом с ним, взяла за руку, глаза ее пылали. Спустя некоторое время он

пришел в себя и повернулся к ней. Онпил сияние этих глаз некоторое время, а затем, его мозг заработал снова... о бизнесе Уайков...

—Основной источник сведений о нем,—сказал он наконец вряд ли долго будем с нами... Лучше бы сказать Рэтберну снять его с инъекций морфия. Он должен быть в состоянии думать и вспоминать.

—Хорошо,—сказала она.—Хорошо.

Когда боль стала слишком сильной, чтобы позволить ему спокойно вспоминать, они снова попробовали вводить небольшие дозы морфия.

На некоторое время удалось найти шаткое равновесие между собранностью и агонией, однако последняя наступала. Тогда они перерезали его спинномозговую нерв, чтобы он ничего не чувствовал. Подключили людей—психиатра, стенографисток, даже профессионального историка.

В перестроенном сарае Вебер испытывал носителей: зверей, коров, обезьян—все, до чего только мог додуматься. Он получил кое-какие результаты—но ни одного хорошего. Он пытался использовать и людей. Но не смог преодолеть барьер несовместимости тела—матка не хотела поддерживать чуждый ей зародыш, ничуть не более, чем рука—пересаженный чужой палец.

Тогда он попытался использовать питательные растворы. И перепробовал их великое множество. В конце концов нашел один, который подошел.

Им оказалась плазма крови беременных женщин.

Он разместил наилучшие из полученных квази-яйцеклеток между кусками стерилизованной замши. Создал автоматику, которая по каплям вливала плазму в артериальном ритме, и всасывала отработанную в венозном, поддерживала температуру тела.

В один из дней пятьдесят зародышей погибли из-за того, что в одном из адгезивов был использован хлороформ. Когда оказалось, что свет на зародыши действует неблагоприятно, Вебер создал контейнеры из бакелита.

Когда обычная фотосъемка ничего не дала, он создал новый тип пленки, чувствительный к теплу—первую инфракрасную фотопленку. Жизнеспособные зародыши на шестидесятый день жизни показывали наличие развивающихся глаз, спинного мозга, рук и бьющееся сердце. Каждый по отдельности и все они вместе потребляли, а точнее плавали в галлоне плазмы за день, и в один момент их было семьдесят четыре тысячи сто штук.

А затем они стали умирать—одни деформировались, другие были химически не сбалансированы, и еще многие из них—по причинам слишком тонким—даже для Вебера и его персонала.

А когда он сделал все что мог, когда оставалось только ждать и наблюдать—у него были зародыши в возрасте семи месяцев, развивающиеся нормально.

Двадцать три штуки.

Гай Гиббон к тому времени был уже давно мертв.

Его вдова пришла к Веберу, устало положила перед ним кипу статей и докладов, приказав их прочесть.

Она умолила позвонить ей, как только он закончит.

Он прочел и позвонил ей.

Он отказался выполнить то, что она просила.

Она надавила на Кеогха. Он отказался иметь что-либо общее с этой идеей. Она заставила изменить его отношение к этому. Кеогх, в свою очередь, заставил Вебера.

И снова в каменном амбаре зарычали машины и началось новое строительство.

Криотанк имел внутренние размеры: четыре фута на шесть, окруженный катушками и контрольным оборудованием.

Они поместили ее внутрь.

К этому времени зародышам было восемь с половиной месяцев. Осталось четверо.

Один выжил.

Примечание автора:

Читателю, особенно читателю, которому чуть больше двадцати, позвольте задать вопрос—имели ли вы когда-нибудь ощущение, что вами пытаются командовать? Когда вы хотели что-то сделать, на вашем пути возникали всевозможные препятствия, до тех пор, пока вы не сдавались.

В то же время, с другой стороны, некоторые иные желанные вещи, становились легко доступными для вас?

Когда-нибудь замечали, что вроде бы совсем незнакомые люди знают кто вы?

Когда-нибудь встречались с девушкой, которая вызывала в вас взрыв чувств, которой вроде бы вы нравились—и которая таинственным образом исчезала из вашей жизни, словно ее и не должно быть в каком-то сценарии?

Что ж, у всех нас бывали подобные ощущения. И все же, если вы прочли вышеизложенное, то должны согласиться—все это несколько более удивительно, чем просто история. В чем-то похоже на аналогию, не так ли?

Ведь не обязательно должен быть замок или старый плавающий бассейн. И имена изменены, чтобы защитить невинного...автора. Потому, что уже могло подойти время ей проснуться, повзрослевшей лишь на два—три года в своем двадцатилетнем холодном сне.

И когда она тебя встретит, это будет величайшим событием, когда-либо происшедшим с тобой за последнее время.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ Книга 1

Глава I	5
Глава II	14
Глава III	23
Глава IV	34
Глава V	46
Глава VI	51
Глава VII	59
Глава VIII	66
Глава IX	72
Глава X	82
Глава XI	94
Глава XII	99
Глава XIII	108
Глава XIV	118
Глава XV	125
Глава XVI	136

«ВРАТА» МИРОЗДАНИЯ Книга 2

Глава I	153
Глава II	159
Глава III	165
Глава IV	171
Глава V	177
Глава VI	184
Глава VII	189
Глава VIII	197
Глава IX	203
Глава X	209
Глава XI	212
Глава XII	225
Глава XIII	235
Глава XIV	240
Глава XV	248
Глава XVI	252

Ф24 Филип Дж. Фармер

Серия «Многоярусный мир»: «Создатель Вселенной»,
«Врата Мироздания» Романы, СПб.; филиал «Васильев-
ский остров» объединения «Всесоюзный молодежный
книжный центр». 1992.—304 с.

ISBN 5-7012-0311-5

В книгу вошли два первых романа известного
американского писателя-фантаста из серии «Многоярусный
мир».

Ф 4703010100 без объявл.
022(01)-92

ББК 84.7 США

Филип Дж. Фармер

**СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ
ВРАТА МИРОЗДАНИЯ**

Романы

Технический редактор *О. Цветков*
Корректоры *Н. Суровцева, Н. Гурова*

Сдано в набор 1.12.91. Подписано в печать 26.01.92. Формат 60×88^{1/16}. Бумага офсетная. Гарни-
тура «Тип таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0. Усл. кр.-отт. 38,0. Уч.-изд. л. 19,00.
Тираж 100000 экз. Заказ № 108. Цена договорная.

Филиал «Васильевский остров» объединения «Всесоюзный молодежный книжный центр»:
191028, С-Пб., Манежный пер., 2 совместно с АО «МСТ»

РТГИЦ «ТОКСИ»: 193015, С-Пб., ул. Салтыкова-Щедрина, 41, кафедра токсикологии РТГИЦ

Отпечатано в типографии им. И. Е. Котлякова издательства «Финансы и статистика»: 195273, Санкт-
Петербург, ул. Руставели, 13.

Коллегия составителей
совместно с МГП «АЮ»

ГОТОВИТ К ВЫХОДУ

5-й выпуск
«Клуба любителей фантастики»:

Филипп Дж. Фармер

«МНОГОЯРУСНЫЙ МИР»

том 2

роман 3— «Личный космос»
роман 4— «За стенами Терры».

Вас ждет продолжение увлекательной эпопеи
знаменитого американского писателя-фантаста,
рассказывающее о дальнейшей судьбе героев,
с которыми Вы познакомились
прочитав первый том серии.